

Doktori (PhD) értekezés

**Венгерские мотивы в литературно-философском творчестве
Григория Саввича Сковороды**

Vozdvizenszkij Vagyim Olegovics

Debreceni Egyetem

BTK

2013

Венгерские мотивы в литературно-философском творчестве Григория Саввича Сковороды

Értekezés a doktori (Ph. D.) fokozat megszerzése érdekében
irodalom- és kultúratudományok tudományágában

Írta: Vozdvizenszkij Vagyim Olegovics okleveles angol-francia nyelvtanár

Készült a Debreceni Egyetem Irodalomtudományok Doktori Iskola,
Magyar és összehasonlító irodalomtudományi doktori program (Szláv irodalomtudományi
alprogram) keretében

Témavezető: Dr. Goretity József

(olvasható aláírás)

A doktori szigorlati bizottság:

elnök: Dr.....
tagok: Dr.....
Dr.....

A doktori szigorlat időpontja: ...

Az értekezés bírálói:

Dr.....
Dr.....
Dr.....

A bírálóbizottság:

elnök: Dr.....
tagok: Dr.....
Dr.....
Dr.....
Dr.....

A nyilvános vita időpontja: ...

Köszönetnyilvánítás

Köszönetemet szeretném kifejezni témavezetőmnek, Dr. Goretity Józsefnek, aki értékes útmutatásokkal látott el kutatásomban, nagy türelemmel ösztönzött dolgozatom megírása során.

Köszönöm lektoraimnak, bírálóimnak és opponenseimnek, Prof. Dr. Roman Vlagyimirovics Vaszkónak, Prof. nadzw. dr hab. Władysław Tabasznak, Prof. emeritus Dr. Imre Lászlónak, Dr. Szűcs Olgának és Dr. habil. Kiss Lajos Andrásnak, akik kijavították az esetleges hiányosságaimat vagy véleményükkel hozzájárultak kutatásom fejlődéséhez, a dolgozat szövegének igényesebbé tételéhez.

Szeretném megköszönni néhai Dr. Grigorij Mitrofanovics Verbának, Szkovoroda egyedülálló kutatójának, az inspiráló ötleteket és a kutatással kapcsolatos megjegyzéseket.

Köszönöm Gönczy Monikának, az IDI iskolatitkárának támogatását, segítségét.

Én, Vozdvizenszkij Vagyim Olegovics, teljes felelősségem tudatában kijelentem, hogy a benyújtott értekezés önálló munka, a szerzői jog nemzetközi normáinak tiszteletben tartásával készült, a benne található irodalmi hivatkozások egyértelműek és teljeseek. Nem állok doktori fokozat visszavonására irányuló eljárás alatt, illetve 5 éven belül nem vontak vissza tőlem odaítélt doktori fokozatot. Jelen értekezést korábban más intézményben nem nyújtottam be és azt nem utasították el.

Vozdvizenszkij Vagyim Olegovics

Содержание

1. Основные проблемы и цели современного изучения Сковороды.....	5
2. Венгерский период и его место в биографии Сковороды	9
3. Анализ творчества Сковороды в книге Чижевского <i>Філософія Г.С.Сковороди</i>	34
4. Сковорода и педагогическое наследие Коменского	59
5. Влияние шарошпатакской философской школы на мировоззрение Сковороды.....	75
6. Литературный анализ духовной поэзии Сковороды (<i>Сад божественных п'їсней</i>).....	87
7. Литературный анализ эзоповской прозы Сковороды (<i>Басни Харьковскія</i>)	111
8. Литературный анализ экзегетических трактатов, диалогов и притчей Сковороды	125
9. Литературный анализ латинских переводов Сковороды	175
10. Сковорода и последующая литературно-философская мысль	204
11. Глоссарий славянизмов и иностранных заимствований Сковороды	262
12. Библиография	284
13. Список условных сокращений	288

1. Основные проблемы и цели современного изучения Сковороды

Сковорода стоит у самого порога русской мысли. Он первый творчески начинает то, что потом гениально растет, множится и цветет. Блеск и величие последующего ни мало не должно заслонять его скромную, но героическую фигуру и отнимать у него хоть частицу славы и признания, которые ему подобают.

(Эрн)

Литературно-философское творчество Григория Саввича Сковороды, великого поэта, педагога и мыслителя эпохи Просвещения, более двести лет привлекает внимание русских, украинских и венгерских литературоведов. Несмотря на значительный промежуток времени и множество научных работ, имя этого талантливого мастера художественного слова вновь заставляет о себе говорить, что объясняется теми культурными процессами, которые протекают как внутри объединенной Европы, так и по обе стороны новых политических границ, позитивно влияя на динамику развития международных связей между Россией, Украиной и Венгрией. Своими корнями наследие Сковороды уходит в глубь восемнадцатого века, что делает данное исследование достаточно актуальным для студентов славянской филологии на всех уровнях национального образования. Цитируя изречение древнеримского поэта Горация: *Non omnis moriar*¹ в эпитафии к биографии Сковороды, Коваленский был уверен, что память о его духовном наставнике переживет не одно поколение на всем необъятном пространстве, берущем свое начало у надгробного камня этого вечного странника мысли в имении Пан-Ивановка слобожанского помещика Ковалевского, уникального центра символической вселенной с ее «коперниковскими сферами и мирами». По воспоминаниям его близких друзей, исполнив все согласно обрядному уставу на рассвете того холодного октябрьского утра 1794 года, Сковорода завещал похоронить себя на холме возле рощи, скромно написав на могиле следующие слова: «Мір ловил меня, но не поймал».² Действительно, никому и никогда не удалось завлечь в свои идеологические сети этого «благодарного Еродия», а его рукописи облачить в оскорбительные рамки официальной цензуры. Никто не вправе называть его исключительно русским или украинским творцом, ведь он так

¹ Нет, весь я не умру (лат.).

² Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 2, с. 473.

искренно признавался в своей сыновьей любви к Унгарии и ее Токайским садам с их неповторимым «золотым нектаром». Будучи придворным уставщиком Императорской комиссии венгерских вин при генерал-майоре Вишневском в Токае, он задумал целую палитру красочных строк, ярко отражающих повседневный быт простых венгров, так похожих на его родных малороссов. Во времена правления российских императриц Елизаветы и Екатерины II, Сковорода стал истинным последователем пансофического учения Коменского, гениального моравского эдукатора семнадцатого века. О нем с уверенностью можно сказать, что он жил как учил, и учил как жил, воспитав на личном примере достойную плеяду дворянской интеллигенции, впоследствии основавшей университет в Слободской Украине. Сегодня на его родине действует два высших учебных заведения, с почетом носящие его славное имя – это Переяслав-Хмельницкий и Харьковский государственные педагогические университеты. В первом из них, являвшемся тогда коллегиумом, он составил новаторское руководство по преподаванию пиитики, построив его на протестантской поэзии Мюре, общепризнанного новолатинского поэта и оратора шестнадцатого века, которому поклонялись французская королевская чета Генриха II и Екатерины Медичи, Папа Римский Григориан XIII, венгерско-польский король Иштван Батори и другие. Его переводы муретовских *Hymni Sacri*³ по праву считаются классическими образцами поэтического слога восемнадцатого века, как, например, *In Natalem Iesu*,⁴ что в оригинале рождественский псалм *In Natali Domini*.⁵ Это старинная праздничная колядка, относящаяся к периоду раннего Ренессанса, всемирно известная как английская *Silent Night*, французская *Sainte Nuit*, немецкая *Stille Nacht*, венгерская *Csendes éj*, польская *Cicha noc*, русская *Ночь тиха*, украинская *Tuxa nič* и т.д.

Выражаясь языком современности, Сковорода выступил первым диссидентом на тернистых шляхах Российской империи, не пожелавшим идти в ногу с темной поповской диктатурой, бросив открытый вызов церковным цензорам эмблематическим иносказанием. Его запрещенные произведения, как политический самиздат, превратились в неисчерпаемый источник христианских

³ Священные гимны (лат.).

⁴ В День рождения Иисуса (лат).

⁵ В День рождения Господа (лат).

символов и идей, вдохновивших на творческое созидание не один десяток художников-нарраторов независимо от их этнического происхождения и социальной принадлежности. Это он дал миру Котляревского и *Наталку-Полтавку*, Гоголя и *Мертвые души*, Шевченко и *Близнецы*, Тургенева и *Дворянское гнездо*, Достоевского и *Бесы*, Толстого и *Воскресение*, Чехова и *Вишневый сад*, Булгакова и *Мастера и Маргариту*, Горького и *Жизнь Клима Самгина*, Пастернака и *Доктора Живаго*, Солженицына и *Один день Ивана Денисовича* и т.д. Лишь немногие спустя годы признавались в юношеском плагиате его литературных образов, и только бывший моринцкий крипак, выдающийся автор украинского *Кобзаря*, воздал должное его забытому имени в чудном вирше к верному другу, переяславскому фельдшеру Казачковскому: «Давно те діялось. Ще в школі, таки в учителя-д'яка, гарненько вкраду п'ятака – бо я було трохи не голе, таке убоге – та й куплю паперу аркуш. І зроблю маленьку книжечку. Хрестами і везерунками з квітками кругом листочки обведу. Та й списую Сквороду або три царіє со дари...».⁶ Не было такой хаты в его ридной Малороссии или мазанки в милой ему Слобожанщине, где бы рядом с иконами Божьей Матери и Святого Николая Угодника не висел его скромный портрет, на который от мала до велика, как на Всевышнего, денно и ночью молились о помощи в трудную годину.

Литературно-философское творчество Сквороды традиционно делится на три основные части: духовную поэзию сборника *Сад божественных п'єсней*, эзоповскую прозу сборника *Басни Харьковскія* и экзегетические трактаты, диалоги и притчи, включающие интерпретации Госия, Цицерона, Плутарха и Теренция. Далее следует упомянуть его персональную переписку, составляющую 125 писем, из которых 79 адресовано Коваленскому, 14 Правицкому и 32 различным лицам, таким как Якубович, Ляшевецкий, Жебокрицкий, Максимович, Базилевич, Тамара, Долганский, Тевяшов, Норов, Диский, Карпов, Земборский, Сошальский, Курдюмов, Донец-Захаржевский и другие. Важное место в его наследии занимает биографический очерк Коваленского *Жизнь Григорія Сквороды*, позволяющий понять происходившие вокруг него исторические события и людей, с которыми он

⁶ Шевченко Т., Кобзар. Харьков: Школа, 2007, с. 206. Давно то было. Еще в школе, когда у учителя-д'яка, украв тихонько пятак – а я тогда едва не гол, такой убогий – куплю бумажную тетрадь. И сделаю книжечку небольшую. Хрестами и узорами с цветами вокруг листочком обвиту. Да списую Сквороду или три царіє со дари... (укр.).

общался на протяжении долгих лет. Вслед за ним, благодаря статье *Сковорода – циник нынешнего века*, Гесс де Кальве, уроженец Пешта и профессор философии Харьковского университета, поистине заслуживает почетного звания первого биографа Сковороды в Венгрии, что делает тему *Венгерские мотивы в литературно-философском творчестве Сковороды* еще более занимательной для студенческой молодежи, изучающей славистику. Архивные находки историков Рачинского и Тарди помогают точно разобраться в настоящих причинах многовековой популярности высококачественного токайского Асу, обязательного атрибута на столах знатных российских вельмож.

Средства массовой информации и всемирная сеть предлагают будущим славистам широкий доступ к электронным страницам, дигитализирующим полные издания Сковороды, среди которых рекомендуется двухтомное собрание *Григорій Сковорода, Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973 рік*,⁷ содержащее множество архаических форм русского и украинского языков восемнадцатого века, являющихся отличным материалом для лингвистического анализа языкового стиля этого самобытного поэта, писателя и философа. В его автографах часто встречаются «Ѣ» и «і» перед гласными буквами, а также «ь» после согласных в середине и конце слов. Периодически чередующиеся в начале и середине «і», «и» и «ы», как правило, не составляют особого труда для их правильного произношения. После 1785 года им уже не употребляется «Ѣ», а вместо «ь» ставится апостроф. Кроме этого, в отдельных случаях, он дает фонетическое ударение, помогающее при чтении его аутентичных текстов. Его словарный запас изобилует богатым лексическим разнообразием греческого, латинского, еврейского, польского, венгерского, английского, немецкого, французского, итальянского и турецкого происхождения, что представляет практический интерес с точки зрения изучения этимологии современного русского языка. Для того чтобы быстро найти необходимое произведение, пользователю интернета достаточно указать в поисковой программе www.google.ru *Григорій Сковорода. Сочинения* или посетить веб-страницу www.varsavva.narod.ru.

⁷ Григорий Сковорода, Полное собрание сочинений в 2-х томах. Киев: Научная мысль, 1973 год (укр.).

2. Венгерский период и его место в биографии Сковороды

В любезной моей Унгаріи волами молотят. И что ж воспящает Лукъ быть волом? Не думай, будьто до плотских волов вздорная сія истина касается: «Волу молотящу да не заград[и] уст».

(Сковорода)

Венгерский период является одним из менее изученных, а поэтому требует отдельного внимания для определения объективных причин и источников художественного творчества Сковороды с точки зрения развития русской и украинской литературы восемнадцатого века. К этой теме обращались и ранее, но без конкретного учета географических мест и исторических условий, непосредственно связанных с его служебным пребыванием в Австрии и Венгрии в 1745–1750 годах. Из множества работ биографического характера, прежде всего, следует выделить очерк писателя Коваленского *Жизнь Григорія Сковороды*, вышедший из-под его пера в 1795 году на основании личного опыта ученика и друга Сковороды. Далее нужно отметить статью венгерского профессора Гесса де Кальве *Сковорода – циник нынешнего века*, появившуюся в «Украинском вестнике» в апреле 1817 года вместе с кратким мемуаром швейцарца Вернета *Лопанский мост – отрывок из воспоминаний о Харькове* под общим названием *Сковорода, украинский философ*. Встречаясь со слобожанскими помещиками, а среди них с братьями Сошальскими и семьей Мечниковых, близко знавшими Сковороду, Гесс де Кальве описал тот длинный путь, который, по их рассказам, проделал будущий литератор через Польшу, Пруссию, Германию и Италию. Также важно подчеркнуть труд историка Рачинского *Русские комиссары в Токае в XVIII столетии*, опубликованный в «Русском вестнике» в 1875 году по материалам Главного московского архива Министерства иностранных дел России. В нем впервые было дано полное описание деятельности Императорской комиссии венгерских вин, созданной по указу российской императрицы Анны Иоанновны в июне 1733 года, которую на протяжении многих лет возглавлял генерал-майор Федор Степанович Вишневский, о котором Коваленский так писал в связи с отправлением Сковороды за границу: «От двора отправлен был в Венгрію к Токайским садам генерал-маіор Вишневскій, который для находившейся там греко-россійской церкви хотѣл имѣть

церковников, способных к службѣ и пѣнію. Сковорода, извѣстен знаніемъ музыки, голосомъ, желаніемъ быть в чужихъ краяхъ, разумѣніемъ нѣкоторыхъ языковъ, представленъ былъ Вишневному одобрителю и взятъ имъ в покровительство. Путешествуя с генераломъ симъ, имѣл онъ случай, с позволенія его и с помощію его, поѣхать из Венгріи⁸ в Вѣну, Офен,⁹ Презбург¹⁰ и прочія окольныя мѣста, гдѣ, любопытствуя по охотѣ своей, старался знакомиться наипаче с людьми ученостію и знаніями отлично славимыми тогда. Онъ говорилъ весьма исправно и с особливою чистотою латинскимъ и нѣмецкимъ языкомъ, довольно разумѣл еллинскій, почему и способствовался сими доставить себѣ знакомство и пріязнь ученыхъ, а с ними новыя познанія, каковыхъ не имѣл и не могъ имѣть в своемъ отечествѣ». ¹¹

Располагая уникальными документами и письмами из канцелярской переписки российской императрицы Елизаветы и придворного комиссара Вишневого, Рачинскій сумелъ пролить светъ на малоизвестныя детали, касающіяся пятилетнего нахождения Сковороды в Токае, безъ которыхъ его биографія оставалась бы незаконченною. Согласно его находокъ, императрица Елизавета именнымъ указомъ от 6 апрѣля 1745 года посылала Вишневого для производства и закупокъ токайскаго вина, которое, благодаря военно-политическому союзу Петра I с семиградскимъ княземъ Ференцемъ Ракоци II, приобрѣло небывалую по своимъ размерамъ популярностъ в высшихъ кругахъ Россіи, о чемъ детально пишетъ венгерскій историкъ Тарди в брошюрѣ *Исторія токайской винной торговой комиссіи (1733–1798)*. 20 августа того же года в Государственную коллегію иностранныхъ делъ сообщалось, что с Вишневымъ отбыли следующие лица: «Сынъ его, Новотроицкаго драгунскаго полка поручикъ Гаврилъ Вишневова. Вахмистръ одинъ. Капралъ одинъ. Драгунъ двенадцать. Рейтаровъ два. Да сверхъ того: За адъютанта, Суздальскаго пехотнаго полка сержантъ, князь Федоръ Чегодаевъ.¹² Солдатъ трое. Бочкарей два. Священникъ одинъ. Дьячокъ одинъ. Собственныхъ его, генерал-майора, служителейъ девять человекъ. Всего, значитъ, в Венгрію, для выделки или покупки вина и отправки его ко Двору, ехало в 1745 году «добрыхъ,

⁸ Верхняя Венгрія.

⁹ Австрійское названіе Буди.

¹⁰ Австрійское названіе Братиславы.

¹¹ Там же, т. 2, с. 440–441.

¹² Позже смененный императорскимъ указомъ на курьера Ивана Мейера.

молодых и грамотных» тридцать пять человек».¹³ Из письменного донесения в Санкт-Петербург видно, что в сопровождении Вишневого имелось два церковнослужителя, одним из которых долгое время считался Сковорода. Украинский исследователь Бородий в статье «Белые пятна» биографии Г.Сковороды опровергает подобное мнение, ссылаясь на работу Харламовича *Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь*, и при этом называет имена вышеупомянутых священников: Корнелий Романов и Михаил Никитин.¹⁴

Одна из задач данного исследования заключается в том, чтобы определить официальную должность Сковороды, которую он занимал в Императорской комиссии, и с кем из венгерских ученых он мог встречаться, так как точной информации по этому поводу практически не сохранилось. Причиной этому может быть тот факт, что наряду с внешнеэкономическими целями преследовались и внешнеполитические, выражающиеся в широкой религиозной агитации среди славяноязычных австрийцев и венгров, т.е. рацов, или сербов, направленной на их массовое переселение в свободные юго-западные волости России для создания там Новой Сербии. Этот план был с успехом осуществлен в июле 1751 года под умелым руководством сербского полковника Хорвата, впоследствии генерала и первого главы Новосербской губернии, при взаимном согласии австрийской эрцгерцогини Марии Терезии и российской императрицы Елизаветы, готовящихся объявить Семилетнюю войну Пруссии.¹⁵ В надежде на лучшую жизнь и получение плодородных земель, тысячи выходцев из различных балканских и трансильванских регионов эмигрировало из Австрии и Венгрии на территорию современной Кировоградской области Украины, где и сегодня проживают их генетические потомки. Вполне возможно, что Сковорода мог сыграть активную роль в подготовке этого этнического процесса, пребывая на службе в Токайских садах с 20-х чисел сентября 1745 года по 8 сентября 1750 года, по хронологическим подсчетам украинского биографа Махновца, автора книги *Григорій Сковорода*.¹⁶

¹³ Рачинский А., Русские комиссары в Токае в XVIII столетии. Русский вестник, 1875, с. 8–9.

¹⁴ Бородий Н., «Білі плями» біографії Г.Сковороди (З новознайденних архівних документів). Сковорода Григорій: ідейна спадщина. Київ: Інститут філософії НАН України, 2003, с. 546.

¹⁵ Tardy L., A tokaji Borvászárló Bizottság története (1733–1798). Rákóczi Múzeum. Sárospatak, 1963, с. 74.

¹⁶ Махновець Л., Григорій Сковорода. Біографія. Київ: Наукова думка, 1972, с. 48.

Из очерка Коваленского также известно, что Сковорода ранее служил в Императорской хоровой капелле, постоянно действующей с 1479 года, состав которой, по давно сложившейся традиции, набирался из наиболее талантливых малороссийских казаков: «Тогда царствовала императрица Елисавет, любительница музыки и Малороссіи. Дарованія Сковороды к музыкѣ и отмѣнно приятный голос его подали случай быть ему выбрану ко двору в пѣвческую музыку, куда и отправлен был он при вступленіи на престол государыни. Он недолго находился там. Императрица скоро предпріяла путешествіе в Кіев и с нею весь круг двора. Сковорода, прибыв туда при возвратном отбытіи двора в С.-Петербург, получа увольненіе с чином придворнаго уставщика, остался в Кіевѣ и паки начал учиться».¹⁷ Бородию удалось одновременно установить точный срок певчей службы Сковороды: с 12 октября 1742 года по 13 сентября 1744 года, что не менее важно для определения времени его пребывания в Императорской комиссии венгерских вин в Токае.¹⁸

В разделе о чинах краткого словаря Ливенцева о государственной службе Московского государства и Российской империи можно прочитать, что придворный уставщик, кем официально являлся Сковорода, отвечал за содержание домовых церквей и часовен в царских дворцах и порядок организации церковных служб. В середине восемнадцатого века этот титул, считавшийся почетным рангом, присваивался певчим и музыкантам, служившим при дворе, вместе с западноевропейским чином мундшенка (от нем. *mundschenk*¹⁹), а до 1845 года он, в дополнение к остальным привилегиям, означал получение личного дворянства.²⁰ В письме от 25 января 1754 года, адресованном Сковороде из Москвы, его друг Каноровский-Соха обращается к нему следующим образом: «Сердечному другу и пріятелю моему Григорію Ивановичу (!) его благородію, Сковородѣ, или Саввину, или Дунаевскому...».²¹ «Ваше благородие» – так в действительности титуловались придворные уставщики, среди которых особо известными были ученик

¹⁷ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 2, с. 440.

¹⁸ Бородій Н., «Білі плями» біографії Г.Сковороди (З новознайденних архівних документів), Сковорода Григорій: ідейна спадщина. Київ: Інститут філософії НАН України, 2003, с. 543.

¹⁹ Виночерпий (нем.).

²⁰ Ливенцев Д., Краткий словарь чинов и званий государственной службы Московского государства и Российской империи в XV—начале XX вв. Категория: Чины.

²¹ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 2, с. 555.

Ломоносова, поэт и певец Голеневский, дослужившийся до коллежского асессора, и Ладунка, один из немногих светских композиторов восемнадцатого века, составивший и сохранивший нотные записи большого количества редких русских народных песен.²² Что касается музыки и игры на музыкальных инструментах, то, по воспоминаниям Коваленского, Сковорода «...сочинил духовные концерты, положи некоторые псалмы на музыку, так же и стихи, пѣваемые во время литургии, которых музыка преисполнена гармоніи простой, но важной, проникающей, плѣняющей, умиляющей. Он имѣл особую склонность и вкус к акроматическому роду музыки. Сверх церковной, он сочинил многія пѣсни в стихах и сам играл на скрипкѣ, флейтраверѣ, бандорѣ и гусях приятно и со вкусом».²³ Этим подтверждается тот факт, что, благодаря высоким профессиональным качествам, Сковорода был взят придворным уставщиком в свиту Вишневого, о чем сообщалось в письме от 20 августа 1745 года в Государственную коллегию иностранных дел кабинет-министром бароном Черкасовым: «Собственных его, генерал-майора, служителей девять человек».²⁴ Именно здесь следует искать так называемый «венгерский след» Сковороды, что и подчеркивается Коваленским: «Путешествуя с генералом сим, имѣл он случай, с позволения его и с помощію его, поѣхать из Венгрии в Вѣну, Офен, Пресбург и прочія окольныя мѣста...».²⁵ Итак, его самостоятельные путешествия по Австрии, Венгрии и Западной Европе, в целом, без придворного комиссара, на которые часто ссылаются многие биографы, были полностью исключены, так как, не имея паспорта и проездных документов, он был лишен всякой возможности для реального свободного передвижения. В то время Вена, Офен и Пресбург являлись главными центрами государственной власти и посещались Вишневым в связи с разрешением судебных споров из-за незаконно арендованных им домов и виноградников. Поскольку все высшие юридические инстанции были в Пресбурге, то вердикты, принятые Шаторальяуйхельским и другими земскими судами, могли быть обжалованы только там. Российско-австрийскими дипломатическими отношениями в те годы

²² Ливенцев Д., Краткий словарь чинов и званий государственной службы Московского государства и Российской империи в XV—начале XXвв. Категория: Чины.

²³ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 2, с. 459.

²⁴ Рачинский А., Русские комиссары в Токае в XVIII столетии. Русский вестник, 1875, с. 9.

²⁵ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 2, с. 441.

командовал Ланчинский, тайный советник и чрезвычайный посол Императорского двора в Вене, с которым не раз встречался придворный комиссар, а под «...прочія окольные мѣста...»²⁶ могут пониматься его деловые поездки в соседнюю Польшу и Северную Италию, или земленские деревни и города, считающиеся традиционными центрами токайского виноделия: Токай, Гарцал, Мезезомбор, Мад, Талля, Абауйсанто, Бодрогкерестур, Оласлиска, Тольчва, Эрдебень, Шарошпатак и Шаторальяуйхель. В некоторых из них он планировал «...купить три двора с удобными при них погребями и орудиями» – пишется в донесении от 10 октября 1745 года.²⁷ Располагая многолетним опытом поставок токайского вина, он стремился отправлять молодые вина по суше через Кашшу,²⁸ Пряшев, Дуклу, Кросно, Жешув, Ярослав, Львов, Броды, Шепетовку, Бердичев, Каменку, Фастов, Васильков, Киев, Севск и Москву, а старые выдержанные по морю через балтийский порт Гданьск в Петергоф на императорском пакетботе, специально присланном из Санкт-Петербурга каждой весной. Владение польским, немецким и итальянским языками, а также его великолепные артистические данные, делали Сквороду абсолютно незаменимым во время официальных приемов и званых обедов, на которые часто приглашался Вишне夫斯基, больше известный в светских кругах как «московский генерал». Своим пребыванием в Токае с декабря 1729 года, он фактически стал внешнеторговым представителем России, первым организовав весь сложный процесс производства «...сухогрозного вина, *Aussbruch* ²⁹ называемого...»,³⁰ или *vinum regum – rex vinorum*,³¹ с 1630 года завоевавшего большую славу и популярность у российских самодержцев и европейских правителей. Это им была предложена идея создания Императорской комиссии венгерских вин, просуществовавшей шестьдесят пять лет, регулярно снабжая высококачественным токайским Асу, о котором императрица Елизавета весьма откровенно признавалась в указе от 8 ноября 1745 года: «А ежели возможно, хотя б

²⁶ Там же.

²⁷ Рачинский А., Русские комиссары в Токае в XVIII столетии. Русский вестник, 1875, с. 11.

²⁸ Венгерское название Кошицы.

²⁹ Сорт десертного токайского вина Асу, не поддающегося окислению, для приготовления которого виноградные гроздья оставляются на лозе для постепенного превращения в изюм (нем).

³⁰ Там же, с. 17.

³¹ Вино королей – король вин (лат.).

три антала ³² на почте прислать, что здесь такая нужда, что негде сыскать невозможно, а я обойтита без онога не могу, что и вы известны». ³³

В 1768 году, посещая графство Земплен, английский путешественник Сильвестер Дуглас, лорд Гленберви, сделал следующие наблюдения в географическом очерке *On the Tokay and other wines of Hungary*:³⁴ «В течение последних 20 лет Двор Петербурга имеет агента, постоянно живущего в Токае, с целью приобретения вина. Настоящий агент является майором на русской службе, а прежний был генерал-майором. Он по обыкновению закупает каждый год от 40 до 60 анталов из Аусбрух, но никогда любого другого сорта». ³⁵ Пребывая в Токае или сопровождая Вишневого, Сковорода тоже уделял внимание социально-экономическим процессам, протекавшим в Австрии, Венгрии, Польше и Италии, которые он сравнивал с условиями жизни в России. Он замечал буквально все, что видно из его поэтических и прозаических произведений, для написания которых он мог вести путевые записки, соответствующие его интеллекту и уже сложившимся политическим взглядам на петербургское общество. Это еще объяснялось его происхождением и образованием, благодаря которому он стоял значительно выше большинства людей, находившихся с ним на службе. Вот как вспоминает о его семье Коваленский: «Григорій, сын Савы, Сковорода родился в Малой Россіи, Кіевскаго намѣсничества, Лубенской округи, в селѣ Чернухах в 1722 году. Родители его были из простолюдуства: отец – козак, мать – такого же рода. Они имѣли состояніе мещанское, посредственно достаточное, но честностію, правдивостію, страннопріимством, набожеством, миролюбивым сосѣдством отличались в своем кругѣ». ³⁶ В указе императрицы Елизаветы от 2 мая 1743 года о привилегиях певчим Императорской хоровой капеллы приводится полное имя матери Сковороды, дочери казацкого полковника: «...Пелагея Степановна дочь Шенгереевна...», ³⁷ а в книге украинского биографа Багалея *Український*

³² Винная дубовая бочка емкостью 75 л (от фран. antheil).

³³ Рачинский А., Русские комиссары в Токае в XVIII столетии. Русский вестник, 1875, с. 10–11.

³⁴ О Токайском и других винах Венгрии (анг.).

³⁵ Douglas S., On the Tokay and other wines of Hungary. Philosophical Transactions, 1773, с. 298. For these last 20 years the Court of Petersburg has had an agent, who resides constantly at Tokay, for the purpose of buying wine. The present agent is a major in the Russian service, and the formerly was a major-general. He commonly purchases every year from 40 to 60 antheils of Ausbruch, but never of any other sort.

³⁶ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 2, с. 440.

³⁷ Бородій Н., «Білі плями» біографії Г.Сковороди (3 новознайдених архівних документів). Сковорода Григорій: ідейна

мандрованний філософ Г.С.Сковорода ³⁸ дається ссылка на Ігната Кирилловича Полтавцева (или Полтавца), імператорського камер-фур'єра і родственика Сковороди по материнській лінії, користувача певним впливом в Санкт-Петербурзі.³⁹ Читая указ Петра I от 26 июля 1710 года, приведенный в статье Рачинского, можно встретить имя Саввы Григоровича (или Григорьева), греческого купца, служившего в Варшаве, которому для Дашкова, імператорського резидента при польском коронном гетмане Синявском, «...предписывалось заготовить посланным квартиры, а во Гданске для вина погреба».⁴⁰ После этого, в 1716 году, он был отправлен в Венгрию для организации новых винных поставок. В імператорських рескриптах і указах вісімнадцятого століття, в першу чергу, згадувалися імена і отчеств подданных імператору осіб, а тому можна передбачити, що він міг бути батьком Сковороди, що стало однією з причин його швидкого зарахування в Імператорську комісію угорських вин Вишневским, який був з ним особисто знайомий з 1730 року: «И здесь посредником между подскарбием и Вишневским, по пересылке к нему паспортов, является, уже не в Варшаве, а в Ярославле живущий Грек, Савва Григорьев».⁴¹ Близкое родство всегда являлось лучшей рекомендацией для продвижения по служебной лестнице, в результате чего целые семейные династии служили верой и правдой царю и отечеству на протяжении многих десятилетий. Также, по утверждению Гесса де Кальве, известно, что отец Сковороды был очень бедным священником.⁴² На эту должность, как правило, выбирались самые грамотные из казацкой старшины, что было другой характерной особенностью того времени, а их дети имели право на бесплатное обучение в церковно-приходских школах. Коваленский так ссылается на эту деталь в биографии Сковороды: «...сын их Григорій по сьдмому году от рожденія примѣтен был склонностію к Богочтенію, дарованіем к музыкѣ, охотою к наукам и твердостію духа. В церквѣ ходил он самоохотно на крилос и пѣвал отмѣнно, приятно... По охотѣ его отец отдал его в Кіевское училище, славившееся

спадщина. Київ: Інститут філософії НАН України, 2003, с. 537.

³⁸ Украинский странствующий философ Г.С.Сковорода (укр.).

³⁹ Багалей Д., Український мандрованний філософ Г.С.Сковорода. Держвидав України, 1926, с. 27.

⁴⁰ Рачинский А., Русские комиссары в Токае в XVIII столетии. Русский вестник, 1875, с. 4.

⁴¹ Там же, с. 5.

⁴² Кальве Г., Вернет И., Сковорода, украинский философ. Украинский вестник, 1817, ч. 6, апрель, с. 106–119.

тогда науками. Григорій скоро превзошел сверстников своих успѣхами и похвалами. Митрополит Кіевскій Самуил Миславскій, человек отличной остроты разума и рѣдких способностей к наукам, будучи тогда соучеником его, оставался во всем ниже его, при величайшем соревнованіи своем». ⁴³ В отношении родных братьев и сестер Сковороды, можно привести цитату из притчи *Благодарный Еродій*: «...Сколько вас у отца и матери чад?.. Я и мнѣйшій мене брат Ерогас и сестра Киконіа...». ⁴⁴ Несмотря на всю образность данного высказывания, мало кто из биографов обращал на это внимание, исследуя его генеалогическое древо, хотя известно, что брат Сковороды Степан жил в Северной Столице. В письме к Коваленскому в экзегетическом трактате *Книжечка о чтеніи Священн[аго] Писанія, нареченна Жена Лотова* пишется о его двоюродном брате Иустине Зверяке, игумене Киево-Печерской Лавры, а позже настоятеле Пустынно-Никольского монастыря, ⁴⁵ сыновья которого Остап и Петр стали врачами, получившими медицинское образование на родине и зарубежом.

Перед отправлением в Венгрию, Сковорода провел несколько лет в Киевской духовной академии, основанной митрополитом Петром Могилой в 1632 году. Это было первое высшее учебное заведение в Правобережной Украине и крупнейший образовательный и научно-культурный центр Восточной Европы, в котором преподавались церковнославянский, латинский, греческий, русский, польский, немецкий, французский, еврейский, история, литература и т.д. Академический курс, состоящий из двенадцати лет обучения, делился на восемь классов: четыре младших, два средних и два старших, называвшихся аналогия, или фара, инфима, грамматика, синтаксима, пиитика, риторика, философия и богословие. В 1742 году уже насчитывалось 1234 студента, а также имелась богатая библиотека, включающая свыше 10000 уникальных томов, изданных в университетах Парижа, Лондона, Рима, Болоньи, Амстердама, Страсбурга, Гамбурга, Галле, Берлина, Лейпцига, Варшавы, Кенингсберга и т.д. На мемориальной доске старого здания академии на Подоле высечены имена великого русского ученого Ломоносова, работавшего там осенью 1734 года, и

⁴³ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 2, с. 440.

⁴⁴ Там же, с. 101.

⁴⁵ Там же, с. 32.

выдающегося украинского философа и поэта Сковороды, обучавшегося в 1744–1750 годах. Согласно архивным находкам Рачинского и Тарди, можно с уверенностью заявить, что вышеуказанный период не соответствует исторической истине, поскольку в тот момент Сковорода находился на службе в Токае, о чем свидетельствуют сохранившиеся сегодня данные. Подобная биографическая путаница могла быть вызвана буквенным сокращением «Г.М.», т.е. генерал-майор, перед именем Вишневого: «20-го августа того же года, из Киева, Г.М.Вишневской доносил Государственной коллегии иностранных дел что посланные ему оттуда для сведения списки рескриптов государыни: 1) в Вену, тайному советнику и чрезвычайному посланнику Ланчинскому; 2) в Дрезден, тайному советнику обер-гофмаршалу и полномочному министру графу Бестужеву-Рюмину; 3) в Варшаву, к резиденту Петру г.Голембовскому, и 4) во Гданск, агенту г.Шереру, относительно данного ему поручения, им получены».⁴⁶ После его смерти, 27 января 1749 года, его сын Гавриил Федорович, в звании полковника, тоже возглавлял Императорскую комиссию венгерских вин, но из-за постоянных судебных конфликтов с официальными властями графства Земплен, унаследованных им от отца, он был вынужден досрочно вернуться в Россию в 1753 году. Большинство исследователей, не имея доступа к государственным архивам, часто принимали аббревиатуру «Г.М.» за «Г.Ф.», т.е. Гавриил Федорович, а, кроме этого, известно, что указом Елизаветы от 20 ноября 1749 года с полковником Вишневым в Токай отправлялись: «...священник один; драгун два; рейтер один; писарей два; да собственных его служителей мужеска и женска пола тринадцать, всего девятнадцать человек».⁴⁷ Вместо умершего в том же году священника Романова был назначен Турчиновский, прибывший из Переяславской епархии.⁴⁸ Всем этим еще раз подтверждается тот факт, что Сковорода действительно находился в Верхней Венгрии в 1745–1750 годах, до этого проучившись около восьми лет в стенах Киевской духовной академии.

⁴⁶ Рачинский А., Русские комиссары в Токае в XVIII столетии. Русский вестник, 1875, с. 8.

⁴⁷ Там же, с. 19.

⁴⁸ Бородій Н., «Білі плями» біографії Г.Сковороди (З новознайденних архівних документів). Сковорода Григорій: ідейна спадщина. Київ: Інститут філософії НАН України, 2003, с. 547.

Среди преподавателей Сковороды следует выделить выпускника академии Симона Тодорского, в миру Симеона Федоровича Теодорского. Вернувшись из университета в Галле, где он шесть лет был учеником востоковеда Михаэлиса, он, в 1738–1741 годах, преподавал ему греческий, древнееврейский и немецкий языки.⁴⁹ В 1742 году, по рекомендации митрополита Киевского и Галицкого Рафаила Заборовского, он был срочно вызван Синодом к Императорскому двору и назначен законоучителем и воспитателем престольного наследника Карла Петера Гольштейна-Готторпского, будущего Петра III. После перехода Петра в православную веру, он оставался его духовником, а с 1744 года был наставником его невесты Софии Фредерики Цербстской, в 1762 году вступившей на престол как Екатерина II.⁵⁰

С 1728 года в академии получает образование Григорий (Георгий) Конисский, который впоследствии избирается профессором пиитики и философии, а с 1755 года он возглавляет Могилевскую епархию в Белой Руси. Сковорода, как и Конисский, обучался во времена высшего культурного расцвета, когда преобладали прогрессивные идеи русских просветителей Кантемира, Татищева и Ломоносова. В первой половине восемнадцатого века российская академическая наука становится на путь рационального изучения мира, а знание классических языков делает доступными произведения Аристотеля, Плутарха, Цицерона, Овидия, Вергилия, Эразма Роттердамского, Коменского и других философов. Одновременно появляется новаторская система силлаботонического стихосложения, успешно разработанная Тредиаковским (*Новый и краткий способ к сложению российских стихов*) и Ломоносовым (*Письмо о правилах стихотворства*),⁵¹ получившая непосредственное отражение в педагогических исканиях молодого поэта и учителя Сковороды, который в 1750 году в Переяславском коллегиуме составляет «...разсужденіе о поезіи и руководство к искусству оной новым образом...» – вспоминает об этом Коваленский.⁵²

⁴⁹ Махновець Л., Григорій Сковорода. Біографія. Київ: Наукова думка, 1972, с. 57.

⁵⁰ Там же, с. 60.

⁵¹ Кашуба М., Георгий Конисский. Москва: Мысль, 1979, с. 21–26.

⁵² Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 2, с. 441.

Летом 1745 года, прервав обучение во второй раз, Сковорода продолжает свое самоусовершенствование в Венгрии. Имеются все основания полагать, что он посещал Шарошпатакский реформаторский коллегиум, находящийся в тридцати пяти километрах от Токая, где, как пишет Коваленский, «...любопытствуя по охотѣ своей, старался знакомиться наипаче с людьми ученостію и знаніями отлично славимыми тогда. Он говорил весьма исправно и с особливою чистотою латинским и нѣмецким языком, довольно разумѣл еллинскій, почему и способствовался сими доставить себѣ знакомство и пріязнь ученых, а с ними новыя познанія, каковых не имѣл и не мог имѣть в своем отечествѣ».⁵³ Украинский историк Штернберг приходит к такому же выводу в работе *Григорий Сковорода в Венгрии*, вышедшей на венгерском языке в 1981 году,⁵⁴ в которой он ссылается на статью русского профессора филологии Снегирева, опубликованную в журнале «Отечественные записки» в 1823 году.⁵⁵ Оба исследователя в своих заключениях повторяют вышесказанное Коваленским, о ком следует еще заметить, что после преподавания пиитики в Харьковском коллегиуме в 1766–1769 годах, он сопровождал графа Алексея Кирилловича Разумовского в его путешествии по Европе, лично проехав места, непосредственно связанные с пятилетним пребыванием Сковороды за границей.⁵⁶

В отношении Шарошпатака нужно добавить, что на протяжении многих столетий он лежал на знаменитом Винном тракте, по которому шло международное торговое сообщение между юго-западом и северо-востоком Европы. В восемнадцатом веке старые ворота коллегиума выходили на главную улицу города, ведущую на базарную площадь перед реформаторской церковью, где всегда было скопление иностранных купцов, перевозящих на конных подводах дубовые бочки с токайским вином в Польшу, Россию, Швецию, Англию и т.д. Согласно монографии венгерского профессора Гуляша *Шарошпатак и его окрестности*, в 1047 году здесь поселилась королевская чета Эндре I и Агмунды (Анастасии), третьей дочери киевского князя Ярослава Мудрого, которая при

⁵³ Там же.

⁵⁴ Váradi-Sternberg J., Századok öröksége. Hrihorij Szkovoroda Magyarországon. Tanulmányok az orosz-magyar és ukrán-magyar kapcsolatokról. Gondolat Kiadó–Kárpáti Kiadó. Budapest–Uzsgorod, 1981, с. 218–219.

⁵⁵ Снегирев И., Украинский философ Григорий Саввич Сковорода. Отечественные записки, 1823, ч. 16, № 42, с. 96–106.

⁵⁶ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 2, с. 524.

венчании получила эти земли в подарок. Городское население быстро росло благодаря выгодному географическому расположению. Племена венгров, пришедшие в Карпатскую долину в 896 году, были встречены славянами, к которым с одиннадцатого века присоединились германские валлоны. В 1201 году король Имре предоставил городу статус королевского с соответствующими привилегиями, скрепленными Иштваном V в 1272 году.⁵⁷ Реформаторское движение, зародившееся в Германии в 1517 году, способствовало основанию в 1531 году капитаном королевской гвардии Петером Переньи лютеранской, а позже кальвинистской школы, в которой преподавание велось в протестантском духе.⁵⁸ Одновременно шел процесс постепенного формирования ценных книжных коллекций, пополнявших знаменитую Большую библиотеку коллегиума, тем самым привлекая внимание иностранных ученых и студентов, таких как Коменский, известный в России под псевдонимом Иоанна Амоса Комения.⁵⁹ Относительно недавно удалось установить настоящее имя этого великого моравского эдукатора венгерского происхождения, Янош Мартин Сегеш, родившегося в Угерском Броде, недалеко от старой границы с Венгрией.⁶⁰ В 1650 году он был приглашен для организации пансофической школы семиградской княгиней Жужанной Лорантффи, вдовой князя Дьордя Ракоци I. В течение четырехлетнего пребывания, им был составлен первый иллюстрированный школьный словарь *Orbis Sensualium Pictus*,⁶¹ который стал основой современного визуального обучения. В философском диалоге Сковороды *Разговор, называемый алфавит, или букварь мира*, написанном в 1775 году, можно найти много общих методологических принципов, несмотря на столетний промежуток времени, разделяющий этих двух педагогов.⁶²

После Сковороды, в стенах этого элитарного учебного заведения побывал Иван Иоакимович Фальковский, позже служивший псаломщиком в Императорской комиссии. Прослушав класс пиитики в Киевской духовной академии, он с отцом,

⁵⁷ Dr.Gulyás J., Sárospatak és Vidéke. A Magyar Városok Monográfiája Kiadóhivatala. Budapest, 1933, c. 12.

⁵⁸ Сентимрей М., Шарошпатак –Москва, 1997.

⁵⁹ Io.Amos Comenii Orbis Visibilis. Иоанна Амоса Комения Видимый мирЪ. Москва, вЪ Университетской типографіи, у Н.Новикова, 1788.

⁶⁰ Szalatnai R., Comenius, akit Szegesnek hívtak. Ifjúsági Magazin, 1972, május, VIII évf., 5. szám.

⁶¹ Мир значений в картинках (лат.).

⁶² Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 1, с. 411–463.

священником Иустином, прибыл в Токай и «...посещал школы Пиаров, где усвоил себе окончательно языки латинский и немецкий. Затем отец послал его в Пресбургскую гимназию, а по кончине отца, в 1779 году, он перешел в Пещ-Буду⁶³ для продолжения учения в тамошнем университете, по окончании коего служил (с мая 1781 года) в канцелярии русского посольства в Вене. Затем возвратился в Токай и поступил в канцелярские нашей Коммиссии, а в начале 1783 года, оставив ее, прибыл в Киев, где поступил преподавателем академии. Чрез три года (1786) принял монашество с именем Иринаея, под которым и сделался известен как лучший из всех своих сотоварищей по учености и преподаванию. В 1804 оставил ректорство и посвящен (1807) в епископы чигиринские, коадьюторы митрополии; 1812, с февраля, епископ смоленский...»⁶⁴ – сообщал о нем в письме Рачинскому его родственник, профессор Московского университета Бодянский. Годы, проведенные в Токайских садах, оставили глубокий след в судьбах этих молодых малороссийских академистов, что отмечалось в их дальнейших успехах на педагогическом и литературном поприще. В подобного рода процессах часто наблюдалась обратная связь в отношении шарошпатакских коллегистов. Так, например, земпленский дворянин Ференц Керестури обучался на медицинском факультете Московского университета в 1762–1764 годах, а затем получил должность карантинного лекаря в городе Бахмут,⁶⁵ являвшемся административным центром Славяносербской губернии на восточном берегу реки Днепр, в 1753–1764 годах заселенной императрицей Елизаветой, а впоследствии Екатериной II, славяноязычными выходцами из Австрии и Венгрии для защиты южных рубежей от постоянного нападения турок и крымских татар. Когда в 1770–1771 годах вспыхнула сильная эпидемия чумы, он самоотверженно спасал жизнь простых казаков, выполняя данную им клятву Гиппократата. В 1777 году он возвращается на университетскую кафедру анатомии и хирургии, а с мая 1784 года избирается деканом медицинского факультета и более двадцати лет готовит новые кадры врачей.⁶⁶ С 1801 года куратором Московского университета назначается

⁶³ Старое название Будапешта.

⁶⁴ Рачинский А., Русские комиссары в Токае в XVIII столетии. Русский вестник, 1875, с. 21.

⁶⁵ Современное название Артемовск.

⁶⁶ Schultheisz E., Kereszturi Ferenc. A Magyar Tudományos Intézet.

Коваленский, перед этим в звании генерал-майора возглавлявший Рязанское наместничество, который был знаком с профессором Керестури и другими венгерскими преподавателями. Среди них можно выделить несколько имен, «...ученістю и знаннями отлично славимыми тогда»,⁶⁷ имеющих прямое или косвенное отношение к посещению Сковородой реформаторского коллегіума в Шарошпатаке в 1745–1750 годах: Байи Шамуэль Патаи, главный куратор в 1722–1749 годах, императорский советник и депутат Сабольчского графства в Пожоньском (Пресбургском) парламенте в 1728 году, присутствовавший на коронации австрийской императрицы Марии Терезии в 1741 году; профессор Янош Чечи Младший, преподаватель сорока академических дисциплин в 1713–1734 годах, автор первого венгерского учебника географии, последователь французского философа Декарта и немецкого богослова Коккеюса; профессор философии Михай Сатмари Пакши II, преподававший в 1742–1744 годах, приверженец позитивного рационализма; профессор Давид Шаркань, преподаватель филологии, истории и греческого языка в 1734–1758 годах; и профессор Иштван Ф.Баньяи, преподаватель истории, риторики, логики и истории литературы в 1744–1767 годах.⁶⁸ Коваленский так указывал на научные связи Сковороды: «...говорил весьма исправно и с особливою чистотою латинским и нѣмецким языком, довольно разумѣл еллинскій, почему и способствовался сими доставить себѣ знакомство и пріязнь ученых, а с ними новыя познанія, каковых не имѣл и не мог имѣть в своем отечествѣ».⁶⁹

Кроме изученных в академии иностранных языков, Сковорода овладел еще венгерским, повседневно общаясь с местным населением Земпленского графства, что видно из нижеприведенных примеров. В 1766 году в богословском трактате *Начальная дверь ко христіанскому добронравію* при семантическом сравнении ряда слов, употребляемых для обозначения понятия *Бог*, встречается венгерское *Isten*:⁷⁰ «А у христіан знатнѣйшія ему имена слѣдующія: дух, господь, царь, отец, ум, истинна. Послѣднія два имена кажутся свойственнѣе протчих, потому что ум

⁶⁷ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 2, с. 441.

⁶⁸ A Sárospataki Református Kollégium. Tanulmányok alapításának 450. évfordulójára. Szerkesztette a Tiszáninneri Református Egyházkerület Elnöksége. Kiadja a Református Zsinati Iroda Sajtóosztálya. Budapest, 1981, с. 123–132.

⁶⁹ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 2, с. 441.

⁷⁰ Бог (венг.).

вовся есть невеществен, а истинна вѣчным своим пребываніем совѣм противна непостоянному веществу. Да и теперь и в нѣкоторой землѣ называется Бог *Иштен*».⁷¹ Далее *Книжечка, называемая Silenius Alcibiadis, сирѣчь Икона Алкивиадская [Израилскій змій]*, написанная в 1776 году, содержит слово *kakas*.⁷² «Он сію тму просвѣщает, как молнія вселенную, сходит на ню, как голуб, согрѣвает, как кокош, покрывает, как орел хвастное гнѣздо свое и крилами своими ничтожное естество наше возносит в горня и преобразует. «И дух Божій нош[ашеся] верху воды»».⁷³ *Диалог. Имя ему – Потоп змін*, от 16 августа 1791 года, включает слово *ruha*:⁷⁴ «Дух. Сѣнь, тѣнь, краска, абрис, руга, маска, таящая за собою форму свою, ідею свою, рисунок свой, вѣчность свою – все тое есть херувім и сѣнь купно, то есть мертвая внѣшность».⁷⁵ *Толкованіе из Плутарха о тишинѣ сердца*, посвященное Фальковскому, повторяет данное слово, но уже в новом контексте: «Коль завидима для него царская блистательна руга!».⁷⁶ Диакритическое указание фонетического ударения на первом слоге этого слова показывает глубину лингвистических познаний Сковороды, а в притче *Благодарный Еродій* оно снова употребляется и, к тому же, во множественном числе: «Сіе есть истинное, блаженное самолюбіе – имѣть дома, внутрь себе, все свое некрадомое добро, не надѣяться же на пустыя руги и на наружныя околицы плоти своя, от самага сердца, аки тѣнь от своего дуба, и аки вѣтвы от корене, и аки одежда от носящаго ее, зависящія».⁷⁷

Работая на арендованных Вишневым токайских виноградниках и в винных погребах, Сковорода успешно осваивает основные винодельческие термины, такие как *must*,⁷⁸ *esszencia*,⁷⁹ *nektár*⁸⁰ и т.д.: «Сколько виноградных ягод, столько шариков, сколько шариков, столько узлов, заключающих в себѣ сладчайшій Божества муст, веселящій сердце...»⁸¹ (*Кольцо. Дружескій разговор о душевном*

⁷¹ Там же, т. 1, с. 146.

⁷² Петух (венг.).

⁷³ Там же, т. 2, с. 18.

⁷⁴ Одежда (венг.).

⁷⁵ Там же, с. 140.

⁷⁶ Там же, с. 210.

⁷⁷ Там же, с. 116.

⁷⁸ Муст (лат.).

⁷⁹ Эссенция (лат.).

⁸⁰ Нектар (лат.).

⁸¹ Там же, т. 1, с. 408.

мирѢ); «...а в ягодѢ винограднѢй сок сладкаго муста»,⁸² «Предсладчайшій и ненасытнѢй мусте!»⁸³ (*Книжечка о чтеніи Священн[аго] Писанія, нареченна Жена Лотова*); «...приснаго и свѢжаго, нововыдавленного вина, называемого римски – муст»,⁸⁴ «...вѢчная истина есть то сладчайшій муст и нектар, не во грусть, но в кураж и в крѢпость приводящій»⁸⁵ (*Диалог. Имя ему–Потоп зміин*); «...обѢщая сокровеннѢй внутрь себе зрѢлый вкус сладкаго муста...»⁸⁶ (*Разговор, называемый алфавит, или букварь мира*); «...высосать сладчайшую сока и муста вѢчность»⁸⁷ (*Книжечка, называемая Silenius Alcibiadis, сирѢчь Икона Алкивиадская [Израилскій змій]*); «Самая же ея эссенція, сок [серце, сердцевина]»⁸⁸ (письмо к Донцу-Захаржескому); и «...самая эссенція (как говорят), и зѢрно наше, и сила, в которой единственно состоит [родная] жизнь и живот наш...»⁸⁹ (*Наркисс. Разглагол о том: узнай себе*). Морским термином *packetboat*⁹⁰ подтверждается посещение Сквородой польского порта Гданьск, откуда по Балтийскому морю отправлялись лучшие вина к императорскому столу в Санкт-Петербург: «Не уйдіош от ловких кохтей их ни аглицкими бѢгунами, ни манежным лошаком, ни почтовою коляскою, ни многокрылатым пакетботом»⁹¹ (*Ода Iesuitae Sidronii Hosii*). Токайское вино Асу, символически называемое *nektár* венгерским поэтом Кельчеи,⁹² подобным образом встречается в его поэтических интерпретациях: «Тут вина разны, тут нектар солодкій, услаждающій божественны глоткы...»⁹³ (*Fabula de Tantaló*).

Скворода прекрасно разбирался в виноградарстве, о чем свидетельствует *Перевод из книг римскаго сенатора Марка Цицерона «О старости»*, посвященный полковнику Тевяшову: «А что ж уже сказать о том, как заводится, всходит и растет виноград? Извольте знать, что насытитя сей веселости не могу. Вот для моей старости расход и услаждение! Минуя все раждаемое от земли, которая из малесенькаго, напримѢр, смоквиннаго зерна, или из винограднаго сѢмени, или

⁸² Там же, т. 2, с. 45.

⁸³ Там же, с. 55.

⁸⁴ Там же, с. 157.

⁸⁵ Там же, с. 158.

⁸⁶ Там же, т. 1, с. 444.

⁸⁷ Там же, т. 2, с. 23.

⁸⁸ Там же, с. 406.

⁸⁹ Там же, т. 1, с. 173.

⁹⁰ Морское транспортное судно (анг.).

⁹¹ Там же, т. 2, с. 176.

⁹² Kőlcsey F., *Válogatott művei*. Budapest: Szépirodalmi Könyvkiadó, 1975. с. 68.

⁹³ Скворода Г., *Повне зібрання творів у 2-х томах*. Київ: Наукова думка, 1973, т. 1, с. 92.

прочих земных плодов и зелій самых крошечных сѣмен толь великіи пни и вѣтви производит. Не в сладкое ли удивленіе приводит сад виноградный, если примѣчать, что на мѣстѣ старых, в осени отрѣзанных пуцаются новыи вѣтви, с которых одни отрѣзываются для новаго заводу, другіе как бездѣльны, третьи оставляются для плода, иным не дают взятся за дерево, переносят обятіе их до другаго, иные от пня впускаются в ямочки и прибываются ключкою для заведенія новых кореньев и прочая. Вѣтва, оставленная для плода, по природѣ падает к землѣ, но, желая подняться, жилочками своими, как руками, берется за что попалося. А чтоб она вдаль, опускаясь то поднимаясь, не бродила, искусной земледѣл удерживает ея, прирѣзывая инструментом, не попуская излишно густѣть и дичавѣть. Итак, в началѣ весны на тѣх вѣтвах, что для плода, живет, будто при колѣнцах их, то, что у наших земледѣлов зовется жемчужина, а из нея выходит ягода. Она час от часу и земными соками и жаром солнечным увеличивается и первѣе прикро кисла, потом, дозрѣвши, становится сладкою, а завѣсившись листьям и умѣренную имѣет теплоту и от излишняго защищается вару. И что быть может краснѣе и полезнѣе ея? Повѣрьте, что не только полза от нея, как я прежде сказал, но самое ея рожденіе и труд около ея один веселить может. Напримѣр, ставить в шеренгу тычки, привязывать к ним верхушки вѣтвей, для плода оставленных, отвязывать и опущать для новаго коренья в ямки, обрѣзывать, как уже сказано, негодныи, а иные опущать, и прочая, и проч.»⁹⁴

Несмотря на критическое отношеніе к Вишневному, как к человеку имеющему всякого рода личные недостатки, Сковорода, тем не менее, многому у него научился. С литературным описаніем этого «отрицательнаго героя» можно часто встретиться в его поэзии и прозе: «...Федька-купец при аршинѣ все лжет»⁹⁵ (*Пѣснь 10-я*) или «Безбожник Феодор говаровал: «Я-де правою рукою подаю мои совѣты, а слышатели берут оныя лѣвою»⁹⁶ (*Толкованіе из Плутарха о тишинѣ*). Последней фразой объясняется тот факт, что, при возникновении юридических споров между токайскими землевладельцами и официальными властями, к Вишневному обращалось большое количество людей с просьбой разрешить их

⁹⁴ Там же, т. 2, с. 192–193.

⁹⁵ Там же, т. 1, с. 67.

⁹⁶ Там же, т. 2, с. 206.

актуальные проблемы, благодаря чему он пользовался популярностью среди местных жителей, видевших в нем воплощение человеческой мудрости и образец справедливости. Он был желанным гостем на земленских свадьбах и крестинах, а за заслуги перед Императорским двором был почетно награжден орденом Святой Анны и пожалован именем Жарбованово в родной Малороссии. В частном разговоре и деловой переписке императрица Елизавета стала называть его «сватом», после того как он удачно представил ей малороссийского казака Алексея Розума, ее будущего супруга, известного в истории России как граф Разумовский. Вишневский, в какой-то степени, заменил ей отца Петра I, неожиданно скончавшегося в 1725 году.

Этническое население Токая было довольно пестрым из-за живших там греков-македонцев, которые освобождались от уплаты высоких налогов и активно занимались торговлей вина, соли, фруктов, текстиля, пряностей, леса, камня, пшеницы, мяса и т.д. Первые греческие поселенцы прибыли туда в 1700 году и основали колонию, просуществовавшую вплоть до 1920 года.⁹⁷ Бойко торгуя с купцами из Греции, Вишневский постоянно нуждался в Сковороде как отличном переводчике с эллинского языка, что нашло прямое отражение в его сборнике *Басни Харьковскія*, сюжеты к которому были услышаны во время регулярного общения с торговыми партнерами Императорской комиссии или заимствованы у древнегреческого баснописца Эзопа. В этих произведениях упоминаются Карпатские горы, через которые по Винному тракту веками шли поставки токайского вина на Киев, Москву и Санкт-Петербург: «В полских и венгерских горах Оленица... стала витатся...»⁹⁸ (*Басня 28. Оленица и Кабан*) и дается ностальгическая ссылка на Дунай: «Думается для увеселенія поплыть из Кременчука в Дунай. Днѣпр наскучил. – А я знаю вашей грусти родник, – сказал Рак, – вы проглотили удку. Теперь вам не пособит ни быстрый Дунай...»⁹⁹ (*Басня 26. Щука и Рак*). Вишневский аллегорически сравнивается то с господином Воллом, то с домашним Кабаном: «Он 20 лѣт с залишком отправлял с великою славою судейскую должность, и можно сказать, что он между всею своею братією

⁹⁷ Pap M., A Tokaji. Gondolat. Budapest, 1985, с. 36.

⁹⁸ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 1, с. 127.

⁹⁹ Там же, с. 125.

искуснѣйшій юріста и самой острой арифметик и алгебрик. Его благородіе может наш спор легко рѣшить. Да он же и в латынских диспутах весьма, кажется, зол»¹⁰⁰ (*Басня 9. Мурашка и Свинья*) или «Почему ты меня называешь Кабаном? Развѣ не знаешь, что я пожалован Бараном? В сем имѣю патент, и что род мой происходит от самых благородных бобров, а вмѣсто епанчи для характера ношу в публикѣ содраную с овцы кожу»¹⁰¹ (*Басня 28. Оленица и Кабан*). Олень Рогач, как один из символов христианской веры, изображаемый на хабанской керамической посуде в Северной Венгрии, противопоставляется верблюду Горбачу: «Но я родился пить самую прозрачнѣйшую из родника воду. Сей мене поточок доведет до самой своей головы. Оставайся, господин Горбач. *Сила*. Біблія есть источник»¹⁰² (*Басня 20. Велблюд и Олень*). Сковорода не забывает и о токайском вине, возвращаясь к нему в контексте с физикой, подразумевающим гелиоцентрическую систему мира, открытую Коперником: «...как только я отворил окно, чтоб выбросить вон чеснокову шелуху, ты как дунул проклятым твоим вихром, так все назад по цѣлому столу и по всей горницѣ разбросал, да еще притом остальную рюмку с вином, опрокинувши, разшиб, не вспоминая тое, что, раздувши из бумажки табак, все блюдо с кушаньем, которое я по трудах прибрался было покушать, совсѣм засорил...»¹⁰³ (*Басня 11. Вѣтер и Філософ*). Трудовые будни нередко чередовались с церковными празднествами и народными гуляниями, широко распространенными в колоритной культуре Земплена, что особенно проявляется в автобиографических песнях и фабулах Сковороды, в которых можно найти красочное описание Шарошпатакского замка и элементы традиционного праздника сбора винограда в конце октября, а также ссылку на придворного уставщика-мундшенка, в качестве которого он служил при Вишневском, как, например, в *Fabula de Tantalos*:¹⁰⁴

Вездѣ багрѣют розы пред глазами,

Чудніи вездѣ курят фиміамы.

Кричат по залѣ музы сладкогласны,

Все сам подносит Ганімед прекрасній;

¹⁰⁰ Там же, с. 112.

¹⁰¹ Там же, с. 127.

¹⁰² Там же, с. 119.

¹⁰³ Там же, с. 113.

¹⁰⁴ Фабула о Танталe (лат.).

Бахусов пѣстун сам пляшет пресмѣшно,

Всякій род шутов шутят преутѣшно.¹⁰⁵

Священный гимн Мюре *In Natali Domini*,¹⁰⁶ переведенный как *In Natalem Iesu*,¹⁰⁷

был хорошо известен в его исполнении под лютию в канун Рождества. Это один из замечательных образцов абсолютного взаимопонимания и точного интерпретирования поэтического текста с учетом художественных стилей обоих авторов, независимо от их исторического окружения и духовных приоритетов:

О ночь нова, дивна, чудна,

Яснѣйшая свѣтла полудня,

Когда чрез мрак темній, черній

Блиснул солнца свѣт невечерній.

Веселитесь, яко с намы Бог,

Яко с намы Бог.¹⁰⁸

Молодые годы, проведенные Сковородой за границей, хотя и в менее разнообразной форме, также отражаются в его философско-педагогической прозе, включающей диалог *Бѣседа, нареченная двое, о том, что блаженным быть легко*: «В любезной моей Унгаріи волами молотят. И что ж воспящает Лукѣ быть волом? Не думай, будьто до плотских волов вздорная сія истина касается: «Волу молотящу да не заград[и] уст»¹⁰⁹ и притчу *Благодарный Еродій*: «Гнѣзятся на домах, на кирках, на их шпичах и на турнях, сирѣчь горницах, пирамидах, теремах, вольно, вольно. В Гунгаріи видѣл я на каминах».¹¹⁰ Обе цитаты, можно сказать, являются единственным подтверждением и ссылкой на вышеупомянутую Коваленским императорскую службу Сковороды в Токайских садах, что всегда вызывало немалое удивление и большое количество вопросов у исследователей его литературного творчества. В чем секрет этой легендарной таинственности и почему нельзя найти на это прямой ответ в документальной статье Рачинского, полной всякого рода событий и имен людей, непосредственно связанных с его

¹⁰⁵ Там же, с. 91.

¹⁰⁶ В День рождения Господа (лат.).

¹⁰⁷ В День рождения Иисуса (лат.).

¹⁰⁸ Там же, с. 97.

¹⁰⁹ Там же, с. 279.

¹¹⁰ Там же, т. 2, с. 100.

пребыванием в Венгрии? Объяснение этому следует искать в психологическом анализе характера Сковороды, в его чрезмерной замкнутости и нескрываемой склонности к мистицизму, превратившейся у него в открытое религиозно-идеалистическое мировоззрение. Отдельным примером такого поведения в литературе служит его произведение *Сон*, увиденный им «в полночь ноября 24, 1758 года, в Каврай»,¹¹¹ в котором явно описываются петербургский и венгерский периоды его жизни: «Казалось будто различни охоты житія чловѣческаго по разным мѣстам разсмотрю. В одном мѣсту был, гдѣ полаты царскіи, уборы, танцы, музиканты, гдѣ любящіесь то поспѣвували, то в зеркала смотрѣлы, вбѣжавши с зала в комнату и снявши маску, приложились богатих постелях и прочая. Откуда сила мене повела к простому народу, гдѣ такіе ж дѣла, но отличным убором и церемонією творимія, увидѣл: ибо оны ішли улицею с пляшкамы в руках, шумя, веселясь, валяясь, как обикновенно в простой чернѣ бывает; так же и амурни дѣла сродним себѣ образом, как-то в ряд один поставивши женск, а в другой мужеск пол. Кто хорош, кто на кого похож и кому достоин быть мужем или женою, – с сладостію отправляли. Отсюда вшел в постоялы дома, гдѣ лошадь, хомуты, сена, расплаты, споры и проч. слышал. На остаток сила ввела в храм обширній очень и красній, каков у богатих мѣщан бывает, прихожан, гдѣ будто в день зеленій святого духа отправлял я с діяконом литургію и помню точно сія, что говорил: «Яко свят еси», аж до «во вѣкы вѣков», и по обоих хорах пѣто «святій Боже» пространно. Сам же я с дяк[оном] пред престолом до землѣ кланяясь, чюствовал внутр сладость, которой изобразить не могу».¹¹² Аналогично Сковороде, элементы мистического характера были присущи и Коваленскому, что подтверждается цитатой из очерка *Жизнь Григорія Сковороды*: «...видѣл я слѣдующій сон. Казалось, что на небѣ, от одного края до другаго, по всему пространству онаго, были написаны золотыми великими буквами слова... Из сих золотых слов сыпались огненные искры, подобно как в кузницѣ из раздуваемых сильно мѣхами угольев, и падали стремительно на Григорія

¹¹¹ Там же, с. 429.

¹¹² Там же.

С.Сковороду».¹¹³ Другой причиной отсутствия достоверного материала, касающегося токайского периода в его биографии, может быть еще тот факт, что императрицы Елизавета и Екатерина II не желали предавать огласке все, связанное с массовым переселением подданных Марии Терезии в южные земли России. До сих пор на эту тему большинство украинских историков предпочитают молчать, так как она продолжает оставаться своеобразным табу в этнической летописи Украины восемнадцатого века. В отношении Сковороды следует заметить, что после смерти Вишневого, вызванной его пристрастием к вину, должность придворного уставщика полностью перестала существовать. Все, что досталось в наследство от генерала, были долгие судебные тяжбы с земпленскими властями, возбужденные из-за грубого нарушения законов, разрешающих право владения землей и недвижимостью. Кроме этого, религиозная пропаганда, организованная им среди местного населения, привела к резкому церковному расколу и переходу половины славяноязычных жителей города, т.е. русинов, в православную веру, о чем сообщалось в письме венскому канцлеру графу Надашди эгерским епископом Баркоци 10 мая 1749 года: «В Токае непросто корни пустил, но и распространил скизму церкви...».¹¹⁴ С учетом давно сложившихся дипломатических связей между Санкт-Петербургом и Венной, было принято решение о постройке каменной церкви, тем самым положив конец проведению открытых богослужений в русской деревянной часовне, установленной для этого в центре Токая. Также, необходимо добавить, что 1745–1750 годы были периодом высшего торгово-экономического подъема Императорской комиссии венгерских вин и «золотым веком» в истории токайского виноделия.¹¹⁵

Подводя определенный итог пятилетнего пребывания Сковороды в Венгрии, нельзя не отметить то плодотворное влияние, которое на него оказала венгерская культура и свободное общение с представителями различных социальных слоев и вероисповеданий. Коваленский так вспоминает о его последующем возвращении в Малороссию: «Возвратясь из чужих краев, наполнен ученостію, свѣдѣніями, знаніями, но с пустым карманом, в крайнем недостаткѣ всего нужнѣйшаго,

¹¹³ Там же, с. 451.

¹¹⁴ Tardy L., A tokaji Orosz Borvásárló Bizottság története (1733–1798). Rákóczi Múzeum. Sárospatak, 1963, с. 54–59.

¹¹⁵ Там же, с. 62.

проживал он у своих прежних приятелей и знакомых. Как и сих состояніе не весьма зажиточно было, то искали они случая, как бы употребиться ему с пользою его и общественною. Скоро открылось мѣсто учителя поезіи в Переяславль, куда он и отправился по приглашенію тамошняго епископа».¹¹⁶ В рапорте майора Горбунова от 7 октября 1750 года в Киевскую генерал-губернаторскую канцелярию с польско-российского пограничного форпоста в Василькове украинский биограф Махновец нашел ссылку на студента, которым, по его мнению, был Сковорода, возвращающийся домой: «...отправленъ де из города Такая от господина полковника Гаврилы Вишневого Ея Императорскаго Величества с венгерскимъ виномъ на двухъ возахъ кабинетъ курирѣ Николай Жолобовъ при нем реитаръ 2 драгунъ два солдатъ два да камердинъ ево одинъ: человекъ одинъ грекъ одинъ студентъ одинъ фурманщиков венгерскихъ пять киевскихъ малороссийскихъ два...».¹¹⁷ Вышеуказанная деталь, как и вся информация, сохранившаяся о нахождении Сковороды за границей, чрезвычайно важна, потому что большинство его песен, фабул, эпиграмм, басен, трактатов, диалогов, притч и переводов несет в себе скрытый автобиографический смысл, обусловленный конкретными географическими названиями и политическими процессами.

Особую роль при составлении литературного портрета Сковороды играет личная переписка с Коваленским, Тамарой, Правицким, Якубовичем, Тевяшовым, Сошальским, Каноровским-Сохой – близкими ему людьми. Надо еще упомянуть, что его экзегетические трактаты строго запрещались официальной цензурой и не публиковались до 1912 года, что определенным образом повлияло на его биографов. К многочисленным исследователям его жизненного пути традиционно относятся Коваленский, Гесс де Кальве, Вернет, Снегирев, Срезневский, Хиждеу, Данилевский, Ефименко, Багалеи, Бонч-Бруевич, Эрн, Сумцов, Чижевский, Верховец, Попов, Редько, Иваньо, Махновец, Неженец, Верба и т.д. Целые поколения российских поэтов и писателей, включая Карамзина, Снегирева, Срезневского, Гоголя, Тютчева и Толстого, посещали Австрию и Венгрию, чтобы увидеть места, где он в молодости питал вдохновение. В Большой библиотеке

¹¹⁶ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 2, с. 441.

¹¹⁷ Махновець Л., Григорій Сковорода. Біографія. Київ: Наукова думка, 1972, с. 42.

Шарошпатакского коллегіума и сегодня можно найти труды Коменского, Госия и Мюре, к которым когда-то прикоснулась его рука. Деятельность Императорской комиссии была и далее связана с его личностью, поскольку он продолжал интересоваться судьбой тех, с кем служил, посвящая им свою поэзию и прозу, как, например, Фальковскому *Толкованіе из Плутарха о тишинѣ сердца*. С другой стороны, его друзья, а среди них Каноровский-Соха, стали величать его «Дунаевским», предлагая ему материальную помощь: «Ежели тебѣ не скифство покажется, там гдѣ я хочу, будеш вомѣщен несумненно. Все оставя, не печался и дождись меня. Я в май мѣсяцѣ именно буду. Я о тебе старательство хочу приложить и исходатайствовать тебѣ тѣх милость, которіи умѣют с камня сдѣлать человѣка, человѣка доброго. Не отлучайся никуда; я за тобою пришлю, как пріѣду. Потерпи на мнѣ, вся ти воздам. А нынѣ заключаю, что я твой вѣрній брат и слуга, каковыми хочу жить и умереть».¹¹⁸ Приступая к преподаванию пиитики осенью 1750 года, Сковорода начал воплощать на практике новые педагогические и богословские идеи, «...имѣя основательнѣе и обширнѣе знанія в науках, нежели каковыя тогда были в училищах провинціальных...»,¹¹⁹ и в неравном споре с переяславским епископом Никодимом Сребницким сумел доказать свою профессиональную правоту, при этом произнеся крылатую фразу: «Alia res sceptrum, alia plectrum, то есть: иное дѣло пастырскій жезл, а иное пастушья свирѣль».¹²⁰

Проводя тематические параллели в художественных произведениях Сковороды, следует подчеркнуть, что его литературное творчество – это душевный вертоград Балашши, вдохновленный визуальным миром Коменского, сакральными псалмами Мюре и эзотерическими эмблемами Ветштейна, где за всем видимым кроется вечная истина. Его литературно-философское наследие поистине навеки соединило в себе лучшие черты национальных культур России, Украины и Венгрии, тем самым показав блестящий пример последующим европейским и мировым литераторам, а его негнибемый посох с кротом-мудрецом навсегда преградил путь к духовному порабощению русских, украинцев, венгров, поляков, итальянцев и других больших и малых народов Восточной и Западной Европы.

¹¹⁸ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 2, с. 482.

¹¹⁹ Там же, с. 441.

¹²⁰ Там же.

3. Анализ творчества Сковороды в книге Чижевского

Філософія Г.С.Сковороди

*Сковорода... є найцікавіший слов'янський «передромантик».*¹²¹

(Чижевський)

Дмитрий Иванович Чижевский, выдающийся философ и филолог-славист, первым обратил внимание на конкретную методологическую связь между слобожанским просветителем Сковородой и моравским гуманистом Коменским, в результате чего он сыграл важную роль в правильном понимании и оценке литературно-философского творчества Сковороды. Среди его основных заслуг следует отметить работу *Філософія Г.С.Сковороди* и более двести лет назад утерянную рукопись главного сочинения Коменского *De Rerum Humanarum Emendatione Consultatio Catholica*,¹²² обнаруженную им в архиве детского приюта города Галле в Германии, и после окончания второй мировой войны подготовленную к печати в Гейдельбергском университете. В 1921 году он с семьей был вынужден нелегально эмигрировать в соседнюю с большевистской Украиной Польшу и, будучи десятилетиями заочно приговоренным к расстрелу, всю жизнь прожил на демократическом Западе, занимая ведущие позиции в вопросах взаимовлияния русской и немецкой философии, а также философской проблематики в славянских литературах. Он был непосредственно связан с Бемом, Якобсоном, Бицилли, Зеньковским, Франком, Ясперсом, Хайдеггером, Гуссерлем, Паточкой, Гадамером и другими видными учеными двадцатого века.

Чижевский еще известен авторскими исследованиями *Гегель в России, К проблеме двойника, История русской мысли, Неизвестный Гоголь, Евгению Онегину, Гоголь как художник и мыслитель, За пределами красоты. Об эстетике барочной литературы, Лабиринт света Коменского: тематика и источники, С.Л.Франк как историк философии и литературы, Шиллер в России, Начала и завершения идеологических эпох, Сковорода. Поэт. Мыслитель. Мистик, Барокко в русской литературе, К проблемам литературы барокко у славян* и т.д. Большое влияние на становление современной достоевистики оказали его статьи *К проблеме*

¹²¹ Сковорода есть самый интересный славянский предромантик (укр.).

¹²² Всеобщий совет об исправлении дел человеческих (лат.).

бессмертия у Достоевского и Достоевский и Ницше. Учение о вечном возвращении.

Несмотря на всеобщее признание исторического вклада Чижевского в развитие мировой славистики, его творческое наследие, по идеологическим причинам, долгое время было недоступно у него на родине, что явным образом ощущалось в отсутствии соответствующего подхода к изучению Сковороды как мыслителя.¹²³ Что касается личности Чижевского, то сократовский призыв: Γνῶθι σεαυτόν!¹²⁴ Nosce te ipsum!¹²⁵ «Узнай себе!», как маяк, всегда освещал тот нелегкий жизненный путь, полный душевных страданий и физических лишений, выпавших на долю этого замечательного человека из маленькой Александрии. Его труд, посвященный философии Сковороды, стал краеугольным камнем в истории новой сквородинистики, той призмой, через которую смог объективно взглянуть каждый критик и литературовед, стремящийся определить его должное место в русской, украинской и всемирной литературе. Сегодня, без философского анализа Чижевского, экзегетические трактаты Сковороды были бы непонятны и хаотичны.

Сковорода, невзирая на огромное количество публикаций, как поэт, писатель и философ, на протяжении многих десятилетий оставался неисследован и фактически неизвестен. Едва ли можно было назвать его литературный стиль и философское направление, к которому он относился. Первым, кому это полностью удалось, стал Чижевский благодаря научному окружению, в котором он оказался, живя в политической эмиграции за границей. Из-за сложившихся обстоятельств, его книга не могла быть опубликована в СССР в 1930-х годах, но он смело, без оглядки на сталинских цензоров, характеризует Сковороду как остро парадоксального представителя диалектического мышления в том понимании, в каком оно являлось в античности, выделяя два существенных элемента его мировоззрения: антитетику и принцип круговорота, непосредственно восходящие к учениям Платона, Плотина, Прокла и отцов церкви. Антитетика Сковороды, по мнению Чижевского, это вполне закономерный процесс, состоящий из античного платонизма, мистики

¹²³ Чижевский Д., Избранное в 3-х томах. Том 1: Материалы к биографии (1894–1977). Сост., вступ. ст. В.В.Янцена. Комментар. В.В.Янцена и др. Москва: Русский путь, 2007.

¹²⁴ Познай себя (греч.).

¹²⁵ Познай себя (лат.).

средневековья и немецкого мистицизма нового времени. Нельзя не заметить его антиномический стиль, который сразу бросается в глаза при аутентичном чтении его диалогов и бесед. То же самое касается его этики, которая не менее антитетична, нередко выражаясь в ярко юмористической форме, например, в его эзоповских баснях. Признавая несистематичность антитетики Сковороды, Чижевский абсолютно уверен, что его мысли проникнуты убежденностью в антагонизме мира и реального существования. Его антитетичные формулы – это, прежде всего, противоречия между понятиями, находящимися рядом, но постоянно противоборствующими между собой.

Далее Чижевский приходит к выводу, что Сковорода склонен к мистической диалектике, а поэтому может быть воспринят как представитель диалектического мистицизма.¹²⁶ Как одной из форм примирения конфликтующих сторон, он считает движение, которое происходит в замкнутом круге, всегда возвращаясь к своему началу, причем противоречия не исчезают, а наоборот сохраняются, будучи в тесном союзе друг с другом. Согласно этому принципу, из двух антагонистических составных в итоге остается та, которая побеждает как лучшая или сильнейшая, что в равной мере присуще окружающему миру и его отдельным индивидуумам. Все это Сковорода стремится показать с помощью символов и антитез, придавая им определенную форму, допускающую динамичную и статичную интерпретацию, которая при всей своей примитивности поражает величиим и точностью, символизируя круговое движение в виде кольца, зерна, змеи, ока и т.д. Символика круга – это понятие высшего порядка, не имеющее вне себя никаких иных целей, и, одновременно, это непрекращающийся процесс поиска самого себя, своей человеческой души. Подобные символы также встречаются у Коменского, считавшего весь мир гигантской системой колес.¹²⁷ Задумываясь над этимологией слова *бег*, Сковорода делает следующее логическое заключение: «Может быть отсюда родилось и имя сіе «Бог», что движенія вселенную движущаго так, как рѣки текуція, есть бѣг непрерывный...».¹²⁸

¹²⁶ Чижевський Д., Фільософія Г.С.Сковороди. Варшава, 1934, с. 9–15.

¹²⁷ Там же, с. 18–23.

¹²⁸ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 1, с. 455.

Наряду с диалектикой Сковороды, включающей в себя антитетику и науку о круговороте, еще встречается символизм, выраженный в постоянном обращении к конкретной среде, природе, искусству, религии и т.д. Его символы не всегда поддаются однозначной расшифровке в общепринятом смысле, но они явно располагают позитивной чертой символического познания и интерпретирования, принуждая к прямому участию в активном поиске истины. Философский стиль Сковороды – это своеобразный поворот от умственного толкования привычных словесных понятий к первичным формам мышления, представленным эмблематически. Как это было ранее свойственно досократовским мыслителям, каждый отдельный символ у Сковороды имеет ни одно, а несколько значений, часто перекрещивающихся друг с другом, а поэтому он вряд ли может быть назван «украинским Сократом». Он символично интерпретирует события исторического и библейского плана, передавая их в простой, но довольно выраженной форме со скрытым смыслом существования. Визуальный метод Коменского аналогично проникнут идеей символизма, т.е. передачей различного рода информации через систему образов и картинок, что было им достигнуто в иллюстрированном словаре *Orbis Sensualium Pictus*.¹²⁹ Его основное отличие от Сковороды заключается в том, что он стремится к более точной формулировке мыслей как главной цели своего преподавания латинского языка в Шарошпатакском реформаторском коллегииуме.

Среди изданий, содержащих материалы символического характера, к которым на протяжении своей творческой деятельности обращался Сковорода, особенно выделяется восьмизычный сборник под названием *Symbola et Emblemata Selecta*,¹³⁰ опубликованный Гендриком Ветштейном в 1705 году. Во время пребывания в Амстердаме в 1697–1698 годах, молодой российский император Петр I, занимавшийся в тот момент вопросами строительства военно-морского флота, обратил внимание на книгу *Devises et emblemes anciennes et modernes*,¹³¹ составленную в 1691 году гравером Даниэлем де ля Фей на латинском, французском, итальянском, испанском, голландском, английском и немецком языках, и поручил польскому резиденту Илье Копьевскому перевести ее на

¹²⁹ Чижевський Д., Фільософія Г.С.Сковороди. Варшава, 1934, с. 26–33.

¹³⁰ Избранные символы и эмблемы (лат.).

¹³¹ Старинные и современные девизы и эмблемы (фран.).

русский. Всего в ней насчитывается 840 гравюр, из которых 132 были заимствованы из сборника Джузеппе Паллавичини *Devises et emblemes d'amour*,¹³² изданного в 1696 году.¹³³ *Избранные символы и эмблемы* имели большую популярность, а их влияние на литературную жизнь России можно проследить у таких известных авторов, как Тургенев – в его социально-психологическом романе *Дворянское гнездо*, в котором главный герой Федор Лаврецкий был в детстве ими одержим: «По воскресеньям, после обедни, позволяли играть, то есть давали ему толстую книгу, таинственную книгу, сочинения некоего Максимовича-Амбодика, под заглавием «Символы и эмблемы». В этой книге помещалось около тысячи частью весьма загадочных рисунков, с столь же загадочными толкованиями на пяти языках. Купидон с голым и пухлым телом играл большую роль в этих рисунках. К одному из них, под названием «Шафран и радуга», относилось толкование: «Действие сего есть большее»; против другого, изображавшего «Цаплю, летящую с фиалковым цветком во рту», стояла надпись: «Тебе все они суть известны». «Купидон и медведь, лижущий своего медвежонка» означали: «Мало-помалу». Федя рассматривал эти рисунки; все были ему знакомы до малейших подробностей; некоторые, всегда одни и те же, заставляли его задумываться и будили его воображение; других развлечений он не знал».¹³⁴ Практический анализ этого уникального собрания старинных гравюр был впервые сделан Чижевским, который сразу определил их принципиальное место в диалектическом развитии философии Сковороды, тем самым указав на наиболее актуальные символы с точки зрения выделения теоретических первоисточников его поэтических и прозаических произведений. Кроме этого, он перечисляет и другие сборники такого же характера, частью которых, по его мнению, мог пользоваться Сковорода, включая *Видимый мир* и *Мудрость старых чехов* Коменского, как известно, проникнутых духом символизма и эмблематики.

Песнь песней, лежащая в основе формирования мистической символики и оказавшая немалое влияние на Сковороду, также изобилует традиционными

¹³² Любовные девизы и эмблемы (фран.).

¹³³ Maggi C., Эмблемы и символы. *Giornale Nuovo*, 25.02.2006.

¹³⁴ Тургенев И., Сочинения в 2-х томах. Москва: Художественная литература, 1980, т. 1, с. 160.

символическими и эмблематическими элементами.¹³⁵ Интерпретирование, в свою очередь, играет особую роль в индивидуальной трактовке Библии Сковородой, который так вспоминает свое первое к ней обращение: «Простите, други мои, чрезмѣрной моей склонности к сей книгѣ. Признаю мою горячую страсть. Правда, что из самых младенческих лѣтъ тайная сила и маніе влечет мене к нравоучительным книгам, и я их паче всѣх люблю. Они врачуют и веселят мое сердце, а Библию начал читать около тридцати лѣтъ рожденія моего».¹³⁶ Зная биографию Сковороды, можно предположить, что истинное понимание им Библии приходится на годы его возвращения из Венгрии, когда он начинает преподавать в Переяславском коллегиуме и непосредственно обращается к экзегетическому толкованию Священного Писания. Разделяя все существующее на три части: макромир, микромир и Библию, как связующую две предыдущие, Сковорода называет ее символическим, или фигуральным миром. Нескончаем перечень его сравнений в форме змеи, сфинкса и т.д., подразумевающих двойственный характер Библии. Он настаивает на ее символическом восприятии, исключая простой literalный подход. Идея трех миров, или книг, встречается и ранее, например, в *Opera Didactica Omnia* Коменского,¹³⁷ где выделяется живая книга, Святое Письмо и малый мир, что было еще характерно Декарту.¹³⁸

Метафизические мысли Сковороды объединены монодуализмом, основанном на антитетическом мышлении. Материя, в его понимании, тленна, смертна, несамостоятельна и пассивна, а поэтому нуждается в постоянной поддержке извне, т.е. Богом. Говоря о его дуализме, Чижевский по праву считает, что он мало, чем отличается от немецких мистиков, отцов церкви, Филона и т.д., а поэтому находится в неразрывной связи со всей христианской философией. Двойственность мира – это один из центральных образов поэзии барокко вообще, причем антитетическое трактование двух натур Сковородой, видимой и невидимой, очень важно для понимания его философских взглядов и мыслей.¹³⁹

¹³⁵ Чижевський Д., Філософія Г.С.Сковороди. Варшава, 1934, с. 34–47.

¹³⁶ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 1, с. 355.

¹³⁷ Труды великой дидактики (лат.).

¹³⁸ Чижевський Д., Філософія Г.С.Сковороди. Варшава, 1934, с. 50–59.

¹³⁹ Там же, с. 76–77.

Для анализа науки Сковороды о Боге, Чижевским выделяется ее две главных черты: богопознание и богоуподобление, а также вера в символическое восприятие. Цитируя известную фразу о названиях Бога у различных народов из экзегетического трактата *Начальная дверь ко христiанскому добронравiю*, он, по понятным причинам, не замечает лексической связи с венгерским языком: «А у христiян знатнѣйшiя ему имена слѣдующiя: дух, господь, царь, отец, ум, истинна. Послѣднiя два имена кажутся свойственнѣе протчих, потому что ум вовсе есть невеществен, а истинна вѣчным своим пребыванiем совсѣм противна непостоянному веществу. Да и теперь и в нѣкоторой землѣ называется Бог *Иштен*».¹⁴⁰ Уже само заглавие невольно возвращает читателя в Шарошпатак, где для преподавания латинского языка Коменским были составлены школьные учебники *Преддверие*, *Дверь* и *Зала*, которых не могла не коснуться рука Сковороды, работая в Большой библиотеке коллегиума. Не имея возможности посетить места, связанные с пребыванием Сковороды в Венгрии, Чижевский непроизвольно повторяет за Багалеем ошибочные годы его императорской службы за границей: 1750–1753.¹⁴¹ И сегодня на мемориальных досках в венгерском Токае и словацкой Братиславе даются абсолютно разные даты так называемых «сковородиновских мандров», или путешествий, по Европе: 1745–1753 и 1745–1750. Возвращаясь к вопросу о взаимоотношении Бога и мира, Сковорода, с помощью традиционных церковных символов, подчеркивает несамостоятельность и пассивность последнего.

Наука о Софии, Божьей премудрости и вечноженском начале, впервые звучит у Сковороды в эпиграмме *Carmen*,¹⁴² или *Melodia*, написанной в 1760 году, когда он преподавал курс поэтики в Харьковском коллегиуме, в здании которого имелась фреска Пречистой Богоматери. Для ее символического толкования, он использует первый стих из двенадцатой главы Откровения Иоанна Богослова:

Воззри! Се дѣва стоит, чиста ложеснами!

Яблоко, змій, мiр, луна под ея ногами.

Яблоком является плотска сласть безчестна,

¹⁴⁰ Сковорода Г., Повне зiбрання творiв у 2-х томах. Киiв: Наукова думка, 1973, т. 1, с. 146.

¹⁴¹ Чижевський Д., Фiлософiя Г.С.Сковороди. Варшава, 1934, с. 58.

¹⁴² Песнь (лат.).

В кую влечет, как змій, плоть хитра и прелестна.

Круг міра образує злу смѣсь мірскіх мнѣній,

А луна знаменує сѣнь мырских имѣній...¹⁴³

Дополнительным сюжетом к этому стихотворению мог еще послужить тридцать восьмой гимн Мюре *Ad Beatissimam Virginem Dei Matrem...*¹⁴⁴ Чижевский обходит стороной подобные детали, не считая их существенными, или не располагая необходимой информацией, тем не менее, зная *Hymni Sacri* этого французского поэта, можно лучше понять духовную тематику поэтического сборника Сковороды *Сад божественных пѣсней, прозябшій из зерн Священнаго Писанія*, который им создавался на протяжении тридцати лет с 1750 по 1780 год, странствуя по Малороссии и Слобожанщине. Что касается влияния католицизма на Сковороду то, по мнению Чижевского, это было вполне закономерно, принимая во внимание его богатый европейский опыт общения с различными религиозными конфессиями.

Анализируя символы Сковороды, Чижевский выделяет растение, как всемирный образ природы и Бога.¹⁴⁵ Он приводит цитаты из его философских произведений, в которых показан вечный круговорот диалектического развития, берущий свое начало из крошечного семени или зерна, в бесконечном множестве форм способного формировать все земное: «Взглянем на землю и на около нас находящееся. Мѣлочной звѣрочок мыш, вкравшаяся за дорожным припасом в коляску, бѣшенную рысть самых буйных лошаков приводит в слабость и истомленіе. Взглянь на слабосильного звѣрка – человѣка. Он водит медведи и слоны. Взглянь на маленькую компасную коробочку и на малую часть корабля – на его руль. Он правит теченіе, а тая указывает путь. Маленькая искра разоряет городскія стѣны. Из крошечнаго зѣрна выходит толика яблонь. Легенькій вѣздушный шум есть испущенное из уст слово, но оно часто или смертно уязвляет, или в кураж приводит и оживляет душу. Малая птица – пѣтух пугает льва, а мыш – слона. Невидная пружина в составѣ движет всю часовую машину. Неосязаемая в цыркулѣ точка источником есть всѣх фигур и машин. Десятофунтная машинка

¹⁴³ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 1, с. 90.

¹⁴⁴ К Пречистой Богоматери (лат.).

¹⁴⁵ Чижевський Д., Фільософія Г.С.Сковороди. Варшава, 1934, с. 96.

ворочает стопудную тяжесть. Соломяный крутѣнь разбивает кремень. Ничтожная гражданских законов бумажка содержит гражданство в тишинѣ».¹⁴⁶

Этот метафизический символ на протяжении многих веков встречается в философии, например, в платонизме, патристике и немецкой мистике. Он аналогично присутствует в *Видимом мире* Коменского, будучи изображенным в виде деревьев, плодов и цветов.¹⁴⁷ Среди гравюр Даниэля де ля Фей, искусно копируемых Сковородой, почему-то отсутствуют те, в которых с помощью растений символизируется целый важный ряд идей: *Азѣ некишу плохихѣ вещей, Сладость скрыта есть под крѣпкимѣ, После слез приходитѣ плодѣ, Скоро родился, скоро исчезе, Егда едино оумерет, то другое родится, Божією помощію, Из кустя пучки, Множество слонает меня, Росту после убаленія моего, Обновляетѣ надежду, Разбиваетѣ крѣпчайшее каменіе* и т.д.¹⁴⁸ Вполне возможно, что эта проблема носила у него преимущественно технический характер, поскольку философскую трактовку большинства из них можно нередко найти в той или иной литературной форме.

Ссылаясь на известную работу Эрна Григорий Саввич Сковорода. *Жизнь и учение*, вышедшую в Москве в 1912 году, следующей темой Чижевский считает вопрос внутреннего человека, стоящий в самом центре внимания Сковороды. Он неслучайно находит свое выражение в его последнем труде *Диалог. Имя ему – Потоп зміин*, написанном в 1791 году за три года до его смерти: «Слушай, христіянинне! Слушай с твоим языческим сердцем! Долго ли тебѣ лежать на землѣ? Будешь ли ты когда-то человѣком? Не будешь! Почему? Потому что на плѣтѣню завѣсу засмотрѣлся. А на лице истиннаго человѣка Божія смотрѣть никак твоему оку нетерпѣливо. Не преобразишься, друг мой, из земнаго в небеснаго потоль, поколь не увидишь Христа. Потоль, поколь не узнаешь, что то есть истинный человѣк? Не продерешь глаз потоль, поколь плоть и кровь будут держать твое сердце».¹⁴⁹ Сковорода вновь озвучивает свое философское представление о двух человеческих натурах, внутренней и внешней, а также о трех символических

¹⁴⁶ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 2, с. 13.

¹⁴⁷ Ioann. Amos Comenii Orbis Pictus. Pozsony, 1798, с. 24–35.

¹⁴⁸ Wetstenium H., Symbola et Emblemata Selecta. Amstelaedami, 1705, с. 2–89.

¹⁴⁹ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 2, с. 163.

мирах. «Только бы не потерять сердца»¹⁵⁰ – объясняет он смысл изображенного на рисунке бобра, спасающегося бегством от преследующих его охотников, в диалоге *Разговор, называемый алфавит, или букварь мира*, таким образом, акцентируя актуальность проблемы истинного христианина. В сборнике *Symbola et Emblemata Selecta*, т.е. в первоисточнике, цитируемая им глава имеет частично иную лексическую формулировку: *Добро есть сіе, токмо бы оттого не оумереть*,¹⁵¹ что является результатом ее художественного перевода с других языков: *Pour sauver la vie*,¹⁵² *For to save his life*¹⁵³ и т.д. Вероятно, поэтому Чижевскому не удастся распознать этот символ, о чем он делает следующее замечание: «И в амстердамских Символах и эмблемах мы не найдем целого ряда эмблем и символов, напр., упомянутого выше бобра с пометкой: «только бы не потерять сердца»». ¹⁵⁴ По его мнению, наука о сердце у Сковороды приобретает гораздо мистический оттенок, хотя при этом не лишена той эмоциональной окраски, которая присуща немецкой романтике. Ее главное значение – это влияние, оказанное ею на русскую и украинскую литературу девятнадцатого века, а именно: Гоголя, Кулиша и Юркевича.¹⁵⁵

Как одним из наиболее оригинальных символов у Сковороды, олицетворяющим взаимоотношение между Богом и человеком, Чижевский выделяет фонтан: «Бог богатому подобен фонтану, наполняющему различные сосуды по их вмѣстности. Над фонтаном надпись сія: «Неравное всѣм равенство». Льются из разных трубок разные токи в разные сосуды, вокруг фонтана стоящіе. Меншій сосуд менѣе имѣет, но в том равен есть большему, что равно есть полный. И что глупѣе, как равное равенство, которое глупцы в мір ввествь всеу покушаются? Куда глупое все то, что противно блаженной натурѣ?..».¹⁵⁶ При внимательном чтении данной цитаты нельзя не заметить одной простой мысли: «равное равенство... противно блаженной натурѣ», чему вряд ли внимали Ленин и коммунисты старого или нового толка, усердно штудирующие произведения

¹⁵⁰ Там же, т. 1, с. 452.

¹⁵¹ Wetstenium H., *Symbola et Emblemata Selecta*. Amstelaedami, 1705, с. 68–69.

¹⁵² Чтобы спасти жизнь (фран.).

¹⁵³ Чтобы спасти жизнь (анг.).

¹⁵⁴ Чижевський Д., Фільософія Г.С.Сковороди. Варшава, 1934, с. 39.

¹⁵⁵ Там же, с. 114.

¹⁵⁶ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 1, с. 435.

Сковороды, пытаясь сотворить из него народного идола. Интересно, что прообразом к этому символу послужил итальянский архитектурный ансамбль *La Fontana di Trevi*,¹⁵⁷ увиденный им во время посещения Рима, сопровождая генерала Вишневого по Италии.

Сковорода сравнивает душу человека с оленем, быстро спустившимся с гор, чтобы, как верой в Бога, утолиться влагой чистого горного родника:

Так африканскій страждет елень скорый;

Он птиц быстрѣ пить спешит на горы,

А жажда жжет внутрь, насыщена гадом

И всяким ядом.¹⁵⁸

Аналогичное сравнение встречается в сорок втором псалме венгерского реформаторского Псалтыря,¹⁵⁹ регулярно исполняемого во время церковных служб:

Mint a szép híves patakra,

A szarvas kívánczokik,

Lelkem úgy óhajt Uramra,

És hozzá fohászkodik...¹⁶⁰

Исследователь Сумцов дает детальный анализ этого христианского символа в статье *Культурные переживания. Олень в произведениях словестности и искусства*, опубликованной в журнале «Киевская старина» в январе 1889 года. Он считает, что его аллегорическо-символическая трактовка берет свое начало в древности, т.е. в дохристианском сознании, где он выступает как солнечное Божество, а в Библии как Христос. Этот символ еще встречается в византийских миниатюрах¹⁶¹ и орнаментах хабанской керамической посуды, применяемой в протестантских церквях Северной Венгрии.

Далее Чижевский обращает внимание на уподобление Сковородой человеческого сердца бездне, например, в *Пѣсне 11-ой*, построенной на последней строке сорок первого псалма Псалтыря Давида: «В конец сего: Бездна бездну призывает, сирѣчь: В Законѣ Господни воля его. Дал бы ти воду живу, волѣ –

¹⁵⁷ Тревийский фонтан (итал.).

¹⁵⁸ Там же, с. 65.

¹⁵⁹ Énekeskönyv magyar reformátusok használatára. A Magyarországi Református Egyház kiadása. Псалом 42, с. 88.

¹⁶⁰ Как олень тоскует, по красой манящему ручью, так душа жаждет Бога, и с молитвой зрит к нему...(венг.).

¹⁶¹ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 1, с. 470.

волю и безднѣ твоей бездну мою». ¹⁶² В его философском понимании, душевная глубина двойственна и бесконечна, зла и добра, темна и светла, а просветление сердца – это победа над дьяволом. В непрерывном движении выражается основная форма земного бытия как постоянное стремление человека к познанию Бога: ¹⁶³

Бездна дух есть в человѣцѣ, вод всѣх ширшій и небес.

Не насытишь тѣм вовѣки, что плѣняет зрак очес.

Отсюда-то скука внутрь скрежет, тоска, печаль,

Отсюда несытость, из капли жар горшій всталь.

Знай: не будет сыт плотским дух. ¹⁶⁴

По мнению Чижевского, Сковорода, как никто из мистиков, постоянно употребляет слово *бездна* во взаимоотношении с главной сущностью жизни. Этот мотив еще присутствует у романтиков и в немецком идеализме, а также звучит в украинской литературе. ¹⁶⁵

Следующей Чижевский выделяет науку о микрокосмосе, которая в отличие от соответствующей науки эпохи Ренессанса имеет у Сковороды этическую и религиозную окраску. В центре ее стоит личность, в которой отражается мир, но для того, чтобы его понять, необходимо познать самого себя: ¹⁶⁶ «Сіе-то есть быть щастливым – [узнать], найти самого себе. Лицемѣры (говорится к нам), лицо небесное подлинно хорошо вы разбирать научились, а для чего не примѣчаете знаков, чтоб вам, как по слѣду, добратся до имѣющей ощастливить вас истинны? Все вы имѣете, кромѣ что вас же самых вы найти не знаете и умѣете, и не хотите. И подлинно удивленія достойно, что человѣк за 30 лѣт живет, а примѣтит не мог, что для него лучшее всего и когда с ним наилучше дѣлается. Видно, что он рѣдко бывает дома и не радит: «Ах Иерусалиме! Аще бы вѣдал еси, яже в миру твоему, но нынѣ скрыся от очей твоих...»». ¹⁶⁷

Характерные элементы этой науки можно найти еще у Платона, Аристотеля, Филона и т.д. Мир, который Коменский называет видимым, понимается через

¹⁶² Псалтырь Давида. Псалом 41, глава 8.

¹⁶³ Чижевський Д., Філософія Г.С.Сковороди. Варшава, 1934, с. 120–121.

¹⁶⁴ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 1, с. 69.

¹⁶⁵ Чижевський Д., Філософія Г.С.Сковороди. Варшава, 1934, с. 122.

¹⁶⁶ Там же, с. 124–125.

¹⁶⁷ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 1, с. 338.

индивидуальное самопознание. Сковорода заимствует символы морской раковины, слона и Нарцисса из сборника *Symbola et Emblemata Selecta*, чтобы с их помощью дать философскую трактовку новому ряду идей: *Не ищи себя извнѢ, СовѢсть чистая Богу оугодна* и *Знай сам себя*.¹⁶⁸ Сократовский призыв опять приобретает актуальность и невидимой нитью связывает воедино всю поэзию и прозу Сковороды от *Сада божественных нѢней* до *Диалога. Имя ему – Потоп зміин*. Несмотря на критику его исследователей, Сковорода как первый христианский философ всегда оставался преданным своему кредо, настойчиво проповедуя его, когда он учительствовал в Переяславском и Харьковском коллегиумах.

Чижевский считает, что наука о микрокосмосе Сковороды неразрывно связана с его теорией познания и имеет традиционный характер, восходящий к отцам церкви, Филону и мистикам.¹⁶⁹ «РазумѢть же – значит: сверх виднаго предмета провидѢть умом нѢчтось не видное, обѢтованное видным: «Восклонитесь и увидите...» Сіе-то есть хранить, наблюдать, примѢчать, сирѢчь при извѢстном понять безвѢстное, а с предстоящаго, будто с высокой горы, умный луч, как праволучную стрѢлу в мѢть, метать в отдаленную тайность... Отсюда родилось слово *символ*»¹⁷⁰ – пишет Сковорода в диалоге *БесѢда 1-я, нареченная Observatorium (Сіон)*. Он призывает видеть сердцем, отделяя внутреннее от внешнего, духовное от физического, вечное от тленного. Познание является у него этической функцией, в которой человек выступает как «точный обсерватор».¹⁷¹ Его этика строится на христианской традиции и направлена на полное уподобление Богу.¹⁷² Так, например, его герой Наркисс в *Разглаголе о том: узнай себе*, «истаяв от самолюбного пламя, преображается во источник»¹⁷³ и уподобляется Богу, что параллельно объясняется пословицей: «Всяк есть тѢм, чіе сердце в нем».¹⁷⁴

Очередным символом Чижевский называет субботу, под которой подразумевается мир и покой, а также согласие с Богом. Это своеобразное

¹⁶⁸ Wetstenium H., *Symbola et Emblemata Selecta*. Amstelaedami, 1705, с. 118, 142, 240.

¹⁶⁹ Чижевський Д., Фільософія Г.С.Сковороди. Варшава, 1934, с. 130.

¹⁷⁰ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 1, с. 295.

¹⁷¹ Там же, с. 287.

¹⁷² Чижевський Д., Фільософія Г.С.Сковороди. Варшава, 1934, с. 135–136.

¹⁷³ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 1, с. 154.

¹⁷⁴ Там же, с. 156.

сопереживание со страданиями Христа, распятого на кресте, находящее прямое выражение в духовной поэзии *Сада божественных пѣсней*:

Лежиш во гробѣ, празднуеш субботу

По трудах тяжких, по кровавом поту.

Князь никоих дѣл в тебѣ не имѣет,

Князь сего міра, что всѣми владѣет.¹⁷⁵

Чижевский полагает, что понимание мира Сковородой носит такую же эмоциональную окраску, как и в *Лабиринте света* Коменского: неутомимое движение во всем его разнообразии – это лишь сон и пустота.¹⁷⁶ Эта тема чаще всего фигурирует в поэтических произведениях Сковороды, будучи выраженной в образах бушующего моря или океана, в котором человек, подобно челноку, упорно стремится пристать к гавани:

Чолнок мой бури вихр шатает,

Се в бездну, се выспрь вергает!

Ах, нѣсть мнѣ днесь мира

И нѣсть мнѣ навклира.

Се мя море пожирает!¹⁷⁷

Путь к покою пролегает у Сковороды через самопринижение и самоочищение, что заключается в антиномии его этической науки уподобления и умаления перед Богом.¹⁷⁸ Его поиск самого себя ведет к личному счастью, скрывающемуся внутри: «Нынѣ же желаеш ли быть щасливым? Не ищи щастія за морем, не проси его у человѣка, не странствуй по планѣтам, не волочись по дворцам, не ползай по шарѣ земном, не броди по Іерусалимам... Златом можеш купить деревню, вещь трудную, яко обходимую, а щастіе, яко необходимая необходимость, тунѣ вездѣ и всегда даруется. Воздух и солнце всегда с тобою, вездѣ и туне; все же тое, что бѣжит от тебе прочь, знай, что оно чуждее и не

¹⁷⁵ Там же, с. 74.

¹⁷⁶ Чижевський Д., Фільософія Г.С.Сковороди. Варшава, 1934, с. 143.

¹⁷⁷ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 1, с. 88.

¹⁷⁸ Чижевський Д., Фільософія Г.С.Сковороди. Варшава, 1934, с. 149.

почитай за твое, все то странное есть и лишнее. Что же тебѣ нужды? Тѣм-то оно и трудное. Никогда бы не разлучилось от тебе, если бы было необходимое».¹⁷⁹

Оставаясь преданным педагогическому призванию, Сковорода пошекспировски смотрел на мир, как на театр, в котором каждому отведена определенная роль, сродная его способностям и таланту, а поэтому иного в жизни, кроме преподавания, он и не мог себе представить. Чижевский утверждает, что Сковорода «ничего принципиально-нового» не совершил в педагогике,¹⁸⁰ но, тем не менее, доказано, что он выступил первым российским проводником передового учения Коменского о новом подходе к детскому воспитанию. В притче *Благодарный Еродій* можно найти его актуальные сентенции о семье: «Таковое сердце вродив птенцам твоим, будеши им сугубый, сирѣчь истинный отец; чада же твоя будут истинныи, благодарныи, благочестивыи и самодовольныи еродіи»,¹⁸¹ чем-то напоминающие *Die Mutterschule*¹⁸² Коменского, чей труд, начиная с его появления на немецком языке в польском городе Лешно в 1633 году, имел значительный международный успех. В нем объясняется физическое, моральное и интеллектуальное воспитание детей в раннем возрасте и дальнейшее усвоение ими жизненных правил поведения в обществе. Сковорода, в свою очередь, придает этой теме природосообразную окраску: «Учитель и врач – нѣсть врач и учитель, а только служитель природы, единственныя и истинныя и врачевницы, и учительницы. Бude кто чего хошет научитися, к сему подобает ему родитися. Ничто же от человек, от Бога же вся возможна суть. Аще же кто дерзает без Бога научить или научитися, да памятует пословицу: «Волка в плуг, а он в луг». Доколѣ колцо висит из ноздрей свиніи, дотолѣ не роет. Выйми же, паки безобразит землю».¹⁸³ Его высказывание о важности воспитании детей вообще – это еще одно подтверждение его весомого вклада в педагогику: «Но ничто же лучше есть благаго воспитанія: ни чин, ни богатство, ни фамиліа, ни милость вельмож, развѣ благае рожденіе. Оно едино есть лучше всего и сего, яко сѣмя щастію и зерно

¹⁷⁹ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 1, с. 144.

¹⁸⁰ Чижевський Д., Філософія Г.С.Сковороди. Варшава, 1934, с. 171.

¹⁸¹ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 2, с. 99.

¹⁸² Материнская школа (нем.).

¹⁸³ Там же, с. 104.

воспитанію». ¹⁸⁴ По его мнению: «Воспитаніе же истекает от природы, вливающія в сердце сѣмя благія воли, да помалу-малу, без препятствій возрасши, самовольно и доброхотно дѣлаем все тое, еже свято и угодно есть пред Богом и человѣки». ¹⁸⁵ Он также обращает внимание на этические цели преподавания английского языка: «Кая полза ангелскій язык без добря мысли? Кій плод тонкая наука без сердца благаго?». ¹⁸⁶ В конце он произносит следующее заключение: «Да запечатлѣтся же сія бесѣда славою отца моего сею: *главизна воспитанія есть*: 1) благо родить; 2) сохранить птенцеви младое здравіе; 3) научить благодарности». ¹⁸⁷ Его народное «любомудрие» и принцип всеобщего согласия, единства мира и взаимосвязи противоположностей – это продолжение материалистического сенсуализма Коменского с тремя источниками познания: чувств, разума и веры. Сковорода, с помощью бесед, диалогов, разговоров, симфоний и т.д., стремился по-новому излагать христианско-богословский учебный материал, поистине необходимый для его учеников, в результате чего за свои экзегетические попытки он был не раз объявлен еретиком и отстранен. ««Начальная дверь к христианскому добронравію для молодого шляхетства Харьковской губерніи»... содержало в себѣ простыя истинны, краткія коренныя познанія должностей, относительных до общежитія. Всѣ просвѣщенные люди признавали в оном чистыя понятія, справедливыя мысли, основательныя разсужденія, чувствительныя побужденія, благородныя правила, движущія сердце к подобному себѣ концу высокому. Но как все то основывалось на познаніи Бога и достойном почтеніи онаго, то епископ бѣлградскій, бывшій тогда епархіальным, почитая такое разсужденіе в устах свѣтскаго человѣка за похищеніе власти и преимуществ своих, вознегодовал на него с гоненіем; требовал книжицу на разсмотреніе; нашол нѣкоторыя неясности для него и сомнѣнія в рѣчах, и образ ученія, не соотвѣтствующій обыкновенному правилу...» ¹⁸⁸ – вспоминал впоследствии Коваленский о профессиональных невзгодах своего учителя. Спустя более двести лет после смерти Сковороды, можно с уверенностью заявить, что он действительно является первым педагогом в истории России

¹⁸⁴ Там же, с. 101–102.

¹⁸⁵ Там же, с. 104.

¹⁸⁶ Там же.

¹⁸⁷ Там же, с. 116–117.

¹⁸⁸ Там же, с. 460.

восемнадцатого века, смело распахнувшим «начальную дверь» к теоретическому наследию Коменского, а поэтому современная российско-украинская педагогика так неразрывно связана с зарубежной педагогикой, включая венгерскую.

Чижевский выделяет отдельным планом принадлежность Сковороды к украинской национальной культуре, анализируя его взгляды и язык, хотя при этом допускает возможность повышенного эстетического интереса к нему извне.¹⁸⁹ «Мати моя, Малороссія, и тетка моя, Украина...»¹⁹⁰ – начинает свое письмо шестидесятивосьмилетний Сковорода Коваленскому в Санкт-Петербург из Ольшанской Ивановки, на Слобожанщине, 26 сентября 1790 года. А кем ему приходилась Венгрия, которую он называет «любезной» в диалоге *Бѣседа, нареченна двое о том, что блаженным быть легко?* И почему в басне *Щука и Рак*, грустно взирая на широкий Днепр, ему непременно чудится быстрый Дунай и виноградные холмы Токая, для которых он «...не изгнанник, но странник и не отечество оставляет, а отечество перемѣняет; в коей земли пришлец, тоей земли и сын, имѣя внутри себе народное право, о коем Павел гласит: «Закон духовен есть»»?¹⁹¹ Художественное наследие Сковороды невозможно ограничить условно принятыми рамками этнического характера. Литературная география его творчества практически безгранична, а он полностью принадлежит мировой культуре, отбрасывая всякий космополитизм, на который нередко ссылаются его до и постсоветские критики. Секрет феномена Сковороды следует искать в его непростой биографии, простирающейся от малороссийских Чернух до итальянского Рима. Его духовное влияние занимает важное место в славянских литературах бывших советских республик. Принимая во внимание политическую ситуацию, сложившуюся вокруг Чижевского, можно легко понять, почему он так воинственно акцентирует приоритет украинского элемента в сочинениях Сковороды, хотя нельзя не поставить под вопрос его заявление о мистичности философской системы Сковороды, исходящей из его символики, эмблематики и интерпретации Святого Письма.¹⁹² Традиционная ссылка на его произведение *Сон*,

¹⁸⁹ Чижевський Д., Фільософія Г.С.Сковороди. Варшава, 1934, с. 179.

¹⁹⁰ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 2, с. 356.

¹⁹¹ Там же, т. 1, с. 125.

¹⁹² Чижевський Д., Фільософія Г.С.Сковороди. Варшава, 1934, с. 181.

запечатленного им в Каврае в 1758 году, вряд ли может служить основанием для подобного категорического утверждения, потому что он построен на действительных переживаниях самого автора и лишь частично мистифицирован для достижения большего стилистического эффекта. Все события, описываемые в нем, это конкретные эпизоды нескольких лет его жизни, охватывающих петербургский и токайский периоды его биографии, что еще раз подчеркивает особую необходимость владения точными деталями его службы в Императорской хоровой капелле и комиссии венгерских вин. Незнание, а иногда умышленное игнорирование определенных биографических моментов, приводит к недопониманию и последующему искажению истинных взглядов Сковороды. Как поэт и писатель, он по натуре был склонен к мистическому интерпретированию событий личного характера, что впоследствии нашло отражение в его поэтических и прозаических переводах.

В заключение, Чижевский признает, что Сковорода соединяет христианство с античностью как характерную тенденцию барокко, но при этом не является еретиком, а его мистика больше тяготеет к натурофилософии, напоминающей пансофию Коменского.¹⁹³ В центре его религиозного мировоззрения неизменно стоит Христос, что наиболее присуще его литературному стилю, главными элементами которого Чижевский выделяет универсализм и антитетичность. Под универсализмом Сковороды понимается барочная пышность – его стремление, на бесконечном количестве лексических примеров и сравнений, создать впечатление так называемого космоса, т.е. «микрокосмоса», или «символического мира»:¹⁹⁴ «Если бы ты мнѣ всеселенну дарил по плоти, я бы отказался. И малыя сторонки моя матери Малороссіи, и одной ея горы не взял бы. Гдѣ мнѣ ее дѣвать? Тѣлишко мое есть маленькая кучка, но и та мнѣ скучна. Что есть плоть, если не гора? Что гора, если не горестъ? «Кто яко Бог?» Что сладчае и легчае и вмѣстнѣе, как дух? Сердце мое вкущает его без грусти, пьет без омерзения, вмѣщает без труда, носит без досады. Душа моя в духа, а дух в сердце мое преобразился. Боже сердца моего! О часть моя вселадчайшая! Ты един мнѣ явил двое: сѣнь и безвѣстную тайну. Ты

¹⁹³ Там же, с. 186.

¹⁹⁴ Там же, с. 189.

еси тайна моя, вся же плоть есть сѣнь и закров твой. Всяка плоть есть риза твоя, сѣно и пепел; *ты* же тѣло, зѣрно, фиміам, стакти и касіа, пречистый, нетлѣнный, вѣчный. Все тебѣ подобно и ты всему, но ничто же есть тобою, и ты ничем же, кромѣ тебе. Ничто же, яко же ты. «Кто яко Бог?»». ¹⁹⁵

Антитетика Сковороды, по убеждению Чижевского, состоит из мировоззренческих, исключительно религиозных и мистических элементов, выражаемых с помощью семантических, фонетических и ритмических антитез: ¹⁹⁶ «И сія-то есть вина тому, что во всяком званіи находятся щасливые и нещасливые, спокойные и беспокояные, куражные и унылые. Запри несроднаго в уединеніе, оно ему смерть, а с природою – рай. «Уединеніе для мене – рай, – вопіет блаженный Іероним, – а город – темница». «О уединеніе! – кричит другой, ему подобен, – умерщвление порокам, оживленіе добродѣтелям!..» Для таковых сердец самая внутренняя пустыня тѣм многлюднѣе, чемъ уединеннѣе, а дѣлнѣе тѣм, чемъ празднѣе; будьто виноградная ягода тѣм в сладкой своей силѣ богатѣет, чемъ варит и сокращает ее солнце в полудни». ¹⁹⁷

Анализируя поэзию Сковороды, Чижевский цитирует из *O Delicati Blanda etc.*, ¹⁹⁸ перевода новолатинского стихотворения Мюре *Ad Petrum Gerardium*. ¹⁹⁹ Сковорода высоко ценил этого поэта эпохи Возрождения и постоянно обращался к его *Hymni Sacri*, черпая вечноактуальные идеи европейского гуманизма. Существует целый ряд жизненных параллелей в судьбах этих двух гениев, одинаково подвергавшихся незаслуженным гонениям со стороны официальной церкви. В этом посвящении много персонального, что несомненно подтолкнуло Сковороду к его последующему выбору, так как он тоже стремился к деревенскому покою с его неповторимой природой, противопоставленной его беспокойной натуре творца:

О селянскій милій, любій мой покою,

Всяких печалей лишениій!

О источников шум журчащих водою,

¹⁹⁵ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 1, с. 276.

¹⁹⁶ Чижевський Д., Філософія Г.С.Сковороди. Варшава, 1934, с. 190–193.

¹⁹⁷ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 1, с. 428.

¹⁹⁸ О милый нежный и проч. (лат.).

¹⁹⁹ К Петру Герардию (лат.).

О лѣс темній прохладенній,
О шумящы кудры волосов древесних,
О на луках зелень красна,
О самота мати ради дум небесних,
О сумна тихость ужасна...²⁰⁰

Задумываясь над основными первоисточниками, Чижевский указывает на такие строки Сковороды, звучащие лейтмотивом всей его поэзии и прозы:

О бібліотеко, ты моя избранна,
О немногим книги чтомы!²⁰¹

Из известных книжных собраний, посещенных Сковородой в 1745–1750 годах, следует выделить Большую библиотеку Шарошпатакского реформаторского коллегиума, где он проникся идеями визуального метода Коменского, о ком немецкий философ-идеалист Лейбниц писал: *Tempus erit, quo te, Comeni, turba honorum, factaque, spesque tuas, vota quoque ipsa colet!*²⁰² Коваленским дается полный список античных классиков, которыми его учитель пользовался на занятиях в Харьковском коллегиуме: «Сковорода продолжал преподавать синтаксис и еллинской язык общественно, а любимаго своего молодаго челоуѣка обучал особенно греческому языку и чтенію древних книг, из которых любимѣйшіе им были слѣдующіе писатели: Плутарх, Филон Іудеанин, Цицерон, Горатій, Лукіан, Климент Александрійскій, Ориген, Нил, Діонисій Ареопагитскій, Максим Исповѣдник, а из новых относительно к сим; глава же всѣм Библія».²⁰³

Кроме Сковороды, Чижевский изучал еще поэзию Тютчева, прослеживая конкретные связи в художественном творчестве русских и немецких поэтов, что объяснялось дружбой с философом Франком, автором большого труда на данную тему, опубликованного в Германии в начале 1920-х годов. «Несомненно, Тютчев принадлежит к самым значительным русским поэтам. Однако все литературные работы о нем лишь ни что-то иное, как попытки, побуждения, очерки...» – отмечает Чижевский в статье *Тютчев и немецкий романтизм* в берлинском ежегоднике

²⁰⁰ Там же, с. 96.

²⁰¹ Чижевський Д., Фільософія Г.С.Сковороди. Варшава, 1934, с. 205.

²⁰² Придет то время, Комений, когда толпы праведных почтут тебя за твои деяния, надежды и мечты! (лат.).

²⁰³ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 2, с. 450.

профессора Фасмера в 1927 году. Спустя десять лет, в очерке *Об одном стихотворении Тютчева*, он исследует его романтическое произведение *Над виноградными холмами...*,²⁰⁴ которое непосредственно перекликается с темой духовного и физического вина, встречаемой в философских трактатах Сковороды:

Над виноградными холмами
Плывут золотые облака.
Внизу зелеными волнами
Шумит померкшая река.
Взор постепенно из долины,
Подъемлясь, всходит к высотам
И видит на краю вершины
Круглообразный светлый храм.
Там, в горнем, неземном жилище,
Где смертной жизни места нет,
И легче, и пустынно-чище
Струя воздушная течет.
Туда взлетая, звук немеет,
Лишь жизнь природы там слышна
И нечто праздничное веет,
Как дней воскресных тишина.²⁰⁵

Находясь более двадцати лет на дипломатической службе в Государственной коллегии иностранных дел, Тютчев имел возможность посетить места, связанные с пребыванием Сковороды за границей, а среди них и Токай. Позже, несмотря на критическое восприятие революционных событий 1848 года в Венгрии,²⁰⁶ он продолжал интересоваться ее культурой, включая лирику Балашши, венгерского поэта эпохи позднего Ренессанса, что подтверждается его оригинальной интерпретацией стихотворения *Любителям вина*,²⁰⁷ озаглавленной им как *Противникам вина*:

²⁰⁴ Tschyzevskij D., Zu einem Gedicht Tjutschews. Zeitschrift für slavische Philologie, 1937, Nr. 14, с. 325–331.

²⁰⁵ Тютчев Ф., Стихотворения. Письма. Москва: Правда, 1986, с. 59.

²⁰⁶ Там же, с. 13–14.

²⁰⁷ Balassi B., Válogatott versei. Borivóknak való. In laudem verni temporis. Balassi Kiadó: Budapest, 1994, с. 21.

О, суд людей неправый,
Что пьянствовать грешно!
Велит рассудок здравый
Любить и пить вино.
Проклятие и горе
На спорщиков главу!
Я помощь в важном споре
Святую призову.
Наш прадед, обольщенный
Женою и змием,
Плод скушал запрещенный
И прогнан поделом.
Ну как не согласиться,
Что дед был виноват:
Чем яблоком прельститься,
Имея виноград?
Но честь и слава Ною,-
Он вел себя умно,
Рассорился с водою
И взялся за вино.
Ни ссоры, ни упреку
Не нажил за бокал.
И часто гроздий соку
В него он подливал.
Благие покушенья
Сам Бог благословил—
И в знак благоволенья
Завет с ним заключил.
Вдруг с кубком не слюбился
Один из сыновей.
О, изверг! Ной вступился,

И в ад попал злодей.
Так станемте ж запоем
Из набожности пить,
Чтоб в Божье вместе с Ноем
Святилище вступить.²⁰⁸

Эпиграфом к этому переспеву послужила фраза: «Яко и вино веселит сердце человека», аналогично озвученная в экзегетическом диалоге Сковороды *Кольцо*: «Гроздь простой, образующий и веселящий. «Вино веселит сердце человека.» «Кровь гроздову пияху вино...»».²⁰⁹ Наряду с трактовкой вина, Тютчев также обращается к теме фонтана, символизирующей вечное начало и постоянное стремление личности к внутреннему самопознанию, что вновь указывает на его тесное родство с творчеством Сковороды:

Смотри, как облаком живым
Фонтан сияющий клубится;
Как пламенеет, как дробится
Его на солнце влажный дым.
Лучом поднявшись к небу, он
Коснулся высоты заветной –
И снова пылью огнецветной
Ниспасть на землю осужден.
О смертной мысли водомет,
О водомет неистоцимый!
Какой закон непостижимый
Тебя стремится, тебя мятет?
Как жадно к небу рвешься ты!..
Но длань незримо-роковая,
Твой луч упорный преломляя,
Свергает в брызгах с высоты.²¹⁰

²⁰⁸ Тютчев Ф., Стихотворения. Письма. Москва: Правда, 1986, с. 160.

²⁰⁹ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 1, с. 408.

²¹⁰ Тютчев Ф., Стихотворения. Письма. Москва: Правда, 1986, с. 65.

Как логический итог философского анализа Сковороды, Чижевский провозглашает его «самым интересным славянским предромантиком» и считает, что традиция развития мистики и платонизма обязательно ведет к философии романтизма.²¹¹ Подчеркивая слабые и сильные стороны его исследования, необходимо заметить, что он первым выделил связь со сборником Ветштейна *Избранные символы и эмблемы*, универсальным ключом к практическому пониманию символов Сковороды, и с его помощью объяснил каждый отдельный рисунок или гравюру, сделав аутентичное чтение его произведений более понятным для современного читателя. Сегодня, благодаря электронным средствам массовой информации, *Symbola et Emblemata Selecta* в полном объеме является доступной для студентов и преподавателей славянской филологии. Между тем, его главный недостаток, а до него Багалея, Эрн и других, заключается в том, что он не владел многими реалиями из биографии Сковороды, а поэтому не смог осветить ряд важных первоисточников, таких как *Hymni Sacri* Мюре. По той же причине, он недооценивал влияния немецкой философии, т.е. венгерской, ссылаясь на субъективные высказывания Вернета в мемуаре *Лопанский мост – отрывок из воспоминаний о Харькове*.²¹² Пребывая на императорской службе в Токайских садах, Сковорода неоднократно сопровождал придворного комиссара Вишневого в Шарошпатак, где преподавали известные реформаторские профессора Михай Сатмари Пакши II, Давид Шаркань и Иштван Ф.Баньяи, убежденные сторонники позитивного рационализма и преемники прогрессивных идей шарошпатакского педагога Яноша Чечи Младшего, соединившего основные принципы философии Декарта с богословием Коккеюса в труде *Theologica Prophetica et Symbolica*.²¹³ Их ученики с большим энтузиазмом изучали Гроция, Спинозу, Лейбница, Вольфа, Руссо и Канта, а также пользовались многотомным изданием новой французской энциклопедии. По примеру Чечи, будущие учителя и священники, на средства земпленских спонсоров, регулярно посещали университеты Франекера, Утрехта, Амстердама, Галле, Гейдельберга, Берна, Цюриха и Женевы.²¹⁴ Общение с

²¹¹ Чижевський Д., Фільософія Г.С.Сковороди. Варшава, 1934, с. 208.

²¹² Там же, с. 206.

²¹³ Пророческая и символическая теология (лат.).

²¹⁴ A Sárospataki Református Kollégium, Kiadja A Református Zsinati Iroda Sajtóosztálya: Budapest, 1981, с. 121–122.

реформаторами радикально изменило мировоззрение Сковороды, что образно подтверждается цитатой из диалога *Разговор пяти путников о истинном щастіи в жизни*: «...а Библию начал читать около тридцати лѣтъ рожденія моего. Но сія прекраснѣйшая для меня книга над всѣми моими полюбовницами верх одержала, утолив мою долговременную алчбу и жажду хлѣбом и водою, сладчайшей меда и сота Божіей правды и истинны, и чувствую особливую мою к ней природу. Убѣгал, убѣгаю и убѣжал за предводительством Господа моего всѣх житейских препятствій и плотских любовниц, дабы мог спокойно наслаждаться в пречистих обятіях краснѣйшей, паче всѣх дочерей человѣческих, сей Божіей дщери. Она мнѣ из непорочных ложесн своих родила того чуднаго Адама, кой, как учит Павел, «созданный по Бозѣ, в правдѣ и преподобіи и истиннѣ» и о коем Исаія: «Род же его кто исповѣсть?»²¹⁵

Несмотря на идеологическую заангажированность украинских критиков Шинкарука и Иваньо, предвзято обвинявших Чижевского в буржуазном национализме и искажении антиклерикальных взглядов Сковороды,²¹⁶ его труд *Філософія Г.С.Сковороди* и далее остается актуальным для современных исследователей этого великого мыслителя восемнадцатого века, как символический мост, связавшего венгерский позитивный рационализм с русской и украинской христианской мыслью. В отношении Чижевского как ученого следует еще добавить мнение известного немецкого профессора Гуссерля: «...мой бывший ученик украинско-русского происхождения доктор Чижевский подал прошение о занятии Галльского лектората славянских языков. Я позволю себе обратить Ваше внимание и всего круга коллег, интересующихся философией культуры, на эту необычайную личность. Он основательнейше образованный, самостоятельно мыслящий философ, исходя из своей славистики увлеченный преимущественно Гегелем, и в то же время находящийся под влиянием феноменологии, при этом характеризующийся достойной удивления широтой учености, охватывающий различные области культуры».²¹⁷

²¹⁵ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 1, с. 355.

²¹⁶ Там же, с. 13.

²¹⁷ Чижевский Д., Избранное в 3-х томах. Том 1: Материалы к биографии (1894–1977). Сост., вступ. ст. В.В.Янцена. Комментар. В.В.Янцена и др. Москва: Русский путь, 2007.

4. Сковорода и педагогическое наследие Коменского

*Tempus erit, quo te, Comeni, turba honorum,
Factaque, spesque tuas, vota quoque ipsa colet!*²¹⁸

(Лейбниц)

«Одна для тебе остается *школа веры*, или, как Давид говорит, поучение в Божности»²¹⁹ – писал эти строки Сковорода в диалоге *Разговор 5-й о том же: знай себе*, вошедшем в *Наркисс*, один из его первых философских трудов, через двадцать лет после возвращения из Токайских садов. Школой веры часто называют Шарошпатакский реформаторский коллегиум, в котором преподавал основатель современной педагогики Коменский. За четыре года, проведенных в этом учебном заведении, он создал *Schola Pansophica*,²²⁰ *Orbis Sensualium Pictus*,²²¹ *Schola Ludus*²²² и *Gentis Felicitas*,²²³ составивших трехтомное издание под общим названием *Opera Didactica Omnia*²²⁴ в 1657 году. Сто лет истории, отделяющие Сковороду от Коменского, не могли ослабить его педагогический интерес к идее пансофизма, ставшей впоследствии теоретической основой всемирного образовательного процесса. Работая в библиотеке коллегиума, Сковорода сразу обращает внимание на школьные учебники латинского языка Коменского *Vestibulum*,²²⁵ *Janua*²²⁶ и *Atrium*,²²⁷ а позже, размышляя над курсом лекций по богословию, озаглавленным *Начальная дверь ко христианскому добронравію*, он в память о Коменском обязательно выберет это название, при этом в главе *О Богѣ* заметит следующее: «Да и теперь и в нѣкоторой земле называется Бог *Ииумен*».²²⁸ Методика трехгодичного преподавания латыни, разработанная Коменским с учетом венгерского языка как родного, помогла Сковороде в его успешном освоении, благодаря чему он чувствовал себя равным в обществе именитых профессоров Сатмари Пакши II, Шаркань и Баньяи.

²¹⁸ Придет то время, Комений, когда толпы праведных почтут тебя за твои деяния, надежды и мечты! (лат.).

²¹⁹ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 1, с. 179.

²²⁰ Школа всеобщей мудрости (лат.).

²²¹ Мир значений в картинках (лат.).

²²² Школьный театр (лат.).

²²³ Благополучие народа (лат.).

²²⁴ Труды великой дидактики (лат.).

²²⁵ Преддверие (лат.).

²²⁶ Дверь (лат.).

²²⁷ Зала (лат.).

²²⁸ Там же, с. 146.

Используя визуальный метод Коменского, Сковорода включает его главные принципы в работу *Разговор, называемый алфавит, или букварь мира* для трактовки ряда философских идей с помощью рисунков, что считалось абсолютно новым в образовании России восемнадцатого века. «Картина есть книга» – произносит он устами Якова, одного из действующих лиц. «Родители суть наши лучшіе учителя» – гласит его первый рисунок, на котором соловей обучает своих птенцов пению. «Природа превосходит науку» – поясняет второй рисунок, изображающий раненного оленя в поисках целебной травы. «Ищи себе внутри себе» – учит третий рисунок с морской раковиной на переднем плане. Четвертый рисунок в виде слона, приветствующего солнце, символизирует «образ чѣловека благочестиваго». На пятом рисунке юноше Наркиссу, ничего не видящему кроме собственного отражения в воде, дается мудрое наставление: «Узнай себе. Заглянь внутрь». «Только бы не потерять сердца» – толкует Яков суть шестого рисунка со ссылкой на бобра, панически спасающегося бегством от преследующих его охотников. Нельзя не понять предупреждение седьмого рисунка, на котором мотылек кружит вокруг горящей свечи: «Охота моя погубляет мене». На восьмом рисунке «бѣдный Актеон превращается в оленя», чтобы в наказание быть растерзанным его охотничьими псами только за то, что он посмел взглянуть на обнаженную Диану, купающуюся со служанками на девятом рисунке: «Враги челоуѣку домашніи его». Десятый рисунок через символ скорбящей голубки-вдовы трактует вечную истину: «Бог любви есть». Интересно рассуждение Сковороды о происхождении слова *Бог* на одиннадцатом рисунке, содержащем крылатого купидона: «Крила его значит непрерывное, всю вселенную движущее движениѣ, а младенчество намѣчает в нем тое: «Ты же тойжде еси...» Может быть отсюда родилось и имя сіе «Бог», что движениѣ вселенную движущаго так, как рѣки текущія, есть бѣг непрерывный». «Един челоуѣк из двоих составлен» – объясняет Лонгин дуалистическую суть двенадцатого рисунка и продолжает словами апостола Павла: «Прилѣпляйся Господеви един дух есть с Господем». «Купидон цѣлюю на раменах таскает систему міра» – добавляет его собеседник Ермолай. На тринадцатом рисунке купидон «...всѣ Коперниковы міры в забаву носит лучше Атласа». Четырнадцатый рисунок устами Григория повторяет фразу, некогда

высказанную Цицероном: «*Omnia vincit amor...* – «Всѣ побеждает любовь». Последний из рисунков «...увѣнчан цвѣтовым вѣнцем...» – рогом изобилия: «Но не бѣшенством ли пахнет приносить Хранителю своему ладан, вино, цвѣты, а не послѣдовать ему туда, куда ведет Божій сей наставник?» – спрашивает у остальных Григорий.²²⁹ *Разговор, называемый алфавит, или букварь мира* по праву является первым примером практического воплощения визуального метода Коменского, и хотя его иллюстрированный словарь появился еще в 1658 году, но до и после Сковороды официальная педагогика ограничивалась лишь пассивным переводом этого учебного пособия, недооценивая его потенциальных возможностей для всего спектра академических наук. Методологический подход, используемый Сковородой, абсолютно неслучаен, как и название, ставящее идеи Коменского на более высокий теоретический уровень. Заимствованные в диалоге гравюры из сборника *Symbola et Emblemata Selecta* еще раз подчеркивают учительскую изобретательность Сковороды. Несмотря на редакцию нюрнбергского профессора Кутеллы 1755 года, московские издания пятиязычного словаря *Видимый мирѢ* Коменского, выпущенного по указу императрицы Екатерины II в 1768 и 1788 годах, не содержали первоначального визуального оформления, что, в конечном итоге, подтолкнуло Сковороду бросить новый вызов церковной цензуре. Как известно, его педагогические попытки и ранее противоречили канонам церкви, а «...разсужденіе о поезіи и руководство к искусству оной ... новым образом ... епископу²³⁰ показалось странным и несообразным прежнему старинному обычаю...»,²³¹ из-за чего он был незамедлительно уволен из Переяславского коллегиума предвзятым решением консисторского суда в 1751 году. Но если заглянуть в причину его профессионального конфликта с епископством, то можно увидеть, что главная проблема состояла не столько в его новаторской методике, сколько в смелом использовании на уроках пиитики запрещенной поэзии французского протестанта Мюре, который и через двести лет считался еретиком с точки зрения поповской идеологии. До сих пор в книгохранилище Шарошпатакского коллегиума можно найти полное собрание произведений этого

²²⁹ Там же, с. 448–459.

²³⁰ Переяславский епископ Никодим Сребницкий.

²³¹ Там же, т. 2, с. 441.

лучшего поэта и стилиста эпохи Возрождения, как о нем отзывался его ученик Мишель де Монтень, автор первых очерков в истории мировой литературы, появившихся во Франции в 1580-х годах.²³²

Было бы несправедливо оставить без внимания важный эпизод из биографии Сковороды, связанный с его репетиторской деятельностью в 1753–1759 годах в имении Каврай богатого малороссийского помещика Стефана Тамары, находившемся недалеко от Переяслава. Общась один на один с его сыном Василием, он сумел привить этому юноше поистине христианские взгляды и любовь к «словесным наукам и языку», а себя обучить «благочестію и самодовольству».²³³ Впоследствии, молодой Тамара становится знаменитым военным атташе, не преклонившим голову перед будущим французским императором Наполеоном Бонапартом. В исторической хронике он упоминается как действительный тайный советник, посланник и полномочный министр, служивший в Константинополе с 1799 года. В реляциях князя Репина Екатерине II в 1775 году, он значится как переводчик, а 3 июня 1783 года он уже в чине подполковника доставляет грузинскому царю Ираклию проект договора о признании верховной власти и покровительства России. В октябре 1784 года его посылают к хану Али-Мурату в Испагань со срочной депешой от князя Потемкина. Его современники с большим уважением отзывались о нем как об умном и талантливом дипломате. Так, например, в книге французского писателя графа Жозефа де Местра *Les Soirées de Saint-Petersbourg ou Entretiens sur le gouvernement temporel de la Providence, suivies d'un Traité sur les Sacrifices*²³⁴ он является одним из действующих лиц, а русский драматург и поэт Капнист в своих стихах оплакивает его смерть, наступившую в 1819 году.²³⁵

Непосредственный контакт между учителем и учеником как воспитательный прием получит дальнейшее развитие во время преподавания Сковородой синтаксиса, греческого языка и чтения древних книг в Харьковском коллегиуме в 1759–1769 годах, где он встретится с Коваленским, ставшим его

²³² Dejob C., Marc Antoine Muret: Un professeur français en Italie. 1881, rpt., 1970.

²³³ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 2, с. 446.

²³⁴ Вечера Санкт-Петербурга или переговоры о временном правительстве Провидения, следующие за договором о жертвоприношениях (фран.).

²³⁵ Бутков П., Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Санкт-Петербург, 1869, ч. II.

близким другом и первым биографом. Его воспитаннику с детства внушалось, «...что щастіе чловѣческое состоит в том, чтобы имѣть всего много... и в утѣхах праздно веселиться».²³⁶ Осознавая полную ошибочность подобного воспитания, Сковорода принимается «...перевоспитывать его и желая больше и больше дать ему впечатлѣній истинны, писывал он к нему письма почти ежедневно, дабы, побудя его к отвѣтствованію хотя кратко на оныя, приучить его мыслить, разсуждать, изъясняться справедливо, точно, прилично».²³⁷ Помимо бесед и разговоров о смысле жизни, он также берет его на вечерние прогулки в район кладбищенского погоста, пытаюсь, таким образом, избавить от юношеских предрассудков и страхов, а пение и игра на флейтравере всегда были неотъемлемым атрибутом этого необычного учебного процесса, который ранее практиковался Коменским, спорившим на философские темы с юными коллегами в живописных окрестностях Шарошпатака. В 1764 году Сковорода совершает совместное путешествие с Коваленским в Киев, где посещают Печерскую Лавру и другие исторические места, что имело влияние на становление его личности. Природная сообразность мысли, языка и поступка, заложенная Коменским, нашла логическое продолжение у Сковороды и оставила глубокий след в сознании Коваленского, тем самым предопределив его судьбу. Из его биографии известно, что он стал писателем и тайным советником, а его *Жизнь Григорія Сковороды, писана 1794 года в древнем вкусѣ* считается единственным достоверным источником для исследователей творчества этого мастера отечественной педагогики, основанной на передовых методах Коменского. Это письменный памятник второй половины восемнадцатого века, отличающийся легкостью литературного стиля, ясностью и последовательностью изложения, искренностью и добродушием, полнотою подробностей малороссийского и слобожанского быта. Кроме этого произведения, художественному перу Коваленского еще принадлежит *Ода на новый 1774 год Екатерине II*, *Ода на день рождения Екатерины II, 21 апреля 1774 года* и *Записка Христины, королевы шведской, с примечаниями Д'Аламбера*. После преподавания в Харьковском коллегииуме в 1766–1769 годах, он был воспитателем графа

²³⁶ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 2, с. 448.

²³⁷ Там же, с. 451.

Разумовского, с которым путешествовал по Европе, продолжив свое образование в Страсбургском университете. При Екатерине II он служил правителем Рязанского наместничества в чине генерал-майора, а в 1801 году Павел I назначил его куратором Московского университета. Выйдя в отставку в 1804 году, он провел последние годы жизни в имении Хотетово, на Слобожанщине,²³⁸ где сочинил следующие памятные строки о своем учителе:

Григорію Савичу Сковородѣ, в Бозѣ скончавшемся 1794 года, октября 29 дня.

Ревнитель истинны, духовный Богочец,
И словом, и умом, и жизнiю мудрец;
Любитель простоты и от сует свободы,
Без лести друг прямой, доволен всѣм всегда,
Достиг на верхъ наук, познавши дух природы,
Достойный для сердец примѣр, Сковорода.
М.К.²³⁹

Материалистический сенсуализм Коменского с тремя источниками познания – это народное «любомудрие» Сковороды, его принцип всеобщего согласия, единства мира и взаимосвязи противоположностей, согласно которому человек есть часть природы и обязан подчиняться ее законам, а поэтому все должно быть природосообразно, т.е. сродно. Сродность, в его понимании, это абсолютная гармония нравственного и эстетического начал, к которой следует постоянно стремиться. Положительные качества у детей должны воспитываться на личном примере, систематически приобщая их к полезной, сродной деятельности. Вот как он пишет в *Басне 10-ой*: «Сродность трудолюбiем утверждается. Что ползы знать, каким образом дѣлается дѣло, если ты к тому не приобык? Узнать не трудно, а трудно привыкнуть. Наука и привычка есть то же. Она не в знанiи живет, но в дѣланiи. Вѣдѣнiе без дѣла есть мученьем, а дѣло – без природы. Вот чем разнится scientia et doctrina (знанiе и наука)». ²⁴⁰ Необходимо также вспомнить *Благодарный Еродiй* с актуальными жизненными наставлениями: «Таковое сердце вродив птенцам твоим, будеши им сугубый, сирѣчь истинный отец; чада же твоя будут

²³⁸ Шевырев, История Московского университета. Предисловия к изданиям Жития.

²³⁹ Сковорода Г., Повне зiбрання творiв у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 2, с. 477.

²⁴⁰ Там же, т. 1, с. 113.

истинными, благодарными, благочестивыми и самодовольными еродіи».²⁴¹ Под греческим *έρóδιος*²⁴² понимаются малороссийские гайстеры (от нем. *geister*²⁴³), русские аисты (от нем. *geist*²⁴⁴), украинские лелеки (от венг. *lélek*²⁴⁵) и т.д. «Душа наша яко птица»²⁴⁶ – заключает он, часто наблюдая этих «боголюбных» птиц в богатом природой Земплене, и продолжает: «Сія птица освятилася в богословская гаданія ради своєю благодарности, прозорливости и человѣколюбія. Поминает ее Давид и Іереміа. Они кормлят и носят родителей, паче же престарелых. Гнѣздятся на домах, на кирках, на их шпичах и на турнях, сирѣчь горницах, пирамидах, теремах, вольно, вольно. В Гунгаріи видѣл я на каминах».²⁴⁷ Выражением «на каминах» подразумеваются печные трубы венгерских домов, а не кафельные печи, как ошибочно полагает советский исследователь Лошиц.²⁴⁸ До сих пор в центре Токая можно увидеть аистовое гнездо на крыше старинного купеческого дома, где теперь размещается городской музей. Эллинское *έρóδιος*²⁴⁹ и латинское *amos*,²⁵⁰ второе имя Коменского, полученное им в братской школе Пршерова в 1608 году, являются прямыми синонимами, что в какой-то степени объясняет выбор названия Сквородой к вышеупомянутой притче как еще одной символической ссылке на великого моравского эдукатора, благодарным учеником которого он себя считал.

У венгерского историка Тарди встречается фраза: «...прошел пешком значительную часть страны...».²⁵¹ Действительно, подобно Коменскому, Скворода любил много «пѣшешествовать» и, конечно, в Шарошпатак. Он без труда преодолевал расстояние между Токаем и «Северными Афинами» широкой поступью «токайского Ломоносова». Из естественных наук, по примеру Коменского, он интересовался физикой, о чем свидетельствует *Басня 11-ая*, в которой ее наивный философ с горечью сожалеет опрокинутую сквозняком «...остальную рюмку с вином...». «И как же мнѣ не вѣять, если мене всеобщій наш

²⁴¹ Там же, с. 99.

²⁴² Душа (греч.).

²⁴³ Дух (нем.).

²⁴⁴ Дух (нем.).

²⁴⁵ Дух (венг.).

²⁴⁶ Там же, т. 2, с. 99.

²⁴⁷ Там же, с. 99–100.

²⁴⁸ Лошиц Ю., Скворода. Москва: Молодая Гвардия, 1972, с. 44.

²⁴⁹ Боголюбный (греч.).

²⁵⁰ Боголюбный (лат.).

²⁵¹ Tardy L., A tokaji Orosz Borvásárló Bizottság története (1733–1798). Rákóczi Múzeum. Sárospatak, 1963, с. 54.

создатель и невидимое вся содержащее существо движет»²⁵² – восклицает в ответ ветер. В восемнадцатом веке Шарошпатакский коллегиум располагал новейшими физическими приборами и славился преподаванием физики, начатым профессором Иштваном Шиманди по настоянию семиградского князя Ференца Ракоци II. Помимо этого, интерес Сковороды был еще направлен на астрономию, основанную на гелиоцентрической системе мира Коперника: «Он в одной дѣснице и всѣ Коперниковы міры в забаву носит лучше Атласа»²⁵³ – заявляет он устами Якова в *Разговоре, называемый алфавит, или букварь мира*. Также, встречаются ссылки на математику, например, в *Басне 9-ой*: «...искуснѣйшій юриста и самой острой арифметик и алгебрік».²⁵⁴ Идея пансофии Коменского, планирующего создать в Шарошпатаке семилетнюю школу с преподаванием латинского языка и ряда наук, включая политику, теологию и теософию,²⁵⁵ была в полной мере близка взглядам Сковороды на образование.

Представители официальных властей Слобожанской Украины проявляли большой интерес к педагогическим начинаниям Сковороды, среди которых нельзя не отметить дружескую расположенность генерал-майора Щербинина, главы Харьковской губернии, пригласившего его преподавать катехизис в прибавочных классах Харьковского коллегиума. Что касается социального статуса Сковороды, то на губернаторское предложение взять дворянское звание он дал глубоко философский ответ: «Свѣтъ подобен театру: чтоб представить на театрѣ игру с успѣхом и похвалою, то берут роли по способностям. Дѣйствующее лицо на театрѣ не по знатности роли, но за удачность игры вообще похваляется. Я долго разсуждал о сем и по многом испытаніи себя увидѣл, что не могу представить на театрѣ свѣта никакого лица удачно, кромѣ низкаго, простаго, безпечнаго, уединеннаго: я сію ролю выбрал, взял и доволен».²⁵⁶ Сковорода неслучайно сравнивает мир со сценой, а жизнь с ролью. Его трактаты по философии – это не что иное, как *Schola Ludus*, т.е. написанные для практики латинского языка школьные пьесы Коменского, который уделял немало внимания театральной игре

²⁵² Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 1, с. 113.

²⁵³ Там же, с. 457.

²⁵⁴ Там же, с. 112.

²⁵⁵ Dr. Gulyás J., Sárospatak és Vidéke. A Magyar Városok Monográfiája Kiadóhivatala. Budapest, 1933, с. 69.

²⁵⁶ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 2, с. 457.

как одной из форм активизации учебного процесса. Этот метод, главным образом, применялся в иезуитских церковных школах, за что Коменского незаслуженно упрекали, хотя он твердо настаивал на использовании драмы для развития языковых способностей учеников. После успешной постановки восьми пьес, его профессиональные завистники и оппоненты были вынуждены согласиться с эффективностью этой методики, видя конкретные результаты в глубоких практических знаниях коллегистов. Первые четыре пьесы строились на базе учебника *Janiua*, который, в основном, состоял из предложений интеллектуального характера, описывающих окружающий мир, человеческий организм, выбор профессии и школьное обучение. Количество занятых в них актеров доходило до восьмидесяти восьми человек. В последующих постановках, включающих материалы учебника *Atrium*, играло девять учеников, которые изображали теолога, философа, физика, математика, астронома, юриста, историка, врача и географа. Персонажам давались метафорические имена, такие как *Ambitiosus*,²⁵⁷ *Voluptuosus*,²⁵⁸ *Avarus*²⁵⁹ и т.д., служившие для более яркого выражения острых социальных проблем, касающихся войны и мира.²⁶⁰ Существует много общего в характерах Коменского и Сковороды, которые смело нарушали устаревшие академические законы, резко критиковали государство и церковь, осуждали ведущий к тяжбам дух наживы и «сребролюбия», искали высших форм духовной жизни, горячо любили свой народ, были по-христиански скромны и преданы своим идеалам. Так, например, в *Басне 28-ой* слышится открытый социальный протест, выходящий за рамки одной европейской страны, который устремлен против тех, кто смеет «...жить по рабским своим прихотям, беспокоить людей и проламываться сквозь законов гражданских заборы»,²⁶¹ злоупотребляя своим общественным положением. Этим произведением Сковорода обращает внимание на малороссов, таких же лишенных человеческих прав и свобод, как и венгры. Ему хорошо известна политическая ситуация, сложившаяся в Венгрии в середине

²⁵⁷ Тщеславный (лат.).

²⁵⁸ Слстолюбивый (лат.).

²⁵⁹ Алчный (лат.).

²⁶⁰ A Sárospataki Református Kollégium. Tanulmányok alapításának 450. évfordulójára. Szerkesztette a Tiszáninenni Református Egyházkerület Elnöksége. Kiadja a Református Zsinati Iroda Sajtóosztálya. Budapest, 1981, c. 71–74.

²⁶¹ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 1, с. 128.

восемнадцатого века, свидетелем которой он невольно становится, находясь на службе у Вишневого, чем-то напоминающего образ глупого Кабана, а просвещенная Оленица – это символическое олицетворение образованных европейцев, судящих «...не по убору и словам, но по дѣлам».²⁶² Одой *De Libertate*²⁶³ он искренне приветствует военно-политический союз Украины и России, заключенный гетманом Богданом Хмельницким с царем Алексеем Михайловичем на Переяславской раде в 1654 году, благодаря которому он спасается от неминуемого закрепощения помещиком Тамарой, будучи домашним учителем его малолетнего сына Василия:

Что то за волность? Добро в ней какое?

Ины говорят, будто золотое.

Ах, не златое, если сравнить злато,

Против волности еще оно блато.

О, когда б же мнѣ в дурнѣ не пошиться,

Дабы волности не могл как лишиться.

Будь славен вовѣк, о муже избранне,

Волности отче, герою Богдане!²⁶⁴

Это стихотворение можно также встретить в венгерском переводе Гезы Кепеша, преподавателя Шарошпатакского коллегиума в 1933–1940 годах:

Mi a szabadság? Mi is a jó benne?

Mondják, hogy arany. És ez igaz lenne?

Ó, nem arany, nem! Az arany mit adhat?

Szabadság mellett, az arany iszap csak.

Bolondok közé ne zárjanak engem,

Szép szabadságom nehogy elveszejtsem.

Választott férfi, mindörökre áldunk,

Szabadság atyja, te dicső Bogdánunk!²⁶⁵

²⁶² Там же, с. 127.

²⁶³ О свободе (лат.).

²⁶⁴ Там же, с. 91.

²⁶⁵ Váradi-Sternberg J., Századok öröksége. Hrihorij Szkovoroda Magyarországon. Tanulmányok az orosz-magyar és ukrán-magyar kapcsolatokról. Gondolat Kiadó–Kárpáti Kiadó. Budapest–Uzsgorod, 1981, с. 220.

Принимая приглашение семиградской княгини Жужанны Лорантффи, Коменский, не в последнюю очередь, руководствовался патриотическими мотивами, направленными на поддержку освободительного движения Чешских братьев. В ходе опустошительной Тридцатилетней войны 1618–1648 годов, Чехия потеряла свою национальную независимость, а ее протестантское население было вынуждено искать убежище в соседних государствах, в частности, в Венгрии, где оно было радушно встречено княжеской семьей Ракоци. После смерти князя Дьордя I, Коменский возлагал большие надежды на его сына Жигмонда, которому он посвятил *Sermo Secretus Nathanis ad Davidem*,²⁶⁶ призывая его положить конец жестокому произволу австрийской династии Габсбургов и бесчинствам турецких захватчиков, а также улучшить экономическое и культурное положение страны. Он был уверен, что путь к достижению этих благородных целей лежит через радикальную государственную реформу венгерского школьного образования.²⁶⁷

Педагогическая деятельность Коменского тесно переплеталась с его активным литературным творчеством, ставящим своей задачей сохранение исторического наследия чехов. Из его ранней прозы следует выделить *Лабиринт мира и рай сердца* как один из лучших образцов классической литературы семнадцатого века. Кроме этого, он был хорошо известен своей духовной поэзией, среди которой особый интерес вызывают *Kancionál*,²⁶⁸ *Píseň písní*,²⁶⁹ *Smutný hlas zaplášeného hněvem Božím pastýře*²⁷⁰ и *Kšaft umírající matky jednoty bratrské*.²⁷¹ В 1920 году Франтишек Тихий подготовил юбилейный сборник под названием *Jan Amos Komenský: Pisne nekteré nabosné*,²⁷² составленный из церковных гимнов амстердамского издания *Kancionál* 1659 года,²⁷³ где можно найти немало сходства с силлаботоническими стихотворениями Сковороды, написанными в традиционном

²⁶⁶ Тайная беседа Натана с Давидом (лат.).

²⁶⁷ A Sárospataki Református Kollégium. Tanulmányok alapításának 450. évfordulójára. Szerkesztette a Tiszánineni Református Egyházkerület Elnöksége. Kiadja a Református Zsinati Iroda Sajtóosztálya. Budapest, 1981, c. 74–75.

²⁶⁸ Сборник церковных гимнов (чеш.).

²⁶⁹ Песнь песней (чеш.).

²⁷⁰ Скорбящий голос пастыря, плачущего от Божьего гнева (чеш.).

²⁷¹ Завет умирающей матери братскому единству (чеш.).

²⁷² Ян Амос Коменский: Некоторые божественные гимны (чеш.).

²⁷³ A cseh irodalom kis tükré a XIX. század végéig (Válogatta, bevezette Dobossy László). Budapest, 1990, c. 166–167.

стиле барокко, например, в *Pisnička ranní k Trojici Svaté*²⁷⁴ и Пѣсне 8-ой из *Сада божественных пѣсней*:

Ó Ježíši, světlo duši,
vzejdiž mi paprsky svými!
Al chodě cestami ctnými,
práce své dnes konám šlastně,
sobě i bližním prospěšně.²⁷⁵

О Иисусе! О моя отрадо!
Здѣ ли живеши? О страдалцев радость!
Дажь спасительну мнѣ цѣльбу в сей страсти,
Не даждь вѣк пасти.²⁷⁶

Каждый гимн Коменского, как и у Сковороды, начинается вступлением или эпиграфом, помогающим предвосхитить его смысл. В отношении тематики следует заметить, что для обоих поэтов, в первую очередь, характерны мотивы библейского и фольклорного характера, а также социального плана, касающиеся Рождества Христова, перехода израильского народа через Красное море, Святой Троицы, Божьей церкви, Воскресения Христа, времен года, красоты окружающей природы, скоропостижной смерти князя Жигмонда Ракоци, гибели гессенского графа Морица, благополучного отъезда отца Гервасия Якубовича, праздничного вступления на престол епископа Иоанна Козловича, кровопролитных войн, заключения политического и религиозного миров и т.д. Коменский и Сковорода, в равной мере, питали творческие симпатии к автору *Hymni Sacri*, французскому гугеноту Мюре, всю жизнь подвергавшегося католическим гонениям за свои протестантские убеждения, что нашло непосредственное отражение в его новолатинской поэзии и прозе, которой они подражали.

Большое количество песен христианского содержания, собранных Коменским на протяжении многих лет его жизни, бесследно исчезло во время пожара в Лешно в 1656 году, куда он прибыл после преподавания в Шарошпатаке.

²⁷⁴ Утренняя песня к Святой Троице (чеш.).

²⁷⁵ О, Иисус, свет души, направь в меня свои лучи! Любой благородной тропой, я с радостью труд воздаю, на благо ближних творю (чеш.).

²⁷⁶ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 1, с. 128.

Спасаясь бегством в Голландию из-за шведско-польской войны, полыхающей в тот момент в Польше, он в шестидесятичетырехлетнем возрасте предпринимает уникальную попытку их полного восстановления, а уже через три года они успешно появляются в Амстердаме в новом сборнике, насчитывающем около 130 собственных сочинений, переводы псалмов и библейских парафраз.²⁷⁷ Имеются все основания утверждать, что Сковорода имел прямой доступ к *Kancionál* Коменского и интерпретировал некоторые из его поэтических произведений, создавая таким образом *Сад божественных пѣсней*. Это может служить еще одним доказательством литературного влияния Коменского, также наблюдающимся в его педагогических трактатах. В *Пѣсне 14-ой* «...о сущѣте и лести мѣрской»²⁷⁸ он пишет следующее: «*На стражи моей стану и възду на камень (Аввакум)*».²⁷⁹ Слово *камень* – это своеобразная аллегорическая ссылка на Коменского, сравниваемого с возвышающейся посреди бушующего моря спасительной скалой, изображенной на гравюре *В непогоде тих* в *Symbola et Emblemata Selecta*.²⁸⁰

Будь мнѣ Ираклій тщивый,

Будь Иона прозорливый,

Главы попали змѣины,

Китовой из блевотины

Выскочь мнѣ на кефу.²⁸¹

Анализируя *Сад божественных пѣсней*, можно выделить две главные художественные линии: духовное влияние *Hymni Sacri* Мюре и социально-фольклорные сцены из *Kancionál* Коменского. Возможно, в них кроется причина столь частого описания Сковородой родной природы (*Пѣснь 3-я*, *Пѣснь 13-я* и т.д.), интерпретации народных песен (*Пѣснь 18-я*) и критики общественных проблем (*Пѣснь 10-я*).

Разговор, называемый алфавит, или букварь мира заканчивается эзоповской басней *Fabula de Haedo et Lupo Tibicine*,²⁸² преобразенной «...на новый вид

²⁷⁷ A cseh irodalom kis tükre a XIX. század végéig (Válogatta, bevezette Dobossy László). Budapest, 1990, c. 166–167.

²⁷⁸ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 1, с. 72.

²⁷⁹ Там же.

²⁸⁰ Wetstenium H., Symbola et Emblemata Selecta. Amstelaedami, 1705, c. 270–271.

²⁸¹ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 1, с. 73.

²⁸² Басня о козленке и волке (лат.).

малоросійськими фарбами...»,²⁸³ проливающей свет на истинные мотивы исключения 40 неспособных учеников из стен Харьковского коллегиума, которых «...добрый Иоасаф Миткевич²⁸⁴ освободил от удилицного ига во путь природы их, ревнуй человѣколюбію – не тщеславію»:²⁸⁵

Не ревнуй в том, что не данно от Бога.

Без Бога (знаешь) ни же до порога.

Аще не рожден – не суйся в науку.

Ах! Премного сих вѣчно пали в муку,

Не многих мати породила к школѣ.

Хоть ли быть щаслив? – будь сыт в своей долѣ.²⁸⁶

Следует упомянуть, что швейцарский писатель Вернет в мемуаре *Лопанский мост – отрывок из воспоминаний о Харькове* подвергает критике учительский стиль Сковороды, ссылаясь на личный опыт и мнение слобожанских помещиков Донца-Захаржевского и Сошальского. Он иронически сравнивает его с необработанным драгоценным камнем, требующим руки искусного мастера, и удивляется, как такой учитель мог пользоваться уважением у слушателей, будучи лишенным снисхождения и терпения. Несмотря на его высокий интеллект, он не ставит его в один ряд с французским философом Руссо, а только с древнегреческими киниками Диогеном и Кратесом.²⁸⁷ Причиной этому послужил тот факт, что он открыто не симпатизировал Сковороде из-за его расположения к малороссам и немцам, т.е. венграм. Украинский профессор Багалея так объясняет этот эпизод в биографии Сковороды: «И напрасно Вернетѣ старался подражать Сковородѣ: они представляли изѣ себя крайніе полюсы, которые никогда не могли сойтись другѣ сѣ другомѣ, ибо природа слѣпила ихѣ изѣ разнаго матеріала; вотѣ почему Сковорода представляется Вернету только чудакомѣ, имѣвшимѣ самое близкое сходство сѣ циникомѣ Діогеномѣ, а Сковорода сразу понялѣ характерѣ Вернета и какѣ нельзя болѣе вѣрно и мѣтко опредѣлилѣ его, назвавѣ «мущиною сѣ бабимѣ»

²⁸³ Там же, с. 462.

²⁸⁴ Белгородский епископ.

²⁸⁵ Там же, с. 463.

²⁸⁶ Там же.

²⁸⁷ Кальве Г., Вернет И., Сковорода, украинский философ. Украинский вестник, 1817, ч. 6, апрель, с. 106–119.

умомъ и дамскимъ секретаремъ...».²⁸⁸ Чтобы объективно разобраться в подобном рода заявлениях, необходимо проанализировать документы о педагогической деятельности Сковороды, а именно: *Каталіог учеников школи піитики с 1 числа сентяб. 1759 года по 15 число іюля 1760 года* и *Каталог учеников школи синтаксімы с 1 числа сентября 1763 года іюля по 15 число 1764 года*. Для аттестации знаний учащихся, он пользовался специальными категориями: «понят», «не понят», «не негоден», «годен, понят», «негодница», «весьма понят», «не непонят», «самая негодница», «кажется, не годен», «гаразда понят», «кажется понятлив», «весьма не понят», «не очень понят», «очень понят», «туповат», «весма остр», «туп», «очень туп», «остр», «звѣрок острой», «сих знать было невозможно, что оны ученикы семінарскіи, и мало были в школѣ», «самая бестолковица» и т.д.²⁸⁹ Из этого видно насколько он был требователен и строг, что было одинаково свойственно Коменскому, недовольному уровнем подготовки его шарошпатакских коллегистов осенью 1650 года. Критикование Вернетом Сковороды – *magister dixit*,²⁹⁰ может быть в полной мере отнесено и к нему, ведь он был не менее принципиален, хотя при этом нельзя забывать, что они оба располагали отличными служебными рекомендациями и славились новаторской методикой. Так, например, венгерский профессор Янош Толнаи Дали лично советовал семиградской княгине Лорантффи пригласить Коменского в Шарошпатак для организации семиклассной пансофической школы.²⁹¹ Среди сторонников Сковороды можно назвать переяславского игумена Гервасия Якубовича и харьковского губернатора Щербинина, высоко ценивших его педагогические способности. Из-за невозможности изменить старые образовательные устои Северной Венгрии и Слободской Украины, Коменский и Сковорода были вынуждены оставить преподавательскую кафедру. Если у одного это было вызвано театральными постановками, то у другого экзегетическими сочинениями. Вот, что отмечает Коменский в предисловии к *Schola Ludus*: «Я говорю, это те сценические представления, которые я тогда (3 года назад) предлагал. Жаль, что к моему совету

²⁸⁸ Багалеј Д., Сочиненія Григорія Саввича Сковороды. Юбилейное изданіе (1794–1894 годѣ). Харьковѣ, 1894, с. 13.

²⁸⁹ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 2, с. 484–497.

²⁹⁰ Учитель сказал (лат.).

²⁹¹ Makkai L., Tolnai Dali János harca a haladó magyar kultúráért. ItK, 1953, с. 236–249.

вы не прислушались! Ты бы уже процветала, патакская школа. Так как мое предложение было небезосновательно, что сейчас показывает эта последняя, проведенная репетиция. Так как, прежде всего, этот дух стал таким великим стимулом для активности учеников, на который никто и не рассчитывал. Так как после таких репетиций у них действительно появилось желание, готовность, отделив обычные занятия, изучать оные с особым прилежанием. Какое превосходное средство от вечного безделия и непослушания, на которые мы в других случаях жалуемся!».²⁹² О трактате Сковороды *Начальная дверь к христианскому добронравію* Коваленский пишет следующее: «Сочиненіе сіе содержало в себѣ простыя истинны, краткія коренныя познанія должностей, относительных до общежитія. Всѣ просвѣщенные люди признавали в оном чистыя понятія, справедливыя мысли, основательныя разсужденія, чувствительныя побужденія, благородныя правила, движущія сердце к подобному себѣ концу высокому. Но как все то основывалось на познаніи Бога и достойном почтеніи онаго, то епископ бѣлградскій, бывшій тогда епархіальным, почитая такое разсужденіе в устах свѣтскаго человѣка за похищеніе власти и преимуществ своих, вознегодовал на него с гоненіем; требовал книжицу на разсмотреніе; нашол нѣкоторыя неясности для него и сомнѣнія в рѣчах, и образ ученія, не соотвѣтствующій обыкновенному правилу, почему и препоручил своим спросить Сковороду, для чего он преподавал наставленіе христіянскаго благонравія различным образом от обыкновеннаго? Сковорода отвѣтствовал: «Дворянство различествует и одѣяніем от черни народной. Для чего же не имѣть оному и понятій различных о том, что нужно знать ему в жизни?».²⁹³ Веками царящее в школьных аудиториях моральное и физическое насилие над учениками противоречило христіянскому кредо этих педагогов, вот почему академический лозунг Коменского: *Omnia sponte fluant, absit violentia rebus!*²⁹⁴ находит логическое продолжение в сократовском призыве Сковороды: *Γνωθι σεαυτόν! Nosce te ipsum!* «Узнай себе!»,²⁹⁵ сегодня звучащем как *Nosce te ipsum, absit violencia rebus!*²⁹⁶

²⁹² Gulyás J., Comenius Schola ludusának előszava. Bizonyságok. Sáropatak, 1936, с. 3–4.

²⁹³ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 2, с. 459.

²⁹⁴ Пусть все течет добровольно, пусть вдали будет принуждение (лат.).

²⁹⁵ Познай себя (лат.).

5. Влияние шарошпатакской философской школы на мировоззрение Сковороды

*Féltétek az Istent, és Néki adjatok dicsőséget.*²⁹⁷

(Откровение Иоанна Богослова)

Есть все основания утверждать, что, находясь на императорской службе в Токайских садах в 1745–1750 годах, Сковорода регулярно посещал Шарошпатакский реформаторский коллегиум и общался с его профессорами, на что указывает Коваленский в биографическом очерке *Жизнь Григория Сковороды, писана 1794 года в древнем вкусь*: «Путешествуя с генералом сим, имѣл он случай, с позволения его и с помощію его, поѣхать из Венгрии в Вѣну, Офен, Презбург и прочія окольныя мѣста, гдѣ, любопытствуя по охотѣ своей, старался знакомиться наипаче с людьми ученостію и знаніями отлично славимыми тогда. Он говорил весьма исправно и с особливою чистотою латинским и нѣмецким языком, довольно разумѣл еллинскій, почему и способствовался сими доставить себѣ знакомство и пріязнь ученых, а с ними новыя познанія, каковых не имѣл и не мог имѣть в своем отечествѣ».²⁹⁸ Далее эту мысль логически развивает Штернберг в работе *Григорий Сковорода в Венгрии*, ссылаясь на статью Снегирева *Украинский философ Григорий Саввич Сковорода*: «Сковорода должен был обязательно побывать в Шарошпатаке, ведь он, пешком за полдня, мог добраться туда из Токая. В знаменитом коллегиуме в его распоряжении находилась библиотека с произведениями античных авторов и французских философов восемнадцатого века. Он и ранее читал труды Коменского, которые можно было найти на библиотечных полках Киевского и Харьковского коллегиумов, но более основательно с жизнью и творчеством великого чешского педагога он смог познакомиться только в Шарошпатаке».²⁹⁹ Следует еще привести высказывания бывших студентов этого старинного учебного заведения об их альма-матер, чтобы лучше понять истинную причину всему вышесказанному. «Важно, чтобы наша вера была сознательной, но

²⁹⁶ Без принуждения познай себя! (лат.).

²⁹⁷ Убойтесь Бога и воздайте Ему славу (венг.).

²⁹⁸ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 2, с. 441.

²⁹⁹ Váradi-Sternberg J., Századok öröksége. Hríhorij Szkovoroda Magyarországon. Tanulmányok az orosz-magyar és ukrán-magyar kapcsolatokról. Gondolat Kiadó–Kárpáti Kiadó. Budapest–Uzsgorod, 1981, с. 218.

гораздо важнее, чтобы наше сознание было верующим»³⁰⁰ – писал Ференц Казинци, реформатор венгерского языка, своему учителю Палу Шипошу в 1809 году. За три десятилетия до него, в 1779 году, Дьордь Бешшенъеи, автор трагедии *Агис*, в книге *Holmi*³⁰¹ отмечал, что «...уровнем морального воспитания могла гордиться любая первоклассная школа в мире, а с точки зрения жизненной этики патакские профессора были действительно бесценные люди... Писать, читать, познавать Бога и мир я начал в этой школе... за чистоту моей совести... за качество воспитания я буду вечно ей благодарен...».³⁰² Он часто называл своих менторов «врачами морали», целителями нации, священниками, проповедующими справедливость. В одном ряду с этими прославленными выпускниками стоят такие столпы венгерской нации, как поэт Михай Чоконай-Витез и лидер буржуазно-демократической революции 1848 года Лайош Кошут, большой друг Герцена.³⁰³ В древних стенах коллегиума всегда преобладали прогрессивные идеи Гроция, Декарта, Коккеюса, Спинозы, Лейбница, Вольфа, Руссо, Канта, Рейнхольда, Фихте, Гегеля и Шеллинга.

История Шарошпатакского коллегиума неразрывно связана с реформатским движением, зародившимся в Германии в 1517 году и вскоре охватившим всю Северную Венгрию. Везде появлялись церковные школы, в которых будущие учителя, духовники и представители интеллигенции воспитывались в новом христианском духе. В 1531 году в Шарошпатаке была организована протестантская школа лютеранского направления, в которой с 1567 года преподавание стало вестись согласно с учением Кальвина. Эпоха европейского Просвещения значительным образом повлияла на этот процесс, с 1686 года протекавший под руководством профессора Яноша Чечи Старшего, пережившего турецкое рабство и получившего образование в Дебрецене, Дьюлафехерваре, Лейдене, Франекере и Утрехте.³⁰⁴ Он был преподавателем богословия, природоведения, метафизики и правописания, а его учебник по венгерскому языкознанию 1708 года, вместе с

³⁰⁰ A Sárospataki Református Kollégium. Tanulmányok alapításának 450. évfordulójára. Szerkesztette a Tiszánineni Református Egyházkerület Elnöksége. Kiadja a Református Zsinati Iroda Sajtóosztálya. Budapest, 1981, c. 116.

³⁰¹ Вещи (венг.).

³⁰² Там же.

³⁰³ Там же.

³⁰⁴ Сентимрей М., Шарошпатак – Москва, 1997.

*Magyar Grammatikácskája*³⁰⁵ Иштвана Гелеи Катона 1645 года и *Debreceni Grammatika*³⁰⁶ 1795 года, заложил основы экзегетического трактования библейских текстов, что было еще обусловлено выходом второго издания амстердамской Библии. До него, в 1680-х годах, богослов и печатник Миклош Мистотфалуши Киш, при участии Чечи и его друга Шамуэля Капоши, издал на личные средства свои ревизионистские труды о венгерской Библии в Утрехтском университете, что, в конечном итоге, привело к введению обучения на родном языке, успешно осуществленному в 1796 году. После смерти Чечи в 1708 году, его линию продолжил Иштван Шиманди, тоже выпускник коллегиума. Помимо богословия и естественных наук, им также преподавалось народное право. Побывав в Голландии и Бельгии, он приобрел большое количество новейшего оборудования для преподавания экспериментальной физики, выставленного сегодня в старом школьном музее. Его учительская карьера была сравнительно недолгой, так как в 1710 году, в возрасте 35 лет, он скоростижно скончался от чумы.

Благодаря Чечи и Шиманди, переход от ортодоксальной схоластики к картезианству в конце семнадцатого и начале восемнадцатого веков был постепенным и менее консервативным, чем в большинстве просветительных центров Западной Европы, что объяснялось неизменным девизом коллегиума: «Убойтесь Бога и воздайте Ему славу!».³⁰⁷ Кроме этого, необходимо заметить, что данными профессорами преподавалось несколько академических дисциплин, что впоследствии было характерно такому мировому гению, как немецкий философ Кант, читавшему лекции по астрономии, физике, поэтике и филологии в Кенингсбергском университете. В тот момент, философия и богословие стояли на одном уровне, параллельно с историей, географией, иностранными языками и естественными науками, и тем самым дополняли друг друга. Эта тенденция сохранилась на протяжении целого столетия, в результате чего физические науки превратились в отдельные учебные предметы. Другой типичной чертой того периода было посещение европейских университетов, которые, по примеру Чечи и Шиманди, все чаще манили шарошпатакцев, что обеспечило быстрое развитие

³⁰⁵ Малая венгерская грамматика (венг.).

³⁰⁶ Дебреценская грамматика (венг.).

³⁰⁷ Библия. Книги Нового Завета. Откровение Иоанна Богослова. Глава 14:7.

коллегиума и увеличение книжных фондов библиотеки. Строгая цензура Габсбургов всячески препятствовала изданию протестантской литературы, а поэтому она печаталась за границей. Существенные изменения в этом плане наступили при правлении императрицы Марии Терезии и императора Иосифа II, когда профессорско-преподавательский состав стал пополняться за счет учителей с высокой профессиональной подготовкой и личными международными связями. Одновременно с этим шло дальнейшее формирование реальной базы для проведения теологических и литературных дискуссий, что таким образом привлекало новые поколения абитуриентов, среди которых, как и во времена Чешских братьев, были православные выходцы из Семиградья, Сербии и Верхней Венгрии. Провозглашение Притисского церковного округа на Бодрогкерестурском конвенте 1734 года, объединившем 306 реформаторских советов, и выбор в 1735 году первого епископа в лице Шамуэля Сентдьорди, получившего западное образование, значительно повысили престиж Шарошпатака как внутри страны, так и за ее пределами. Несмотря на то, что турецкое иго не коснулось жизни коллегиума, трудные годы католической контрреформации вызвали массовый исход студентов в Генц, Кашшу, Дебрецен и Дьюлафехервар, чтобы продолжить обучение в кальвинистском духе. Одним из них был сыном профессора Чечи Старшего, который, после учебы в Кашше и Шарошпатаке, в 1710–1712 годах слушал лекции в университетах Англии, Германии, Голландии, Италии, Франции и Швейцарии. В 1710 году, как отличный знаток Ветхого Завета, он принял участие в научном споре, проведенном в Утрехтском университете. Его богословские труды публиковались в Лече, Цюрихе и Берне. В 1713 году он был назначен на должность преподавателя богословия в Шарошпатакском коллегиуме, возглавляемом тогда Андрашом Фюлеки, за спиной которого были школы Дебрецена и Дьюлафехервара, а также кафедры европейских университетов. Будучи профессором богословия, Фюлеки написал историю коллегиума, стремясь тем самым показать австрийскому Императорскому двору важность его культурного наследия, после чего верховные правители Швейцарии, Англии, Пруссии, Бельгии и Голландии обратились к Карлу III с ходатайствованием узаконить его просветительскую деятельность, вскоре утвержденную указом 1714 года.

Острые разногласия между Чечи Младшим, Фюлеки и священником Иштваном Азари Надь привели к серьезным последствиям, в результате чего Фюлеки был вынужден оставить директорский пост, передав его Чечи Младшему в 1717 году. Вместо него в 1719 году был назначен Гергей Надьмихай Сомоло, ученик Чечи Старшего, Шиманди и Фюлеки, возглавлявший до этого Мишкольский коллегийум, которого тоже постигла участь Фюлеки. Основной причиной подобного рода конфликтов послужили взгляды Чечи Младшего, убежденного последователя французского философа Декарта и немецкого богослова Коккеюса, преемника голландских мастеров Витринга и Роэлля. Отстаивая свободу философского мышления, он открыто высказывал свои мысли, часто идущие в разрез с устаревшей ортодоксальной системой. Как объясняет шарошпатакский профессор Шандор Конц в статье *A filozófia és a teológia oktatása 1703–1849 között*,³⁰⁸ это была «...своеобразная особенность общеевропейского и отечественного просвещения зарубежом, в Патаке и других духовных заведениях, практически заключающаяся в союзе церковных ученых с преподавателями философии и теологии».³⁰⁹ Просвещенный ум стремился признавать каноны церкви, сложившиеся веками, объединяя все старое и новое в так называемую «тотальную историю».³¹⁰

Возвращаясь к Чечи Младшему, следует добавить, что он лично преподавал 40 академических дисциплин, вовлекая в учебный процесс лучших учеников-прецепторов. Среди его рукописей можно найти первый венгерский учебник географии, написанный на латинском языке, а в 1729 году он ввел преподавание логики для развития умственных способностей учащихся. Его труд *Theologica Prophetica et Symbolica*,³¹¹ сохранившийся благодаря его воспитаннику Ференцу Береньи, и лекции о душе явно свидетельствуют об умелом сочетании философии Декарта с богословием Коккеюса. На основе богословских принципов последнего, он дал экзегетическую трактовку Святого Писания, доказывающую несостоятельность схоластических догматов. Он учил познавать мир через

³⁰⁸ Преподавание философии и теологии в 1703–1849 годах (венг.).

³⁰⁹ A Sárospataki Református Kollégium. Tanulmányok alapításának 450. évfordulójára. Szerkesztette a Tiszánineni Református Egyházkerület Elnöksége. Kiadja a Református Zsinati Iroda Sajtóosztálya. Budapest, 1981, c. 124.

³¹⁰ Там же.

³¹¹ Пророческая и символическая теология (лат.).

человеческое существование, при этом изучение души и тела должно оставаться нераздельным, также как психология и медицина. Его взгляды заложили теоретический фундамент для совместного преподавания традиционного богословия и пророческой теологии. Из всех пророков он выделял Моисея и его десять заповедей, а Откровение Святого Иоанна Богослова считал пророческим. Относящиеся сюда дидактика, катехизис, полемика и казуистика выражались у него в рациональной пневматике. Его современники отзывались о нем, как о «...полезном, уважаемом ученом, прославленном на весь мир».³¹² Как известно, в 1734 году, из-за обострившихся конфликтов с Надьмихай Сомоло, он был лишен кафедры, несмотря на активную поддержку студентов и глубокие полигисторические знания.³¹³ Но он и далее продолжал интересоваться успехами коллегистов, общаясь с ними наедине, и не раз мог встретиться со Сковородой, усердно штудирующим труды Коменского в библиотеке коллегиума. Он умер в полном забвении в 1769 году, оставив после себя ряд ценных работ: *Oratio de calumnia. Leutsoviae, 1719. Oratio seculo altero reformationis jubilaeo habita die XXXI. octob. 1717. Tiguri, (1720.). Aphorismi, in quibus antiquitates veterum hebreorum brevissime exhibentur. Bernae, 1726. Praefatio hungarica, apologiae Juelli per Joannem Tussai in linguam hungaricam translatae praemissa. 1748. Ifjabb Tsétsi János Havi Krónikája a Rákóczi-háború történeteiről 1703–1709. Clar.D.Iohan Tsetsi J.F. Introductio in universalem Geographiam. Annotata ad Theologiam ex praelectionibus Melchioris Leydeckeri, et H. Pontani, Ultrajecti 1709.*³¹⁴

В 1729–1749 годах куратором Шарошпатакского коллегиума был назначен Байи Шамуэль Патаи, императорский советник и депутат Сабольчского графства в Пожоньском (Пресбургском) парламенте, присутствовавший на коронации императрицы Марии Терезии в 1741 году, которого тоже не миновал профессорский гнев Чечи Младшего. В 1703 году, после смерти его отца Яноша I, в силу отличных организаторских способностей, ему был присвоен офицерский чин

²⁹⁷ Там же, с. 126.

³¹³ Там же, с. 124.

³¹⁴ Орация о клевете. Лече, 1719. Орация о полном юбилее второго реформаторского столетия дня 31 окт. 1717. Тигури, (1720). Афоризмы, которыми в античности кратчайше изъяснялись древние евреи. Берн, 1726. Венгерское предисловие, апология Юэлла через послание Яноша Тушай в переводе на венгерский язык. 1748. Месячная хроника профессора Яноша Чечи Младшего событий войны Ракоци 1703–1709 гг. (венг.). Введение в общую географию профессора Яноша Чечи Младшего. Аннотации к теологии из объяснений Мельхиора Леидеккера и Г.Понтана. Утрехт, 1709 (лат).

семиградским князем Ференцем Ракоци II, по приказу которого в 1705 году он взорвал Токайскую крепость на глазах у приближающейся австрийской армии. В 1706 году им был построен первый плавучий мост через реку Тиса, обеспечивший надежное транспортное сообщение между Сабольчским и Земпленским графствами. Его имя также упоминалось в договоре о долгосрочной аренде тарцальского виноградника Яноша Забрецкого, подписанном императорским комиссаром Вишневым 11 июня 1746 года в Токае в присутствии главного судьи Яноша Вереша, владельца промоторского виноградника Деака Петера и его соседа Мартона Винклера.³¹⁵ Будучи графского звания, Вишневский был вхож в дома местной знати и хорошо знал графа Патаи, что, возможно, помогло его придворному уставщику Сковороде получить официальное разрешение для посещения коллегіума и пользования книжным фондом библиотеки.

Следующим из шарошпатакских профессоров, имевшим отношение к Сковороде, необходимо назвать профессора Михая Сатмари Пакши II, который учительствовал в 1742–1772 годах и принадлежал к знаменитой династии педагогов-эклектиков. Он считал знания медицины незаменимыми для правильного понимания философии и призывал взглянуть на законы природы с помощью хирургического скальпеля. Его докторская диссертация была посвящена актуальным вопросам человеческой смерти. Старость, по его мнению, наступала в сперме и эмбрионе, а поэтому Бог создал мир так, что изменения телесного плана означали омоложение и рождение нового. В эпоху Просвещения большую популярность приобрели траурные орации как один из наиболее распространенных литературных жанров. Из-за католической цензуры, книги протестантских философов выходили за границей, что не касалось некрологов, к которым проявлялось снисхождение и поддержка со стороны спонсоров. Среди родственников Сатмари Пакши II было много известных ораторов, речи которых носили картезианский характер, о чем свидетельствует данное высказывание: «...в самой природе заложено, что каждая вещь стремится к другой, чему учит благородная *experientia*: опыт. Примером этому магнитная стрелка. Колебаясь

³¹⁵ Tardy L., A tokaji Orosz Borvásárló Bizottság története (1733–1798). Rákóczi Múzeum. Sárospatak, 1963, c. 47.

между восходом и заходом солнца, она всегда поворачивается к северу».³¹⁶ Аналогичное сравнение звучит в письме Сковороды от 28 ноября 1774 года старому другу, воронежскому помещику Тевяшову: «Душа есть *mobile perpetuum* – движимость непрерывная. Крыла ея есть мысли, мнѣнія, совѣты; она или желает чего, или убѣгает от чего; желая, любит, убѣгая, боится. Естли не знает, чего желать, а чего убѣгать, тогда недоумѣет, сомнѣвается, мучится, суда и туда наш шарик качается, мѣтется и вертится, как магнитная стрѣла, доколь не устремит взор свой в дражайшую точку холодного сѣвера».³¹⁷ Кроме философии и богословия, членами этой семьи преподавались еще естественные науки, восточные языки, история и древнегреческий, а Сатмари Пакши II первым преподавал алгебру.

Далее нужно отметить Давида Шаркань, профессора филологии, истории и греческого языка в 1734–1758 годах, обучавшегося в школах Шарошпатака, Марошвашархея и Утрехтском университете. В своем вступительном обращении он указал на пользу преподавания общеобразовательных наук с точки зрения Святого Письма. Сковорода тоже сочетал вопросы научного характера с внутренним миром человека, считая их полностью взаимосвязанными. Вот что он пишет в диалоге *Разговор пяти путников о истинном щастіи в жизни*: «Математика, медицина, физика, механика, музыка с своими буими сестрами; чем изобилнѣе их вкушаем, тѣм пуше палит сердце наше голод и жажда, а грубая наша остолбенѣлость не может догадаться, что всѣ они суть служанки при госпожѣ и хвост при своей головѣ, без которой весь тулуб недействителен. И что несытѣе, безпокойнѣе и вреднѣе, как человѣческое сердце, сими рабынями без своей начальницы вооруженное? Чего ж оно не дерзает предпрять? Дух несытости женет народ, способствует, стремится за склонностію, как корабль и коляска без управителя, без совѣта, и предвидѣнія, и удоволствія. Взалкавши, яко пес, с ропотом вѣчно глотая прах и пепел гибнущій, лихвы отчуждены еще от ложесн, заблудивше от чрева, минув существенную исту над душевною бездною внутрь нас гремлящаго сіе: «Аз есмь, аз есмь сій!». А понеже не исправилися, в чем для них

³¹⁶ A Sárospataki Református Kollégium. Tanulmányok alapításának 450. évfordulójára. Szerkesztette a Tiszánineni Református Egyházkerület Elnöksége. Kiadja a Református Zsinati Iroda Sajtóosztálya. Budapest, 1981, c. 129.

³¹⁷ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 1, с. 357.

самая нужнѣйшая надобность и что такое есть предѣл, черта и край всѣх-на-всѣх желаній и намѣреній, дабы всѣ свои дѣла приводить к сему главнѣйшему и надежнѣйшему пункту, затѣм пренебрегли и царицу всѣх служебных сих духов или наук от земли в землю возвращающихся, минув милосердную дверь ея...».³¹⁸

Последний, с кем мог общаться Сковорода, был профессор Иштван Ф.Баньяи, получивший образование в Шарошпатаке, Пожоньи³¹⁹ и университетах Франекера и Хардервийка. В 1743–1767 годах он преподавал историю, риторiku и разумное право, а также первым читал лекции по истории литературы, используя произведения латинских авторов. Его венгерский перевод книги Лампе о чуме и диссертация о пророке Данииле были опубликованы во Франекерском университете в начале 1740-х годов. Ранее, он с успехом принял участие в богословском диспуте известного голландского профессора Венемы, наряду с оппонентами из Польши, Голландии и Венгрии, о чем сохранились похвальные дифирамбы, сочиненные его современниками. В своей приветственной речи 1743 года он подчеркнул необходимость свободного преподавания гуманитарных предметов, а в поминальных выступлениях превозносил важность ясного мышления и моральной чистоты. Тема пророка Даниила также встречается в диалоге Сковороды *Бесѣда 2-я, нареченная Observatorium Specula (еврейски – Сіон)*: «Священник не пророк ли есть? А пророк – не любомудрый ли и очитый муж, не министр ли и апостол Божій, из тѣх числа: «Безвѣстн[ую] и тайную премудрость тв[ою] явил ми еси». «Научу беззаконныя путем твоим». Не хлѣб сей есть, но хлѣб пресуществленный, он есть дух Божій, тайна тройцы, и не вино стихійное, не вино физическое, но – вино новое нетлѣнїя, вино Христовой премудрости, веселящїя сердце вѣрных. Сего премудрости духа в хлѣб сей и в вино, если не вдунуть, – что осталось вкусить? Развѣ смерть: «Смерть упасет их...» «Близ еси ты, Господи, устѣн их, далече же от сердец их». Сего ж то ради пророк Даниїл влагает в челюсть змінуну таиственный хлѣбец».³²⁰

Шарошпатакский коллегіум неоднократно посещался Коваленским, Снегиревым, Срезневским и другими исследователями литературно-философского

³¹⁸ Там же, с. 336.

³¹⁹ Венгерское название Братиславы.

³²⁰ Там же, с. 305.

творчества Сковороды, стремящимися познать истоки его европейского мировоззрения и ту атмосферу, в которой он находился в этом оплоте реформаторской веры и эклетического свободомыслия, чего он «...не имѣл и не мог имѣть в своем отечествѣ».³²¹ В то время здесь преподавали Янош Сентеши, Мартон Силадьи, Янош Сомбати, Иштван Сентдьордьи, Иштван Порколаб, Янош Патаки, Даниэль Сатмари Пакши, Янош Шомоши, Бенедек Кальницкий, Йозеф Розгоньи, Пал Шипош, Габор Ери Фюлеп, Михай Тотпапай, Пал Берегсаси Надь, Лайош Жарнаи, Иштван Ньири и т.д.

Янош Сентеши был профессором географии, латинской литературы и международного права в 1767–1781 годах. Хорошо владея латынью, ивритом, греческим и арабским языками, он завоевал большую славу среди своих учеников и коллег. Его трактаты о змие и Книге Екклесиаста, вышедшие во Франкере в 1760-х годах, во многом напоминают экзегетические сочинения Сковороды, такие как *Книжечка, называемая Silenus Alcibiadis, сирѣчь Икона Алквіадская [Израилскій змій]* и *Диалог. Имя ему – Потоп змін*. Вот что пишет Сковорода в пределе 17-ом *О змій в Иконе Алквіадской*: «Мойсей между протчїими фигурами занял у египетских священников и ікону змія, образующаго Божію премудрость. «Змій же бѣ мудрѣйшій...» А когда одна фигура, то и вся Библиа есть змій. Возносит его Мойсей в гору, чтоб не умер Израиль. То же и евангелскій змій сказует: «Аще аз вознесен буду от земли, тогда вся привлеку к себѣ». Змій сей, ползая по землѣ, всю сію Мойсеева міра сістему и Адама со всѣм здѣсь населенным родством портит. Они всѣ остаются дурными и невкусными болванами потоль, поколь не раскусить ему голову. Голова его есть седмица. Итак, Библиа есть змій, хоть одноглавный, хоть седмглавный, а растопчет ему голову, почивающій в солнцѣ. Избраннѣйшая фигур фигура – солнце, есть и мать, и дѣва, испущающая из ложесн прїятое от Бога вѣчности зерно. «Той твою сотрет главу». Итак, змій останется одним только подножіем сидящаго в солнцѣ. Тогда все оживляется, а мертвецы встают к точкѣ своей. В другом случаѣ черный сей дракон, вод горких бездну изблевая, апокалиптичeskія облеченныя в солнце сына жены, потом всю обѣтованную землю

³²¹ Там же, т. 2, с. 441.

потопляет, но женѣ даются орлиныя крила, дабы родила не в подлом мѣстѣ и не смертное. «Восхищенно бысть чадо ея к Богу»».³²²

В 1773 году, после учебы в Дебрецене, Базеле и Геттингене, Мартон Силадьи был принят для чтения лекций по экспериментальной физике в Шарошпатаке, где до него преподавали Шиманди, Пал Сатмари Пакши и Михай Сатмари Пакши III. Ему также было поручено преподавание матезиса и философии. Кроме этого, он первым ввел естествознание, приобрел для этой цели новые физические приборы. Благодаря его таланту педагога, математика и физика получили очень большую популярность среди шарошпатакских студентов. В своей панихидной речи в 1790 году профессор Янош Сомбати назвал Силадьи «примером для христианских философов».³²³

Что касается Сомбати, то его академический путь пролегал через учебные заведения Римасомбата, Шарошпатака, Цюриха, Франкера и Парижа. В основу своей диссертации он положил главный принцип философии Декарта: «Мыслю, следовательно, существую». Будучи профессором истории, риторики, статистики и разумного права, он раньше всех начал преподавать мировую литературу, включив произведения венгерских авторов. Он был еще учителем французского языка, сменив на этом посту молодого коллегу по прозвищу «капитан», исключенного за постоянные дуэли. В 1794 году он подготовил первое издание венгерской Библии, иллюстрированное географическими картами, которое было награждено золотой медалью будущим королем Англии Георгом IV, а в 1796 году им был переведен словарь Коменского *Orbis Sensualium Pictus*, используемый для преподавания на венгерском языке.

На протяжении ста лет, шарошпатакская философская мысль активно двигалась в сторону позитивного рационализма, находясь под влиянием философии Декарта и богословия Коккеюса, что привело к слиянию этих двух направлений и окончательному разрыву с голландскими мастерами. Первым, кто действительно может быть назван позитивным рационалистом, стал профессор Иштван Сентдьордьи, окончивший школы Шарошпатака и Римасомбата, но при

³²² Там же, с. 29.

³²³ A Sárospataki Református Kollégium. Tanulmányok alapításának 450. évfordulójára. Szerkesztette a Tiszáninneni Református Egyházkerület Elnöksége. Kiadja a Református Zsinati Iroda Sajtóosztálya. Budapest, 1981, c. 131.

этом не посещавший западных университетов. Его высоко оценил Ференц Казинци в *Pályám emlékezete*,³²⁴ который вспоминал о нем как об учителе «со светлой головой, светлым сердцем и светлой душой»,³²⁵ выступившем «искренним последователем Канта».³²⁶ Он в полной мере придерживался рационалистического мышления, часто цитируя из древнегреческой и древнеримской истории. Так в *Temetési lakodalom*³²⁷ им описывается трагическая смерть консула и военачальника Друза Германика, вызвавшая глубокую скорбь и сильную бурю негодования у простых римлян, лишенных богами добропорядочного и благодетельного человека. Сковорода, в свою очередь, обращался к Цицерону и Плутарху, делая свободные переводы их философских трактатов: «Как только стану читать книжечку Цицеронову «О старости», вдруг открывается мнѣ театр древнѣйших римских времен, а на нем представляется, напримѣр, Камиллус, Корунканиус, Куриус и протчіи таковыи. Признаюся, что позорищем сих добротою сияющих сердец плѣняется мое душевное око, и прихожу в понятіе, что нѣтъ ничего ни любезнѣе, ни приманчивѣе, как добродушіе. Не могу довольно надивиться, каким образом они могли быть просты, но поважны; грубы, но дружелюбны; вспыльчивы, но не злобивы; ласковы, но не лукавы; сильны, но справедливы; побѣдительны, но милосерды; властительны, но безкористолюбны; немного учены, но благоразумны; разумны, но безковарны; великолѣпны, но щедры...».³²⁸

Среди позитивных рационалистов следует еще выделить Иштвана Порколаба, уделявшего большое внимание вопросам герменевтического и экзегетического характера; Яноша Патаки, первого венгерского профессора теологии в Вене; Даниэля Сатмари Пакши, автора двухтомного труда *Keresztén hittudomány*;³²⁹ Яноша Шомоши, изучавшего роль языков в объяснении библейских текстов; и Бенедек Кальницкого, члена британского международного общества по распространению Библии. Все они сыграли важную роль в дальнейшем развитии шарошпатакской философской школы девятнадцатого века.

³²⁴ Память моего пути (венг.).

³²⁵ A Sárospataki Református Kollégium. Tanulmányok alapításának 450. évfordulójára. Szerkesztette a Tiszáninneri Református Egyházkerület Elnöksége. Kiadja a Református Zsinati Iroda Sajtóosztálya. Budapest, 1981, c. 132–133.

³²⁶ Там же, с. 133.

³²⁷ Панихида (венг.).

³²⁸ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 2, с. 178.

³²⁹ Христианское богословие (венг.).

6. Литературный анализ духовной поэзии Сковороды

(Сад божественных пѣсней)

*Tokaj szőlővesszein nektárt csepegtettél...*³³⁰

(Кельчеи)

Сборник *Сад божественных пѣсней, прозябшій из зерн Священнаго Писанія* – это плод литературного творчества Сковороды, приходящийся на 1750–1780 годы его жизни. Он был задуман в Северной Венгрии, а написан в Малороссии и Слобожанщине, исторических территориях Украины восемнадцатого века. На протяжении всей своей творческой деятельности Сковорода постоянно обращался к лейпцигскому изданию *Marci Antonii Mureti Orationes, Epistolae, et Poemata...*³³¹ в кожаном переплете типографии Иоанна Гросса, ставшему для него неиссякаемым источником поэтического вдохновения и тематического подражания, а поэтому его труд является символическим *Садом божественных пѣсней, прозябшим из зерн Священных гимнов авктора Муреты*. Несмотря на характерное сходство, сквородиновский *Сад*, включающий тридцать песен и девятнадцать од, фабул, эпиграмм и похвал, стилистически богаче муретовских *Hymni Sacri*, так как содержит библейские и классические эпиграфы, предваряющие каждое отдельное стихотворение, что в значительной мере помогает предвосхитить первоначальный замысел поэта. Педагогическое новаторство Сковороды не совпадало с канонами православной церкви, а его «...разсужденіе о поезіи и руководство к искусству оной... новым образом... епископу показалось странным и несообразным прежнему старинному обычаю...»³³² – писал Коваленский в *Жизнь Григорія Сковороды*. «Alia res sceptrum, alia plectrum, то есть: иное дѣло пастырскій жезл, а иное пастушья свирѣль»³³³ – воспротестовал молодой эдукатор, вследствие чего был незамедлительно уволен с должности учителя пиитики необъективным решением консистории Переяславского коллегиума, лишившей его возможности закончить учебный год. Его методическое пособие принято считать утерянным, хотя оно могло состоять из сделанных им в Токайских садах неизвестных ранних переводов

³³⁰ С токайской лозы собирал ты нектар... (венг.).

³³¹ Речи, письма, и поэмы Марка Антония Муретуса... (лат.).

³³² Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 2, с. 441.

³³³ Там же.

и интерпретаций новолатинских псалмов Мюре или старочешских песен Коменского. За счет обилия лексических форм, художественный стиль Сковороды традиционно относится к позднему барокко, а его поэтическим произведениям присущи универсализм и антитетичность. Посредством большого количества примеров и сравнений, автор стремится воссоздать некий своеобразный мир, охватывающий все земное и неземное, видимое и невидимое, внутреннее и внешнее, тленное и вечное. Можно найти целые семантические цепи, выражающие различные богословские и философские понятия, построенные по ритмическому принципу с нарастающей градацией: «Се час исполняется! Се сын посылается! Се лѣта пришла кончина! Се Бог посылает сына»,³³⁴ «Будто прожитый час возвратится назад, будто рѣки до своих повернутся ключей, будто наш з бесчисленных составленный вѣк дней»,³³⁵ «Вѣру, мир, радость, кроткость, любовь, и иной весь святыи род таков»³³⁶ и т.д. Звуковая гармоничность этих пафосных повторов достигается благодаря простой аллитерации, одной из оригинальных черт поэзии Сковороды, как, например, «Блажен, о блажен, кто с самых пелен...»,³³⁷ «Оставь, о дух мой, вскорѣ всѣ земляныи мѣста!»,³³⁸ «Снїде спас во Іордан, ста в его глубинѣ, се снїде на нь и дух свят в видѣ голубинѣ»³³⁹ и т.д. В отношении антитетичности следует заметить, что она заключается в огромном разнообразии антитез и противопоставлений: «Гдѣ горит огонь неугасный»,³⁴⁰ «Должен был тѣбе начатки лѣт моих, даю остатки»,³⁴¹ «Как дня заход, как утра всход»,³⁴² «Душа наша тѣлесным не может довольна быть; она только небесным горит скуку насытить»,³⁴³ «Весна любя, ах, пришла! Зима люта, ах, прошла!»,³⁴⁴ «Я ничего не боюсь; одних грехов я страшусь»³⁴⁵ и т.д. Что касается стихосложения, то оно, в основном, силлаботоническое с типичным повторением последнего слога: «Оставь земны печали и суетность мірских дѣл! Будь чист, хоть на час малый, дабы ты выпры

³³⁴ Там же, т. 1, с. 62.

³³⁵ Там же, с. 81.

³³⁶ Там же, с. 85.

³³⁷ Там же, с. 60.

³³⁸ Там же, с. 61.

³³⁹ Там же, с. 64.

³⁴⁰ Там же, с. 60.

³⁴¹ Там же.

³⁴² Там же, с. 61.

³⁴³ Там же.

³⁴⁴ Там же, с. 62.

³⁴⁵ Там же.

возлетѣл, гдѣ Иаковль Господь, гдѣ невечерня заря, гдѣ весь ангельскій род лице его выну зрят».³⁴⁶ Сковородой часто пренебрегают как поэтом-предромантиком, а его барочную пышность предпочитают не замечать, хотя он действительно вдохновлял и продолжает вдохновлять современных литераторов. Главный сюжет его песен – это внутренний мир человека в полной гармонии с внешним миром и Богом. Библейские сюжеты сборника *Hymni Sacri* Мюре органично сочетаются с социально-политическими мотивами песенника *Kancionál*³⁴⁷ Коменского, таким образом, оказывая принципиальное влияние на его поэтическое творчество. Утверждения о том, что он был мистиком, лишь отчасти верны, поскольку он всегда выражал свои истинные чувства и описывал ту окружающую среду, в которой он находился. Его стихотворения насыщены символизмом и содержат множество красочных языковых элементов, придающих его поэзии особый национальный колорит, самобытно выделяющийся на общем фоне русской и украинской литературы восемнадцатого и последующего веков.

Пѣснь 1-я Сада божественных пѣсней писалась в Каврае летом 1757 года и начинается библейским эпитафием «Блаженны непорочн[ы], в путь ходящ[и] в законѣ Г[осподнем]».³⁴⁸ В отличие от провозглашенной «атеистичности» Сковороды, десятилетиями проповедуемой коммунистической идеологией, в ней настойчиво звучит открытый призыв к твердой христианской вере:

Блажен, о блажен, кто с самых пелен
Посвятил себе Христови,
День, ночь мыслит в его словѣ,
Взя иго благое и бремя легкое,
К сему обык, к сему навик.
О, жребій сей святыи!³⁴⁹

Пѣснь 2-я перекликается с его личными воспоминаниями о горной стране или граде, что ничто иное, как ностальгия по «...любезной...Унгаріи...»,³⁵⁰ о чем свидетельствует часто повторяющееся слово *страна*:

³⁴⁶ Там же, с. 61.

³⁴⁷ Песенник (лат.).

³⁴⁸ Там же, с. 60.

³⁴⁹ Там же.

Оставь, о дух мой, вскорѣ всѣ земляныи мѣста!
Взойди, дух мой, на горы, гдѣ правда живет свята,
Гдѣ покой, тишина от вѣчных царствует лѣтъ,
Гдѣ блещит та страна, в коей неприступный свѣтъ.³⁵¹

Пѣснь 3-я является одной из самых лирических с точки зрения описания живой природы благодаря многократному повторению слова *сад*, ярко символизирующему Токай и Каврай:

Всегда сей сад даст цвѣты, всегда сей сад даст плоды,
Всегда весною там цвѣтет, и лист его не падет.

О Боже мой, ты мнѣ – град! О Боже мой, ты мнѣ – сад!

Невинность мнѣ – то цвѣты, любовь и мир – то плоды.³⁵²

Поэт сравнивает свою душу с вербой: «Душа моя есть верба, а ты еси ей вода»,³⁵³ фонетически созвучную с латинским *verbum*,³⁵⁴ означающим веру, как, например, в строке: «Gloire au Verbe incarné!»³⁵⁵ из *Sainte Nuit*,³⁵⁶ французского перевода церковного псалма Мюре *In Natali Domini*.

Пѣснь 4-я посвящена Рождеству Христову и своим припевом: «Веселитесь, яко с нами Бог!» напоминает рождественскую колядку *In Natalem Iesu*, демонстрируя высокую музыкальность данного сборника:

Ангелы, снижайтесь, ко землѣ сближайтесь,

Господь Бо[г], сотворившій вѣки, живет нынѣ с человѣки.

Станте с хором вси собором,

Веселитесь, яко с нами Бог!³⁵⁷

Заметим, что в автографах Сковороды слово *Бог* пишется с заглавной буквы, а в изданиях советского периода оно встречается с прописной, как явная попытка идеологического искажения его религиозного мировоззрения.

³⁵⁰ Там же, с. 279.

³⁵¹ Там же, с. 61.

³⁵² Там же, с. 62.

³⁵³ Там же.

³⁵⁴ Слово (лат.).

³⁵⁵ Слава воплощенному Слову! (фран.).

³⁵⁶ Святая ночь (фран.).

³⁵⁷ Там же.

Пѣснь 5-я вновь погружает в таинственный мир появления Христа, делая эту тему особенно патетической, что так свойственно внутреннему миру ее автора:

Тайна странна и преславна!

Се – вертеп вмѣсто небес!

Дѣва херувимов главна,

И престолом вышним днесь.

А вмѣщен тот в яслѣх полно,

Коего есть не довольно

Вмѣстить и небо небес.³⁵⁸

Пѣснь 6-я повествует об Иоанне Крестителе и, возможно, основана на двадцать седьмом гимне *In Nativitate S. Iohannis Baptistae*³⁵⁹ из *Hymni Sacri* Мюре, хотя, в целом, она самостоятельно трактует этот популярный библейский образ:

Краснозрчныя лѣса, стези отворите,

Предитечу Иоанна ко Христу пустите.

Земныи же языци, купно с нами всѣ ликуйте,

Ангелскія хоры, вси в небѣ торжествуйте!³⁶⁰

Пѣснь 7-я затрагивает Воскресение Христа и, наряду с темой Рождества Христова, дважды фигурирует, будучи не менее пафосной по сравнению с остальными:

Веди мене с тобою в горній путь на крест;

Рад я жить над горою, брошу долню персть.

Смерть твоя – мнѣ живот,

Желчь твоя – сластей род, о Иисусе!³⁶¹

Пѣснь 8-я, в первую очередь, интересна тем, что символически уподобляет распятого Христа врачу, что едва совмещалось с духовными канонами:

Я на Голгофу поскорю поспѣю;

Там висит врач мой меж двою злодѣю.

Се Иоанн здѣ при крестѣ рыдает!

Крест лобызает.³⁶²

³⁵⁸ Там же, с. 63.

³⁵⁹ В День рождения Св.Иоанна Крестителя (лат.).

³⁶⁰ Там же, с. 64.

³⁶¹ Там же, с. 64–65.

Также, следует выделить метафору оленя, быстрее птиц спешащего утолить жажду горной влагой. Вместо привычного написания этого слова употребляется архаическое или польское *елень*, которое не раз встречается в поэзии и прозе Сковороды:

Так африканскій страждет елень скорый;
Он птиц быстрѣе пить спешит на горы,
А жажда жжет внутрь, насыщена гадом
И всяким ядом.³⁶³

Пѣснь 9-я – это один из примеров философской трактовки взглядов поэта на личную свободу и жизненные приоритеты с использованием символов циркуля и магнита из сборника *Symbola et Emblemata Selecta* Ветштейна:

Так и мнѣ волность одна есть нравна
И безпечальный, препростый путь.
Се – моя вѣра в житіи главна;
Весь окончится мой циркуль тут.
Ты святой Боже и вѣков творец,
Утверди сіе, что сам создал.
При тебѣ может все в благій конец
Так попасть, как к магниту сталь.³⁶⁴

Пѣснь 10-я была вначале напечатана с эпиграфом: *Solum curo feliciter mori*,³⁶⁵ звучащим в переводе Сковороды как девиз его жизни: «Как бы умерти мнѣ не без ума». Это одно из его наиболее монументальных произведений, имевшее влияние на многочисленных литераторов. Свою музыкальную популярность оно приобрело благодаря странствующим кобзарям, исполнявшим его под кобзу или бандуру на сельских ярмарках и народных гуляниях. Кроме этого, оно является одним из первых примеров политической критики ряда социально-экономических процессов, протекавших в Слободской Украине во второй половине

³⁶² Там же, с. 65–66.

³⁶³ Там же, с. 65.

³⁶⁴ Там же, с. 66.

³⁶⁵ Лишь о том хлопочу, чтобы счастливо умереть (лат.).

восемнадцатого века. Певец смело бросает вызов гражданскому обществу, остро высмеивая его пороки и недостатки в ярко аллегорической форме:

Петр для чинов углы панскіи трет,
Федька-купец при аршинѣ все лжет.
Тот строит дом свой на новый манѣр,
Тот все в процентах, пожалуй, повѣрь!
А мнѣ одна только в свѣтѣ дума,
А мнѣ одно только не идет с ума.
Тот непрестанно стягает грунта,
Сей иностранны заводит скота.
Тѣ формируют на ловлю собак,
Сих шумит дом от гостей, как кабак, –
А мнѣ одна только в свѣтѣ дума,
А мнѣ одно только не идет с ума.³⁶⁶

Под комическим персонажем Федьки-купца подразумевается придворный комиссар Вишневский, изобличаемый за его лживость и непрофессионализм. Эта песня, хотя и с частичными изменениями в тексте, также звучит в сатирической пьесе *Наталка-Полтавка* украинского драматурга Котляревского, написанной в 1819 году. Данная тема еще объясняется обращением Сквороды к поэзии Коменского, затрагивающей аналогичные общественные проблемы.

Пѣснь 11-я – это очередной призыв к вере, подтверждающий глубокую религиозность мировоззрения поэта:

Чему ты не ищешь знать, что зовется Бог?
Чему не толчешь, чтоб увидѣть его ты мог?
Бездна бездну удолит вдруг.³⁶⁷

Ея последняя строка взята из Псалтыря Давида и одновременно является эпиграфом к этой песне: «Бездна бездну призывает, сирѣчь: В законѣ Господни воля его. Дал бы ти воду живу, волѣ – волю и безднѣ твоей бездну мою».³⁶⁸

³⁶⁶ Там же, с. 67.

³⁶⁷ Там же, с. 69.

³⁶⁸ Там же.

Чижевский указывает на частое символическое уподобление Сковородой человеческого сердца бездне:

Бездна дух есть в человѣцѣ, вод всѣх ширшій и небес.

Не насытишь тѣм вовѣки, что плѣняет зрак очес.³⁶⁹

Пѣснь 12-я отличается своим стилистическим подъемом, а ее последняя строфа непосредственно напоминает *O Delicati Blanda etc.*, посвящение *Ad Petrum Gerardium* Мюре в художественном переводе Сковороды:

Здравствуй, мой милый покою! Вовѣки ты будеш мой.

Добро мнѣ быти с тобою: ты мой вѣк будь, а я твой.

О дуброва! О свобода! В тѣбе я начал мудрѣть,

До тебе моя природа, в тебѣ хочу и умрѣть.³⁷⁰

Нетрудно представить, что он переживал, сочиняя эту песню, которая так точно передает его отношение к красоте окружающей природы, образно воплощенной в слове *дуброва*.

Пѣснь 13-я – это логическое продолжение предыдущего произведения и в последней строфе выражает весь его смысл:

Пропадайте, думы трудны,

Города премноголюдны!

А я с хлѣба куском умру на мѣстѣ таком.³⁷¹

Фольклорный характер этих двух песен однозначно напоминает сборник *Kancionál* Коменского. Сохранилось два автографа этого стихотворения, но с различными эпиграфами, взятыми из *Пѣсни пѣсней* царя Соломона и дидактической поэмы *Георгики* древнеримского поэта Вергилия: «Изыдите от среды их... Прийде, брате мой, водворимся на селѣ. Тамо роди тя мати твоя»;³⁷² и *O fortunatos nimium bona si sua norint agricolos.*³⁷³

Пѣснь 14-я – это «древняя малороссийская о суѣте и лести мірской», суть которой, как объясняет Сковорода, заключается в следующем: «На стражи моей стану и

³⁶⁹ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 1, с. 69.

³⁷⁰ Там же, с. 70.

³⁷¹ Там же, с. 72.

³⁷² Там же.

³⁷³ О чрезвычайно счастливые хлеборобы, если бы они только знали о своих благах (лат.).

взыду на камень (Аввакум)». ³⁷⁴ В ее основу был положен библейский миф о пророке Ионе, нарушившем наказ Божий:

Будь мнѢ Ираклій тщивый,
Будь Иона прозорливый,
Главы попали змиины,
Китовой из блевотины
Выскочь мнѢ на кефу. ³⁷⁵

Ираклий, или Геркулес – это древнегреческий мифический герой, убивающий семиглавую гидру, символ семи земных грехов. В образном понимании Сквороды, кит – это житейское море, полное тщетного пристрастия, жадности и соблазна, а *кефа* ³⁷⁶ – духовная твердыня, дающая спасение кораблям, терпящим крушение во время шторма, т.е. человеческим душам, павшим в смертный грех.

Пѣснь 15-я восходит к шестнадцатой главе Евангелия от Луки, согласно которой нищенствующий Лазарь попадает прямо в рай, а его господин, заполучивший все земные богатства, в ад – на тяжкие страдания:

Сыне Давидов, Лазаря воззавый
Из мудростей земных до небесной славы,
Убій тѢлесну и во мнѢ работу!
Дажь мнѢ с тобою праздновать субботу,
Дажь мнѢ ходить в твои слѢды,
Дажь новый род сей побѢды,
О сыне Давидов! ³⁷⁷

Под сыном Давида Сквородой подразумевается Христос, указывающий миру путь к духовному спасению.

Пѣснь 16-я охвачена душевным оптимизмом. Она писалась весной, в пасхальные праздники, о чем свидетельствует слово *вѣдро*, пришедшее в славянский язык из греческого и означающее «небесную свѣтлость и чистоту воздуха». ³⁷⁸ Параллельно со словом *свѣт*, оно трижды повторяется, олицетворяя истинную гармонию с

³⁷⁴ Там же.

³⁷⁵ Там же, с. 73–74.

³⁷⁶ Скала (евр.).

³⁷⁷ Там же, с. 74–75.

³⁷⁸ Там же, с. 75.

внешним миром и знаменуя радость поэта, душа которого, как палитра художника, переливается всеми цветами весенней радуги:

Пройшли облака. Радостна дуга сіает.

Пройшла вся тоска. Свѣт наш блистает.

Веселіе сердечное есть чистый свѣт вѣдра,

Если миновал мрак и шум мірскаго вѣтра.³⁷⁹

Пѣснь 17-я сохранилась в нескольких копиях, а в рукописях Коваленского, по аналогии с Мюре, называется *Hutnius*³⁸⁰ *Житейское море etc.* В ней упоминается «Чермное море»,³⁸¹ как символ жизни, что непосредственно связано со странствиями Сковороды в течение его последних двадцати пяти лет. В отличие от предыдущей песни, здесь ощущается некое недомогание поэта, хотя нерушимая вера в Христа и далее не покидает его:

О Христе! не даждь сотлѣть во адѣ!

Даждь мнѣ в твоём жить небесном градѣ,

Да не повлечет мя в свой слѣд,

Блудница мір, сей темный свѣт!

О милости бездна!³⁸²

Пѣснь 18-я начинается эпитафией: «Господь гордым противится, смиренным же дает благодать»,³⁸³ что объясняет ее суть, уходящую своими корнями в малороссийский народный фольклор. Сковорода использует целый ряд красочных эпитетов и метафор, раскрывающих секрет счастья:

На что ж мнѣ замышляти,

Что в селѣ родила мати?

Нехай у тѣх мозок рвется,

Кто высоко вгору дмется,

А я буду себѣ тихо

Коротати милый вѣк.

Так минет мене все лихо,

³⁷⁹ Там же.

³⁸⁰ Хвалебная песня, гимн (лат.).

³⁸¹ Там же.

³⁸² Там же, с. 76.

³⁸³ Там же.

Щастлив буду человек.³⁸⁴

Пѣснь 19-я слагалась в Каврае в 1758 году, или, как пишет Сковорода, «в степях переяславских»,³⁸⁵ где прошел один из нелегких периодов его биографии. Понятны душевная тоска и пессимистическое настроение поэта, ищущего избавления:

Христе, ты – меч небесный в плоти нашае ножнах!

Услыши вопль наш слезный, пощади нас в сих звѣрях!

Ах ты, скука, ах ты, мука, люта мука!

Твой нам свышше глас пресладкій, аще возревет,

Как молнія, полк всѣх гадких звѣрей ражженет,

Прочь ты, скука, прочь ты, мука с дымом, с чадом!³⁸⁶

Пѣснь 20-я – это поэтическая интерпретация библейского мифа о городах Содом и Гоморр, испепеленных Божьим гневом за их аморальность и распутство. Из всех спаслись только Лот и его дочери, праведно жившие в моавитском Сигоре, а его грешная жена превратилась в огромную соляную глыбу. Вот почему Сковорода так настойчиво призывает к моральной чистоте:

Кто сердцем чист и душею,

Не нужна тому броня,

Не нужен шлем на шею,

Не нужна ему война.

Непорочность – то его броня,

И невинность – алмазна стѣна,

Щит, меч и шлем ему сам Бог.³⁸⁷

Он снова возвращается к этому сюжету в философском трактате *Книжечка о чтеніи Священн[аго] Писанія, нареченна жена Лотова*.

Пѣснь 21-я раскрывает тему истинного счастья. В ней приводятся библейские места, такие как Харрань в Мессопотамии, славящаяся своим богатством и достатком, и Гергесенские поля, как символ чуждой и неприемлемой жизни:

Щастіе, гдѣ ты живеш? Горлицы скажите!

³⁸⁴ Там же.

³⁸⁵ Там же, с. 77.

³⁸⁶ Там же.

³⁸⁷ Там же.

В полѣ ли овцы пасеш? Голубы, взвѣстите!

О щастіе, наш ясный свѣтъ,

О щастіе, наш красный цвѣтъ!

Ти мати и дом, появився, покажися!³⁸⁸

Пѣснь 22-я сохранилась в четвертом томе автографов Сквороды под названием *Помни послѣдняя...*, взятом из Библии: «Помни послѣдняя твоя, и не согрѣшиши».

Она звучит как моральное наставление к праведной жизни:

На коих вещах основал ты дом?

Естли камень, то дом соблюдет.

Естли ж на пѣскѣ твоих стать хором,

От лица земли вихр разметет.³⁸⁹

Пѣснь 23-я включает латинское примечание автора о времени: *Rogatus quidam philosophus: quid esset praetiosissimum? Respondit: tempus.*³⁹⁰ Как видно, его поэзия носит еще педагогический характер и содержит примеры для нравственного подражания:

О дражайше жизни время,

Коль тебя мы не щадим!

Коль так, как излишне бремя,

Всюду мещем, не глядим!..³⁹¹

Пѣснь 24-я является интерпретацией шестнадцатой оды Горация *Ad Grosphum*,³⁹² начинающейся словами *Otium divos rogat in patienti...*³⁹³

О покою наш небесный! Гдѣ ты скрылся с наших глаз?

Ты нам обще всѣм любезный, в разный путь разбил ты нас.

За тобою то вѣтрила простирают в кораблях,

Чтоб могли тебе тѣ крила по чужих сыскать странах.³⁹⁴

25-я Пѣснь Отходная относится к панегирическому жанру и посвящена отцу Гервасию Якубовичу, отправлявшемуся в Белгород на должность архимандрита в

³⁸⁸ Там же, с. 78.

³⁸⁹ Там же, с. 80.

³⁹⁰ Один философ, которого спросили, что он считает самым ценным на земле, ответил: время (лат.).

³⁹¹ Там же, с. 81.

³⁹² К Гросфу (лат.).

³⁹³ Покою просить у богов в открытом море (лат.).

³⁹⁴ Там же, с. 82.

1758 году. Спустя несколько лет он приглашает Сковороду преподавать в дополнительных классах Харьковского коллегиума, которые были открыты по настоянию губернатора Щербинина. Это посвящение сохранилось с письмом к Якубовичу, в котором оно называется *анобатерион*:³⁹⁵

Бдешь, хочешь нас оставить?

Бдъ же весел, цблый, здравый,

Будь тебѣ вѣтры погодны,

Тихи, жарки, ни холодны;

Щастлив тебѣ путь вездѣ отсель будь!³⁹⁶

Пѣснь 26-я была написана в честь Иоанна Козловича, вступившего на епископский престол в 1753 году. Переяславский коллегиум, где преподавал Сковорода, находился под его руководством до 1757 года. Поэт востроженно воспринимает полученную вестъ и с нетерпением ожидает его прибытия:

Поспѣшай, гостю, поспѣшай,

Наши желанія увѣнчай!

Как мусикійскій сличный слух,

Сладостю тѣло и движет дух,

Так всежеланный твой приход

Цблый подвигл град и весь народ.³⁹⁷

Пѣснь 27-я посвящается епископу Иоасафу Миткевичу, возглавлявшему Белгородскую епархию и опекавшему Харьковский коллегиум, где Сковорода, с перерывами, был учителем пиитики, греческого языка и катехизиса. Кроме этой песни, также сохранилось праздничное поздравление на латинском языке *In Natalem Bilogrodensis Episcopi*,³⁹⁸ в памятной записке которого он характеризуется как человек просвещенный, кроткий, милосердный, незлобивый и правдолюбивый. Сковорода называет его истинным вертоградарем Христовым, а его учебное заведение сравнивает с Божьим вертоградом:

Пастырю наш, образ Христов

³⁹⁵ Отходная песня (греч.).

³⁹⁶ Там же, с. 83.

³⁹⁷ Там же, с. 83–84.

³⁹⁸ В День рождения Белгородского епископа (лат.).

Тих, благ, кроток, милосердый,
Зерцало чистое доброт!
Красны носи нозѣ, готов
Мир благовѣститъ нам твердый.
Призри на сей священ оплот;
От тебе помощи весь он ждет,
Сердце и руцѣ тебѣ дает.³⁹⁹

Пѣснь 28-я связана с Коперником. Сковорода был одним из первых в России, кто в своих произведениях открыто упоминал его имя, такого же бунтаря как и он, тем самым пропагандируя его запрещенное гелиоцентрическое учение, что в то время звучало вызовом поповскому невежеству и мракобесию. В примечании дается ссылка на Торунь, родину польского ученого, находившийся на Винном тракте, по которому Императорская комиссия поставляла выдержанные сорта токайских вин в балтийский порт Гданьск, а оттуда в Петергоф:

Брось, пожалуй, думать мнѣ, сколько жителей в лунѣ!
Брось Коперниковски сферы.

Глянь в сердечныя пещеры!

В душѣ твоей глагол, вот будеш с ним весьол!⁴⁰⁰

Он также указывает на «Версальскіи лѣса»,⁴⁰¹ французский королевский дворец с парковым ансамблем, заложенный Людовиком XIV, и на Аврелия, одного из отцов христианской церкви, произнесшего: *Tolle voluntatem propriam et tolletur infernus.*⁴⁰²

Пѣснь 29-я сочинялась в Великом Бурлуке, на Слобожанщине, в сентябре 1785 года и отражает более поздний период творчества Сковороды. В ней он ассоциирует себя с челноком, скитающимся в бушующем море, который просит помощи у Бога, называя его Петра (от греч. *petra*⁴⁰³), символом уверенности и надежды:

Чолнок мой бури вихр шатает,
Се в бездну, се выспрь вергает!

³⁹⁹ Там же, с. 85.

⁴⁰⁰ Там же, с. 86.

⁴⁰¹ Там же.

⁴⁰² Истреби волю собственную – и истребится ад (лат.).

⁴⁰³ Скала, камень (греч.).

Ах, нѣсть мнѣ днесь мира

И нѣсть мнѣ навклира.

Се мя море пожирает!⁴⁰⁴

Пѣснь 30-я была сложена во время открытия Харьковского наместничества 29 сентября 1780 года, когда Сковорода пребывал в Синнянском монастыре, и начинается библейским эпиграфом: «Наслаждайся дней твоих, все бо в малѣ старѣет...».⁴⁰⁵ Это заключительная песня, сохранившаяся с его псевдонимом *Григорій Варсава Сковорода* (от евр. «сын мира»⁴⁰⁶), как он сам это объясняет. В ней высказывается главная мысль сборника: Христос – это аллегорический образ праведной жизни:

Хочеш жить в сласти? Не завидь нигдѣ.

Будь сыт з малой части, не убойся вездѣ.

Плюнь на гробныя прахи и на дѣтскія страхи;

Покой – смерть, не вред.

Так живал афинейскій, так живал и еврейскій

Епикур – Христос.⁴⁰⁷

Подобная трактовка явно противоречила ортодоксальным догмам, что привело издателей Сковороды к конфликту с церковной цензурой в 1861 году.

В дополнение к основной части *Сада божественных пѣсней* Сковородой даются латинские переводы и интерпретации, среди которых звучит *Carmen*, или *Melodia*, написанная в 1760 году, когда он читал курс пиитики в Харьковском коллегиуме. В здании этого учебного заведения имелась фреска Пречистой Богоматери, воплощенная в этой эпиграмме с заимствованием первого стиха из двенадцатой главы Откровения Иоанна Богослова:

Воззри! Се Дѣва стоит, чиста ложеснами!

Яблоко, змій, мір, луна под ея ногами.

Яблоком является плотска сласть безчестна,

В кую влечет, как змій, плоть хитра и прелестна.

⁴⁰⁴ Там же, с. 88.

⁴⁰⁵ Там же, с. 89.

⁴⁰⁶ Там же, т. 2, с. 99.

⁴⁰⁷ Там же, т. 1, с. 89.

Круг міра образує злу смѣсь мірських мнѣній,
А луна знаменує сѣнь мырських імѣній.⁴⁰⁸

Поэт призывает своих учеников к благочестию и восклицает: «Будь, как Дѣва, чист: мудрость в сластях не мѣстится».⁴⁰⁹ Перечисляя ряд древних символов, он одновременно объясняет их значение в простой поэтической форме.

De Libertate посвящается гетману Богдану Хмельницкому, союзнику семиградского князя Дьордя Ракоци II, в 1654 году в Переяславе заключившему военно-политический договор с Россией. Наряду с историческими мотивами, в ней ощущаются глубокие душевные переживания Сковороды, обеспокоенного личной судьбой:

О, когда б же мне в дурнѣ не пошиться,
Дабы волности не могл как лишиться.
Будь славен вовѣк, о муже избранне,
Волности отче, герою Богдане!⁴¹⁰

Fabula носит явно юмористический характер. Ее суть заключается в том, что любая теория без практики бесполезна и чревата последствиями:

Как ты, не видя перед носом рова,
Можешь знать звѣзды, главо бестолкова?⁴¹¹

Fabula de Tantalos символически трактует древнегреческий миф о Тантале, т.е. Вишневецком, павшем в немилость за оскорбление Зевса. В наказание над ним висит огромный камень, в любой момент готовый сорваться: «На власѣ висит, вот-вот в прах сокрушит».⁴¹² Этой фавулой делается уникальная ссылка на Токай и его золотой нектар, продолжающая тему духовного и физического вина как одной из ключевых в творчестве Сковороды:

Тут вина разны, тут нектар солодкій,
Услаждающий божественны глотки,
Тут амвросія, вишних садов снѣды,

⁴⁰⁸ Там же, с. 90.

⁴⁰⁹ Там же.

⁴¹⁰ Там же, с. 91.

⁴¹¹ Там же.

⁴¹² Там же, с. 92.

Против ней – пустошь панскіи обѣды.⁴¹³

Далее следует возможное описание Шарошпатакского замка со знаменитым розарием, куда он как переводчик и певец не раз сопровождал генерала Вишневского на официальные приемы к австрийскому герцогу Иоанну Траутсону:

Вездѣ багрѣют розы пред глазами,

Чудніи вездѣ курят фиміамы.

Кричат по залѣ музы сладкогласны,

Все сам подносит Ганімед прекрасній.⁴¹⁴

Согласно мифологии Древней Греции, Ганимед – это сын дарданского царя Троя, выкраденный богами на небо и ставший любимым виночерпцем Зевса, что одновременно является скрытым автопортретом поэта. Здесь же упоминается вечнохмельной бог веселья и вина Бахус, как неизменный атрибут традиционного праздника сбора винограда в Венгрии:

Бахусов пѣстун сам пляшет пресмѣшно,

Всякій род шутов шутят преутѣшно.⁴¹⁵

Сковорода еще указывает на Далольо, или Доменико Даль Ольо, итальянского композитора и автора оперы *Милосердие Титово*, с которым он познакомился во время службы в Императорской хоровой капелле в Санкт-Петербурге:

И хоть в том хорѣ не бывал Далольо,

Однак за таких сто могл сам Аполло.⁴¹⁶

Все вышесказанное вновь подтверждает значимость личного фактора в сочинениях Сковороды и указывает на необходимость детального изучения различных периодов его биографии, включая венгерский.

Фабула отличается своими нравоучениями, имеющими явно выраженную персональную окраску. Ее действующие лица – это старец Филарет и ищущий смысла жизни молодец Филидон. Не послушав мудрого совета, последний претерпевает множество неудач, о чем впоследствии горько сожалеет:

«Чего ж ты плакать стал? Плач не поможет

⁴¹³ Там же.

⁴¹⁴ Там же.

⁴¹⁵ Там же.

⁴¹⁶ Там же.

Тепера уже». «О Боже мой, Боже,
Ах, поможи мнѣ, отчѣ святѣйшій!»
«Не могу теперь, сину любезнѣйшій!
Не слушал тогда моего совѣта,
Проси ж тепера о помощѣ от свѣта».⁴¹⁷

Разговор о премудрости – это своеобразный философский диалог, в котором, наряду с греческим *София* и латинским *Минерва*, Сковорода называет мудрость *Христом*, тем самым приравнивая веру к человеческому разуму:

У греков звалась я Софія в древной вѣк,
А мудростю зовет всяк русской челобѣк,
Но римлян мене Мінервою назвал,
А хрістіанин добр Христом мнѣ имя дал.⁴¹⁸

Необходимо отметить ссылку на Китай, которая объясняется его встречами с переяславским епископом Гервасием Линцевским в 1758–1759 годах, прослужившим там одиннадцать лет, возглавляя русскую духовную миссию. Со временем эта поэтическая трактовка принесла Сковороде огромную популярность среди китайской интеллигенции:

И как же мнѣ, скажи, меж хинцами не жит...
А с хинцами ты как обходишься, открой?
Так точно, как и здесь: смотрю кто мой, то мой.⁴¹⁹

Все лице морищи, печален всегда ты... – это эпитафия, призывающая по-оптимистически взглянуть на жизнь, чтобы она не превратилась в долгую мучительную смерть:

А кто печален, безпрестанно тужит,
Того мертвого смерть протяжна душит.⁴²⁰

Сковорода был по характеру оптимистом, хотя и впадал в пессимизм, что было вполне присуще его творческой натуре, тем не менее вера не давала ему терять надежду даже в самые трудные минуты его нелегкой диогеновской судьбы:

⁴¹⁷ Там же, с. 94.

⁴¹⁸ Там же.

⁴¹⁹ Там же.

⁴²⁰ Там же, с. 95.

А кто печален, безперестанно тужит,
Того мертвого смерть протяжна душит.⁴²¹

*Похвала астрономіи (Ex Ovid[io]Fast[i])*⁴²² заимствована из книги *Фасты* древнеримского поэта Овидия, которая состоит из элегий, поэтически воспевающих праздники и обычаи Рима. Астрономия всегда восхищала Сковороду, что связано с его интересом к учению Коперника, имя которого неоднократно звучит в его поэзии и прозе. Живя в горном Токае или степях Каврая и Бабая, он постоянно любовался звездным небосводом и при этом забывал о своих земных горестях и заботах:

Щасливы, кои тщились еще в вѣк старинній
Взвесьть ум виспр и примѣчать звѣздних бѣгов чины.
Можно вѣрить, что оны, вси земніи здоры
Оставя, взойшли сердцем в небесніи горы.⁴²³

O Delicati Blanda etc. – это художественный перевод *Ad Petrum Gerardium* Мюре. Сковорода глубоко преклонялся перед этим французским мастером поэтического слова эпохи Возрождения и регулярно обращался к его творениям. Можно найти целый ряд совпадений в судьбах этих литераторов, которых неоднократно преследовала официальная церковь и критиковали менее талантливые собратья по перу. В сюжете *К Петру Герардию* много биографического, что соответственно отразилось в сквородиновском стихотворении:

О селянскій милій, любій мой покою,
Всяких печалей лишенній!
О источников шум журчащих водою,
О лѣс темній прохлажденній,
О шумящы кудры волосов древесних,
О на луках зелень красна,
О самота мати ради дум небесних,
О сумна тихость ужасна.⁴²⁴

⁴²¹ Там же.

⁴²² Из книги Овидия *Фасты* (лат.).

⁴²³ Там же.

⁴²⁴ Там же, с. 96.

Изменив муретовское название, поэт точно передал следующую фразу, ставшую лейтмотивом его духовной поэзии и философской прозы:

О бібліотеко, ты моя избранна,

О немногим книги чтомы!⁴²⁵

In Natalem Iesu – это известная рождественская колядка *In Natali Domini*, переведенная на большинство современных языков, а также венгерский. Она имеет всего четыре строфы в отличие от шестистрофного переспева австрийского священника Йозефа Мора. Полный латинский текст церковного псалма Мюре в контексте с русским переводом Сковороды приводится здесь впервые:

O nox vel medio splendidior die,

Cuius per tenebras virginis integrae

Ex aluo nitida Sol nouus emicat,

Complens omnia lumine.

Aeterno imperio qui regit omnia,

Humanumque Deo conciliat genus,

In nunc sub tugur I vilis operculo

Nascens, pauperiem docet.

Pastores ouium, dum gregibus suis

Intenti vigiles excubias agunt,

Primi hunc angelico carmine nuncium

Laetis auribus hauriunt.

Grata est haud dubie simplicitas Deo,

Grata est vita, dolis quae procul omnibus.

Rectum sponte sua perpetuo colit,

Et priscam retinet fidem.

Simplex etc.⁴²⁶

О ночь нова, дивна, чудна,

Яснѣйшая свѣтла полудня,

Когда чрез мрак темній, черній

⁴²⁵ Там же.

⁴²⁶ Marci Antonii Mureti Orationes, Epistolae, et Poemata. Lipsiae, In Officina Grossiana, MDCCL, Liber Primus, c. 8.

Блиснул соннца свѣт невечерній.
Веселитесь, яко с намы Бог,
Яко с намы Бог.
Кой всѣ моря усмиряет.
Кой Богу нас всѣх примиряет,
Сей в нищетной днесь хижинѣ
Нищети нас учит всѣх нинѣ.
Веселитесь, яко с намы Бог. (2)
Там под Вифлеемским градом
Пастухы, пасуще стадо,
Всѣх первѣе вѣсть приѣмлют,
Что к нам Христос прійде на землю
Через ангелов, яко с намы Бог. (2)
Видно, что то Богу любя
Та простота беззлобна, груба,
Кая хранит правость ревно
Через простой свой нрав вѣрной, древной.
Веселитесь, яко с вамы Бог. (2)
Вифлеемска возлѣ града
Там пастирскій сонм берег стада...
На глас: «Похвалѣмо царя Христа!»⁴²⁷

Читая строки из *In Natalem Iesu*, параллельно вспоминаются другие славянские варианты этого шедевра мировой христианской культуры, такие как польская *Cicha noc*, российская *Ночь тиха*, украинская *Тиха ніч* и т.д. Обладая прекрасным голосом и отличным слухом, Сковорода мог исполнять эту песню под лютню на светских приемах, куда приглашался императорский комиссар Вишневецкий, бравший его в деловые поездки по Австрии и Венгрии. Указание припевов дает основание полагать, что для достижения большей мелодичности он сочинил еще собственную музыкальную аранжировку.

⁴²⁷ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 1, с. 97–98.

*Est Quaedam Maerenti Flere Voluptas*⁴²⁸ имеет глубоко эмоциональную окраску и непосредственно связано с душевными настроениями поэта, терзаемого личными переживаниями, но неустанно призывающего к Богу:

Аще ж буду богат на токи мнѣ слезны,

Будут мнѣ оны одны утѣхы любезны.

Твоя и дурность

Над міра мудрость,

И плач над смѣхы –

Его утѣхы,

Чудній Боже!⁴²⁹

*Quid Est Virtus?*⁴³⁰ – это двуязычная эпиграмма, в которой ставится целый ряд важных вопросов, как, например, покорить гнев, подавить телесные страсти, пережить упрек, ради Христа покинуть отчизну, попасть в рай, не утонуть в море вечной суеты. Сковорода считает, что лишь тот способен дать на это верный ответ, кто действительно силен душой:

Трудно покорити гнѣв и прочіи страсты,

Трудно не отдать себе в плотяніи сласты,

Трудно от всѣх и туне снести укоризну,

Трудно оставить свою за Христа отчизну,

Трудно взять от земли ум на горы небесны,

Трудно не потопитися в міра сего безднѣ.

Кто может побѣдитъ всю сію злобу древну,

Се цар – властитель крѣпок чрез силу душевну.⁴³¹

Epigramma сопровождается переводом и преследует конкретные дидактические цели. Сковорода стремится предельно сжато изречь свои сентенции:

Скажи мнѣ кратко мужа мудра дѣло! –

Імѣй свѣт в умѣ и здравіе тѣла.⁴³²

⁴²⁸ В горе явное утешение приносят слезы (лат.).

⁴²⁹ Там же, с. 98–99.

⁴³⁰ Что есть добродетель? (лат.).

⁴³¹ Там же, с. 99.

⁴³² Там же.

*Similitudines ex Virg[ilio] 2 Aeneid[a]e*⁴³³ состоит из шести фрагментов поэмы *Энеида* Вергилия, в каждом из которых изображается один из ее мифических героев. Так, например, в пятом описывается Эней, героически сражающийся с благороднейшим из греков ради руки прекрасной Елены:

Так, как когда збѣжатыя вѣтры полномочно
Бурним вихром з запада, юга и восточной
Стороны, трещат лѣсы, кипят вознесенны
Волны и с пѣском рвутся виспр мѣста безденны.⁴³⁴

Под влиянием Сковороды, к этой теме еще обращался Котляревский, написавший комическую поэму под тем же названием в 1798 году.

*In Natalem Basilii Tomarae, Pueri 12 Annorum*⁴³⁵ посвящена Василию Тамаре, каврайскому ученику Сковороды, с которым он всю жизнь поддерживал дружеские отношения, и чей отец, малороссийский полковник Стефан Тамара, первым обратил внимание на несамовитый талант его домашнего учителя: «Друг мой! Бог благословил тебя дарованіем духа и слова...».⁴³⁶ Эта поздравительная эпитаграмма вновь звучит в традиционном стиле Мюре. Официальная церковь долгое время запрещала преподавание сборника *Hymni Sacri*, считая его еретическим, вопреки чему Сковорода популяризировал сочинения этого французского поэта-гугенота, тем самым реабилитируя его имя, за что он может быть провозглашен «украинским Мюре» и основателем новой христианской поэзии.

In Natalem Bilogrodensis Episcopi относится к концу 1750-х годов. Она была написана Иоасафу Миткевичу, белгородскому епископу, сыгравшему важную роль в жизни Сковороды. Вот, как вспоминает их первую встречу Коваленский: «В Бѣлгород прибыл на епископскій престол Іоасаф Миткевич – муж, исполненный благосердія, добродѣтелей, ученія. Сему архіерею был извѣстен по законоискуству и по старой приязни игумен Гервасій Якубович, находившійся тогда в Переяславлѣ. Іоасаф пригласил Гервасія раздѣлить с ним епархіальные труды и дружественную жизнь. Гервасій приѣхал в Белгород и, видя ревность Іоасафа к

⁴³³ Образы из 2-ой книги *Энеида* Вергилия (лат.).

⁴³⁴ Там же, с. 100.

⁴³⁵ В День рождения Василия Томары, мальчика 12 лет (лат.).

⁴³⁶ Там же, т. 2, с. 446.

наукам, представил ему о Сковородѣ одобрителнѣйше. Епископ вызвал его к себѣ через Гервасія. Сковорода немедлѣнно прибыл и поволѣ Іоасафа принял должность учителя поэзіи в Харьковском училищѣ 1759 года...».⁴³⁷

*De Sacra Caena, Seu Aeternitate*⁴³⁸ сохранилось в переводе неизвестного автора. Поэт делит мир на видимый и невидимый, а все существующее на тленное и вечное: *Carne panem vinumque vides, sed mente videtur, sub specie carnis qui latet, ipse Deus,*⁴³⁹ что одновременно является ссылкой на духовное и физическое вино.

*De Umbratica Voluptate*⁴⁴⁰ продолжает тему двойственности, акцентируя главенство Бога: *Iustus ubique Deus, qui temperat omnia rerum; Nil est sincerum miscuit omne Deus.*⁴⁴¹

По мнению Чижевского, Сковорода значительно опережает украинскую и западную романтику, за что называет его «самым интересным славянским «предромантиком»».⁴⁴² Несмотря на ошибочное представление о нем, как «философе без системы»,⁴⁴³ ему в полной мере характерно ясное диалектическое мышление, непосредственно восходящее к Платону, Плотину, Проклу и отцам церкви. В его понимании, все возвращается к своим первоисточникам благодаря бесконечному круговому движению от смерти к жизни, от тьмы к свету, от зимы к весне, от цветов к плодам, от зерна к яблоне, от дождя к радуге и т.д. Круг – это главный символ *Сада божественных нѣсней*, воплощенный в яблоке, змее, земном шаре, луне и т.д., над которыми возвышается Пречистая Дева Мария, олицетворяющая вечноженское начало. Будучи полиморфным, этот сборник заключает в себе рай, гору, град, страну, дом, село, поле, вербу, лес, дуброву, храм, царство, слово, Библию и т.д., при этом символизируя совокупность христианских образов и идей, выступающих единой универсальной моделью мира – *imago mundi*,⁴⁴⁴ основной антитезой, в которой божественное противопоставляется языческому, а системное хаотическому, т.е. чуждому и неприемлимому философии Сковороды.

⁴³⁷ Там же.

⁴³⁸ О тайной вечере, или вечности (лат.).

⁴³⁹ Там же, т. 1, с. 486. Плотію видиш ты хлѣб и вино: но умом созерцається сам Бог, который под видом плоти скрывается (лат.).

⁴⁴⁰ О вожделении тенью (лат.).

⁴⁴¹ Справедливый Бог везде, чередующий вещи постоянно; чистых вещей не бывает: Бог сотворил все, смешав (лат.).

⁴⁴² Чижевський Д., Філософія Г.С.Сковороди. Варшава, 1934, с. 208.

⁴⁴³ Там же, с. 9.

⁴⁴⁴ Образ мира (лат.).

7. Литературный анализ эзоповской прозы Сковороды

(Басни Харьковскія)

*Γνωθι σεαυτόν! Nosce te ipsum!*⁴⁴⁵

(Сократ)

Сборник *Басни Харьковскія*, состоящий из тридцати фабул, был написан в 1760–1770 годах. О его создании, в канун Троицы 1774 года, в письме Панкову Сковорода сообщает следующее: «В седмом десяткѣ нынѣшняго вѣка, отстав от учительской должности и уединяясь в лежащих около Харькова лѣсах, полях, садах, селах, деревнях и пчелниках, обучал я себе добродѣтели и поучался в Бібліи; притом, благопристойными игрушками забавляясь, написал полтора десятка басень, не имѣя с тобою знаемости. А сего года в селѣ Бабаях умножил оные до половины. Между тѣм, как писал прибавочные, казалось, будто ты всегда присутствуешь, одобряя мои мысли и вмѣстѣ о них со мною причащаясь. Дарую ж тебѣ 3 десятка басень, тебѣ и подобным тебѣ...».⁴⁴⁶ Выбор этого литературного жанра неслучаен и тесно связан с именем древнегреческого философа Сократа, чье известное изречение: «Познай себя!» звучит лейтмотивом на протяжении всей поэзии и прозы Сковороды. Идея сократовского самопознания, как путь, ведущий к постижению истины, краеугольным камнем лежит в основе каждого отдельного произведения, за что его нередко называют «украинским Сократом». В отличие от остальных критиков, Чижевский, при анализе философского стиля Сковороды, убежденно считает его «досократиком», мотивируя тем, что его символы в большинстве многозначны и не всегда совместимы. Они могут охватывать абсолютно противоположные понятия, но при этом тесно переплетаться друг с другом, а он, играясь с ними, вместо рациональных конструкций, может строить фантастические символические фигуры, несущие в себе некий смысл.⁴⁴⁷ Если *Сад божественных нѣсней* сочинялся под непосредственным влиянием Мюре и Коменского, то *Басни Харьковскія* явно творились с мыслью о великом родоначальнике диалектики: «И не дивно, что Сократ, когда ему внутренний ангел предводитель во всѣх его дѣлах велѣл писать стіхи, тогда избрал *езоповы*

⁴⁴⁵ Познай себя (греч., лат.).

⁴⁴⁶ Там же, с. 107.

⁴⁴⁷ Чижевський Д., Філософія Г.С.Сковороди. Варшава, 1934, с. 26–27.

басни».⁴⁴⁸ Даже весьма странные обстоятельства неожиданной смерти Сковороды невольно толкают на размышление о том, что он, как и его предшественник, тоже покончил жизнь самоубийством, тайно приняв яд тем холодным утром 29 октября 1794 года (по старому стилю), глубоко веря в нетленность своей христианской души. Обращение к басням как художественной форме еще имеет прямое отношение к венгерскому периоду жизни молодого Сковороды, поскольку в ходе императорской службы за границей он регулярно общался с греческим населением Токая, где в то время проживало около двухсот македонцев, занимавшихся торговлей вина, мяса, кожи и текстиля. В совершенстве владея эллинским языком, он не только переводил придворному комиссару Вишневному, но также собирал забавные истории и байки, услышанные от средиземноморских купцов и местных жителей, мирно ютящихся по улочке Русская, которая вела на городскую площадь, где несомненно слышался громкий шум утренних базаров и воскресных торжищ. Все это, спустя долгие годы, по-прежнему напоминало ему о его далекой молодости, в которую он так подсознательно стремился вернуться в своих сочинениях и, в частности, в эзоповской прозе, содержащей скрытые ссылки на Венгрию. В предисловии к басням встречается ряд народных пословиц и поговорок, помогающих правильно настроиться на серьезное восприятие простых фабул, которые баснописец в шутку окрестил мудрыми игрушками: «Красна хата не углами, но пирогами», «Стучит, шумит, гремит... А что там? Кобыля мертва голова бѣжит», «Летала высоко, а сѣла недалюко», «Не по кошельку суди сокровище, праведен суд суди»,⁴⁴⁹ «Лавр и зимою зелен»⁴⁵⁰ и т.д. Прямо на глазах у читателя происходит некое возрождение давно забытых символов, которые у Сковороды «...снаружи ложь, но внутри истина...».⁴⁵¹ Впоследствии они дают импульс поэтам и писателям такого направления как символизм, в основу которого легли «hieroglyphica, emblemata, symbola, таинства, притчи, басни, подобія, пословицы...».⁴⁵² Своим интериоризмом Сковорода возвращает истинное значение символа как иносказательного выражения чувств через сродный образ, ставшим

⁴⁴⁸ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 1, с. 108.

⁴⁴⁹ Там же, с. 107.

⁴⁵⁰ Там же, с. 108.

⁴⁵¹ Там же, с. 107.

⁴⁵² Там же, с. 108.

одним их главных принципов литературы девятнадцатого и двадцатого веков. Он заставляет по-другому мыслить, в итоге порождая массовое политическое инакомыслие, превращающееся в социальное явление и неотъемлимую особенность отечественного национального характера. Его антропологизм проводит невидимую черту между человеком духовным и физическим, внутренним и внешним. Фабула и сила его басен, гармонически сочетаясь друг с другом, выражают ту органическую суть, которая, как «...два разноличных сосуда одним да наполнятся лікером, да будет едина душа и едино сердце. Сія-то есть истинная дружба, мыслей единство. Все не наше, все погибнет и саміи болваны наши. Одни только мысли наши всегда с нами, одна только истина вѣчна, а мы в ней, как яблонь в своем зернѣ, сокроемся...».⁴⁵³

Данный сборник был впервые напечатан в 1837 году в издании Московского попечительного комитета «Человеколюбивого общества» под названием *Басни Харьковскіе Г.В.Сковороды*. Трагическая смерть гения лирического слога Пушкина, совпавшая с появлением сквородиновских басен, довольно символична, так как он тоже обращался к трудам знаменитого слобожанца, заимствуя те или иные идеи, что видно из его эпиграммы *Я памятник себе воздвиг нерукотворный...*, в котором российский поэт символически заявляет: «...Нет весь я не умру – душа в заветной лире мой прах переживет и тленья убежит...».⁴⁵⁴ Дух Сковороды витал и над поэзией Тютчева, произнесшего: «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить: у ней особенная стать – в Россию можно только верить».⁴⁵⁵ Нужно было глубоко верить, чтобы через внешнюю примитивность басенных героев постигнуть их внутреннюю символическую суть. Всю последующую литературу можно условно разделить на до и постсковородиновскую, ибо тот гигантский философский толчок, который получила русская и украинская мысль, а вместе с ней и европейская, по-прежнему ощущается в современном литературном мире. Сковорода – это исторический рубеж, после которого уже никто и никогда не смог поставить на колени талантливых поэтов и писателей, принудив их фальшиво петь под старую дудку официальной цензуры. Игнорируя его творческий вклад и

⁴⁵³ Там же.

⁴⁵⁴ Пушкин А., Полное собрание сочинений в 10-и томах. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1963, т. 3, с. 373.

⁴⁵⁵ Тютчев Ф., Жизнь природы там слышна. Москва: Издательство Планета, 1979, с. 187.

духовное наследие, нельзя найти то рациональное зерно, однажды с трудом посаженное этим вертоградом истины в каменистую почву мировой культуры.

Антитетический стиль Сковороды получает новое логическое продолжение, достигая наивысшей формы эмблематического иносказания и значительного стилистического эффекта. Уже в самом названии каждой басни кроется определенная антитеза, несущая в себе острый сатирический смысл, направленный на открытое высмеивание человеческих предрассудков и социальных проблем, с которыми повседневно сталкивался слобожанский басенник. Располагая точными биографическими реалиями его жизни, нетрудно распознать в его аллегорических образах конкретных людей, некогда окружавших его, таких как генерал Вишневецкий в басне *Мурашка и Свинья*; Диана, жена Стефана Тамары, которая «... обучалась в Парижѣ»,⁴⁵⁶ в басне *Собака и Кобыла*; или сам автор в басне *Вѣтер и Філософ*. Кроме этого, еще встречаются ссылки географического характера, подтверждающие широкий диапазон странствий Сковороды, как, например, украинский Днепр и венгерский Дунай, египетский Нил и турецкий Меандр в басне *Щука и Рак*; гостеприимное польско-венгерское Подкарпатье в басне *Оленица и Кабан*; и просвещенная Великая Русь в басне *Соловей, Жворонок и Дрозд*. Здесь также присутствует педагогический элемент пансофии Коменского, ярко выраженный в научной лексике, включающей арифметику, алгебру, физику, астрономию, биологию, юриспруденцию, философию и теологию. Среди басенных персонажей необходимо отметить христианский символ оленя в басне *Велблюд и Олень*, одновременно фигурирующий в *Пѣсне 8-й Сада божественных пѣсней*: «Афріканскій олень часто питается зміями. Сей, нажрався досыта оных и не терпя внутрь палящія ядом жажды, быстрѣ птиц в полудни пустился на источники водныя и на горы высокія».⁴⁵⁷ Подобная метафора объясняется личным общением Сковороды с венгерскими реформаторами-богословами, повлиявшими на формирование его протестантского мировоззрения, и соответствующим цитированием сорок второго псалма из реформаторского Псалтыря,⁴⁵⁸ за что он

⁴⁵⁶ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 1, с. 117.

⁴⁵⁷ Там же, с. 119.

⁴⁵⁸ Énekeskönyv magyar reformátusok használatára. A Magyarországi Református Egyház kiadása. Псалом 42, с. 88.

был предвзято объявлен еретиком и полностью отстранен от преподавания класса пиитики в Переяславском или курса катехизиса в Харьковском коллегиумах.

Басня 1 Собаки символично противопоставляет умного человека глупому, неведающему кого и когда критиковать. Сковорода выбирает для этого сюжета образы обычных дворовых собак, одна из которых без причины лает на проезжающих, а другая, поистине преданная своему хозяину, молча охраняет его дом: «...Вить не всѣ ж, – сказала разумная, – проежжіе таковы, чтоб их почитать за непріятелей нашего хазяина, а то бы я и сама должности своей не оставила, несмотря на то, что прошедшей ночи нога моя волчьими зубами поврежденна. Собакою быть дѣло не худое, но без причины лаять на всякого дурно».⁴⁵⁹

Басня 2 Ворона и Чиж в своей силе призывает судить людей по внутренним, а не по внешним качествам, которые порой могут быть обманчивы и весьма ошибочны: «...Сердце и нравы челоуѣческіи, кто он таков, свидѣлствовать должны, а не внѣшніи качества. Древо от плодов познавается».⁴⁶⁰

Басня 3 Жаворонки построена на основе старой поговорки, смысл которой научиться делать правильный выбор согласно собственной природы, а не в угоду мимолетным прихотям:

«Не то орел, что высоко лѣтает,
Но то, что легко сѣдает...».⁴⁶¹

Здесь также приводится ссылка на басню Эзопа *Орел и Черепаха*, к которой Сковорода возвращается в отдельной трактовке.

Басня 4 Голова и Тулуб критикует «...тѣх, которыи честь свою на одном великолѣпїи основали...»,⁴⁶² забыв о том, что в жизни есть вещи «...столь малым...»⁴⁶³ необходимые.

Басня 5 Чиж и Щиглик поучает поговоркою «...просто и убого жить...»,⁴⁶⁴ совершенно не поддаваясь никаким соблазнам и обольщениям:

«Лучше мнѣ сухар с водою,

⁴⁵⁹ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 1, с. 109.

⁴⁶⁰ Там же.

⁴⁶¹ Там же, с. 110.

⁴⁶² Там же.

⁴⁶³ Там же.

⁴⁶⁴ Там же, с. 111.

Нежели сахар с бѣдою».⁴⁶⁵

Басня 6 Колеса Часовіи – это аллегорическое толкование работы часового механизма и одновременное провозглашение трех моральных принципов, абсолютно независимых от жизненного призвания: «Однак всѣм один конец – честность, мир и любовь».⁴⁶⁶

Басня 7 Орел и Сорока перекликается с другими произведениями Сковороды, в которых отдается предпочтение тихому деревенскому покою и живой природе в отличие от шумной городской суеты: «Кто родился к тому, чтоб вѣчностью забавляться, тому пріятнѣе жить в полях, рощах и садах, нежели в городах».⁴⁶⁷

Басня 8 Голова и Тулуб, также как и четвертая, первоначально принадлежит римскому полководцу Агриппе, сподвижнику Августа, известному своими постройками в Древнем Риме: водопровод, храм Пантеон, термы, и Галлии, который с ее помощью призывал римлян к подчинению стоящим у власти правителям: «Народ должен обладателям своим служить и кормить».⁴⁶⁸

Басня 9 Мурашка и Свинья интересна своими персонажами, один из которых Вол явно напоминает генерала Вишневого, начиная с 1729 года, двадцать лет занимавшегося поставками вина для Императорского двора из Токайских садов, где и умер от легендарного пристрастия к напитку богов. Он еще знаком читателю как «...Федька-купец при аршинѣ все лжет...» из *Пѣсни 10-й Сада*. Несмотря на свое отрицательное отношение, Сковорода многое у него почерпнул и посетил с ним «...Вѣну, Офен, Презбург и прочія окольныя мѣста, гдѣ, любопытствуя по охотѣ своей, старался знакомиться наипаче с людьми ученостію и знаніями отлично славимыми тогда...»⁴⁶⁹ – пишет Коваленский в его биографии. Что касается силы этой басни, то ею трактуется следующее: «Не малое то, что для обыходки довольное, а довольство и богатство есть то же».⁴⁷⁰

Басня 10 Двѣ Курицы отличается тем, что в ней впервые употребляется слово *сродность* как природная склонность к тому или иному роду занятий, которая

⁴⁶⁵ Там же.

⁴⁶⁶ Там же.

⁴⁶⁷ Там же.

⁴⁶⁸ Там же, с. 112.

⁴⁶⁹ Там же, т. 2, с. 441.

⁴⁷⁰ Там же, т. 1, с. 112.

«...трудолюбіем утверждается. Что ползы знать, каким образом дѣлается дѣло, если ты к тому не приобьк? Узнать не трудно, а трудно привыкнуть. Наука и привычка есть то же. Она не в знаніи живет, но в дѣланіи. Вѣдѣніе без дѣла есть мученьем, а дѣло – без природы. Вот чем разнится scientia et doctrina (знаніе и наука)».⁴⁷¹

Басня 11 Вѣтер и Філософ посвящается физике, которая, наряду с алгеброй и арифметикой, очень привлекала Сковороду и являлась составной частью пансофического учения Коменского. Здесь описывается один из редких моментов повседневного быта автора со ссылкой на трапезу, трубку для курения и привычную рюмку вина, постоянно присутствующего на его столе. Небесные планеты, т.е. астрономия, это очередное подтверждение его преклонения перед Коперником и гелиоцентрической теорией, тем не менее он считал, что человек бессилен перед природой и должен с этим смириться: «Кто на погоды или на урожаи сердится, тот против самага Бога, всястрящаго, гордится».⁴⁷²

Басня 12 Оселка и Нож носит личный характер, другими словами, показывает отношение Сковороды к браку. Как известно, он всю жизнь провел в полном одиночестве, что, не в последнюю очередь, объясняется его жизненной позицией: «Родятся и такіе, что воинской службы и женитбы не хотят, дабы других свободнѣе поощрять к разумной честности, без которой всяка стать недѣйствителна».⁴⁷³

Басня 13 Орел и Черепаха – это продолжение темы сродности, начатой в третьей и десятой баснях, как одной из ключевых в творчестве Сковороды, позже взятой на вооружение славянофилами, как указывает Эрн. Он не раз обращался к своим ученикам с преподавательской кафедры, призывая к выбору сродных путей не ради славы и выгоды: «Славолюбіе да сластолюбіе многих поволокло в стать, совсѣм природѣ их противную. Но тѣм им вреднѣе бывает, чем стать изряднѣе, и весьма немногих мати родила, напримѣр, к філософіи, к ангелскому житію».⁴⁷⁴

⁴⁷¹ Там же, с. 113.

⁴⁷² Там же, с. 114.

⁴⁷³ Там же.

⁴⁷⁴ Там же.

Басня 14 Сова и Дрозд, в которой образ совы, птицы римской богини Минервы, покровительницы ремесел и искусств, а с третьего века до н.э. и греческой Афины, почитаемой как богини войны и государственной мудрости, олицетворяет истинный разум, о чем гласит сила трактовки Сковороды: «Лучше у одного разумного и добродушного быть в любви и почтении, нежели у тысячѣ дураков».⁴⁷⁵

Басня 15 Змія и Буфон построена на поговорке, одновременно являющейся ее фабулой и силой: «Чемь лучшее добро, тем большим трудом окопалось, как рвом. Кто труда не перейдіот, и к добру тот не прійдіот».⁴⁷⁶ Кроме этого, ее символическую гравюру можно найти в главе *Тѣм обновляюся* сборника *Symbola et Emblemata Selecta*.⁴⁷⁷

Басня 16 Жабы дает ссылку на изречение древнегреческого философа-идеалиста Платона, ученика Сократа, о том, что «Всѣ короли из рабов, и всѣ рабы отраживаются из королев».⁴⁷⁸ По мнению Сковороды, «...честное ремесло есть неоскудѣвающій родник не изобилнаго, но безопаснаго пропитанія...»,⁴⁷⁹ которое способно спасти в «...кораблекрушеніи единственною гаванью...».⁴⁸⁰ Самое главное – это «...научиться жизнь жить порядочную, основанную на законѣ вѣры и страха Божія...».⁴⁸¹

Басня 17 Два цѣнные камушки: Алмаз и Смарагд истолковывает старую пословицу: «Глупой ищет мѣста, а разумнаго и в углу видно»,⁴⁸² сути которой он придерживался всю жизнь, избегая шумных собраний. Выступая в образе Алмаза, он заявляет, что «...цѣна наша, или честь, всегда при нас и внутри нас. Грановщики не дают нам, а открывают в нас оную. Она видным мѣстом и людскою хвалою не умножается, а презрѣніем, забвеніем и хулою не уменьшится...».⁴⁸³

Басня 18 Собака и Кобыла оспаривает латинское выражение: *Ars perficit naturam*,⁴⁸⁴ делая акцент на сродности, без которой «...что может привести в совершенство

⁴⁷⁵ Там же, с. 115.

⁴⁷⁶ Там же.

⁴⁷⁷ Wetstenium H., *Symbola et Emblemata Selecta*. Amstelaedami, 1705, с. 206–207.

⁴⁷⁸ Сковорода Г., *Повне зібрання творів у 2-х томах*. Київ: Наукова думка, 1973, т. 1, с. 116.

⁴⁷⁹ Там же.

⁴⁸⁰ Там же.

⁴⁸¹ Там же.

⁴⁸² Там же, с. 117.

⁴⁸³ Там же, с. 116.

⁴⁸⁴ Искусство совершенствует природу (лат.).

обученіе?».⁴⁸⁵ Сковорода через образ Меркурия, охотничьей собаки, считает, что «Без природы, как без пути: чем далѣе успѣваеш, тѣм безпутнѣе заблуждаеш. Природа есть вѣчный источник охоты. Сія воля (по пословицѣ) есть пуще всякой неволи. Она побуждает к частому опыту. Опыт есть отец искусству, вѣдѣнію и привычкѣ. Отсюда родилися всѣ науки, и книги, и хитрости. Сія главная и единственная учительница вѣрно выучивает птицу лѣтать, а рыбу – плавать. Премудрая ходит в Малороссіи пословица: Без Бога ни до порога, а с ним хоть за море».⁴⁸⁶

Басня 19 Нетопыр и два птенца – Горлицын и Голубинин в аллегорической форме трактует идею разделения на видимое и невидимое, на тленное и вечное: «Свѣтъ и тма, тлѣніе и вѣчность, вѣра и нечестіе – мір весь составляют и одно другому нужно».⁴⁸⁷ Нужно добавить, что образ Крота получает дальнейшее развитие в двадцать четвертой басне и в какой-то степени символизирует самого Сковороду.

Басня 20 Велблюд и Олень насыщена библейскими цитатами из Притчей, Царств и Второзакония. Сковорода не раз сталкивался с художественными изображениями оленя, символа христианской веры, на кафельных печах и керамической посуде в домах венгерской знати, а фразой: «Описатели звѣрей пишут, что велблюд, пить приступая, всегда возмущает воду. Но олень чистыя любитель»⁴⁸⁸ он еще ссылается на главу *Смуценіе любитѣ* сборника *Symbola et Emblemata Selecta*.⁴⁸⁹

Басня 21 Кукушка и Косик знаменитым сократовским изречением объясняет силу этого произведения: «Иные на то живут, чтоб ѣсть и пить, а я пью и ѣм на то, чтоб жить».⁴⁹⁰ Сковорода только так мог представить свою жизнь, чему стремился научить и других: «Премножайшии, презрѣв сродную себѣ должность, одно поют, пьют и ѣдят. В сей праздности несносную и большую терпят скуку, нежели работающіи без ослабы. Пѣть, пить и ѣсть не есть дѣло, но главнаго нашего сроднаго дѣла один точію хвостик. А кто на то ѣст, пьет и поіот, чтоб охотнѣе послѣ раздоху взятся за должность, как за предлежащій путь свой, сему скуку

⁴⁸⁵ Там же, с. 118.

⁴⁸⁶ Там же, с. 117.

⁴⁸⁷ Там же, с. 119.

⁴⁸⁸ Там же, с. 120.

⁴⁸⁹ Wetstenium H., *Symbola et Emblemata Selecta*. Amstelaedami, 1705, с. 142–143.

⁴⁹⁰ Сковорода Г., *Повне зібрання творів у 2-х томах*. Київ: Наукова думка, 1973, т. 1, с. 120.

прогнать не многова стоит: он каждый день и дѣлен, и празден, и о нем-то пословица: Доброму челоуѣку всякой день праздник. Должность наша есть источником увеселенія». ⁴⁹¹ Идея сродности постоянно фигурирует в его баснях, получая новое философское развитие.

Басня 22 Навоз и Алмаз – это трактовка одноименной басни древнегреческого баснописца Эзопа, сила которой заключается в объяснении истинного смысла Библии и ее должного места в жизни. Если под образом Навоза подразумеваются «...Свѣткія книги, безспорно, всякой ползы и красы суть преисполненныя», ⁴⁹² то под Алмазом – Библия, воплощающая всю суть иносказания Сковороды: «Я состою с тѣх же слов и рѣчей, что вы, да и гаразда с худших и варварских. Но в невкусных рѣчи моей водах, как в зеркалѣ, боголѣпно сіяет невидимое, но пресвѣтлѣйшее око Божіе, без котораго вся ваша польза пуста, а краса мертва». ⁴⁹³ Здесь также звучит неизменная ссылка на духовное вино: «...когда обуялая вода ея претворяется в вино, веселящее сердце челоуѣку»; ⁴⁹⁴ и латинская мудрость, несущая скрытый смысл этой басни: *Annus producit, non ager*. ⁴⁹⁵ В заключение, Сковорода цитирует изречение о музыке из трактата *Политика* древнегреческого философа Аристотеля: *ῥυθμῶ δέ καίρομεν διά τό γνῶριμον καί συντεταγμένον*, ⁴⁹⁶ после чего он символично заявляет: «Кто сіе разжует, тот знает, что значит рифм. Сіе слово (Библия) в Россіи во многих устах, но не во многих умах». ⁴⁹⁷

Басня 23 Собака и Волк была заимствована из поэтического сборника *Буколики* ⁴⁹⁸ древнеримского поэта Вергилия. Ее главный акцент стоит на латинской пословице: *Simile ducit deus ad simile*, ⁴⁹⁹ превратно истолкованной Волком. Голосом собаки Фиридам Сковорода смело бросает ответ этому незванному гостю: «Паче же не нравится нам зеркало твоя души лукавый взор твой, косо на близ тебе ходящаго барашка поглядывающій». ⁵⁰⁰ Отсюда и суть всего вышесказанного: «И фаміліа, и

⁴⁹¹ Там же.

⁴⁹² Там же, с. 121.

⁴⁹³ Там же.

⁴⁹⁴ Там же.

⁴⁹⁵ Год производит, а не поле (лат.).

⁴⁹⁶ В ритме нам дает наслаждение известность и порядок (греч.).

⁴⁹⁷ Там же, с. 122.

⁴⁹⁸ Пастушьи песни (лат.).

⁴⁹⁹ Бог ведет подобных к подобным (лат.).

⁵⁰⁰ Там же.

богатство, и чин, и родство, и тѣлесныи дарованія, и науки – не сильны утвердить дружбу. Но сердце, в мыслях согласное, и одинакая честность челоуѣколюбныя души, в двоих или троих тѣлах живущая, сія есть истинная любов и единство, о коем взглянь 4 гл., стих 32 в «Дѣяніях (святых Апостолов)», и о коем Павел: «Нѣсть іудей, ни еллин...» «Вси бо вы едино есте о Христѣ Иисусѣ» (Послание) к Галат[ам], 3)».⁵⁰¹

Басня 24 Крот и Линкс как продолжение девятнадцатой басни вновь трактует образ Крота, лишённого рысёго взора, но, благодаря природе, имеющего тонкий слух: «Вѣчная правда блаженныя природы никого не обижает. Она, равное во всем неравенство дѣлая, в остротѣ моего слуха вмѣстила чувство очей».⁵⁰² Идея неравного равенства также характерна диалогу *Разговор, называемый алфавит, или букварь мира* и имеет глубоко антитетическую основу: «Если в богатствѣ есть, чего в нищетѣ нѣтъ, справся – и сыщеш в нищетѣ, чего в богатствѣ нѣтъ. В которой земли менѣе родится плодов, там в награду здоровость воздуха. Гдѣ менѣе клюквы и черницы, там менѣе скорбутной болѣзни; менѣе врачей – менѣе больных; менѣе золота – менѣе надобностей; менѣе ремесл – менѣе мотов; менѣе наук – менѣе дураков; менѣе прав – менѣе беззаконников; менѣе оружія – менѣе войны; менѣе поваров – менѣе испорченнаго вкуса; менѣе чести – менѣе страха; менѣе сластей – менѣе грусти; менѣе славы – менѣе безславія; менѣе друзей – менѣе врагов; менѣе здоровья – менѣе страстей. Вѣкъ и вѣкъ, страна и страна, народ и народ, город и село, юность и старость, болѣзнь и здоровья, смерть и жизнь, ночь и день, зима и лѣто – каждая статья, пол и возраст и всякая тварь имѣет собственныи свои выгоды».⁵⁰³

Басня 25 Лев и Обезьяны символически сравнивает Библию со спящим львом, а поклоняющиеся идолам мудрецы по-обезьяньи наивно «...думают, что она мертва и говорит о мертвости стіхійной, не помышляя о том, что в тлѣнных ея образах сокрывается живот вѣчный...».⁵⁰⁴ «Срдце его бдитѣ» – гласит одноименная глава

⁵⁰¹ Там же.

⁵⁰² Там же, с. 123.

⁵⁰³ Там же.

⁵⁰⁴ Там же, с. 124.

Symbola et Emblemata Selecta,⁵⁰⁵ вот почему Сковорода так риторично ставит свой вопрос: «Возможно ль найти благолѣпнѣйшій для божественныя книги образ?»⁵⁰⁶ *Басня 26 Щука и Рак* ностальгично звучит из стареющих уст Сковороды, неустанно грезившего о молодых годах, прожитых в далекой, но близкой его сердцу Венгрии. Грустно взирая на широкий Днепр, ему непременно чудится «быстрый Дунай»⁵⁰⁷ и плодоносные склоны Токайских садов, для которых он «...не изгнанник, но странник и не отечество оставляет, а отечество перемѣняет; в коей земли пришлец, тоей земли и сын, имѣя внутри себе народное право, о коем Павел: «Закон духовен есть».⁵⁰⁸

Басня 27 Пчела и Шершень противопоставляет трудолюбивых пчел, как «...герб мудраго челоуѣка, в сродном дѣлѣ трудящагося...»,⁵⁰⁹ шершням, «...живущих хищеніем чуждаго и рожденных на то одно, чтоб ѣсть, пить и протч.»⁵¹⁰ «...не разумѣя, что сродное дѣло есть ... сладчайшее пиршество...».⁵¹¹ Сковорода считает, что в жизни все должно быть природосообразным: «Взгляньте на правленіе блаженныя природы и научитесь».⁵¹² Здесь также дается ссылка на древнеримского писателя и консула Катона Старшего, который «...мудр и щастлив... тѣм, что послѣдует натурѣ, как видно в Цицероновой книжечкѣ «О старости»».⁵¹³ В его представлении «...жить по натурѣ...» – это «...блаженное ... *естество*, называемое у богословов трисолнечное, всякой твари свою для нея часть и сродность вѣчно предписующее».⁵¹⁴ Это то, о чем древнегреческий философ-материалист Эпикур сказал: «Благодареніе блаженной натурѣ за то, что нужное здѣлала нетрудным, а трудное ненужным».⁵¹⁵

Басня 28 Оленица и Кабан начинается уникальной ссылкой на Карпаты: «В полских и венгерских горах...»,⁵¹⁶ которые Сковорода, двадцатитрехлетний казак из лубенских Чернух, пересек в августе 1745 года с военным обозом

⁵⁰⁵ Wetstenium H., *Symbola et Emblemata Selecta*. Amstelaedami, 1705, с. 38–39.

⁵⁰⁶ Сковорода Г., *Повне збрання творів у 2-х томах*. Київ: Наукова думка, 1973, т. 1, с. 125.

⁵⁰⁷ Там же.

⁵⁰⁸ Там же.

⁵⁰⁹ Там же, с. 126.

⁵¹⁰ Там же.

⁵¹¹ Там же.

⁵¹² Там же.

⁵¹³ Там же, с. 127.

⁵¹⁴ Там же.

⁵¹⁵ Там же.

⁵¹⁶ Там же.

Императорской комиссии венгерских вин, направлявшимся на поселение в Токай. В этом произведении слышится его первый открытый протест, выходящий за рамки одной конкретной европейской страны, устремленный против тех, кто смеет «...жить по рабским своим прихотям, беспокоить людей и проламываться сквозь законов гражданских заборы»,⁵¹⁷ злоупотребляя своим социальным положением в обществе, полном вопиющей несправедливости. Пословицей: «Далеко свинья от коня»⁵¹⁸ он пытается обратить внимание на свой родной народ, такой же лишенный человеческих прав и свобод, как поляки и венгры. Ему хорошо известна политическая ситуация, сложившаяся в Венгрии в середине восемнадцатого века, свидетелем которой он невольно становится, находясь на службе у генерал-майора Вишневого, чем-то напоминающего образ глупого Кабана. Просвещенная Оленица – это символическое олицетворение образованных европейцев, судящих «...не по убору и словам, но по дѣлам».⁵¹⁹ В основу этой фабулы Сковорода искусно положил басню Эзопа про ворону, которая – «...точные граки Езоповы, одѣвающіеся в чужое перья».⁵²⁰

Басня 29 Старуха и Горшечник повествует об истинных человеческих ценностях, неприсущих царским хоромам, «...почтеннѣе господскаго бархатом украшеннаго афедрона»,⁵²¹ которые как «...бѣлое, и независтное сердце, милосердное, терпеливое, куражное, прозорливое, воздержное, мирное, вѣрующее в Бога и уповающее на него во всем...».⁵²² Для большой выразительности, Сковорода заменяет привычную малороссийскую пословицу на такую же великороссийскую: «Не красна изба углами, а красна пирогами».⁵²³

Басня 30 Соловей, Жаворонок и Дрозд объясняет основы настоящей дружбы, которую «...нелзя выпросить, ни купить, ни силою вырвать».⁵²⁴ Сковорода вновь цитирует ранее упомянутое выражение: ὁμοιον πρὸς ὁμοιον ἄγει θεὸς. Similem ad similem ducit deus – «Подобнаго до подобнаго ведет Бог».⁵²⁵ Он советует не

⁵¹⁷ Там же, с. 127–128.

⁵¹⁸ Там же, с. 128.

⁵¹⁹ Там же, с. 127.

⁵²⁰ Там же.

⁵²¹ Там же, с. 129.

⁵²² Там же, с. 128.

⁵²³ Там же, с. 129.

⁵²⁴ Там же, с. 130.

⁵²⁵ Там же.

принуждать к тому, что может быть несродно: «Не должно же друга нудить к тому, что тебе веселит, а его мучит».⁵²⁶ Здесь можно найти целый ряд личных советов и народных поговорок о том, как правильно строить отношения: «Щаслив, кто хоть одну только тѣнь доброй дружбы нажить удостоился. Нѣт ничего дороже, слаже и полезнѣе ея»,⁵²⁷ «В полѣ пшеница годом родится, а доброй человѣк всегда пригодится»,⁵²⁸ «Не имѣй ста рублей, как одного друга»⁵²⁹ и т.д. Интересны его изречения, взятые из книги *О старости* древнеримского оратора Цицерона, а также Траяна, императора из династии Антонинов: «Пропал тот день, что без пользы прошел» или «О други! Погиб мой день – никому я не услужил».⁵³⁰ Друг, в его понимании, «...есть фігурою и образом священныя Бібліи»,⁵³¹ которая «...из рабов дѣлает сынами и друзьями Божіими, вливая в сердце их охоту свободную к тому, к чему гражданскіе законы силою волокут».⁵³²

Если главная мысль *Сада божественных пѣсней* – это Христос как символ праведной жизни, то *Басни Харьковскія* гласят, что «...Біблія есть наш верховнѣйшій друг и ближній, приводя нас к тому, что есть единое дражайшее и любезнѣйшее. Она есть для нас предками нашими оставленный завѣт, хранящій сокровище Боговѣдѣнія. Боговѣдѣніе, вѣра, страх Божій, премудрость есть то же. Сія одна есть истинная премудрость. Сія други Божія и пророки устрояет (Премудр[ости] Соломона, 4-й)».⁵³³ Этим сборником заканчивается второй важный период творчества Сковороды, который неустанно преследует единую и сродную цель – научить видеть сердцем, именно поэтому с философской высоты его страннического посоха так возвышенно созерцает «...преисподній звѣр, живущій в землѣ так, как крот, кратко сказать, великій крот...».⁵³⁴ Его учение о сердце получает дальнейшее развитие в литературном процессе девятнадцатого и двадцатого веков, неразрывно связанных между собой сократовской идеей внутреннего самопознания личности: Γνωθι σεαυτόν! Nosce te ipsum! «Узнай себе!».

⁵²⁶ Там же.

⁵²⁷ Там же.

⁵²⁸ Там же.

⁵²⁹ Там же, с. 131.

⁵³⁰ Там же.

⁵³¹ Там же.

⁵³² Там же.

⁵³³ Там же, с. 132–133.

⁵³⁴ Там же, с. 118.

8. Литературный анализ экзегетических трактатов, диалогов и притчей Сковороды

Многое из его мировоззрения мне так удивительно близко. Я недавно только что еще раз перечитал его. Мне хочется о нем написать. И я это сделаю. Его биография, может быть, еще лучше его писаний. Но как хороши и писания.

(Толстой)

Богословский стиль Сковороды, характерный для него в конце 1760-х и начале 1770-х годов, стал перерастать в философское выражение его мыслей и взглядов, получив развитие в целом ряде экзегетических трактатов, диалогов и притчей, сочиненных на протяжении последующих десяти лет. Эти произведения могут быть выделены в отдельный философско-педагогический сборник, задуманный для преподавания в Харьковском коллегииуме, куда он был приглашен белгородским епископом Иоасафом Миткевичем по рекомендации переяславского игумена Гервасия Якубовича в 1759 году. Его учительские пособия, как и другие новаторские руководства, были неизбежно обречены на вечную анафему со стороны официальной церкви, поскольку они шли в разрез с ее отсталым поповским мировоззрением. Методологической основой для их написания послужили пансофические идеи Коменского, который посредством тематического общения учил изъясняться на латинском и венгерском языках в Шарошпатакском коллегииуме в 1650–1654 годах. Принцип природосообразности европейского эдукатора постоянно присутствует в его прозе, приобретая различные художественные формы и перекликаясь с его учением о сродности как главного условия земного счастья и смысла человеческого существования. Следуя его примеру, он соединяет рациональное самопознание со сродным делом, зависящим от способностей каждого индивидуума, за что он может быть назван «украинским Коменским», труды которого *Vestibulum*,⁵³⁵ *Janua*,⁵³⁶ *Atrium*,⁵³⁷ *Orbis Sensualium Pictus*,⁵³⁸ *Schola Ludus*,⁵³⁹ *Die Mutterschule*⁵⁴⁰ и т.д. находят конкретное отражение в его литературных сочинениях этого периода.

⁵³⁵ Преддверие (лат.).

⁵³⁶ Дверь (лат.).

⁵³⁷ Зала (лат.).

⁵³⁸ Мир значений в картинках (лат.).

⁵³⁹ Школьный театр (лат.).

⁵⁴⁰ Материнская школа (нем.).

Философия Сковороды строится на трех мирах, взаимосвязанных друг с другом, первый из которых – макромир, иными словами, вселенная, второй – микромир, или человек, а третий – символический мир Библии, при чем каждый из них имеет двойственную натуру: видимую физическую и невидимую духовную. Он критически подходит к библейской трактовке истины и дает определение социальным процессам, протекающим в жизни российского общества восемнадцатого века, одновременно отождествляя понятия человеческой природы и Бога. Его ученик Коваленский так описывает преподавательскую деятельность своего учителя: «...продолжал преподавать синтаксис и еллинской язык общественно, а любимаго своего молодого челоуѣка обучал особенно греческому языку и чтенію древних книг, из которых любимѣйшіе им были слѣдующіе писатели: Плутарх, Филон Іудеанин, Цицерон, Горатій, Лукіан, Климент Александрійскій, Ориген, Нил, Діонисій Ареопагитскій, Максим Исповѣдник, а из новых относительныя к сим; глава же всѣм Библія. Сила, содержаніе и конец учебнаго их упражненія было сердце, то есть основаніе блаженной жизни».⁵⁴¹

Убуждшеся видѣша славу его – этим монологом начинается курс лекций *О христіанском добронравіи*, составленный Сковородой для чтения в дополнительных классах Харьковского коллегиума, куда он был зачислен 8 июля 1768 году. Его название было заимствовано у апостола Павла, но цитируется им в сокращении: «Восстани спяй и воскресни от мертвых, и убуждшеся видѣша славу его». Он обращается к преподавательскому составу этого учебного заведения, подвергая критике устаревшие догмы и выступая против ортодоксального видения Христа: «Весь мір спит... Да еще не так спит, как о праведники сказано: «Аще падет, не разбіется...». Спит глубоко, протянувшись, будто ушыбен об нея. А наставники, пасущиі Израіля, не толко не пробуживают, но еще поглаживают: «Спи, не бойсь! Мѣсто хорошее, чево опасатся?». Глаголюще мир – и нѣсть мира. Блаженный Петр с товарищами своими! Господь сам пробуживает их: «Где вы почиваете? Встаньте, – говорит, – тогда уже не бойтеся». Колотит сих погребенных и Павел: «Встань-де, мертвец, и воскресни от мертвых!.. Потоль ты землю будеш

⁵⁴¹ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 2, с. 451.

и не преобразишься от нея во Христа, пока не увидишь свѣтлаго небеснаго человѣка». И о сем-то рѣчь будет: «Убуждшеся видѣша славу...».⁵⁴² Цель его призыва – научить видеть сердцем, а не плотью, как проповедовалось духовенством: «Слушай, хрістіанине, с твоим языческим сердцем! Долго ль тебѣ лежать на земли? Будеш ли ты когда-нибудь человѣком? Не будеш – для чего? Для того, что на плотскую занавѣсу засмотрѣлся, а на лице истиннаго Божіею человѣка смотрѣть никак твоему оку нетерпеливно. Не преобразишься ты из земнаго в небеснаго потоль, поколь не увидиш Христа, потоль, поколь не узнаеш, что есть истинный человѣк. А что ж есть истинный человѣк? Не продереш глаз потоль, поколь плоть и кровь твое сердце держать будет. Но долго ль будет держатся? Поколь не признаешся, что твоя плоть и кровь ничто. Твое собственное сюди завело тебе мнѣніе: от славы своей низрыновенны быша, лишены славы Божія... Научились мы братью нашу судить по плоти: так и на Христа смотрим, одни толко пѹстоши на нем примѣчая, не на самого его, не на славу его смотря. Правда, что Павел говорит: «Преобразит тѣло смиренія нашего, во еже быти ему сообразну тѣлу плоти его».⁵⁴³ Это обращение еще напоминает вступительную речь Коменского, произнесенную 24 ноября 1650 года в Шарошпатаке, занимая профессорскую должность, чем подтверждается радикально новый индивидуальный подход Сковороды к идее церковного образования и духовного воспитания дворянской молодежи, что ошибочно недооценивается Чижевским в работе *Філософія Г.С.Сковороды*.

Да лобжет мя от лобзаній уст своих!, или 2-ая вступительная проповѣдь в тот же курс – это второй монолог, адресованный его ученикам и впервые опубликованный в 1894 году. В его основу положена фраза: «Да лобзает он меня лобзанием уст своих! Ибо ласки твои лучше вина», взятая из *Песни песней* царя Соломона. Сковорода продолжает тему истинного человека, которая, в его понимании, заключается в познании жизненной сути через внутреннюю чистоту: «Любезныи ученикы, не бойтесь! Поднимайтесь дерзновенно к тому, на которого

⁵⁴² Там же, т. 1, с. 136.

⁵⁴³ Там же, с. 137.

лице не могли вы за ужасом смотрѣть на Фаворѣ. Слушайте, что говорит: «Держайте! Мир вам!». Тогда несносен самой взор вам был, а теперь и слов сладчайших его послушаете, и лобзаніем утвердит дружбу с вами вѣчную. Умѣйте толко приближаться к нему. Не забывайте никогда наставляющаго вас просвѣщенного ангела слов: «Нѣсть здѣ! *Воста!*».⁵⁴⁴ Этими словами он стремится указать путь «...к славному истинному человѣку...»⁵⁴⁵ – к Христу, котораго тщетно пытаются найти «...по всем голубом звѣздоносном сводѣ, по Солнцу, по Лунѣ, по всѣм Коперниковым мірам...».⁵⁴⁶ Частое упоминание польскаго астронома вполне закономерно, поскольку он лично был увлечен его теоріей *Об обращеніи небесных сфер* и хотел ею заинтересовать становящиеся христіанские умы как духовный наставник, дающій верный совет: ««Нѣсть здѣ!»». Конечно ж, его нѣт. Так, конечно, нѣт его для тебе, затѣм, что его не знаеш и не видиш его. Что ж теперь осталось дѣлать? *Пасха!* «Востани, Господи, и да разсыплются врази твои, и да бѣжат вси ненавидящии тебе!» Поднимайся, возлюбленный Израилю, и ступай от сили в силу!».⁵⁴⁷ Все произведение проникнуто отеческой любовью, навевающей мысли о моравском педагоге, который подобным образом обращался к юным шарошпатакским реформаторам: «Приветствую вас, никак моих учеников, а как учащихя вместе со мной правде и свету, приветствую вас противников темноты».⁵⁴⁸

Начальная дверь ко христіанскому добронравію, на основании даты, указанной в заглавии, писалась в 1766 году, хотя переделывалась в 1780 году, что нередко случалось с трудами Сковороды. Своей формулировкой она возвращает в Шарошпатак в середину семнадцатаго столетия, когда Коменским были составлены школьные учебники *Преддверие*, *Дверь* и *Зала*, которые Сковорода внимательно изучал, работая в библиотеке коллегиума. Непривычно для русскаго слуха, он произносит венгерское *Isten*,⁵⁴⁹ с ностальгіей думая о далеком Токае: «Да и теперь и в нѣкоторой землѣ называется Бог *Ииштен*. Что касается до видимой

⁵⁴⁴ Там же, с. 139.

⁵⁴⁵ Там же.

⁵⁴⁶ Там же.

⁵⁴⁷ Там же.

⁵⁴⁸ A Sárospataki Református Kollégium. Tanulmányok alapításának 450. évfordulójára. Szerkesztette a Tiszáninneni Református Egyházkerület Elnöksége. Kiadja a Református Zsinati Iroda Sajtóosztálya. Budapest, 1981, с. 61.

⁵⁴⁹ Бог (венг.).

натуры, то ей также не одно имя, напрімѢр: вещество, или матерія, земля, плоть, тѢнь и проч.».⁵⁵⁰ Вот что он пишет об этом произведении другу Донцу Захаржевскому в деревню Бурлук 7 декабря 1787 года: «Вся «Катехеса» моя состоит из 12 четверток сверх предисловія. Самая я же ея эссенція, сок [серце, сердцевина], то-есть толк десятословія, занимает двѢ только четвертки. Посылаю видѢ Вам дочь мою по плоти, но по духу Божию, катехезу, но с таким нарочком, дабы от Вас никуда на сторону не пошла и не оголяла бы внѢшнія своя одежда, разумѢйте, бумагу и оправку. Она есть не копія, но самый родник и оригинал, начертанный отца рукою. Бродила она даже до Кавказских гор, и Бог ее сохранил, да сохранится ж и у Вас!».⁵⁵¹ Следует выделить его высказывание о счастье, которое как «...необходимая необходимость, тунѢ вездѢ и всегда даруется. Воздух и солнце всегда с тобою, вездѢ и туне; все же тое, что бѢжит от тебе прочь, знай, что оно чуждее и не почитай за твое, все то странное есть и лишнее. Что же тебѢ нужды? ТѢм-то оно и трудное. Никогда бы не разлучилось от тебе, если бы было необходимое».⁵⁵² Он также использует идеи голландского философа-пантеиста Спинозы, что подтверждается первой главой *О Боге*, объясняющей устройство человеческого мира, разделяемого им на две противоположности: видимую и невидимую: «Весь мір состоит из двух натур: одна – видимая, другая – невидимая. Видимая натура называется тварь, а невидимая – Бог. Сія невидимая натура, или Бог, всю тварь пронизает и содержит; вездѢ всегда был, есть и будет. НапрімѢр, тѢло человѢческое видно, но пронизающій и содержащій оно ум не виден».⁵⁵³ Суть этого трактата, по признанию Сковороды, «...вмѢщается в одном сем имени *любовь*. Она есть вѢчным союзом между Богом и человѢком. Она огонь есть невидимый, которым сердце разпалается к Божию слову или волѢ, а посему и сама она есть Бог».⁵⁵⁴ В дополнение, он перечисляет моральные качества, без которых нельзя стать истинным христианином: «...доброжелательство, незлобіе, склонность, кротость, нелицемѢріе, благонадежность, безопасность, удовольствіе, кураж и протчія неотъемлемыя забавы. Кто такую душу имѢет, мир на нем, и милость, и

⁵⁵⁰ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 1, с. 146.

⁵⁵¹ Там же, т. 2, с. 406.

⁵⁵² Там же, т. 1, с. 144.

⁵⁵³ Там же, с. 145.

⁵⁵⁴ Там же, с. 152.

веселіе вѣчное над головою сего истиннаго христіанина!». ⁵⁵⁵ *О христіанском добронравіи, или катехизис* ⁵⁵⁶ считается одним из лучших экзегетических сочинений Сковороды, давшим российской мысли не одно поколение свободолюбивых личностей и заложившим прочный фундамент христіанской философии.

Наркісс – разглагол о том: узнай себе, окрещенный Сковородой «сын мой первородный», был написан в 1770-х годах, после того, как он отошел от преподавания, но по-прежнему интересовался вопросами духовного воспитания в Слобожанщине. Все произведение состоит из десяти частей и напоминает стиль предыдущего творения. В примечании к *Разговору 7-ому о истинном человѣкѣ или о воскресеніи*, он указывает на изменения в своем правописании и пишет следующее: «Отселѣ в письмѣ моем изгонятся из числа букв сіи буквы: ерѣ и ерь. Аще же гдѣ дебелость буквы умягчить потреба, довлѣет свыше поставить знаменіе сіе – ’. Напримѣр: яд – яд’, нѣт – нѣт’, брат – брат’». ⁵⁵⁷ Основой для создания этого диалога послужила одноименная гравюра *Знай самѣ себя* из сборника *Symbola et Emblemata Selecta*, ⁵⁵⁸ а в сюжет легла древнегреческая легенда, повествующая о прекрасном юноше Нарциссе, сыне речного бога Кефиса и нимфы Лариопы, отвергшем любовь нимфы Эхо, за что он был сурово наказан богиней любви Афродитой. Влюбившись в собственное отражение, как это видно на гравюре *Самолюбіе*, ⁵⁵⁹ он умирает от нераздельной страсти и превращается в цветок исключительной красоты. У Сковороды этот мифический образ выступает как символ сократовского самопознания и превосходства внутреннего над внешним – главного условия для достижения счастья: «Наркісов образ благовѣстит сіе: «Узнай себе!». Будьто бы сказал: хочещи ли быть доволен собою и влюбиться в самага себе? Узнай же себе! Испытай себе крѣпко. Право! Како бо можно влюбиться в невѣдомое? Не горит сѣно, не касаясь огня. Не любит сердце, не видя красоты. Видно, что любов есть Софіина дщерь. Гдѣ мудрость узрѣла, там любов сгорѣла. Воистину блаженна есть самолюбность, аще есть свята; ей свята, аще

⁵⁵⁵ Там же, с. 153.

⁵⁵⁶ Там же, т. 2, с. 474.

⁵⁵⁷ Там же, т. 1, с. 185.

⁵⁵⁸ Wetstenium H., *Symbola et Emblemata Selecta*. Amstelaedami, 1705, с. 240–241.

⁵⁵⁹ Там же, с. 8–9.

истинная; ей, глаголю, истинная, аще обрѣла и узрѣла едину оную красоту и истину: «Посредѣ вас стоит, его же не вѣсте».⁵⁶⁰ Он вновь обращается к философскому разделению мира на две половины и произносит фразу, прежде звучащую в трактате *Начальная дверь*: «Весь мыр состоит из двоих *натур*: одна видимая, другая невидима. Видима называется тварь, а невидимая – Бог. Сія невидимая *натура*, или *Бог*, всю тварь проникает и содержит, вездѣ и всегда был, есть и будет».⁵⁶¹ Призывая к вере, он утверждает, что ничто «...не пропадает потому, что Бог порчи не знает. Одна для тебе остается *школа вѣры*, или, как Давид говорит, поученіе вѣчности».⁵⁶² В его представлении, истинным человеком «...есть *сердце* в *человѣкѣ*, глубокое же сердце и одному только Богу познаваемое не иное что есть, как мыслей наших неограниченная бездна, просто сказать, душа, то есть истое существо, и сущая иста, и самая ессенція (как говорят), и зѣрно наше, и сила, в которой единственно состоит [родная] жизнь и живот наш, а без нея мертвая тѣнь есмы, то и видно, коль несравненная тщета потерять себе самага, хотя бы кто завладѣл всѣми Коперниковыми мырами. Но никогда бы сего не было, если бы старались люде уразумѣть, что значит *человѣк* и быть *человѣком*, то есть, если бы самих себе узнали».⁵⁶³ В письме к Коваленскому от 26 сентября 1790 года из Ольшанской Ивановки он отмечает *Наркисс* тремя звездочками и добавляет «первородный плод»,⁵⁶⁴ тем самым подчеркивая художественную значимость этого произведения в его наследии, завещаемом благодарным потомкам. Необходимо упомянуть, что это был первый труд, опубликованный после его смерти Антоновским отдельной брошюрой *Бібліотека духовная, содержащая в себе дружескія бесѣды о познаніи самого себе* в Санкт-Петербурге в 1798 году. *Симфонія, нареченная книга Асхань о познаніи самого себе* датирована 1767 годом и вначале называлась *Симфонія с сим стихом: Аще не увѣси тебе, о добрая в женах, изыди ты в пятах паств и паси козлища твоя у кущей пастырских (Пѣснь пѣсней)*.⁵⁶⁵ Ее оригинальная копия сохранилась в кожаной тетраде с надписью

⁵⁶⁰ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 1, с. 154.

⁵⁶¹ Там же, с. 179.

⁵⁶² Там же.

⁵⁶³ Там же, с. 173.

⁵⁶⁴ Там же, т. 2, с. 356.

⁵⁶⁵ Там же, т. 1, с. 505.

*Сочиненіе Григорія Сковороды. «Асхань». При нем письмо к другу, писанное собственною рукою его.*⁵⁶⁶ Как и большинство его творений, Сковорода подарил ее Коваленскому с надеждой на то, что она однажды будет опубликована и дойдет до читательских масс. Кроме этого, имеется информация о том, что ее автограф был уничтожен самим автором, о чем он позже признавался в письме в 1790 году: «Я ее, ожелчившись, спалил в Острожскѣ».⁵⁶⁷ Действующие лица этого диалога: Памва, Антон, Лука, Конон, Филон, Квадрат и Друг (Сковорода). В его основу положена библейская история из четырнадцатой и пятнадцатой глав Книги Иисуса Навина из Ветхого Завета о дочери Халева Ахсе, выданной замуж за Гофониила, сына его брата Кеназа, захватившего город Хеврон. Весь лейтмотив *Симфоніи* заключается в словах: «узнать себе», или «внемлите себѣ».⁵⁶⁸ Цитируя символическое изречение апостола Павла: «Да не заградиши уст волю молотящу» устами Антона, одного из участников разговора, Сковорода ставит вопрос: «Не думаете ли, – говорит, – что Богу здесь рѣчь о волах? Он тебе, друг мой, наставляет, тебе самага к познанію истины, оставив твои воли для писателей экономических и физических. Что ползы тебѣ знатком в волах, а слѣпым быть в познаніи себе самага? Двойное жваніе вкушает истину Господню, а раздвоенное копыто ей же послѣдует».⁵⁶⁹ Эта фраза тоже несет в себе двойной смысл, звучащий как «Да не заградиши уст *символу молвящу*». Библия, в его понимании, «... есть человеком, и ты человек. Она есть телцом, и ты тоже. Если узнаешь ее, один человек и один телец будешь с нею. Узнай же прежде себе. Она с дураком дурна, а со преподобным преподобна. Бездѣлниково паденіе, а доброму востаніе. Узнай же себе. Раздѣли меж добром и злом, меж драгоценным и добрым, подлым и злым, узнаешь я в ней, а без сего наѣсися яда. Без сумнѣнія, се тот телец, что Авраам представляет всевождедѣннѣйшему своему троеличному гостеву. К сему телцу и премудрость: заклав своя жертвенная, зовет тебе. Сего представляет и отец блудному сыну, однако ж в то время, как он уже вернулся домой».⁵⁷⁰ Другая характерная черта данного произведения – это аллегорические высказывания о духовном и

⁵⁶⁶ Там же.

⁵⁶⁷ Там же.

⁵⁶⁸ Там же, с. 211.

⁵⁶⁹ Там же, с. 239.

⁵⁷⁰ Там же, с. 253.

физическом вине, например: «Жена твоя (премудрость), яко лоза плодovита, во всѣхъ бокахъ дому твоего»,⁵⁷¹ «Предайте глас сей Божій в наслѣдіе и потомкамъ вашимъ, да останки ихъ будутъ благословенны, и вселятся на землѣ доброй, и насытятся пшеницы, вина и елея...»,⁵⁷² «И дасть дождь землѣ твоей вовремя, ранній и поздній, и собереши жита твоя, и вино твое, и елей твой, и дастъ пищу на селѣхъ скотомъ твоимъ»,⁵⁷³ «Отъ виноградov содомскихъ виноградъ ихъ, и розга ихъ отъ Гоморры, гроздъ ихъ – гроздъ желчи, гроздъ горести ихъ»,⁵⁷⁴ «А что жъ есть виноградъ? Слушай Исаи: «Виноградъ Господа Саваофа домъ Израилевъ есть»,⁵⁷⁵ «Пшеница – юношамъ, и вино благоуханно – дѣвамъ ... жните, други, жните!»,⁵⁷⁶ «Радостворны очи его паче вина, и бѣлы зубы его паче млека»,⁵⁷⁷ «Оставилъ домъ свой, домъ отца своего, расточилъ по постороннымъ внѣшностямъ мысли свои, душу свою, выбросивъ ее отъ сокровища своего внутренняго, какъ гроздъ отъ виноградныхъ лозъ отсѣченный, вырвавъ, какъ вербу, при живыхъ водахъ насажденную, а еще желаетъ насытитись и иныхъ накормить»,⁵⁷⁸ «Въ той день возставлю скинію Давидову падшую, постигнетъ жатва, обиманіе винограда, и созрѣютъ гроздіе въ сѣятву, и искапаютъ горы сладость...»⁵⁷⁹ и т.д. Онъ не могъ не думать о годахъ, проведенныхъ въ Токайскихъ садахъ, а поэтому въ своихъ сочиненіяхъ мысленно возвращался къ утоляющему жажду божественному нектару, символически воплощенному въ гравюру бога веселья Бахуса въ главѣ *Виномъ разумъ прибавится* сборника *Symbola et Emblemata Selecta*.⁵⁸⁰ *Бесѣда, нареченная двое, о томъ, что блаженнымъ быть легко*, известная также подъ названіемъ *Бесѣда 3-я, нареченная двое*, ориентировочно относится къ 1772 году, хотя украинскій исследователь Махновець датируетъ ее 1781 годомъ. Она впервые была опубликована въ 1837 году Московскимъ попечительнымъ комитетомъ «Человеколюбивого общества» какъ *Бесѣда двое...* и уже своей формулировкой указываетъ на двойственную природу мира, состоящего изъ двухъ нераздельныхъ

⁵⁷¹ Там же, с. 202.

⁵⁷² Там же, с. 207.

⁵⁷³ Там же, с. 214.

⁵⁷⁴ Там же, с. 216.

⁵⁷⁵ Там же, с. 230.

⁵⁷⁶ Там же, с. 232.

⁵⁷⁷ Там же, с. 234.

⁵⁷⁸ Там же, с. 237.

⁵⁷⁹ Там же, с. 240.

⁵⁸⁰ Wetstenium H., *Symbola et Emblemata Selecta*. Amstelaedami, 1705, с. 254–255.

начал: духовного и физического, вечного и тленного. Устами одного из действующих лиц этого спора Даниила ⁵⁸¹ дается ответ на вопрос об истинном счастье, которое «...никогда не обветшает. Ах, все то не наше, что нас оставляет... Не именууй щастіем ничего, что опровергается. От плодов и от конца его суди всякое дѣло». ⁵⁸² Наеман, Наум Петрович, другой участник диалога и общий знакомый Сковороды и Правицкого, ⁵⁸³ призывает взглянуть «...сердечным оком на житейское море...» ⁵⁸⁴ и заявляет: «Взглянь на претыканіе и паденіе пловущих и на вопль их. Один возгнѣздиться хотел на капиталѣ, как Ноева голубица на холмѣ, и под старость сокрушился. Другой на плотоугодіи думал создать дом свой и в кончину лѣтъ постыдился. Иной основался на камнѣ милости исполинскія и был ему претыканіем. Ты думаешь, но и ревнуешь сѣсть на камень плотскія юности, плотского безболѣзнія и плотских очей твоих, и се ожидает тебе претыканіе, паденіе и сокрушеніе». ⁵⁸⁵ Сковорода убежден, что сердце – это «...корень и существо» ⁵⁸⁶ человека, а каждый «...есть тѣм, чіе есть сердце в нем. Волчье сердце есть родной волк, хотя лице и не волчье. Если перейшла в нея сила, тогда сталь точным магнитом стала. Но рута рутой перестала быть, как только с нея спирт и силу вывести. Сіе есть сердце и существо травы». ⁵⁸⁷ Сожалея о приближающейся старости фразой: «...и кая страна обновит юность...», ⁵⁸⁸ он, будто на исповеди, признается в сыновьей любви к Венгрии: «В любезной моей Унгаріи волами молотят. И что ж воспящает Лукѣ быть волом? Не думай, будьто до плотских волов вздорная сія истина касается: «Волу молотящу да не заград[и] уст». ⁵⁸⁹ Одного этого признания достаточно для того, чтобы провозгласить его действительно венгерским творцом, понимающим страдания венгров, одинаково лишенных социальных прав как малороссы, поляки, итальянцы и другие народы Европы в восемнадцатом веке. Он открыто заявляет о своей симпатии к стране, ставшей для него близкой и любимой, как Малороссия. Все его творчество

⁵⁸¹ Даниил Мейнгард, псевдоним Сковороды.

⁵⁸² Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 1, с. 264.

⁵⁸³ Там же, т. 2, с. 548.

⁵⁸⁴ Там же, т. 1, с. 265.

⁵⁸⁵ Там же.

⁵⁸⁶ Там же, с. 278.

⁵⁸⁷ Там же, с. 279.

⁵⁸⁸ Там же, с. 263.

⁵⁸⁹ Там же, с. 279.

пронизано искренними чувствами к живописному Токаю и возвышающимся над Бодрогом виноградным холмам, щедро дарящим чудотворный «напиток богов». Вспоминая былую молодость, он думает и о символическом образе этого уникального уголка – белых аистах, восседающих на реформаторских кирках: «Еродій всегда на вышших мѣстах – на шпицах и на куполах гнѣздится, будто предводитель протчим птицам».⁵⁹⁰ Как когда-то Коменский на занятиях в Шарошпатакском коллегиуме, он умело объясняет значение этого необычного слова, переводя его на ряд языков: «У древних славян она еродій; у еллинов – пеларгос, у римлян – киконіа, у поляков – боцян, у малоросіан – гайстер, – схожа на журавля. Еродій значит боголюбный, если слово еллинское».⁵⁹¹ Он неустанно подчеркивает важность познания истины, постигаемой через любовь к Богу: «Знай, что Библиа есть вдова, горлица, ревнующая и воздыхающая во пустынь о едином оном мужѣ: «Бог любви есть...» У сея-то вдовицы не оскудѣвает чванец елея, сирѣчь милости, любви и сладости, если посѣтит ее кто, духа пророческаго дары имущій. Кто благ или кто мил, кромѣ Бога? Сей един есть не оскудѣвающій... «Вся преходят, любви же ни»».⁵⁹² Для него «...чистое сердце, верх всея дряни возлетѣвшее, есть голуб чистый, есть дух святой, дух вѣдѣнія, дух благочестія, дух премудрости, дух совѣта, дух нетлѣнныя славы, дух и камень вѣры», как «...истинный Americus Columbus,⁵⁹³ обрѣтший новую землю».⁵⁹⁴ С помощью библейских символов он стремится показать природосообразность человеческой природы и окружающей среды, как единственно правильный путь к достижению духовного совершенства. Свои идеи он и далее заимствует из сборника *Symbola et Emblemata Selecta*, трактуя гравюры птиц, например, ласточки, летящей за море: *Ищет инде гдѣ жилища своего*⁵⁹⁵ и Ноевой голубки, спасшейся от вселенского потопа: *На постоянство оупокоюся;*⁵⁹⁶ горлицы, символизирующей преданность: *Смерть его и жизнь свою плачу*⁵⁹⁷ и голубя, возвещающего о спасительном бреге:

⁵⁹⁰ Там же, с. 271.

⁵⁹¹ Там же, с. 270.

⁵⁹² Там же, с. 279–280.

⁵⁹³ Американский голубь (лат.).

⁵⁹⁴ Там же, с. 280.

⁵⁹⁵ Wetstenium H., *Symbola et Emblemata Selecta*. Amstelaedami, 1705, с. 104–105.

⁵⁹⁶ Там же, с. 162–163.

⁵⁹⁷ Там же, с. 214–215.

*Небо посылает мя благовѣствовати тебѣ миру;*⁵⁹⁸ аистов, несущих в клюве цветков: *Ты все знаешь* и кормящих в гнезде птенцов: *С разсужденіем мать.*⁵⁹⁹ В завершение, он провозглашает победу, одержанную над сладкогласными сиренами: «Пятнадцатое лѣто плаваю по морю сему и се достигох ко пристанищу тихому, в землю святую, юже мнѣ открыл Господь Бог мой! Радуйся, градомати! Цѣлую тя, престоле любезныя страны, не имущія на путех своих бѣдности и сокрушенія, печали и въздыханія. Се тебѣ приношу благій дар от твоих же вертоградов – кошницу гроздія, и смоквей, и орѣхов со хлѣбом Пасхи, во свидѣтельство, яко путем праотцев моих внідох во обѣтованную землю».⁶⁰⁰ Возвращаясь к вопросу о дате написания диалога *Бесѣда, нареченная двое, о том, что блаженным быть легко*, можно с уверенностью заявить, что ссылка на пятидесятилетний возраст Сковороды и предсказание собственной смерти, о которой он пишет: «Не чаю прожить ни 20 лѣт»,⁶⁰¹ в отличие от предположения Махновца, дают определенное право утверждать, что он сочинил ее в 1772 году.

Бесѣда 1-я, нареченная Observatorium (Сіон) посвящена вице-губернатору Харьковскаго намѣстничества Ковалевскому, которого он заслуженно называет своим первым и последним другом: *Primo et novissimo amico meo Andrea Joannidi K[ovalevscio], Domino vice-tribuno proprii fetus ebitionem dono affero. Senex Gregorius de Sabba Skovoroda.*⁶⁰² Современный мир многим обязан этому слобожанскому дворянину, бескорыстно разделившему свой кров и стол с величайшим гением философской свободы. Автограф этого произведения с дарственной надписью на латинском языке был обнаружен в фонде библиотеки Арсеньева, русскаго публициста, юриста, земскаго деятеля, почетнаго академика Петербургскаго академіи наук и главнаго редактора Энциклопедическаго словаря и Нового энциклопедическаго словаря Брокгауза–Эфрона, в тетраде *Сочиненія Г.С.Сковороды* и относится к 1772 году. Григорій, т.е. Сковорода, будучи непосредственным участником разговора, спрашивает о назначеніи Евангелія:

⁵⁹⁸ Там же, с. 258–259.

⁵⁹⁹ Wetstenium H., *Symbola et Emblemata Selecta*. Amstelaedami, 1705, с. 164–165.

⁶⁰⁰ Сковорода Г., *Повне зібрання творів у 2-х томах*. Київ: Наукова думка, 1973, т. 1, с. 281.

⁶⁰¹ Там же, с. 263.

⁶⁰² Первому и последнему другу моему Андрею Ивановичу Ковалевскому Господину вице-губернатору плод собственной души дарю и приношу. Старчик Григорій Варсава Сковорода (лат.).

«...развѣ не притчами учит? Забыл ты храмину, дураком основанную на пескѣ? Пусть учит без притчей тот, кто пишет без красок! Знаешь, что скоропись без красок, а живопись пишет красками. Но во обоих, как в Мойсейской купинѣ, дѣйствует тойжде язык огненный, если только мы сами не лишены онаго языка: «Начаша глаголати стран[ными] языки». Пускай, напримѣр, книжник, сирѣчь муж учоный, напишет сентенцію сію: «Бѣс скуки мучит душу»».⁶⁰³ Все сочинение изобилует многочисленными народными пословицами и поговорками, а также цитатами из Библии, посредством которых Сковорода стремится настроить на правильное восприятие его мыслей: ««Спѣшил на обѣд, да и ужина не застал». «Кто спѣшит – насмѣшит». Вот тебѣ твоя телѣжка!»,⁶⁰⁴ «Боязливаго сына матерѣ ридать нечево»⁶⁰⁵ или «Ѣхал в Казань, да заѢхал в Рѣзань».⁶⁰⁶ Он образно упоминает имя древнегреческого философа-киника Диогена: «Яков. «Вить ты тѣнь разумѣш. Если купуеш сад, плотиш деньги за яблоню, не за тѣнь? Не безумен ли, кто яблоню мѣняет на тѣнь? Вить ты слышал басню: пес, пловучи хватал на водѣ тѣнь от мяса, через то из уст прямой кус выпустил, а поток унес. В сію то мѣть Диоген, в полдень с фонарем ищучи человѣка, когда отозвалась людская смѣсь: «А мы ж, де, развѣ не люди?», – отвѣчал: «Вы собаки...» *Афанасій*. Пожалуй, не примѣшивай к предитечѣ и к пророкам Божіим Диогенишка. Иное дѣло пророк, иное философишка. *Яков*. Имя есть тоже – пророк и философ. Но не суди лица, суди слово его. Сам Христос сих, сыдящих во тмѣ и сѣни смертнѣй, называет псами. Не хорошо, де, отнять хлѣб чадом и «повреци псом». А кои ухватились не за тѣнь, но за прямого человѣка: «Даде им область чады Божіими быти»».⁶⁰⁷ Именно поэтому, спустя десятилетия, Сковорода символично приравняется к Диогену венгерским биографом Гессом де Кальве в статье *Сковорода – циник нынешнего века*.⁶⁰⁸ Обращением к Горацию окончательно опровергается пропагандистский миф о его самоотождествлении с общенародной массой, более полувека проповедованный коммунистической идеологией: «А не то же ли поет и

⁶⁰³ Там же, с. 283.

⁶⁰⁴ Там же.

⁶⁰⁵ Там же, с. 287.

⁶⁰⁶ Там же, с. 289.

⁶⁰⁷ Там же, с. 291–292.

⁶⁰⁸ Кальве Г., Вернет И., Сковорода, украинский философ. Украинский вестник, 1817, ч. 6, апрель, с. 106–119.

твой пророк Горатій: «Porticibus, non iudiciis utere vulgi».⁶⁰⁹ По мосту-мосточку с народом ходи, а по разуму его себе не веди».⁶¹⁰ Главный смысл диалога *Бесѣда 1-я* можно выделить словами, прозвучавшими из уст Якова, которыми он пытается научить своих собеседников понимать невидимое: «Разумѣть же – значит: сверх виднаго предмета провидѣть умом нѣчтось не видное, обѣтованное видным: «Восклонитесь и увидите...» Сіе-то есть хранить, наблюдать, примѣчать, сирѣчь при извѣстном понять безвѣстное, а с предстоящаго, будто с высокой горы, умный луч, как праволучную стрѣлу в мѣть, метать в отдаленную тайность... Отсюда родилось слово *символ*. Вот что значит взойти на Сіон, на соломоновскую вооруженну вежу, стоять на стражѣ с Аввакумом и быть обсерватором».⁶¹¹ Сковорода упорно настаивает на том, что только через таинственный мир христианских образов человек способен постичь сродное ему дело и данное Богом земное счастье.

Бесѣда 2-я, нареченная Observatorium Specula (еврейски – Сион) начинается новым вопросом, символизирующим ее силу и суть: «Что есть истинное блаженство? На чем оно твердо стоит? Конечно, камень оный великий, дивный и един».⁶¹² Сковорода обращается к идее эвдемонизма, направления античной этики, согласно которого «...человек состоит из двоих, противостоящих себѣ и борющихся начал, или естеств: из горняго и подлаго, сирѣчь из вѣчности и тлѣнія. Посему в каждом живут два демона или ангелы, сирѣчь вѣстники и посланники своих царей: ангел благій и злый, хранитель и губитель, мирный и мятежный, свѣтлый и темный... Справтєся, о други мои, с собою, загляньте внутрь себе. Ей, сказую вам – увидите тайную борбу двоих мысленных воинств, найпаче при начинаніи важнаго дѣла».⁶¹³ Призывая к самопознанию, он с ностальгией вспоминает отеческий дом, некогда оставленный ради долгих лет учебы в Киевской духовной академии, певчей службы в Императорском хоре малороссийских казаков при Дворе императрицы Елизаветы и незабываемых европейских мандров с генерал-майором Вишневым. Его лексический запас поговорок и пословиц поистине неиссякаем и все больше

⁶⁰⁹ Пользуйся стезями толпы, а не ее мыслями (лат.).

⁶¹⁰ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 1, с. 293.

⁶¹¹ Там же, с. 295.

⁶¹² Там же, с. 296.

⁶¹³ Там же.

удивляет своим самобытным колоритом, хотя при этом Сковорода не забывает о библейских мудростях, важных для соответствующего восприятия его философских взглядов: ««Харош Дон, но что лучше, как свой дом?»... «Враги челоуѣку домашній его»... «Возвратися в дом твой»»⁶¹⁴ и т.д. Разделяя «...весь род челоуѣчий на два роды: на вышній и нижній, на десный и лѣвый, на благословенный и отриновенный...», он отрицает всякую духовную нейтральность, поскольку иного пути, как «...узкій и пространный, десный и лѣвый...»,⁶¹⁵ не существует. «Жизнь наша есть путешествіе» – замечает он и продолжает, трактуя гравюру из главы *Земля радуется мя носити* сборника *Symbola et Emblemata Selecta*:⁶¹⁶ «Лѣвый, чрез Трімфалныя ворота, чрез увеселительныя проспективы и цвѣтоносныя луга низводит в преисподнюю, прямо сказать, в грусть не усыпающих в душѣ червей. Десный во входѣ жесток и стропотен, в протчем помалу-малу гладок, напоследок сладок, во исходѣ – сладчайшій. Так как всякое благое дѣло в зачатіи и в коренѣ горкое, а в плодах своих сладкоѣ, и сѣявшіе со слезами – жнут с радостию».⁶¹⁷ Здесь впервые встречаются его рисунки равносложных треугольников, заимствованных из теории чисел древнегреческого мыслителя Пифагора, позже нашедшей логическое продолжение у Платона: «В центрѣ треугольника око. 1. Алфа – всякую тварь предваряет. 2. ѱмега – послѣ всей твари остается. 3. Вита – есть раждающая и ищезающая середина, но по *началу и концу* вѣчная. *Сія тройца* есть *единица: Трисолнечное единство*, недремлющее око...».⁶¹⁸ Он пытается объяснить символическое значение идеи триединого Бога и природы в геометрических формах и арифметических цифрах, и, ни в коей мере, не считает это идолопоклонничеством, а, наоборот, вечным поиском истинного духа Христа: «Кланяетесь в храмѣх изображенному треуголнику не разумѣющим онаго живописцем, а сей же образ, у любомудрцов, толком Божества озаренный, ругаете. Не сіе ли есть: «Кланяетесь, его же не вѣсте...»? Не ражжевав хлѣба сего Христова, как можете претворить и пресуществовать в животворящій сок?».⁶¹⁹

⁶¹⁴ Там же, с. 297.

⁶¹⁵ Там же, с. 299.

⁶¹⁶ Wetstenium H., *Symbola et Emblemata Selecta*. Amstelædami, 1705, с. 50–51.

⁶¹⁷ Сковорода Г., *Повне зібрання творів у 2-х томах*. Київ: Наукова думка, 1973, т. 1, с. 299.

⁶¹⁸ Там же, с. 304.

⁶¹⁹ Там же, с. 305.

Диалог, или разговор о древнем мірѣ любезному другу Михаилу Іоанновичу Ковалѣнскому, согласно сопровождающему письму, был написан в 1772 году, а через шесть лет подарен ученику Сковороды, недавно вернувшемуся из путешествия по Европе, будучи воспитателем детей Кирилла Григорьевича Разумовского, первого президента Императорской академии наук России и брата Алексея, супруга императрицы Елизаветы. Сковорода обращается к нему с вопросом: «Что ли есть найдревнѣйшее?», на который сам же произносит ответ: «Бог».⁶²⁰ От него он узнает о Данииле Мейнгарде, своем двойнике, протестантском пастыре из швейцарской Лозанны, авторе ряда трудов по философии, религии и морали, умершем в 1786 году. Вот почему он подписывается его именем в конце: «Любезный друже! Есмь и пребуду твой Даниил Меингард».⁶²¹ Основанием, или эпиграфом к этому произведению он выбирает латинское изречение: *Sola veritas est dulcis, viva, antiquissima, cetera omnia sunt foenum et heri natus fungus*,⁶²² дающее ключ к пониманию сюжета. Риторически звучит его критическая фраза: «Мнози глаголют, что ли дѣлает в жизни Сковорода? Чем забавляется? Аз же о Господѣ радуюся. Веселюся о Бозѣ, спасѣ моем...».⁶²³ Далее он приводит интересный «...случай к благодѣянію...»,⁶²⁴ некогда происшедший с ним, оказывая помощь своему ближнему, перед этим незаслуженно осуждавшего его, назвав «...негодяем, жителству вредным, вором и протчая».⁶²⁵ Для объяснения причины выбора названия к данному диалогу, может послужить цитата, заимствованная у апостола Павла: «Исус Христос вчера и днесь, той же и вѣки».⁶²⁶ Тот, «...кто видит *днесь*, той видит и вчера, и откровеніем единаго дня отверзается 1000 лѣт. Она вмѣщается в одном днѣ, а день простирается в 1000 лѣт. Уразумѣй вечер седмицы и узриши утро семи тысяч лѣт. «И бысть вечер, и бысть утро, но день един»».⁶²⁷ Он учит видеть Христа всегда и развивает свое учение о двойственности мира, приводя образные сравнения: «Мір наш есть риза, а Господень – тѣло. Небо наше есть тѣнь,

⁶²⁰ Там же, с. 307.

⁶²¹ Там же.

⁶²² Одна истина сладка, жива и наистарейша, все иное есть сено и вчера родившийся гриб (лат.).

⁶²³ Там же.

⁶²⁴ Там же, с. 308.

⁶²⁵ Там же.

⁶²⁶ Там же, с. 310.

⁶²⁷ Там же.

а Господне – твердь. Земля наша – ад, смерть, а Господня – рай, воскресение. Вѣкъ наш есть то лжа, мечта, суета, пара, ничто же, а *истина* Господня пребывает вовѣки. Вѣкъ наш есть то различіе и разноформіе тѣни, сѣчение пѣска, увядение цвѣта. Вѣкъ же Господень есть единство, тождество, адамант. День наш есть то же, что вечер, нош, луна. День Господень есть то вѣчное утро, свѣтъ неприступный, незаходимое солнце». ⁶²⁸ *Диалог, или разговор о древнем мѣрѣ* – это новый цикл бесед, состоящий из четырех частей, тесно взаимосвязанных между собой общей идеей и действующими лицами. Тема человеческого счастья находит последующее развитие в обращении к конкретному персонажу – Коваленскому, которого Скворода любит, как родного сына. Думая о самом светлом в жизни, он не может не возвращаться в мыслях к Венгрии: «...в сію-то пресвѣтлую страну приподнимает ядущая землю сердца наша небесный наш человек и ползущих долу нас, спящих и мертвых, возбуждает слѣдующим громом своим: «Восклонитесь и воздвигните главы ваша, зане приближается избавление ваше». В сей-то странѣ живаго человека узриши, по сказкѣ ангела: «Тамо его узрите...»». ⁶²⁹

Разговор пяти путников о истинном щастіи в жизни [разговор дружескій о душевном мѣрѣ] своим названием подчеркивает смысл этого диалога и логически продолжает предыдущее сочинение. Устами Афанасия, Афанасия Федоровича Панкова, которому посвящены *Басни Харьковскія*, Скворода провозглашает смысл и цель жизни человека на земле: «Если разсудить, то всѣм человеческим затѣям, сколько их там тысяч разных ни бывает, выдет один конец – *радость сердца*». ⁶³⁰ Как и прежде, последнее слово в этом споре остается за Григорием, упорно настаивающем на следующем: «Одно то, если узнать, в чем состоит истинное щастье и приобрѣсть оно». ⁶³¹ Ссылками на итальянские провинции Венецію и Флоренцію подтверждается богатая география его служебных поездок в сопровождении императорского комиссара Вишневого по Австрии, Венгрии и Северной Италии, тогда входящей в их состав. Он искренне озабочен судьбами нового поколения и восклицает: «Нелзя нам быть не несчастливими... Не можем

⁶²⁸ Там же, с. 312.

⁶²⁹ Там же, с. 316–317.

⁶³⁰ Там же, с. 324.

⁶³¹ Там же.

сыскать щастіа... Затѣм, что не желаем и желать не можем».⁶³² Идея пансофизма Коменского получает символическую трактовку, что подчеркивает ее неизменную актуальность: «Математика, медицина, физика, механика, музыка с своими буими сестрами; чем изобилнѣ их вкушаем, тѣм пуще палит сердце наше голод и жажда, а грубая наша остолбенѣлость не может догадаться, что всѣ они суть служанки при госпожѣ и хвост при своей головѣ, без которой весь тулуб недействителен».⁶³³ Выражаясь языком шарошпатакского педагогиарха, при всем огромном множестве существующих в мире наук и научных открытий, только «...премилосердная мать наша *природа* лучше знает о том, что нам полезно».⁶³⁴ Путь каждого индивидуума к достижению истинного счастья лежит через личное самопознание, заключенное в сократовском лозунге: γνῶθι σεαυτόν, nosce te ipsum – «узнай себе».⁶³⁵ Его оптимизм одерживает полную победу над невежественной тьмой и благодарно обращен «...к отцу нашему небесному за то, что открыл очи наши. Теперь разумѣем, в чем состоит наше истинное щастіе. Оно живет во внутреннем сердца нашего мирѣ, а мир в согласіи с Богом. Чем кто согласнѣе – и блаженнѣе».⁶³⁶ Объясняя суть Библии, он вновь произносит фразу, нередко звучащую в его произведениях: «Враги человѣку домашніи его»,⁶³⁷ под которой понимаются человеческие заблуждения, как в *Бесах* Достоевского, постоянно мучащие души людей, без веры ищущих ответа в Библии. Эту мысль он первоначально заимствует из главы *Ближнѣйшии его измѣнили* сборника *Symbola et Emblemata Selecta*,⁶³⁸ на гравюре которой изображен переодетый в оленью шкуру Актеон, терзаемый собственными охотничьими псами. Далее Лонгин,⁶³⁹ выслушав остальных, басней о неграмотном Марке выделяет три основные регулки, или правила, наставляющие на путь истины: «А вот они. 1-я сія: «Все то доброе, что опредѣлено и святым людям», 2-я: «Все то невелико, что получают и беззаконники», 3-я: «Чего себѣ не хочешь, другому не желай». 1-я и 2-я – домашніа, и я их сам надумал, а 3-я есть апостолскій

⁶³² Там же, с. 325.

⁶³³ Там же, с. 336.

⁶³⁴ Там же, с. 325.

⁶³⁵ Там же, с. 337.

⁶³⁶ Там же, с. 343.

⁶³⁷ Там же, с. 345.

⁶³⁸ Wetstenium H., *Symbola et Emblemata Selecta*. Amstelaedami, 1705, с. 166–167.

⁶³⁹ Лонгин Лонгинович Ланчинский, бывший тайный советник и чрезвычайный посол Императорского двора в Вене.

закон, для всѣхъ языковъ данный».⁶⁴⁰ В свою очередь, его собеседник Яков, Яков Правицкий, с которым Сковорода переписывался на протяжении 1780-х годов,⁶⁴¹ услышав наставления друга, по-философски заявляет: «Не разум от книг, но книги от разума родились. Кто чистыми розмышлєніями в истинѣ очистил свой разум, тот подобен рачительному хозяину, источник чистой воды живой в домѣ своем вырывшему, как написано: «Вода глубока – совѣт в сердцѣ мужа. Сыне, пей воду от твоихъ сосудов»».⁶⁴²

Кольцо. Дружескій разговор о душевном мирѣ адресован Тевяшову, воронежскому помещику и сыну полковника Слободского полка, о чем свидетельствует вступительное письмо. 28 ноября 1774 года Сковорода уже писал ему в Острожск из поместья Липцы, принадлежавшему Аксентьеву, о том, что собирается закончить «набѣло «Разговор»... к новому году...».⁶⁴³ В самом начале произведения глубоко ощущается его умение ценить искренние чувства, а особенно дружбу. Сравнивая человеческую душу с вечным двигателем, он не мог не думать о тех, с кем разделяли его покрытые снегом слобожанские степи: «Душа есть *mobile perpetuum* – движимость непрерывная. Крыла ея есть мысли, мнѣнія, совѣты; она или желает чего, или убѣгает от чего; желая, любит, убѣгая, боится. Естли не знает, чего желать, а чего убѣгать, тогда недоумѣет, сомнѣвается, мучится, суда и туда наш шарик качается, мѣтется и вертится, как магнитная стрѣла, доколь не устремит взор свой в дражайшую точку холоднаго сѣвера».⁶⁴⁴ Подбирая название, он останавливается на слове *кольцо*, как одном из древнейших символов человечества, ранее описанном в книге Цицерона *О старости*: «...солнце значило истину, кольцо или змій, в кольцо свитый, – вѣчность...»,⁶⁴⁵ и при этом подчеркивает, что «...образующія вѣчность фигуры бывали древнихъ вырѣзываемы на печатях, на перстнях, на сосудах, на таблицах, на стѣнахъ храмов, по сей причинѣ названы ієроглифика (*hieroglyphica*), т.е. священная скульптура, или рѣзьба, а толкователи названы *hierophantes* – священноявители, или *mystagogi* –

⁶⁴⁰ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 1, с. 346.

⁶⁴¹ Там же, т. 2, с. 539.

⁶⁴² Там же, т. 1, с. 346.

⁶⁴³ Там же, с. 395.

⁶⁴⁴ Там же, с. 357.

⁶⁴⁵ Там же, с. 378.

тайновѣдатели». ⁶⁴⁶ Он, как некогда кесарь Август, владел печаткой, украшенной латинской литерой S, благовестной голубкой, лавровыми ветвями и странническим посохом, и, рассматривая ее, сочинил этот диалог. Его внимание всегда привлекало то, что «...самая Библия есть Богом создана из священно-таинственных образов. Небо, луна, солнце, звѣзды, вечер, утро, облак, дуга, рай, птицы, звѣри, человѣк и прочая. Все сіе суть образы высоты, небесной премудрости, показанной Моисею на горѣ; все сіе и вся тварь есть стень, образующая вѣчность». ⁶⁴⁷ Возвращаясь к символике кольца, он объясняет ее скрытый смысл: «...лѣто и год – то же; год и круг – то же; круг и кольцо – то же... Круг лѣта римски – annus, а кольцо – annulus». ⁶⁴⁸ Он также использует народные пословицы, чтобы еще больше расположить к разговору своих собеседников Афанасия, Якова, Лонгина и Ермолая: «У кольца нѣтъ конца, по пословицѣ...». ⁶⁴⁹ Обращение к теме духовного и физического вина вновь дает о себе знать и проявляется в описании виноградного муста как составного элемента винодельческого процесса: «Сколько виноградных ягод, столько шариков, сколько шариков, столько узлов, заключающих в себѣ сладчайшій Божества муст, веселящій сердце, при котором пирует небесный учитель со ученики своими». ⁶⁵⁰ В русской и украинской литературе он был первым, кто так мог восхищаться токайским нектаром и владеть той огромной палитрой красок, отображая его превосходные качества: «Гроздь простый, образующій и веселящій. «Вино веселит сердце человѣка.» «Кровь гроздову пїяху вино...»». ⁶⁵¹ Ссылка на Северную Италию – это одно из ярких воспоминаний о его путешествиях с императорским комиссаром Вишневым, сыгравших решающую роль в становлении его европейского мышления: «Вспомните и то: «Да не заградиши устен вола молотящу». Имѣет обычай и Италія молотить волами. Вспомните же и Луку, образуемаго воллом. Сіи суть сынове Израилевы, очищающіи от шелухи слово Божіе: «Находящіи в грязи золотое кольцо, да сотвориши на

⁶⁴⁶ Там же.

⁶⁴⁷ Там же, с. 379.

⁶⁴⁸ Там же, с. 387.

⁶⁴⁹ Там же, с. 389.

⁶⁵⁰ Там же, с. 408.

⁶⁵¹ Там же.

словеси два кольца злот...» (Исход, 28), яко же аще бы было кольцо в колесѣ». ⁶⁵²
Этот диалог, подобно другим, создавался под непосредственным влиянием гравюр из *Symbola et Emblemata Selecta*, таких как устремленная на север стрела: *Или возходит, или низходитѣ*; ⁶⁵³ вечно вращающийся земной шар: *Вездѣ присутствующе*; ⁶⁵⁴ свернувшаяся в круг змея: *Конецѣ от начала происходитѣ*; ⁶⁵⁵ плодоприносящие зерна растения: *Обновляюся*; ⁶⁵⁶ парящий в небе орел: *Без страха*; ⁶⁵⁷ спасающаяся от зимы ласточка: *Ищет инде гдѣ жилища своего* ⁶⁵⁸ и т.д. *Разговор, называемый алфавит, или букварь мира* тоже посвящен Тевяшову и датирован 1 января 1775 года. Сковорода начинает его псалмом, интерпретирующим посвящение *Ad Petrum Gerardium* из *Hymni Sacri* Мюре:

О жизнь безпечна! О драгій покой!

Ты дражайшій мнѣ всяких вещей.

На тебе смотрит вездѣ компас мой.

Ты край и гавань жизни моей.

Мнѣ одна в свѣтѣ тишина нравна:

И безмятежный, неславный путь.

Се моя мѣра в житіи главна.

Весь да кончится мой цѣркул тут! ⁶⁵⁹

Он символически отождествляет человеческую жизнь с циркулем, что ранее звучит в *Пѣсне 9-ой из Сада божественных пѣсней*:

Так и мнѣ волность одна есть нравна

И безпечальный, препростый путь.

Се – моя вѣра в житіи главна;

Весь окончится мой циркуль тут. ⁶⁶⁰

Повторяя сократовскую суть земного существования: Γνω̃θι σεαυτόν. Nosce te ipsum. – «Узнай себе самого», ⁶⁶¹ он одновременно ссылается на древнегреческого

⁶⁵² Там же, с. 388.

⁶⁵³ Wetstenium H., *Symbola et Emblemata Selecta*. Amstelædami, 1705, с. 78–79.

⁶⁵⁴ Там же.

⁶⁵⁵ Там же, с. 206–207.

⁶⁵⁶ Там же, с. 140–141.

⁶⁵⁷ Там же, с. 48–49.

⁶⁵⁸ Там же, с. 104–105.

⁶⁵⁹ Сковорода Г., *Повне зібрання творів у 2-х томах*. Київ: Наукова думка, 1973, т. 1, с. 411.

⁶⁶⁰ Там же, с. 66.

мыслителя Фалеса, возводившего многообразие явлений и вещей к воде, как единой первостихии. Произнося любимое изречение, он вспоминает другого историка и писателя древности: «Пишет Плутарх, что на Аполлоновом Делфійском храмѣ было написано: «Узнай себе»»,⁶⁶² и продолжает, что в «...божественном мракѣ Моисейских книг почти 20 раз находится сіе: «Воньми себѣ», «Внемли себѣ», и вмѣсто ключа ко всему предвручается то же, что «узнай себе»». ⁶⁶³ Затем он сравнивает Библию с компасной стрелой, которая, «...яко начертанная тѣнь вѣчнаго закона и тма Божія..., разумѣя компас...»,⁶⁶⁴ указывает истинный путь человеку. Особый интерес вызывают его рисунки, выполненные акварельными красками на основе сборника *Symbola et Emblemata Selecta*, с помощью которых он убеждает Афанасия, что «...разумным людям мудрая картина есть планом, представляющим обширность цѣлой книги. Картина есть книга нѣмая, но, как вижу, здѣсь они не нѣмы, всѣ говоры». ⁶⁶⁵ Визуальный характер этого произведения вполне понятен как и название, заимствованное из *Orbis Sensualium Pictus* Коменского, хотя ставится Сковородой на более высокий уровень, трактуя целый ряд философских и педагогических проблем, что было совершенно новым в преподавании того времени. Его первый рисунок – *Родители суть наши лучшіе оучители* ⁶⁶⁶ обращается к вопросам христианского воспитания с позиций натурофилософии: «*Григорій*. Соловей с своими дѣтьми учит их пѣть. *Яков*. А прочитайте, что говорит картинка? *Григорій*. «Родители суть наши лучшіе учителя». Судите, не прекрасная ли пѣснь? И не должно ли почитать предков наших законы? Извѣстно, чего учит нас мати наша Библия». ⁶⁶⁷ Второй рисунок – *Природа превосходит хитрость* ⁶⁶⁸ касается взаимоотношения науки с природой: «Развѣ не видиш, что сей тебѣ говорит олень? Природа превосходит науку. Вот кто его учит! Самый лучшій учитель». ⁶⁶⁹ Третий рисунок – *Не ищи себя извнѣ* ⁶⁷⁰

⁶⁶¹ Там же, с. 413.

⁶⁶² Там же.

⁶⁶³ Там же.

⁶⁶⁴ Там же, с. 414.

⁶⁶⁵ Там же, с. 448.

⁶⁶⁶ Wetstenium H., *Symbola et Emblemata Selecta*. Amstelaedami, 1705, с. 102–103.

⁶⁶⁷ Сковорода Г., *Повне зібрання творів у 2-х томах*. Київ: Наукова думка, 1973, т. 1, с. 449.

⁶⁶⁸ Wetstenium H., *Symbola et Emblemata Selecta*. Amstelaedami, 1705, с. 112–113.

⁶⁶⁹ Сковорода Г., *Повне зібрання творів у 2-х томах*. Київ: Наукова думка, 1973, т. 1, с. 449.

⁶⁷⁰ Wetstenium H., *Symbola et Emblemata Selecta*. Amstelaedami, 1705, с. 118–119.

призывает к самопознанию: «Ищи себе внутрь себе». Все ея добро внутрь черепа ⁶⁷¹ сохраняется.⁶⁷² Четвертый рисунок – *Совѣсть Богу оугодна* ⁶⁷³ уподобляет «...человѣка благочестиваго ... слону, если пророк Малахія уподобляет быку».⁶⁷⁴ Пятый рисунок – *Знай самѣ себя*,⁶⁷⁵ на котором Нарцисс «...тѣмъ губит себе, что любит себе».⁶⁷⁶ Шестой рисунок – *Добро есть сіе, токмобы оттого не оумереть* ⁶⁷⁷ учит мудрости в ситуациях, влекущих неизбежные потери: «Только бы не потерять сердца».⁶⁷⁸ Седьмой рисунок – *Охота моя приключает мнѣ смерть* ⁶⁷⁹ предостерегает от несродного дела: «Охота моя погубляет мене».⁶⁸⁰ Восьмой рисунок – *Ближнѣйшіи его измѣнили* ⁶⁸¹ наставляет на правильное понимание Библии: «Враги челѣвѣку домашніи его».⁶⁸² Девятый рисунок – *Сколко свѣше своей мѣры хто себе возвышит, столко ему тяжеле будет, какѣ нанизу прорвется* ⁶⁸³ критикует тщеславие Фазтона, сына мифологического бога солнца Гелиоса: «Сѣл не на своем мѣстѣ, презрѣв совѣт отческій. «Досажденіе мужа смиряет» (Притчи). Досажденіе значит противиться отцу».⁶⁸⁴ Десятый рисунок – *И нѣ узналѣ, что есть любовь* ⁶⁸⁵ изображает скорбящую горлицу «...любит и воздыхает: «Бог любви есть»».⁶⁸⁶ Одиннадцатый рисунок – *Велми хорошо тѣ плаваютѣ, гдѣ любовь в правилѣ стоит* ⁶⁸⁷ символизирует «... непрерывное, всю вселенную движущее движениіе, а младенство намѣчает в нем тое: «Ты же тойжде еси...» Может быть отсюду родилось и имя сіе «Бог», что движениіа вселенную движущаго так, как рѣки текушія, есть бѣг непрерывный».⁶⁸⁸ Двенадцатый рисунок – *Любезным доведетя держать равно восхотѣнія* ⁶⁸⁹ демонстрирует

⁶⁷¹ Морская раковина.

⁶⁷² Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 1, с. 449.

⁶⁷³ Wetstenium H., *Symbola et Emblemata Selecta*. Amstelaedami, 1705, с. 142–143.

⁶⁷⁴ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 1, с. 452.

⁶⁷⁵ Wetstenium H., *Symbola et Emblemata Selecta*. Amstelaedami, 1705, с. 240–241.

⁶⁷⁶ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 1, с. 452.

⁶⁷⁷ Wetstenium H., *Symbola et Emblemata Selecta*. Amstelaedami, 1705, с. 68–69.

⁶⁷⁸ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 1, с. 452.

⁶⁷⁹ Wetstenium H., *Symbola et Emblemata Selecta*. Amstelaedami, 1705, с. 104–105.

⁶⁸⁰ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 1, с. 453.

⁶⁸¹ Wetstenium H., *Symbola et Emblemata Selecta*. Amstelaedami, 1705, с. 166–167.

⁶⁸² Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 1, с. 454.

⁶⁸³ Wetstenium H., *Symbola et Emblemata Selecta*. Amstelaedami, 1705, с. 250–251.

⁶⁸⁴ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 1, с. 454.

⁶⁸⁵ Wetstenium H., *Symbola et Emblemata Selecta*. Amstelaedami, 1705, с. 178–179.

⁶⁸⁶ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 1, с. 455.

⁶⁸⁷ Wetstenium H., *Symbola et Emblemata Selecta*. Amstelaedami, 1705, с. 218–219.

⁶⁸⁸ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 1, с. 455.

⁶⁸⁹ Wetstenium H., *Symbola et Emblemata Selecta*. Amstelaedami, 1705, с. 242–243.

двойственность человеческой природы: «*Ермолай*. Вот два прекрасные мальчики! Конечно, они купидоны. Один другого на раменах несет. Должен носимый носящему благодарить. *Лонгин*. Но еще больше одолжен носящий носимому другу. *Ермолай*. Для чего? *Лонгин*. Для того, что носящий слѣп, а носимый очит. Един человек из двоих составлен. Подпись из Павла: «Прилѣпляйся Господеви един дух есть с Господем»». ⁶⁹⁰ Тринадцатый рисунок – *Болѣ Атланта* ⁶⁹¹ доказывает власть духовного над физическим: «*Ермолай*. Помогите сему трудолюбцу: упадет под бременем. Купидон цѣлюю на раменах таскает систему міра. *Лонгин*. Не бойся. *Яков*. Не опасайся! Он в одной десницѣ и всѣ Коперниковы міры в забаву носит лучше Атласа». ⁶⁹² Четырнадцатый рисунок – *Любовь вся бережете* ⁶⁹³ дает ответ на то, что «...ж есть стремленіе, если не Божіе побужденіе, всю тварь к своему мѣсту и своим путем движущее? Сіе-то значит составлять мір и сей машинѣ движеніе давать. Древнѣйшее любомудрцов реченіе: «Любовь составляет мір». Поминает о сем и Цицерон в книжечкѣ о дружбѣ. Тот же вкус и в тѣх рѣчах: «*Omnia vincit amor...* – «Все побѣждает любовь». О сей-то преблаженной и всем владѣющей любви и симпатіи невѣста в «Пѣснѣ пѣсней»: «Крѣпка, яко смерть, любовь, жестока, яко ад, ревность; крила ея – крила огня; угліе огненное – пламя ея». Теперь наперстниково слово само изѣяснилось: «Бог любви есть»». ⁶⁹⁴ Пятнадцатый рисунок – *Богатство мое великодушностію моею* ⁶⁹⁵ подвергает осуждению обильные жертвоприношения, не имеющие ничего общего с верой: «*Григорій*. Так. Но не бѣшенством ли пахнет приносить хранителю своему ладан, вино, цвѣты, а не послѣдовать ему туда, куда ведет Божій сей наставник? Самая их Минерва, когда то же есть, что натура, тогда видно, для чего поставили ее начальницею всѣх наук и художеств? Знать-то, что всѣ науки и всѣ книги родились от тѣх, кои за то принимались, самою начальницею руководствуемы. Между тѣм, разбирая древних любомудрцов, тайно образующія Божію премудрость картины, не видите на главнѣйшем мѣстѣ, будьто всѣми ими образ

⁶⁹⁰ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 1, с. 456.

⁶⁹¹ Wetstenium H., *Symbola et Emblemata Selecta*. Amstelaedami, 1705, с. 248–249.

⁶⁹² Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 1, с. 457.

⁶⁹³ Wetstenium H., *Symbola et Emblemata Selecta*. Amstelaedami, 1705, с. 248–249.

⁶⁹⁴ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 1, с. 459.

⁶⁹⁵ Wetstenium H., *Symbola et Emblemata Selecta*. Amstelaedami, 1705, с. 210–211.

владѣющій Христов. Вверху написано: «Образ ипостаси его». Внизу: «Иисус Христос вчера и днесь...» В кругѣ, окружающем главу его, сіе: «Ο Ων, сирѣчь: сый. На взаимном мѣстѣ – образ Пречистыя, Матери его, вѣнец ея от звѣзд; под ногами – луна, система міра и змій, держащій во устах яблоко; но в руках ея цвѣт лиліа, а в сердцѣ сіяніе Святаго Духа, задумчив и цѣломудренный взор. Вверху надписано: «Сотвори мнѣ величіе, сильный». Внизу: «Радуйся, честнаго таинства двери! Радуйся, премудрых превосходящая разум! Радуйся, вѣрных озаряющая смыслы!»». ⁶⁹⁶ Это очередное самоповторение Сковороды, а в данном случае прозаическое интерпретирование эпиграммы *Carmen*, или *Мелодіа*:

Воззри! Се Дѣва стоит, чиста ложеснами!

Яблоко, змій, мір, луна под ея ногами.

Яблоком является плотска сласть безчестна,

В кую влечет, как змій, плоть хитра и прелестна.

Круг міра образует злу смѣсь мірских мнѣній,

А луна знаменует сѣнь мырских имѣній. ⁶⁹⁷

Главный смысл диалога – это идея сродности, объясняемая на примере хлебопашества, воинства и богословия. В главе *Примѣты нѣких сродностей* Бог уподобляется «...богатому ... фонтану, наполняющему различные сосуды по их вмѣстности. Над фонтаном надпись сія: «Неравное всѣм равенство». Льются из разных трубок разные токи в разные сосуды, вокруг фонтана стоящіе. Меншій сосуд менѣе имѣет, но в том равен есть большему, что равно есть полный. И что глупѣе, как равное равенство, которое глупцы в мір ввестъ всеу покушаются? Куда глупое все то, что противно блаженной натурѣ?.. Боимся голода, не помня, что гаразда множайшіе умирают из пресыщенія. Глупая грусть сама не знает, чего желает. Самое пресыщеніе не от скуки ли? Лучше умрѣть, нежелъ всю жизнь тосковать в несродностях. Несродность всякія праздности есть тяжелѣе. И легоче не ползати, нежели лѣтати для черепахи. Не ползая, лишается точію сродныя забавы, а лѣтая стенает сверх того под несродным бременем». ⁶⁹⁸ Символизм всегда присутствовал в христианстве, включая протестантизм, а Сковорода, находясь на императорской

⁶⁹⁶ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 1, с. 459–460.

⁶⁹⁷ Там же, с. 90.

⁶⁹⁸ Там же, с. 435.

службе в Токайских садах, непосредственно сталкивался с реформаторами: профессорами Чечи Младшим, Сатмари Пакши II, Шаркань и Ф.Баньяи. Вот, что подразумевается следующей биографической ссылкой: «В любезной моей Унгарии символами молвят. И что ж воспящает Лукъ быть символом? Не думай, будьто до плотских волов вздорная сія истина касается: «Символу молвящу да не заград[и] уст»». ⁶⁹⁹ Об этих встречах так пишет Коваленский: «Он говорил весьма исправно и с особливою чистотою латинским и нѣмецким языком, довольно разумѣл еллинскій, почему и способствовался сими доставить себѣ знакомство и пріязнь ученых, а с ними новыя познанія, каковых не имѣл и не мог имѣть в своем отечествѣ». ⁷⁰⁰ Будучи его первым российским биографом, он лично посетил «...прочія окольныя мѣста...» ⁷⁰¹ в Венгрии и Европе, где жил и творил его учитель в молодости. Следует обязательно отметить ту роль, которую сыграл Чижевский в изучение философского наследия Сковороды, первым обративший внимание на его методологическую связь с учением Коменского. В заключение, Сковородой приводится эзоповская басня *Fabula de Haedo et Lupo Tibicine*, ⁷⁰² написанная «...малороссійскими фарбами для учеников поэтики 1760-го в Харьковѣ», ⁷⁰³ в которой подчеркивается полное отсутствие у некоторых из них сродности к церковному образованию:

Не ревнуй в том, что не данно от Бога.

Без Бога (знаешь) ни же до порога.

Аще не рожден — не суйся в науку.

Ах! Премного сих вѣчно пали в муку,

Не многих мати породила к школѣ.

Хоть ли быть щаслив? – будь сыт в своей долѣ. ⁷⁰⁴

«Сія о музыкантѣ Волкѣ казка успѣла до того, что пастырь добрый Іоасаф Миткевич больше 40 отроков и юнош свободил от удищного ига во путь природы их, ревнуя человѣколюбію – не тщеславію. Сему и аз ревнуя, написах

⁶⁹⁹ Там же, с. 279.

⁷⁰⁰ Там же, т. 2, с. 441.

⁷⁰¹ Там же.

⁷⁰² Басня о козленке и волке (лат.).

⁷⁰³ Там же, с. 462.

⁷⁰⁴ Там же, с. 463.

книжицу «Алфавит Мира»⁷⁰⁵ – вспоминает он. *Разговор, называемый алфавит, или букварь мира* – это драматическая интерпретация труда Коменского *Orbis Sensualium Pictus*, практически воплощенного в педагогической прозе Сковороды. Книжечка, называемая *Silenus Alcibiadis, сирѣчь Икона Алквіадская [Израилскій змій]* была закончена 28 марта 1776 года и подарена в день Пасхи полковнику Тевяшову. Спустя несколько лет, 26 сентября 1790 года, Сковорода сообщает следующее в письме Коваленскому в Санкт-Петербург: «Мати моя, Малороссія, і тетка моя, Украина, посылают тебѣ в дар малорослюю мою дочь Авигею «Икону Алквіадскую». Прійми ее и, яко Давид, наслаждайся ею. Она не лицом, но сердцем красавица, и вся слава ея внутри ея. С нею бесѣдуя, бесѣдуешь со мною. Сердце мое в ней, а ея во мнѣ. Она породит тебѣ единого точію сына, иже есть истое начало».⁷⁰⁶ С точки зрения литературной формы, он повествует ее от первого лица, поскольку возвращается к трактату, в котором формулирует понятие вечности материи и перехода ее из одного состояния в другое, тем самым подвергая критике толкование сотворения мира Библией, в чем видит причину человеческих заблуждений. Это произведение занимает важное место в дальнейшем развитии философии Сковороды, так как освещает проблему двух натур и трех миров на более высоком уровне. Его название непосредственно связано с древнегреческим политическим деятелем и полководцем Алкивиадом, афинским стратегом в период Пелопоннеской войны, а также другом и учеником Сократа. В античные времена, силенами именовались фигуры, в которых хранились изображения богов, описываемые Платоном в диалоге *Бенкет*, а позднее критикуемые в *Похвале глупости* Эразмом Роттердамским, гуманистом эпохи Возрождения. Вторая часть заглавия основана на библейской легенде о медном змее, свернувшемся в кольцо и символизирующем бесконечность жизни на земле. Эту идею, как и все предыдущие, Сковорода черпает из главы *Конецѣ от начала происходитѣ* сборника *Symbola et Emblemata Selecta*.⁷⁰⁷ Ссылками на изречения древнегреческого философа-материалиста Эпикура: «...жизнь зависит от сладости и

⁷⁰⁵ Там же.

⁷⁰⁶ Там же, с. 356.

⁷⁰⁷ Wetstenium H., *Symbola et Emblemata Selecta*. Amstelaedami, 1705, с. 206–207.

... веселіє сердца есть то живот челоуѣку»⁷⁰⁸ и древнеримского философа-стоика Сенеки: «...жизни не отлагай. *Sera nimis est vita crastina.*⁷⁰⁹ *Vive hodie* – «Живи днешь»»,⁷¹⁰ подтверждается тот факт, что Сковорода в равной мере симпатизировал эпикуреизму и стоицизму. Цитируя Сократа: «Иной живет на то, чтоб ѣсть, а я-де ѣм на то, чтоб жить»⁷¹¹ и древнеримского поэта Горация: *Nec dulcia differ in annum...*, сирѣчь: «Сладости не отлагай на год»,⁷¹² он стремится показать вечную актуальность этого вопроса, на протяжении многих веков обсуждаемого человечеством. В какой-то степени уподобляя себя Эпикуру: «...обезславили Епикура за сладость и почли самага его пастырем стада свиннаго...»,⁷¹³ он указывает на незаслуженные нападки личного характера со стороны официальной церкви, обвиняющей его во всех земных грехах. С улыбкой на устах он вспоминает политика-консерватора Катона Старшего, которому древнеримский писатель Цицерон посвятил *De Senectute*:⁷¹⁴ «И не напрасно друг истины Цицеронов Катон любил в старости пирушки, но растворенныя насыщающими сердце мудрыми бесѣдами, начертающими невидимую нигдѣ, а прекрасную ипѣстась истины, влекущія всѣх чувства и услаждающія»,⁷¹⁵ имея ввиду бурные встречи со старыми друзьями. По его мнению, ложные представления, порожденные религиозными заблуждениями, нередко приводили цивилизации к пагубным последствиям на разных этапах мировой истории: «Из суевѣрій родились вздоры, споры, секты, вражды междусобныя и странныя, ручныя и словесныя войны, младенческіе страхи и протч. Нѣтъ желчнѣе и жестоковѣе суевѣрія и нѣтъ дерзновеннѣе, как бѣшенность, разженная слѣпым, но ревностным глупаго повѣрія жаром тогда, когда сія ехидна, предпочитая нелѣпыя и нестаточныя враки над милость и любовь и онѣмѣв чувством челоуѣколюбія, гонит своего брата, дыша убійством, и симь мнится службу приносить Богу».⁷¹⁶ Об этом еще в древности неоднократно предупреждал Плутарх: «Оно возъярило премилосердную утробу Тита, загладило

⁷⁰⁸ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 2, с. 6.

⁷⁰⁷ Слишком поздна завтрашня жизнь (лат.).

⁷¹⁰ Там же.

⁷¹¹ Там же.

⁷¹² Там же.

⁷¹³ Там же.

⁷¹⁴ О старости (лат.).

⁷¹⁵ Там же, с. 7.

⁷¹⁶ Там же.

Іерусалим, разорило Царьград, обезобразило братнею кровію парижскія улицы, сына на отца вооружило. И не напрасно Плутарх хуже безбожія ставит суевѣріе». ⁷¹⁷ В дарственном письме Тевяшову, Сковорода обращается к *Буколикам* древнеримского поэта Вергилия в поисках спасения от мирской горечи и суеты, выражая тем самым искреннюю благодарность за предоставленный ему деревенский покой: «Писал я ее, забавляя праздность и прогоняя скуку, а вашему высокород[ію] подношу не столько для любопытства, сколько ради засвидѣтельствованія благодарнаго моего сердца за многія милости ваши, на подобіе частых древесных вѣтвей, прохладною тѣнью праздность мою успокоивающія, так что и мнѣ можно сказать с Мароновым пастухом: Deus nobis haec otia fecit ⁷¹⁸». ⁷¹⁹ Это произведение делится на семнадцать пределов-глав и фактически продолжает ранее написанный труд *Начальная дверь ко христіанскому добронравію*, дополняя его новыми соображениями. В последней части, называемой *Катавасія*, ⁷²⁰ или *Снисхождение*, Сковорода призывает сердцем, а не плотью, понимать Библию и символически сравнивает ее с Алкивиадской иконой: «...с лица была шуточная, а внутрь сокрывала великолѣпіе Божіе. Благородный и забавный есть обман и подлог, гдѣ находим под лжею истину, мудрость под буйством, а во плоти Бога». ⁷²¹ «Испытайте писаній!» ⁷²² – восклицает он в конце.

Книжечка о чтеніи Священнаго Писанія, нареченная Жена Лотова писалась в 1780-х годах, о чем свидетельствует переписка Сковороды с жившим в Бабах священником Правицким, действующим лицом его предыдущих бесед и разговоров, к которому он обращается как «Ваш сын, и брат, и друг...». ⁷²³ Она построена на той же библейской теме, что и *Пѣснь 20-я из Сада божественных пѣсней*: «Нареченная Сигор. В сем маленьком, но высоком градикѣ пирует Лот со дщерьми: Во градѣ Бога нашего, в горѣ святѣй его; уподоблю его мужу мудру, основавшему храмину свою на камнѣ. Кто взыйдет на гору Господню?». ⁷²⁴ В

⁷¹⁷ Там же, с. 8–9.

⁷¹⁸ Бог нам подарил этот покой (лат.).

⁷¹⁹ Там же, с. 11.

⁷²⁰ Беспорядок, суматора (шутл.).

⁷²¹ Там же, с. 30.

⁷²² Там же, с. 31.

⁷²³ Там же, с. 370.

⁷²⁴ Там же, т. 1, с. 77.

сопровождаящем письме Коваленскому, он объясняет личные причины создания этого трактата и впервые упоминает имя своего двоюродного брата: «В самом открытіи намѣстничества Харьковскаго, во время непрестанных осѣнных дощей, прогоняя скуку, написал я сію книжицу в монастырѣ Сѣннском. Сей монастырик подарил Печерской лаурѣ святой Іустын, митрополита Бѣлагородскій, в котором он часто уединялся ради горных вертоградов и чистаго неба. Брат мой, Іустин Звѣряка, бывшій тогда игуменом, не могъ чувствовать вкуса в *Женѣ* моей *Лотовой*. Однакъ был типографом и забавлялся книгами еллинскими и римскими. Но ты, любезный друже, имѣешь вкус не звѣрскій. Можно ли мнѣ не сказать о тебѣ (в полуночном канонѣ перваго гласа): «Явился еси Аврааму, чистѣйшую часть богословія показуя?»». ⁷²⁵ Все сочинение делится на семь примет-глав, судя по названиям которых, Сковорода адресует его ученикам, наставляя их на путь истины. Он посвящает его экзегетическому пониманию Библии, образы которой формируют третий символический мир, лежащий между микрокосмосом и макрокосмосом. В первой примете *О наставникѣ*, он считает, что: «Начинаніе, начало, совѣтъ, λόγος ⁷²⁶ и Бог есть то же. От совѣта, или главы, как от источника, всѣ наши дѣла наружу происходят. Если совѣтъ добр, то и плоды добрые». ⁷²⁷ Учение о логосе находит дальнейшее развитие у Соловьева, христианскаго философа и родственника Сковороды, который в статье *Смысл мира* считает, что славянское слово и греческое логос идентичны, как означающие «смысл». Вторая примета *О симпатіи, или сострасіи между чтецом и наставником* делает главный акцент на любви, на том, что «...пища, ...и наука, не дѣйствительна от нелюбимаго». ⁷²⁸ Третья примета *О отверженіи свѣцких мнѣній* настаивает на полном избавлении от всякаго рода заблуждений для правильного понимания текстов Библии. Четвертая примета *О страшной опасности в чтеніи, о чтеніи в мѣру* предупреждает, что в Священном Писаніи «...скрыты находятся діаволскія сѣти...», ⁷²⁹ которые нечто иное, как «...сребролюбіе, честолюбіе, сластолюбіе,

⁷²⁵ Там же, т. 2, с. 32.

⁷²⁶ Слово (греч.).

⁷²⁷ Там же, с. 34.

⁷²⁸ Там же, с. 35.

⁷²⁹ Там же.

тщеславіе...».⁷³⁰ Пятая примета объясняет причину, почему «...наш вѣк или наша страна имѣет мудрых мужей гаразда менѣе, нежели в других вѣках и сторонах, тогда виною сему есть то, что шатаемся по безчисленным и разнородным книг стадам – без мѣры, без разбору, без гавани»,⁷³¹ а поэтому призывает к следующему: «Ражжуй одну преславную славу – и во многія обители Божіею сего лабиринфа отверзется тебѣ вход и исход. Преславная слава, слово Божіе и мысли его есть то же. «Преславная глаголашася в тебѣ, гр[аде] Божій». «По всей земли слава твоя»».⁷³² Здесь снова звучит скрытое воспоминание о Токае и годах, тесно связанных с виноделием: «Человѣк, насади виноград».⁷³³ Он думает и о морской стихии, сравнивая ее с Библией: «Двѣ страны имѣет библейное море. Одна страна наша, вторая – Божія. На нашем брегѣ колосы пусты, а коровы худыя; обонпол же моря и класы добры, и юницы избранны. Наш брег и бѣден и гладен, заморскій же есть Доброй Надежды гавань, лоно, или залив Авраамлій, мѣсто злачное, гдѣ есь Израиль пасется и почивает, оставив на голодной сторонѣ содомлян. «Кто преиде на ону страну моря?» А вот кто: И полещу и почию».⁷³⁴ Трактую образ истинного человека, не содомского, он использует различные метафоры для достижения большей стилистической выразительности: «...из плоти и крови и, будто из брѣнія и грязи горшок, зиждется, слѣпливается, образуется, изваяется, стоит, ходит, сидит, машет; очи, уши, ноздры имѣет, шевелится и красуется, как обезьяна; болтает и велерѣчит, как римская Цытеріа; чувствует, как кумир; мудрствует, как идол; осязает, как преисподній крот; щупает, как безокой; гордится, как безумный; измѣняется, как луна; беспокоится, как сатана; паучится, как паучина; алчен, как пес; жаден, как водная болѣзнь; лукав, как змій; ласков, как крокодыл; постоянен, как море; вѣрный, как вѣтер; надежный, как лед; разсыпчив, как прах; ищезает, как сон... Сей всяк человѣк ложный: сѣнь, тма, пар, тлѣнь, сон».⁷³⁵ В его представлении, только духовный человек «...есть свобод[ен]. В высоту, в глубину, в широту лѣтает безпредѣлно. Не мѣшают ему ни горы, ни рѣки, ни моря, ни

⁷³⁰ Там же.

⁷³¹ Там же, с. 37.

⁷³² Там же.

⁷³³ Там же, с. 38.

⁷³⁴ Там же, с. 38–39.

⁷³⁵ Там же, с. 43.

пустыни. Провидит отдаленное, прозирает сокровенное, заглядает в прежде бывшее, проникает в будущее, шествует по лицу окіана, входит дверем заключенным. Очи его голубины, орліи крила, еленья проворность, львиная дерзость, горличина вѣрность, пеларгова благодарность, агнцово незлобіе, быстрота соколя, журавляя бодрость. Тѣло его – адамант, смарагд, сапфир, іаспис, фарсис, кристалл и анфракс. Над главою его лѣтает седмица Божіих птиц: дух вкуса, дух вѣры, дух надежды, дух милосердія, дух совѣта, дух прозрѣнія, дух чистосердія. Глас его – глас грома. Нечаянный, как молнія и как шумящій бурный дух. «Идѣ же хошет, дышет».⁷³⁶ Ссылась на апостола Павла, он предупреждает, «...чтоб не упивались вином, но под видом вина напивались бы духа Божія и вина Новаго Завѣта, не содомскаго»,⁷³⁷ а вечного. По его мнению, омывание ног перед тайною вечерею объясняется тем, что «...Библия есть *Пасха, проход, переход, исход и вход* ... книга и глагол, завѣщенный от Бога... Иззуй твои сапоги дома, омый руки и ноги, оставь твое все тлѣнное и переходь к божественным. Пасха! К сему переходу Библия тебѣ есть и мост, и лѣстница...».⁷³⁸ Его согреваемые солнцем мысли и сердце шире «...всѣх Коперниковых міров...».⁷³⁹ Шестая примета *О чтеніи в ползу душевну* учит правильному пониманию Библию: «...читаем, дабы очистить, просвѣтить и укрѣпить душу нашу. Очистить от людских мнѣній. Напитися божественных и укрѣпитись против страстей душевных, противу зависти, ненависти, гнѣва, скорби, смущенія... А сим самым вмѣсто сих тиранов воздвигнуть в себѣ царствіе Божіе, сирѣчь духи спасителныя, мирныя, радостныя. Сей-то есть блаженный оный книжник и грамотник, котораго Христос, похваляя, равняет его с господарем».⁷⁴⁰ В седьмой примете *О вѣрном вождѣ* Сковорода подвергает критике лжевождей, склонных прославлять внешнее, забыв возвести «...очи в духовныя горы и ко оной царствія Божія трапезѣ, от коея только одни поднявшіися вышше плоти высокіи умы наслаждаются...».⁷⁴¹ «На что нам родословія історичная? Кая полза? На что мѣстоположенія тлѣннаго рая? Кую

⁷³⁶ Там же, с. 44.

⁷³⁷ Там же, с. 47.

⁷³⁸ Там же.

⁷³⁹ Там же, с. 48.

⁷⁴⁰ Там же, с. 57.

⁷⁴¹ Там же, с. 58.

душѢ нашей ползу принесет форма и мѢра ковчеговска? К чему исцѣленіе плотское? К чему воскресеніе тлѣнное, паки в тлѣнь обращающееся? Да паки работаем подлой плоти и страстям?» – спрашивает он, при этом отвечая: «Ей! един дух нам вкусен и полезен, очищая, исцѣляя, проникая в самыя тайныя начинанія души нашея и мир нам раждая».⁷⁴² *Жена Лотова* интересна ее литературной географией, в которой встречается старорусское название Каспійского моря: «Вот тебѢ два Хвалынскаго моря берега: сѣверный и южный»,⁷⁴³ одновременно сравниваемого с библейским. Не менее своеобразна ссылка на греческий остров Родос и тридцатисемиметровую статую Гелиоса, бога солнца, некогда стоявшую у входа в порт: «Скажите мнѢ, братія моя, чему подобна Пасха наша? Подобна кораблю, плывущему в древнюю гавань острова Родоскаго. Воротами оныя гавани кумир. Ноги его суть верей врат, а свод врат – то его чресла. Сквозь вздорныя сія ворота между голеньми исполина сего входили всѢ корабли в гавань».⁷⁴⁴ Этот «...библейный рай, как родоскіе вертограды...»⁷⁴⁵ неизбежно навевал Сковороде мысли о далеких токайских виноградниках. Очередное упоминание «...гор Кавказких...» объясняется тем, что его каврайский ученик Тамара находился на военной службе на Кавказе, где вместе с ним побывали рукописи его старого репетитора, в детстве привившего ему христианскую любовь к истине.

Брань архистратига Михаила со Сатанюю о сем: легко быть благим в первой редакции 1783 года называлась *Борба и прѣя о том: претрудно быть злым, легко быть благим*, таким образом напоминая раннюю работу *Бесѣда, нареченная двое, о том, что блаженным быть легко*. Этот спор посвящается Коваленскому, отсюда название и вступительное письмо, подписанное псевдонимом Сковороды: *Старец Варсава Даниил Меингард*.⁷⁴⁶ В нем он стремится дать ответ на вечный вопрос о том, что есть источником человеческого счастья на земле, и почему не все люди счастливы, или отчего большинство из них недовольны жизнью: «Речеши, почто убо не всѢ в сей земелькѢ наслаждаются, но алчут, ропщут и кленут ее? *Отвѣт*: Того ради, яко сія земличка имѣет двѢ части – долнюю и горнюю, здѣшнюю и

⁷⁴² Там же.

⁷⁴³ Там же, с. 39.

⁷⁴⁴ Там же, с. 55.

⁷⁴⁵ Там же, с. 46.

⁷⁴⁶ Там же, с. 60.

тамошнюю, прокляту и благословенну, бѣсовску и Господню, аки два сосца и два источники... *Отвѣт*: Сего убо ради сія книжечка изводит на поднебесный позор два сердца: ангельское и сатанское, борющаяся между собою. Сія два царства в каждом человѣкѣ дѣют вѣчную борбу».⁷⁴⁷ Основную причину проблемы он изыскивает в наличии в индивидууме двух натур, бесконечно противоборствующих друг с другом. Преимущество зла над добром неизбежно толкает человека на извилистый путь, ведущий к несчастью, в то время как прямой подразумевает полное блаженство. Адресуя этот труд молодому дворянству, он как учитель греческого языка объясняет значения незнакомых слов с помощью методики Коменского: «Атмосфера – слово еллинское, значит земнаго клуба воздушну околичность, простерту дотолѣ, доколѣ восходят пары или атомы, яснѣе сказать – доколѣ облаки восходят, мѣщеніе Перунам і молніям».⁷⁴⁸ Пирамида – «слово еллинское, значит горнія комнаты и обители, воздвигнутыя по образу головы сахарныя или пламене, вообще горнее жилище; еллински – пиргос, римски – *turgis*, турецки – колончак, полски – вежа, по-здешнему – башня, терем; как при киркѣ колокольня, так она при домах. Славенски – столп: «В столпѣ облачнѣ глаголаше к ним». «Буди же мир в силѣ твоей и обиліе в столпостѣнах твоих»».⁷⁴⁹ В библейских легендах архангел Михаил – архистратиг, предводитель ангелов, противопоставляется Сатане, стоящему во главе всех дьявольских сил. Борьба с ним была всегда актуальной и неотъемлемой частью литературной тематики в древности. В частности, Иоанн Златоуст, византийский церковный деятель и епископ Константинополя, был очень популярен среди широких слоев верующего населения именно благодаря этой теме, часто звучащей в его проповедях. Как в Византии, так и на Руси он являлся идеалом проповедника и обличителя несправедливости, а поэтому занимает важное место у Сковороды, такого же борца с темными силами мира сего. Посвящая эту притчу Коваленскому, он символически наделяет его верными спутниками: «...так низлетѣли к Михаилу Гавріил, Рафаил, Уріил и Варахіил...»⁷⁵⁰ – библейские ангелы, встречающие в пути

⁷⁴⁷ Там же, с. 59–60.

⁷⁴⁸ Там же, с. 60.

⁷⁴⁹ Там же.

⁷⁵⁰ Там же, с. 63.

странника, который «...бродит ногами по землѣ, сердце же его с нами обращается на небесѣх и наслаждается... Он един нам есть милѣйшій позор паче всѣх содомлян. Мы же его познали. Сей есть друг наш – Даниил Варсава».⁷⁵¹ Этой аллегорией он проводит резкую черту между собой и псевдослужителями церкви, постоянно нарушающими закон Божий и давно позабывшими праведный образ жизни. Наряду с собственной поэзией, он дает великолепный перевод строк из драмы *Молельницы* древнегреческого поэта-драматурга Еврипида:

Пусть я во свѣтѣ скверн – только бы был богат.

Днесь не в моду совѣсть, но злато идет в лад.

Как нажил, не спросят, только б жирный был грош.

Сколь богат, столь всѣм брат и честен и пригож.

Что у нас безчестно в мѣртѣ? Кошель пустой.

Нищим ли жить? Лучше пушуся в смертный гной.

И смерть сладка, поколь рубль за рублем плывет.

О святое злато! Над тебе в свѣтѣ нѣт.

Не столь милый отец, не столь рождшая мать,

Не столь любезныи и чада веселят.

И если такая у Венеры краса,

Не дивно, что в ее влюбилася тварь вся.⁷⁵²

Сковорода возмущен лицемерами, которые «...долго молятся в костелах, непрестанно во псалтырь барабанят, строят кирки и снабдѣвают, бродят поклонниками по Иерусалимам, – по лицу святы, по сердцу всѣх беззаконнѣе».⁷⁵³

Обращаясь к Эпикуру, он произносит фразу, ставшую одним из его главных жизненных принципов: «Не утерплю приписать тут пресладких Эпикуровых слов сих: Χάρις τῆ μακαρία φύσει ὅτι τὰ ἀναγκᾶ ἑποίτηεν εὐπόρισα τὰ δὲ δυσπόριστα οὐκ ἀναγκᾶ σιᾶσθαι: «Благодарение Богу, яко нужная сотвори легкостяжными, злостяжная же – ненужными».⁷⁵⁴ Цитируя из трагикомедии *Гонимая церковь* Варлаама Лашевского, преподававшего еврейский и греческий языки в Киевской

⁷⁵¹ Там же, с. 67.

⁷⁵² Там же, с. 70.

⁷⁵³ Там же, с. 72.

⁷⁵⁴ Там же, с. 76.

духовной академии, он тем самым выражает признание ее сочинителю, Донскому архимандриту: «Кто даст мнѣ крилѣ нынѣ? Кто даст посребренны? Кто даст мнѣ рама нынѣ? Кто даст восперенны? Да лещу сквозѣ присно о Бозѣ, от земна края даже до рая и почію».⁷⁵⁵ В 1780 году рукописи его произведений, вместе с огромным количеством ценных манускриптов, хранившихся в Киевской библиотеке с начала семнадцатого века, полностью сгорели в результате пожара. Сковорода также упоминает имя Феофана Прокоповича, российского церковного деятеля, автора *Владимира* и *Слова о власти и чести царской*, «...треязычнѣ воспѣвшаго царю Петру, побѣдившему под Полтавою градом».⁷⁵⁶ Заканчивая *Брань архистратига Михаила со Сатаною*, он подчеркивает заветную истину: «Легко быть благим»,⁷⁵⁷ звучащую как отеческое наставление близкому другу и ученику, неустанно ищущему правду жизни. Он не перестает думать о тех, кто ему очень дорог, несмотря на расстояния и время, и образно произносит: «Сіе видѣніе аз, старец Даніил Варсава, воистину видѣл. Написал же во просвѣщеніе невѣждам блаженным оным...».⁷⁵⁸

Пря бѣсу со Варсавою датируется 1783 годом и была найдена в фондах библиотеки Арсеньева с автографами произведений *Бесѣда 1-я, нареченная Observatorium (Сіон)* и *Бесѣда 2-я, нареченная Observatorium Specula (еврейски – Сион)* в тетради *Сочиненія Г.С.Сковороды*. Ее основной вопрос: «Что важнее в жизни?» оспаривается бесом Даймоном и богоборцем Варсавой. Сковорода доказывает, что самым необходимым есть честность и счастье, которые могут быть достигнуты каждым в отдельности, будучи наделенным природой свободой выбора собственного пути. Только естественным стремлением к добру можно стать счастливым, а все, что неприродно, в конечном итоге, приводит к несчастью и разочарованию. Он вновь обращается к народной мудрости, цитируя малороссийскую поговорку: «Яко злость трудна и горка, благость же легка и сладка».⁷⁵⁹ Интересно его объяснение происхождения слова *даймон*, или *демон*: «...у еллин значит вѣдящій, или вѣдьма; знаток (δαίμων), отсюда даціώνιον острое,

⁷⁵⁵ Там же, с. 79.

⁷⁵⁶ Там же, с. 83.

⁷⁵⁷ Там же, с. 84.

⁷⁵⁸ Там же.

⁷⁵⁹ Там же, с. 85.

трудное, но неключимое и непотребное вѣдѣніе. У евангелистов сим словом именуются бѣсы».⁷⁶⁰ Данная тема на протяжении веков являлась очень распространенной в древнерусской литературе, в которой описывались деяния святых отцов православной церкви, как, например, в *Киево-Печерском патерике*. После Сковороды, она встречается в стихотворениях Пушкина *Мое беспечное незнанье*, *Демон* и *Ангел*, поэме Лермонтова *Демон*, романе Достоевского *Бесы* и т.д. Богоборческие мотивы, как черта национального характера, были всегда присущи русским и украинским поэтам и писателям, чем подтверждается духовная связь творческих поколений, выросших на литературно-философском наследии Сковороды. Думая о юных душах, чей взгляд однажды коснется его трудов, он переходит с греческого языка на латинский, демонстрируя важность лингвистических познаний устами Даймона: Δύσκολα τά καλά, εὐκόλα τά κακά. Gravissima bonitas, levissima malitia,⁷⁶¹ на что Варсава уверенно отвечает: Dulcissima mala, amarissima bona, beatissima mala, miserrima bona,⁷⁶² не без иронии добавляя: «Обаче смрада сего отнюдь не вмѣщает сердце мое. Аще ли будет гортань мой гробом отверстым? Аще ли возвратятся мнѣ Ліины очи? Вепрово обоняніе? Уста Іудины? Тогда развѣ обლობызаю сію неключимую славу».⁷⁶³ Сковорода уже вначале дает понять главную идею спора, выразив ее в следующем диалоге:

«*Даймон*. Что ли есть благость?

Варсава. Тоже что нужность.

Даймон. Что есть нужность?

Варсава. То, что нѣсть злость.

Даймон. Что ли есть злость?

Варсава. То, что нѣсть благость.

Даймон. Откуда родится нужность?

Варсава. Она есть вѣтва благости и блаженства.

Даймон. Благость же или блаженство откуда есть?

Варсава. Сія вѣтва от древа жизни.

⁷⁶⁰ Там же.

⁷⁶¹ Самым тяжким есть доброта, самым легким зло (лат.).

⁷⁶² Самым сладким есть зло, самым горьким есть добро, самым счастливым есть зло, самым несчастным есть добро (лат.).

⁷⁶³ Там же, с. 87.

Даймон. Гдѣ есть древо жизни?

Варсава. Посредѣ плоти наша.

Даймон. Что ли есть древо жизни?

Варсава. Есть закон ума.

Даймон. Что ли есть закон ума?

Варсава. Свѣтъ тихій святія славы, безсмертнаго отца небеснаго... Образ ипостаси его, ему же слава вовеки. Аминь». ⁷⁶⁴

Даймон смущен, не зная, что поведать на ранее заявление Варсавы о том, что «...нужность не трудна...», ⁷⁶⁵ и неожиданно вспоминает *Басни Харьковскія*: «Ты ли написал 30 притчей и дарил оныя Афанасію Панкову?». ⁷⁶⁶ Так ссылкой на басню *Змія и Буфон* критикуется ошибочное заключение Сковороды, некогда сделанное им по этому поводу: «Чем большее добро, тѣм большим то трудом ограждено, как рвом». ⁷⁶⁷ Являясь человеком самокритичным, автор сразу признает несоответствие его прежних взглядов, характерных ему в 1760-х годах, в чем и исповедуется: «Кто же может каятися и перейти на иное, не поставив прежде новыя судьбы и новаго рока во основаніе? На чем станет? Вѣдомо, что дух покаянія стоит на каменном островѣ, поправ прежнюю злобу, облобызав же новую благодать. Сія благодать есть новый адамант, подлагаемый во основаніе новозиждемому граду святому. Она есть вѣчное зерно, откуда произрастает древо нетлѣнных плодов и новаго вѣка. Сего ради всуе раздѣляеши нераздѣльное. Каятися узрѣть брег новыя славы, начать новую жизнь, новым сердцем, новыми плодами – всѣ сіи вѣтвы суть от единаго древа и есть едино и тожде. Яко же утро, свѣтъ, солнце, луна, день есть тожде. Како убо рекл еси мнѣ: «Кайся, но не буди творец догматов новых?». ⁷⁶⁸ Происходит уникальное самообновление Сковороды, символически представленное гравюрой *Тѣм обновляюся* из сборника *Symbola et Emblemata Selecta*. ⁷⁶⁹ Он опять обращается к теме духовного и физического вина, называя его «...новым Лотовым...» и

⁷⁶⁴ Там же, с. 85.

⁷⁶⁵ Там же.

⁷⁶⁶ Там же.

⁷⁶⁷ Там же, с. 86.

⁷⁶⁸ Там же, с. 86–87.

⁷⁶⁹ Wetstenium H., *Symbola et Emblemata Selecta*. Amstelaedami, 1705, с. 206–207.

«...ветхим, содомским».⁷⁷⁰ В его понимании, «...полза со красою, красота же с ползою нераздѣльна ... благодвоеобразна, и мати и дѣва, и дѣвствует и раждает едину дщерь».⁷⁷¹ Впоследствии Достоевским произносится аналогичная фраза, ставшая сегодня крылатой: «Красота спасет мир». За долго до него, немецкий философ Кант, подобно твердит о нравственном законе и прекрасном, как символе морального добра. Спустя десятилетия, Соловьев заключает, что красота – это преобразование материи через воплощение в ней другого, сверхматериального начала.

Благодарный Еродій был написан в 1787 году и посвящен другу Сковороды Дятлову, о чем свидетельствует сопровождающее письмо: «Се тебѣ дар, друже! Прійми его, Еродіа, по-еродіеву, прійми парящаго и сам сый парящій. Прійми сердцем Еродіево сердце, птица птицу. «Душа наша яко птица»».⁷⁷² По содержанию, это одно из наиболее значимых сочинений, имеющих непосредственное отношение к пребыванию Сковороды в Венгрии, о чем он сообщает новые эпизоды из своей биографии, делая поистине персональной географическую карту своего литературного творчества. «В Гунгаріи видѣл я на каминах...»⁷⁷³ – вспоминает он белых аистов, восседающих на каменных трубах купеческих домов в центре Токая. Что касается названия, то оно происходит от греческого ἐρόδιος:⁷⁷⁴ «...еллинское, значит – боголюбный, иначе зовется (пеларгός и ерогás), римски – киконіа, полски – боцян, малоросійски – гайстер».⁷⁷⁵ Неслучайно, что его латинским синонимом является *amos*,⁷⁷⁶ второе имя Коменского, полученное им в братской школе Пршерова в 1608 году, поскольку он считает себя его учеником и последователем. В толковом словаре Ожегова дается существительное и прилагательное *юродивый*, объясняемое как «чудаковатый, помешанный, безумец, обладающий даром прорицания». Имея одинаковую корневую базу, оно этимологически восходит к слову *еродий* и тем самым несет идентичный смысл. В отношении малороссийского *гайстер* следует добавить, что

⁷⁷⁰ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 2, с. 96.

⁷⁷¹ Там же, с. 98.

⁷⁷² Там же, с. 99.

⁷⁷³ Там же, с. 100.

⁷⁷⁴ Аист (греч.).

⁷⁷⁵ Там же, с. 99.

⁷⁷⁶ Боголюбный (лат.).

из него образовано русское *аист*, которое переводится как «душа» (от нем. *geist* или *geister* ⁷⁷⁷). Внимательно изучая сборник *Symbola et Emblemata Selecta*, Сковорода находит гравюрные изображения этих уникальных птиц, символизирующих разного рода идеи: *Изрядная благодѣтель есть отцу своему в нужде помогати*,⁷⁷⁸ *Желалъ бы и всѣх ихъ погубить*,⁷⁷⁹ *С разсужденіемъ мать*,⁷⁸⁰ *Чтобъ внезапно*,⁷⁸¹ *Чтобъ от своего языка безвременно не погнунуть*,⁷⁸² *Ты все знаешъ*⁷⁸³ и *Свое отечество токмо*.⁷⁸⁴ «Гаданіе – еллински – символон. Первый символ составляет она сей: сидит в гнѣздѣ, на храмѣ святом утвержденном. Под образом подпись такова: «Господь утверженіе мое». Второй символ: стоит един Еродій. Подпись сія: «Ничто же сильнее благочестія». Третий символ: Еродій терзает змія. Подпись: «Не возвращуся, дондеже скончаются». Сіи три символы да будут знаменіем, гербом и печатію книжицы сея. Она совершилася в первую квадрю первыя луны осѣнныя. Аминь!»⁷⁸⁵ – восклицает он, с ностальгией думая о Токайских садах. Читая эту притчу, можно придти к определенному выводу, что основой для ее написания послужила *Die Mutterschule* Коменского. Обращаясь к вопросам воспитания детей в раннем возрасте, Сковорода выделяет важные на его взгляд мысли: «...двѣ суть главныя родительскія должности сіи: «Благо родить и благо научить». Аще кто ни единыя от сих двоих заповѣдей не соблюл, ни благо родил, ни благо научил, сей нѣсть отец чаду, но виновник вѣчныя погибели. Аще же родил видно благо, но не научил, таков, рече, есть полу-отец, яко же достойно есть полу-мати, чревородившая, но не млекопитавшая, даровавшая пол матерства своего доилицѣ и погубившая половину чадолюбія. Аще-де мѣсто владычнее сидѣніем рабским безчестится, како не безобразится отческа я должностъ, исправляема рабом или наемником? Буде же отец извиняется скудостію времени, прощается тогда, когда обрящет лучшее дѣло. Но ничто же лучше есть благаго воспитанія: ни чин, ни богатство, ни фамилія, ни милость вельмож, развѣ благаго

⁷⁷⁷ Дух (нем.).

⁷⁷⁸ Wetstenium H., *Symbola et Emblemata Selecta*. Amstelaedami, 1705, с. 36–37.

⁷⁷⁹ Там же, с. 96–97.

⁷⁸⁰ Там же, с. 164–165.

⁷⁸¹ Там же, с. 188–189.

⁷⁸² Там же, с. 190–191.

⁷⁸³ Там же, с. 216–217.

⁷⁸⁴ Там же, с. 254–255.

⁷⁸⁵ Сковорода Г., *Повне зібрання творів у 2-х томах*. Київ: Наукова думка, 1973, т. 2, с. 100.

рожденіе. Оно едино есть лучше всего и сего, яко сѣмя щастію и зерно воспитанію».⁷⁸⁶ В заключение, он заявляет: «Да запечатлѣтся же сія бесѣда славою отца моего сею: *главизна воспитанія есть*: 1) благо родить; 2) сохранить птенцеви младое здравіе; 3) научить благодарности».⁷⁸⁷ Материалистический сенсуализм Коменского с его тремя источниками познания чувств, разума и веры – это народное «любомудрие» Сковороды, его принцип всеобщего согласия, единства мира и взаимосвязи противоположностей. Человек – часть природы и обязан подчиняться ее общим законам, а поэтому все должно быть природосообразно: «Рожденного на добро не трудно научить на добро, хоть научить, хоть навичить, хоть извычить. Хоть ученый, хоть привычный, хоть привычный есть то же. От природы, яко матери, легесенько спѣет наука собою. Сія есть всеродная и истинная учительница и единая. Сокола вскорѣ научишь лѣтать, но не черепаху. Орла во мгновение навичишь взирать на солнце и забавляться, но не сову. Еленя легко исправишь на Кавказныя горы, привлечешь пить без труда из чистѣйших нагорных водотечей, но не вельблюда и не вепра. Аще всяческая строит премудрая и блаженная *натура*, тогда како не едина она и исцѣляет и научает? Всякое дѣло спѣет, аще она путеводствует. Не мѣшай только ей, а если можешь, отвращай препятствія и будьто дорогу ей очищай; воистину сама она чисто и удачно совершит. Клубок сам собою поточится из горы: отними только ему препятствующій претыканія камень. Не учи его котиться, а только помагай. Яблони не учи родить яблока: уже сама натура ее научила. Огради только ее от свиней, отрѣжь волчцы, очисти гусень, отврати устремляющуюся на корень ея урыну и протчая. Учитель и врач – нѣсть врач и учитель, а только служитель природы, единственныя и истинныя и врачебницы, и учительницы. Буде кто чего хочет научиться, к сему подобает ему родиться. Ничто же от человѣк, от Бога же вся возможна суть. Аще же кто дерзает без Бога научить или научиться, да памятует пословицу: «Волка в плуг, а он в луг». Доколѣ колцо висит из ноздрей свиніи, дотолѣ не роет. Выйми же, паки безобразит землю».⁷⁸⁸ Бесконечна лингвистическая палитра этого символического произведения, предназначенного

⁷⁸⁶ Там же, с. 101–102.

⁷⁸⁷ Там же, с. 116–117.

⁷⁸⁸ Там же, с. 104.

«...для молодого шляхетства Харьковской губернии...».⁷⁸⁹ Вряд ли имеется более личностный, или «еродиевый» поход к преподаванию наук и иностранных языков, чем у Сковороды, который объединяет их с христианским воспитанием: «Воспитание же истекает от природы, вливающая в сердце сѣмя благія воли, да помалу-малу, без препятствій возрасши, самовольно и доброхотно дѣлаем все тое, еже свято и угодно есть пред Богом и человеки. Коликое идолопоклонство восписывать человеческим наукам и человеческим языкам восприносить и воспричитать воспитание? Кая полза ангелскій язык без добрыя мысли? Кій плод тонкая наука без сердца благаго?».⁷⁹⁰ Он обращает внимание на логическую связь моральных ценностей с академическим процессом, что возвращает к Коменскому, иллюстрированный словарь которого *Orbis Visibilis*,⁷⁹¹ изданный Московским университетом, пользовался большой популярностью в России. Его ссылки личного характера обусловлены биографическими мотивами, а поэтому играют большую роль в существенном понимании Сковороды как *homo sapiens*,⁷⁹² что видно из следующего диалога, основанного на гравюре *Изрядная благодѣтель есть отцу своему в нужде помогати*.⁷⁹³

Пишек. Ай, друг ты мой! Радуюся, яко начаша глаголати многими языки. Видно, что ученый обучал тебе попугай. Куда Бог несет?

Еродій. Лечу за пищею для родителей.

Пишек. Вот бѣда! Ты ли родителей, а не они тебе кормлят?

Еродій. Сіе нѣсть бѣда, но веселіе и блаженство мое. Они кормили мене в младости моей от младых ногтей моих, а мнѣ подобает кормить их при старости их. Сіе у нас нарицается *ἀντιελαργεῖν*, сирѣчь возблагодарять, или взаимно пеларгствовать, и еллыны весь наших птиц род называют пеларгос. Но мы их не точію кормим, но и носим за немощь и старость их.

Пишек. Чудо преестественнее! Новость, рѣдкость, раритет, необыкновенность, каприз, странная и дикая дичь... Сколько вас у отца и матери чад?

Еродій. Я и мнѣйшій мене брат Ерогас и сестра Киконія.

⁷⁸⁹ Там же, т. 1, с. 144.

⁷⁹⁰ Там же, т. 2, с. 104.

⁷⁹¹ Видимый мир (лат.).

⁷⁹² Думающий человек (лат.).

⁷⁹³ Wetstenium H., *Symbola et Emblemata Selecta*. Amstelaedami, 1705, с. 36–37.

Пишеч. Гдѣ вы обучалися во отроческіи лѣта?

Еродій. Нигдѣ. Мене и брата научил отец, а мати сестру.

Пишеч. О, мой Боже! Вездѣ цвѣтут славныи училища, в коих всеязычныи обучают попугаи. Для чего он вас не отдавал? Он не убог. Как быть без воспитанія?

Еродій. Для того же то самага сами нас воспитали родители». ⁷⁹⁴

Указание на брата и сестру Сковороды является неописанным фактом его биографии, а поэтому актуально для современного исследователя. В изучении малоизвестных периодов его жизненного пути есть также заслуга Гесса де Кальве, его первого венгерского биографа, не менее забытого в родном отечестве.

Убогій Жайворонок, или *Притча, нареченна Убогій Жайворонок*, посвящена Дискому, сыну друга Сковороды, и сопровождается письмом, написанным «1787-го лѣта, в полнолунія послѣднія луны осеннія». ⁷⁹⁵ Если *Благодарный Еродій* трактует проблемы нравственного воспитания в раннем возрасте, то *Убогій Жайворонок* обращен к юношам и рассматривает вопросы самосовершенствования дворянской молодежи. Как и прежде, он использует символы, заимствованные из *Symbola et Emblemata Selecta*, тем самым пытаюсь более ярко передать важность целого ряда духовных норм: «Жизнь наша есть вѣдь путь непрерывный. Мір сей есть великое море всѣм нам пловущим. Он-то есть окіан, о, вельми немногими щастливцами безбѣдно преплавляемый. На пути сем встрѣчают каменныя скалы и скалки, на островах сирены, в глубинах киты, по воздуху вѣтры, волненія повсюду; от камней – претыканіе, от сирен – прельщеніе, от китов – поглощеніе, от вѣтров – противленіе, от волн – погруженіе. Каменныя вѣдь соблазны суть то неудачи; сирены суть то льстивыя други, киты суть то запазушніи страстей наших зміи, вѣтры, разумѣй – напасти, волненіе, мода и суета житейска...». ⁷⁹⁶ Следует отметить, что семья Диских владела деревней Дисковка и слободой Юрьевка, в которых часто гостил Сковорода. На рубеже девятнадцатого века их сын Федор переселился в Москву и до конца жизни способствовал активному распространению идей этого христианского философа. В широкий круг его знакомых входили люди, хорошо известные в российском научном мире, среди

⁷⁹⁴ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 2, с. 101.

⁷⁹⁵ Там же, с. 120.

⁷⁹⁶ Там же, с. 119.

которых был профессор древнерусской письменности Калайдович. Как учитель, Сковорода сыграл решающую роль в судьбах Тамары, Коваленского и Диского, о чем они с благодарностью вспоминали в своих литературных мемуарах и личном общении. Иоанн, отец Диского, с которым он встретился в слобожанском Купянске в 1762 году, просит дать Федору жизненное наставление. Символом жаворонка на гравюре *Провѣщаетъ весну*,⁷⁹⁷ «...римски ... lauda – хвалю, римски – laudo, лаудо; лаудон – хвалящій»,⁷⁹⁸ он призывает его к Христу, который «...сохранит ... от умащающих елеем.., от домашних ... тигров и сирен...».⁷⁹⁹ Он видит его истинное назначение в приобретении глубоких знаний: «Не тот есть глуп, кто не знает (еще все презнавшій не родился), но тот, кто знать не хочет».⁸⁰⁰ Действие этого произведения разворачивается между тетеревом Салаконом, в переводе с греческого «...нищаго видом, но лицемѣрствующаго богатством фастуна...»,⁸⁰¹ и жаворонком Сабашем, на сирском означающем «...праздный, спокойный, ...у евреев суббота – сабаш, отсюду и сіе имя Варсава, то есть сын мира...»,⁸⁰² который постоянно цитирует мудрые отцовские советы, навсегда запомнившиеся ему с детства: «Чего не положил, не руш», «Боязливаго сына матери не плачет», «Все лишне отсѣкай, то не будет кашель»,⁸⁰³ «Всякая птичка своим носком жива»⁸⁰⁴ и т.д. Под дятлом Немес, он подразумевает своего друга Дятлова, которому посвящен *Благодарный Еродій*, что в полной мере подтверждает сюжетную связь двух произведений. По его мнению, роль отца в воспитании молодого человека чрезвычайно важна, вот почему он так положительно пишет об этом, не забывая о своих родителях: «Алауда – так нарицался отец Сабашов – был научен наукам мірским, но сердце его было – столица здраваго разума. Всякое дѣло и слово мог совершенно раскусить, обрѣсти в нем корку и зерно, яд и ядь сладкую и обратить во спасеніе. Алауда во слух многих мужей, юнош и отроков научал сына так: – Сыне мой единородный, приклони ухо твое. Услыши глас отца твоего и спасешися

⁷⁹⁷ Wetstenium H., *Symbola et Emblemata Selecta*. Amstelædami, 1705, с. 36–37.

⁷⁹⁸ Сковорода Г., *Повне зібрання творів у 2-х томах*. Київ: Наукова думка, 1973, т. 2, с. 125.

⁷⁹⁹ Там же, с. 120.

⁸⁰⁰ Там же, с. 119.

⁸⁰¹ Там же, с. 120.

⁸⁰² Там же, с. 121.

⁸⁰³ Там же.

⁸⁰⁴ Там же, с. 123.

от сѣти, яко же серна от ловцов. Сыне, аще премудр будеши, чуждая бѣда научит тебе, дерзкій же и безсердый сын уцѣломудряется собственным искушеніем. И сіе есть бѣдственное. Сыне, да болит тебѣ ближняго бѣда! Любляй же свою бѣду и не боляй о чуждой, сей есть достоин ея. Не забуди притчи, кую часто слышал еси от мене сея: Песика бьют, а левик боится. Кая польза читать многія книги и быть беззаконником? Едину читай книгу и довлѣет. Воззри на мір сей. Взглянь на род человѣческій. Он вѣдь есть книга, книга же черная, содержащая бѣды всякаго рода, аки волны, востающія непрестанно на морѣ. Читай ее всегда и поучайся, купно же будто из высокія гавани на бѣснующуюся океан взирай и забавляйся».⁸⁰⁵ Сковорода умело соединяет фольклорную притчу с библейской легендой и описывает радушный прием, который оказал «старик Маной (из Книги Судей Израилевых) и жена его Каска»⁸⁰⁶ Астрае, богине любви и справедливости из первой книги *Метаморфозы*, мифологического эпоса древнеримского поэта Овидия, встречаемой в итальянской опере *Милосердіе Титово*. Здесь дается описание народных обычаев, принятых на Рождество в Слободской Украине в восемнадцатом веке, включая блюда, традиционно подаваемые на праздничный стол: «От того времени, даже доселѣ, ячменная кутія нашей сторонѣ есть во обычаѣ».⁸⁰⁷ *Убогій Жайворонок* заканчивается рождественской колядкой, которая по содержанию и мелодии абсолютно напоминает *In Natalem Iesu*, входящую в *Сад божественных пѣсней*, и является ее новой, ранее неописанной интерпретацией:

Вопрос. Пастыри мили,

Гдѣ вы днесь были?

Гдѣ вы бывали,

Что вы видали?

Отвѣт. Грядем днесь из Вифлеема,

Из града уничиженна.

Но днесь блаженна.

Вопрос. Кое ж отгуду несете чудо?

И нам прорцыте,

⁸⁰⁵ Там же, с. 125.

⁸⁰⁶ Там же, с. 129.

⁸⁰⁷ Там же, с. 130.

Благовѣстите.

Отвѣт. Видѣли мы вновь рожденно

Отроча свято, блаженно,

Владыку всѣм нам.

Вопрос. Кія палаты

Имѣет тое,

Ах, всеблаженно

Чадо царское?..⁸⁰⁸

Обращение Сковороды к псалмам Мюре вполне закономерно, поскольку, начиная со времен правления польско-венгерского короля Иштвана Батори, они были широко распространены в Речи Посполита, включающую тогда Малороссию, и даже в переводе сохраняли свой оригинальный колорит. Кроме этого, *Hymni Sacri* также вдохновляли Балашши, первого лирика эпохи позднего Ренессанса Венгрии.

Диалог. Имя ему – Потоп зміин адресован Коваленскому и написан «1791 года, авг. 16»,⁸⁰⁹ хотя по поводу даты существуют разные мнения. Несмотря на запрет царской цензурой до 1912 года, он был самым популярным в литературно-политической жизни России. Это завершающий труд Сковороды, в сюжетную основу которого положена двенадцатая глава Откровения Иоанна Богослова из последней книги Нового Завета, ранее встречающаяся в эпиграмме *Carmen*, или *Мелодія*, сборника *Сад божественных пѣсней*. Сковорода уподобляет себя монаху Эриратусу, дарившему «...всѣ свои забавныя писульки ... другу и господину своему, патріарху Софронію...»,⁸¹⁰ иерусалимскому догматику-богослову, жившему в первой половине седьмого века нашей эры. «Что есть Біблія, аще не мыр? Что есть мыр, аще не ідол деирскій? Что есть золотая глава ему, аще не сонце? Что есть сонце, аще не огненное море?»⁸¹¹ – риторически спрашивает он, мысленно обращаясь к Михаилу, который для него «...в другѣ господин, а в господинѣ – друг...».⁸¹² Его ученик сравнивается с Ноем, видящим небесную радуго, которая символизирует долгожданное прекращение всемирного потопа: «Что есть

⁸⁰⁸ Там же, с. 131.

⁸⁰⁹ Там же, с. 135.

⁸¹⁰ Там же.

⁸¹¹ Там же.

⁸¹² Там же.

прекрасна радуга? Не радость ли есть радуга? Не солнце ли зрит свой образ во зеркалѣ вод облачных? Не солнце ли зрит на солнце, на второе свое солнце? На образ образуемый, на радость и на мир твердый? Не туда ли зрит сей вождь наш, не туда ли волхвы ведет? Останься ж, солнце и луна! Прощай, огненная бездно! [Прости, западное солнце!] Мы сотворим свѣт лучшій. Созиждем день веселѣйшій. Да будет свѣт – и се бысть свѣт. Да станет солнце и луна! Да станет и утвердится! Да свѣтит во вѣки вѣков! И се ста солнце и луна! Новая луна и солнце. От Бога божественное».⁸¹³ Сопровождающее письмо насыщено духом христианского оптимизма и веры в светлое будущее, куда Сковорода зовет Михаила. Читая эти строки, вспоминаются речи политических вождей мирового пролетариата, включая Ленина, открыто цитирующих экзегетическое наследие Сковороды. В списке ученых и философов, которым после Октябрьской революции было «...предложено поставить монументы в г.Москве и др. городах Рос. Соц. Фед. Сов. Республики...», согласно постановления Совета Народных Комиссаров от 30 июля 1918 года, имя Сковороды указывалось первым, перед Ломоносовым и Менделеевым.⁸¹⁴ Большевики тоже заимствовали девизы и символы из сборника *Symbola et Emblemata Selecta*, причем пятиконечная звезда в главе *Оуказуе нам путь имже идти*⁸¹⁵ лично рекомендовалась Троцким. В представлении Сковороды, Библия – это сфинкс, лев-дева, возвышающаяся посреди пустыни, а он в ней пустынный, утверждающий в себе мир. Данное сочинение включает семь отдельных глав, каждая из которых несет определенный смысл, объединяя вопросы онтологического, гноселогического и этического характера. Так, например, первая глава в *Притче Слѣпый и Читый* призывает к пониманию Священного Писания через самопознание и в символическом плане связана с аналогичным рисунком⁸¹⁶ в трактате *Разговор, называемый алфавит, или букварь мира*: «О бѣднѣй! – вскричал читый, – пойдѣ домой и вырой зѣницы твои, погребенныя в мѣху твоѣм. Принеси оныя сюда. В то время обновится тебѣ храм сей и почувствуешь

⁸¹³ Там же.

⁸¹⁴ Сковорода Г., Біобібліографія: Видання друге, виправлене й поповнене. Харків: Видавництво XV, 1972, с. 3.

⁸¹⁵ Wetstenium H., *Symbola et Emblemata Selecta*. Amstelaedami, 1705, с. 40–41.

⁸¹⁶ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 1, с. 456.

улаждающее тебе твое блаженство».⁸¹⁷ Во второй главе *Диалог, или разглагол* Душа беседует с Нетлѣнным Духом о трех мирах, на которых зиждется мир: «Всяк рожденный есть в мырѣ сем пришелец, слѣпый или просвѣщенный. Не прекрасный ли храм премудраго Бога мыр сей? Суть же тры мыры. Первый есть всеобщій и мыр обительный, гдѣ все рожденное обитает. Сей составлен из безчисленных мыр-мыров и есть великій мыр. Другиі два суть частныи и малыи мыры. Первый мікрокозм, сирѣчь – мырик, мирок, или человѣк. Второй мыр символичный, сирѣчь Библиа. Во обительном коем либо мырѣ солнце есть оком его, и око убо есть солнцем. А как солнце есть глава мыра, тогда не дивно, что человѣк назван мікрокосмос, сирѣчь маленькій мыр. А Библиа есть символичный мыр, затѣм что в ней собранныя небесных, земных и преисподних тварей фигуры, дабы они были монументами, ведущими мысль нашу в понятіе вѣчныя природы, утаенныя в тлѣнной так, как рисунок в красках своих».⁸¹⁸ Объясняя значение херувимской сени, он использует венгерское *ruha*:⁸¹⁹ «*Душа*. Протчее: херувімска сѣнь, что ли, она есть? *Дух*. Сѣнь, тѣнь, краска, абрис, руга, маска, таящая за собою форму свою, ідею свою, рисунок свой, вѣчность свою – все тое есть херувім и сѣнь купно, то есть мертвая внѣшность».⁸²⁰ В третьей главе *Испытуется Божія сила в нѣких мѣстах бібличных* Сковорода настаивает на восприятии Библии через образы, поскольку она – «...плоть и дух, буйство и мудрость, море и гавань, потоп и ковчег...»⁸²¹ и, как яблоня, вечно сопровождается своей тенью: «Поколь яблонь, потоль с нею и тѣнь ея. Тѣнь значит мѣстечко, яблонею от солнца заступаемое. Но древо вѣчности всегда зеленѣет. И тѣнь убо ея ни временем, ни мѣстом есть не ограничена. Мыр сей и всѣ мыры, если они безчисленны, есть-то тѣнь Божія. Она ищезает из виду по части, не стоит постоянно и в различныя формы преобразуется видь, однако же никогда не отлучаясь от своего живаго древа; и давно уже просвѣщенные сказали вѣсть сію: *materia aeterna* – «вещество вѣчно есть», сирѣчь все мѣста и времена наполнила».⁸²² В четвертой главе *Продолжается суд над*

⁸¹⁷ Там же, т. 2, с. 136.

⁸¹⁸ Там же, с. 137.

⁸¹⁹ Одежда (венг.).

⁸²⁰ Там же, с. 140.

⁸²¹ Там же, с. 148.

⁸²² Там же.

зміем Сковородой объясняется значение треугольника Пифагора, представляющего истину: «Тріугол, квадрат, коло, сонце, просфорный хлѣб, с вырѣзанным средѣ его и вынятым чрез іерея квадратом или тріуглом, преломлен, просто сказать, растолкован Лукѣ и Клеопѣ, все сіе единость образует».⁸²³ Пятая глава *О злѣбѣ зминой* начинается песней из трагикомедии *Гонимая церковь* Лашевского, цитируемой в диалоге *Брань архистратига Михаила со Сатанюю о сем: легко быть благим*. Размышляя о жизненных радостях и горестях, он уверен, что время человеческих слез и смеха нераздельно, как две половины, составляющие «...едино; так, как пищу – глад и сытость, зима и лѣто – плоды, тма и свѣт – день, смерть и живот – всякую тварь, добро и зло – нищету и богатство Господь сотворил и слѣпил во *едино*».⁸²⁴ Шестая глава *О преображеніи* повторяет вступительный монолог из курса лекций о христианском добронравіи: «Весь мыр спит... Да еще не так спит, как о праведникѣ сказано: «Аще падет, не разбіется». Спит глубоко, протянувшись, будто убитый о землю. А наставники, пасущіи Израиля, не только не пробуживают, но еще поглаживают: «Спи, не бойсь! Мѣсто хорошее. Чево опасаться?...».⁸²⁵ Принимая во внимание фразу Сковороды: «Я сію книжечку написал в Бурлукѣ, забавляя праздность. Она украдена. Но я, напав на список, исправил, умножил и кончил»,⁸²⁶ можно предположить, что *Потоп змиин* был заново сочинен, о чем свидетельствует другое повторение в седьмой главе *О воскресеніи*: «Любезныи ученики, не бойтесь! Поднимайтесь дерзновенно к тому, на котораго лице не могли вы за ужасом смотрѣть на Фаворѣ. Слушайте, что говорит: «Держайте! Мир вам! Радуйтесь!».⁸²⁷ В заключение, Сковорода завещает благодарному Эродию-Михаилу «...пѣть сію пѣснь: «Се аз с вами есмь во вся дни! До скончанія вѣка! Аминь!»

Проч уступай, проч!

Печальная ноч!

Сонце всходит,

Свѣт воводит,

⁸²³ Там же, с. 153.

⁸²⁴ Там же, с. 161.

⁸²⁵ Там же, с. 162.

⁸²⁶ Там же, с. 135.

⁸²⁷ Там же, с. 165.

Свѣтъ воводит,
Радость рѣдит.
Проч уступай, проч!
Потопная ночь!⁸²⁸

В диалоге *Имя ему – Потоп зміин* тема духовного и физического вина приобретает такие новые аллегорические формы и сравнения, как «...испїют вино, испїют радость на горѣ сей...»,⁸²⁹ «Зима преїде, дождь отїйде, цвѣты явишася на землѣ, время обрѣзання гроздей приспѣ...»,⁸³⁰ «...из воды дѣлается вино, а нѣмыи, напившися, бесѣдуют и прекрасно поют...»,⁸³¹ «И дѣва и жена твоя се, яко лоза виноградная...»,⁸³² «Желанїем желает с ним повеселиться и напиться приснаго и свѣжаго, нововыдавленнаго вина, называемаго римски – муст»,⁸³³ «Пожалуй остав ветхое и новое вино с оприсноками и Пасхою!.. Печаль сего мыра подобна пьяному віну. Печальный, будьто пьяный, бывает разслаблен, томный и унылый. Вот вино умиленїя! «Напоил еси нас вином умиленїя». Но вѣчная истина есть то сладчайшїй муст и нектар, не во грусть, но в кураж и в крѣпость приводяшїй»,⁸³⁴ «Гам пир, трапеза, хлѣб, вино и невѣстник, и невѣста. «Ведите мя в дом віна»... Из сего дома принесла хлѣбы и вино, мясо и смоквы и муку чистую прекрасная Авїгеа Давїду возлюбленному. Видишь, душа моя, в кой дом желает невѣста?»⁸³⁵

Экзегетические сочинения – это суть литературного наследия Сковороды. Его философско-педагогические трактаты, диалоги и притчи, которым наиболее присущи антитетика и универсализм, объединяют многовековой опыт предыдущих философов и педагогов, включая Сенеку, Эпикура, Плутарха, Цицерона, Горация, Спинозы, Лейбница, Коменского и других. Но как пишет Эрн: «Для того чтобы получить мировоззрение Сковороды, нужно непременно исходить из самого Сковороды как творческого центра и источника, и только тогда сможем мы по достоинству и во всей мере оценить всю глубину его своеобразной мысли».⁸³⁶

⁸²⁸ Там же, с. 171.

⁸²⁹ Там же, с. 144.

⁸³⁰ Там же, с. 146.

⁸³¹ Там же, с. 150.

⁸³² Там же, с. 152.

⁸³³ Там же, с. 157.

⁸³⁴ Там же, с. 157–158.

⁸³⁵ Там же, с. 160.

⁸³⁶ Эрн В., Григорий Саввич Сковорода. Жизнь и учение. Москва, 1912, с. 76.

9. Литературный анализ латинских переводов Сковороды

*Translator verbum verbo tanquam dentem pro dente, reponit, at interpres veluti gratiosa nutrix, commansum cibum et elicatum sententiae succum in os inserit alumno suo.*⁸³⁷

(Сковорода)

Большинство сочинений Сковороды является результатом художественных переводов и интерпретаций подлинной поэзии и прозы Мюре, Овидия, Вергилия, Госия, Цицерона, Плутарха, Теренция, Горация и Тертуллиана. Их изучение играет важную роль в объективном понимании первоисточников его литературно-философского творчества. Обращаясь к Коваленскому, Тевяшову, Донцу-Захаржевскому и другим, Сковорода открыто признается в свободной передаче текста и главного смысла оды Госия *In Solitudine Solatium*,⁸³⁸ книг Цицерона и Плутарха *De Senectute*⁸³⁹ и *De Tranquillitate Animi*,⁸⁴⁰ или комедии Теренция *Adelphi*.⁸⁴¹ Выбор этих авторов вполне обоснован и закономерен, поскольку у них много общего как в персональном, так и эмоциональном плане.

*Oda (Iesuitae Sidronii Hosii)*⁸⁴² – это труд Сидрония де Гош, иезуитского поэта, жившего в Западной Фламандии в семнадцатом веке, который был взят из сборника *Sidronii Hosschii e Societate Iesu Elegiarum Libri Sex*,⁸⁴³ изданного в Венеции в 1715 году, и сегодня хранящегося в репозиториуме Шарошпатакской библиотеки. Вот что пишет о ней Сковорода Коваленскому в Санкт-Петербург из Ольшанской Ивановки 26 сентября 1790 года, где он часто бывал у слобожанского помещика Ковалевского: «До «Дщери» случайно привязалася «Ода» Сідронія езуиты. Благо же! На ловца звѣрь, по пословицѣ. Послѣ годовой болѣзни перевел я ее в Харковѣ, отлѣтая к матерѣ моей, пустынь. Люблю сію дѣвочку. Ей! Достойна быть в числѣ согрѣвающих блаженну Давидову и Лотову старость, оных – «приведутся царю дѣвы»».⁸⁴⁴ Все произведение делится на две части, противопоставленные друг другу – строфы *Живет и средѣ молвы уединеніе* и

⁸³⁷ Переводчик заменяет слово словом, будто зуб зубом, а толкователь, как нежная кормилица, кладет в рот ее годовальцу разжеванный хлеб и процеженный сок мудрости (лат.).

⁸³⁸ В уединении утешение (лат.).

⁸³⁹ О старости (лат.).

⁸⁴⁰ О спокойствии души (лат.).

⁸⁴¹ Братья (лат.).

⁸⁴² Иезуита Сидрония Госия (лат.).

⁸⁴³ Шестая книга элегических стихотворений Госия Сидрония и Иезуитского общества (лат.).

⁸⁴⁴ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 2, с. 357.

антистрофы *Живет и средѢ уединенія молва*, содержащие различные ссылки биографического характера, как, например, о столице Италии, куда Сковорода сопровождал генерал-майора Вишневого в деловой поездке по Австрии и Венгрии: «Но Рим, хоть отдаленный, влечет тысячу раз сердце его в средину своих пированій и дамских плясаній»;⁸⁴⁵ и об императорском пакетботе, которым, с открытием весенней навигации из Гданьска во дворец Марли в Петергофе, императрице Елизавете доставлялось дорогостоящее токайское вино Асу: «Не уйдіюш от ловких кохтей их ни аглицкими бѣгунами, ни манежным лошаком, ни почтовою коляскою, ни многокрылатым пакетботом».⁸⁴⁶ В его примечании прямо указывается на то, что он предпочел истолковать оригинальное содержание, выразив к нему свое личное отношение: *Hanc odarn non transtuli, sed sum interpretatus...*⁸⁴⁷ Будучи посвященной ипресскому епископу Жоржу де Чемберлин, другу Сидрония, *Ода* не менее сродна Сковороде по духу и тесно ассоциируется с его долгими странствиями по Слободской Украине, начиная с 1769 года. «Что пользы бѣжать от городской молвы в отдаленныя лѣса за житіем уединенным?» – риторически спрашивает он, при этом добавляя: «Знай, что поколь не сыщеш покоя в пещерах сердца твоего, не найдеш его в лѣсах».⁸⁴⁸ Последняя цитата звучит прозаическим переспевом *Пѣсни 28-й* сборника *Сад божественных пѣсней*:

Брось, пожалуй, думать мнѣ, сколько жителей в лунѣ!

Брось Коперниковски сферы.

Глянь в сердечныя пещеры!

В душѣ твоей глагол, вот будеш с ним весьол!⁸⁴⁹

«Славный учитель Иероним...»,⁸⁵⁰ который одновременно служит прототипом Сковороды, покинув Рим, тщетно пытается скрыться аскетом в Халкидской пустыне, но и там ему шумят «...в ушах его римскіе карневалы и дамскіе танцы».⁸⁵¹

Только внутренний сердечный покой поистине способен дать то, что он, как вечно

⁸⁴⁵ Там же, с. 177.

⁸⁴⁶ Там же, с. 176.

⁸⁴⁷ Эту оду я не перевел, а истолковал (лат.).

⁸⁴⁸ Там же, с. 175.

⁸⁴⁹ Там же, т. 1, с. 86.

⁸⁵⁰ Там же, т. 2, с. 176.

⁸⁵¹ Там же.

ищущий себя индивидуум, надеется найти извне: «Уединение – внутри тебе, покой в сердце твоём: отрѣжь и убій, попери волю твою буйную, иначе хоть покори всю вселенную, не сыщешь».⁸⁵² Сковорода выступает искусным толкователем этой актуальной человеческой проблемы: «Так-то пустынею и человек просвѣщенный наслаждается. Он всегда имѣет случай жить при одном себѣ и при Богѣ в покоѣ. А когда молчит, тогда сам с собою бесѣдует, возвысився сердцем выше всей тлѣни, и своей».⁸⁵³ Явную близость с душевными переживаниями далекого фламандца он стремится символически выразить с помощью звукового каламбура и игры слов. Так, например, латинское *sidronius* и греческое *σίδηρον*, переводящиеся как «железо», по его мнению, родственны *сковороде*: Ferrum graece Σίδηρον. Audi jocum! Ergo sartagini cognatus... est.⁸⁵⁴ Эта фраза может быть еще воспринята как подтверждение тонкого чувства юмора, которым он как переводчик отлично владел. Текст *In Solitudine Solatium* особенно интересен сапфической строфой, которой в античном стихосложении назывались две строфы, согласно легенде впервые использованные древнегреческой поэтессой Сапфо. Одна из них построена на трех малых стихах, заключенных адониевым, имеющим форму –UU–U, что видно из следующей цитаты:

Solus ut vius, animique liber.
Nil opus solo nemorum recessu,
Nec salutantum pedibus negata
Valle, Georgi.
Fallitur, quisquis nemus & latebras
Inuias aegris putat esse curis.
Non satis nostris loca sola turbam
Mentibus arcent.⁸⁵⁵

⁸⁵² Там же, с. 175.

⁸⁵³ Там же.

⁸⁵⁴ Железо по-гречески Σίδηρον. Выслушай шутку! Значит, он родствен сковороде (лат.).

⁸⁵⁵ Sidronii Hosschii e Societate Iesu, Elegiarium Libri Sex. Venetiis, 1715. с. 241. Друг мой Георгій! Когда любишь жить во уединенных и спокойных мыслях, то нѣтъ тебѣ нужды забрѣдять в дремучіе лѣса и крыться от гостей в пустых и диких удолиях. Не угадал тот, кто вѣрит, будто печаль не найдет нас в горах и пропастях земных. Ах! Пустыня не довлѣет сама собою преградить путь в душу нашу мыслям безпокойным (лат.).

Такими строфами был написан *Гимн Афродите*, а в древнеримской поэзии их заимствует поэт Катулл, любовная лирика которого характеризуется непосредственностью и огромной силой эмоций. Кроме этого, Гораций употребляет большую сапфическую строфу, содержащую четыре стиха: дважды повторяющихся ферекратовых –UU–U–U и сапфический. В русской литературе, подобные попытки успешно делались благодаря силлаботоническому стихосложению Брюсова, поэта, прозаика, драматурга, литературоведа и одного из предтеч символизма. Что касается Сковороды, то в отличие от дословного перевода церковных псалмов Мюре *In Natali Domini* и *Ad Petrum Gerardium*, он прибегает к истолкованию оригинала и дает новое название двум главам: *Основание Оды* и *Противное Основание Оды*, искусно сохраняя элементы сапфизма, присущие стилю Гося, за счет слогаобразующей гласной «у»:

Solus est, & se **fruitur** timoris
Et spei liber, **cui** pectus **altum**
Nec dolor maest**us**, ne**que** vana tangunt
Gaudia **vulgi**.⁸⁵⁶

Вот! Тот один сам себѣ живет и сам с собою прямо дружит и ползуется, кого не мучит страх и прихоть, а возшедшой в горня со тщанием души его ни подлая грусть, ни рабская несытость застрѣлить не может.⁸⁵⁷

Социальные мотивы, встречающиеся у Сковороды как в собственных сочинениях, так и в его интерпретациях, часто подразумевают народные волнения и протесты, бушевавшие в России, в частности, крестьянское восстание под руководством донского казака Пугачева в 1773–1775 годах:

Таков и средѣ городской молвы сыщет тишину безмолвную, находясь всегда сам своим обладателем. Он, всегда городских и домашних мятежей убѣгая, и сам своего затѣйнаго сердца удалился.⁸⁵⁸

Аналогичное сравнение фигурирует и в *Пѣсне 10-й*:

Смерте страшна, замашная косо!

⁸⁵⁶ Там же, с. 241.

⁸⁵⁷ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 2, с. 174.

⁸⁵⁸ Там же.

Ты не щадиш и царских волосов,
Ты не глядиш, гдѣ мужик, а гдѣ царь, –
Все жереш так, как солону пожар.
Кто ж на ея плюет остру сталь?
Тот, чія совѣсть, как чистый хрусталь...⁸⁵⁹

Следующей строфой он обращается к Тамаре, служившему переводчиком на Кавказе и активно участвовавшему в переговорах между Россией и Грузией, а позже произведенному в тайные советники и назначенному чрезвычайным посланником и полномочным министром в Константинополь:

Сіи крилатые злые духи постигнут тебе в самом нѣдрѣ африканских и на лонѣ азіатских удолий, не спрятаешься от них с горскими татарами на высотах гор Кавказских и Персидских.⁸⁶⁰

Строка из антистрофы *Живет и средѣ уединенія молва*: «В тебѣ я найду, чего найти нелзя в царских чертогах и позлащенных палатах»⁸⁶¹ перекликается с силой *Басни 29 Старуха и Горшечник*: «...что в царских домах находятся фарфорные, серебряные и золотые урыналы...»;⁸⁶² а «Душа его страстью, как рыбка удкою, назад в Рим поволочена...»⁸⁶³ с *Басней 26 Щука и Рак*: « – Не знаю, брат, что-то грустно. Думается для увеселенія поплыть из Кременчука в Дунай. Днѣпр наскучил. А я знаю вашей грусти родник, – сказал Рак, – вы проглотили удку».⁸⁶⁴

Известно, что сборник *Басни Харьковскія* создавался в 1760–1770 годах, а рукопись *Оды* датирована до 1785 года. Как объяснение, Сковородой приводится целый ряд народных пословиц, указывающих на существующую между ними связь: «Славны бубны за горами, а вблизи лукошко». Или: «Стучит, гремит, – что ли то – Кобылья мертва голова бѣжит». Или: «Высоко лѣтѣла, да недалеко сѣла». Или: «Пшик! то есть начал ковать лемѣш, наконец только загартовался: пшик! пшик!». ⁸⁶⁵ В заключение, следует отметить, что эта интерпретация строится на символических

⁸⁵⁹ Там же, т. 1, с. 67.

⁸⁶⁰ Там же, т. 2, с. 176.

⁸⁶¹ Там же.

⁸⁶² Там же, т. 1, с. 128.

⁸⁶³ Там же, т. 2, с. 176.

⁸⁶⁴ Там же, т. 1, с. 125.

⁸⁶⁵ Там же, т. 2, с. 177.

антитезах и универсалах, таких как молва – тишина, страх – прихоть, несытость – грусть, падения – победы, восток – запад, слуга – обладатель, свирепствующие народы – покоряющиеся языки, земное царство – небесное царство, плотские стремления – высшая премудрость, телесное око – вселенное око, мрак – сияние, буря – солнце, север – юг, толпа – уединение, пучина – гавань, ночь – день, престол – Сион, Рим – пустыня и т.д. Многократные ссылки на итальянскую столицу, как, например, «...скрылся от Рима...»,⁸⁶⁶ «Прощай, Рим!»,⁸⁶⁷ «...немилосердный Рим...»,⁸⁶⁸ «...назад в Рим...»,⁸⁶⁹ «...мечтаній римских...»,⁸⁷⁰ «Но Рим, хоть отдаленный...»,⁸⁷¹ «...Рим не отвязался от него...»⁸⁷² и «...в сердце портрет Рима...»,⁸⁷³ толкают венгерского биографа Гесса де Кальве на то, чтобы выделить данный эпизод в очерке *Сковорода, украинский філософ* в 1817 году: «Рим любопытству его открыл обширное поле. С благоговением шествовал он по сей классической земле, которая некогда носила на себе Цицерона, Сенеку и Катона. Триумфальные ворота Траяна, обелиски на площади Святого Петра, развалины Каракальских бань – словом, все остатки сего владыки света, столь противоположные нынешним постройкам тамошних монахов, шутов, шарлатанов, макаронных и сырных фабрикантов – произвели в нашем цинике сильное впечатление. Он заметил, что не только у нас, но и везде богатому поклоняются, а бедного презирают; видел: как люди, пышась своими ветвистыми украшениями, прогуливаются; как глупость предпочитают разуму, как шутов награждают, а заслуга питается подаянием; как разврат нежится на мягких пуховиках, а невинность томится в мрачных темницах; короче, он видел все, что можно видеть каждый день на нашем земном шаре. Но он видел и воспользовался всем этим для своего собственного просвещения».⁸⁷⁴ Сковорода заслуженно называет *Оду* Госия любимым произведением, поскольку оно изобилует уникальными деталями из личной жизни поэта, включая скудную повседневную трапезу: «...лѣсные плоды,

⁸⁶⁶ Там же, с. 176.

⁸⁶⁷ Там же.

⁸⁶⁸ Там же.

⁸⁶⁹ Там же.

⁸⁷⁰ Там же.

⁸⁷¹ Там же, с. 177.

⁸⁷² Там же.

⁸⁷³ Там же.

⁸⁷⁴ Кальве Г., Вернет И., Сковорода, украинский философ. Украинский вестник, 1817, ч. 6, апрель, с. 106–119.

дикіе фрукты, суровые ягоды, терпкіе овощи, что только могло попадаться ему в жестких кустарниках, в терновниках и в стропотных пропастях»;⁸⁷⁵ внешний облик: «Запустѣлые волоса, блѣдное лицо, впадшіе под лоб очи – все сіе изображало изсохшую и измученную харю, с одних костей и кожи состоящую, словом, муміа, или скелет»;⁸⁷⁶ интимные моменты императорской службы: «Бѣглые взоры, нѣжные глаза женскіе, шуточныя улыбки, щогольные башмачки, розовые чулки часто поневолѣ сердечным его очам представляются в темной яскінѣ» и т.д.

Перевод из книг римского сенатора Марка Цицерона «О старости», в котором Сковородой истолкованы «...не слова ея, но мысли»,⁸⁷⁷ посвящается полковнику Тевяшову и преподнесен его сыну в благодарность за предоставленные в их родовом имении уединение и покой. Этот разговор Катон Старший, древнеримский политический деятель и писатель, ведет не устами, «...как афиняне, но сердцем и грудью говорит римлянин, поражая вострѣем духа в самую душевную точку, и оставляя в ней язвительное чувство, будто пчела жало. Знать-то такова рѣчь, какова жизнь, а жизнь такова, каково сердце».⁸⁷⁸ Здесь вновь звучит учение Сковороды о сердце, которое как «душевное лицо»⁸⁷⁹ отражается «...в откровенных водах рѣчи»,⁸⁸⁰ о чем свидетельствует и Библия. Затронутая тема театра ярко демонстрируется на образах знаменитых полководцев и мужей: Камиллуса, Корунканиуса, Куриуса и других, описуемых с помощью антитез: «...просты, но поважны; грубы, но дружелюбны; вспыльчивы, но не злобивы; ласковы, но не лукавы; сильны, но справедливы; побѣдительны, но милосерды; властительны, но безкористолюбны; немного учены, но благоразумны; разумны, но безковарны; великолѣпны, но щедры; фастуны, но не лгуны; стяжательны, но не обидливы спорники, но не правдоненавистники; склонны к заблужденію, но не желатели его; защитники грѣха, но поколѣ лести его не узнали; честолюбцы и славолюбцы, но безпритворны и не мартышки; изобильны, но не сластолюбцы и не

⁸⁷⁵ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 2, с. 177.

⁸⁷⁶ Там же.

⁸⁷⁷ Там же, с. 179.

⁸⁷⁸ Там же.

⁸⁷⁹ Там же.

⁸⁸⁰ Там же.

нѣжных трудолюбцы; не христіане, но любители безсмертія».⁸⁸¹ Сковорода вспоминает покойного отца Владимира, духовно сродного с достопочтенными гражданами Древнего Рима, на которого он взирал не «...по тѣлесной внѣшности...»,⁸⁸² а через «...внутреннюю безтѣлесность...», чему «...ни время, ни горы, ни рѣки препятствовать не могут».⁸⁸³ Он уподобляет его Катону, а свое сочинение сравнивает с портретом, утверждая, что «...совершенно человек видит тот, кто видит сердце его».⁸⁸⁴ Выбор этого трактата объясняется тем, что Цицерон тоже не имел определенной философской системы и излагал взгляды близкие к стоицизму и платонизму. По его убеждению, политикам надлежит обладать высоконравственными качествами, а для успешного управления страной необходимо восстановить древние законы и возродить «обычай предков». Он не отвергает, но и не акцентирует существования богов, признавая целесообразность государственной религии. Вопросы философии носят у него прикладной характер и рассматриваются в зависимости от их практического значения в области этики и политики. Он выступает за гармоническое сочетание природного дарования и творческого усердия. Красота – это добродетель, полная порядка, согласия, умеренности, сдержанности, собранности, твердости, уравновешенности и спокойствия. Никакое искусство неспособно состязаться с природой, а поэтому идеал прекрасного непостижим. Наряду со Сковородой, рационалистическими суждениями Цицерона увлекались Вольтер, Монтескье, Мирабо и Робеспьер. Его ораторское красноречие характеризуется элементами азианского и аттического направлений, сочетающих пристрастие к афоризмам с простым языком. Литературное наследие этого философа дает ясное представление о его жизни и общественной деятельности, а также содержит картины исторической действительности в эпоху бурной гражданской войны в Римской империи.⁸⁸⁵ В посвящении к *О старости* он обращается к кавалеру Аттику: «Любезный Тит! Чем ты мнѣ заплатишь, если полѣчу твою печаль, которая жжет и мятежит сердце твое? Позволь мнѣ, любезный друг, отозваться к тебѣ тѣми словами, которыми утѣшает

⁸⁸¹ Там же, с. 178.

⁸⁸² Там же.

⁸⁸³ Там же, с. 179.

⁸⁸⁴ Там же.

⁸⁸⁵ Лосев А., *Античная литература*. Москва: Просвещение, 1986, с. 290–299.

в ссылкѣ сенатора Тита Фламіана старинный наш пророк Енніус, не богатством, но добродушіем славный».⁸⁸⁶ Сковорода подчеркивает, что переведенную «...здѣшним нарѣчіем...»⁸⁸⁷ *De senectute*, он «...здѣлал ... разговором, а бесѣдующею персоною вывел не из каких древних баснословных стариков, но природнаго ... старика Катона, дабы рѣчь ... тѣм самым имѣла важности больше»,⁸⁸⁸ и просит прощения, если «...покажется, что Катон в ... разговорѣ искуснѣе размышляет, нежели в собственных своих сочиненіях, то ... тое положить начет греческаго языка, к которому всѣ знают, что он был превеликій в старости охотник».⁸⁸⁹ Его собеседниками выступают Сципион, захвативший Карфаген, и Лелиус, которому Цицерон сочинил *О дружбе*. От имени Катона, Сковорода произносит древнюю истину – учение о личном счастье, ранее озвученное в его труде *Начальная дверь ко христіанскому добронравію*: «...кто истиннаго своего щастія внутрь себе и в тайностях сердца своего не ищет и не имѣет, таковому и молодой вѣкъ тяжестен. А одаренный сим истинным добром никогда не ропщет на добропорядочныи и непреоборимыи законы естественныи. Таков закон есть, во-первых, старость».⁸⁹⁰ Возвращаясь к театральной теме, он ставит под сомнение то, что «...будто бы природа, не рачительный промысл об окончаніи нашей жизни имѣла, распорядив хорошо одну только молодость с отроческим возрастом. В сем бы она подобна была неискусному комедій сочинителю, который крайняго попеченія не прилагает о послѣднем дѣйствіи, дабы тѣм вся его басня казалась хорошею. Да и нельзя ж без тово, чтоб не быть какому ни есть окончанію».⁸⁹¹ Спустя некоторое время, он добавляет: «Не очень мнѣ нравятся нѣкотораго нашего комедій сочинителя слова слѣдующи: «Ах, старость! Хотя бы твой приход во всем ином был для нас не бѣден»».⁸⁹² Он образно указывает на то, что жизнь человека – это «...путь, и всякой возраст имѣет свое теченіе. Младенчество безсильное, юношество необузданное, мужество повадное, а старость во все свое время по природѣ в нѣкоторой зрѣлости, будто

⁸⁸⁶ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 2, с. 179–180.

⁸⁸⁷ Там же, с. 179.

⁸⁸⁸ Там же, с. 180.

⁸⁸⁹ Там же, с. 179.

⁸⁹⁰ Там же, с. 181.

⁸⁹¹ Там же.

⁸⁹² Там же, с. 186.

плоды, находится».⁸⁹³ Как отголосок этому, раздается монолог Жака из комедии Шекспира *Как вам это нравится*: «All the world's a stage, and all the men and women merely players; they have their exits and their entrances, and one man in his time plays many parts, his acts being seven ages. At first, the infant, mewling and puking in the nurse's arms. Then the whining schoolboy, with his satchel and shining morning face, creeping like snail unwillingly to school. And then the lover, sighing like a furnace, with a woeful ballad made to his mistress' eyebrow. Then a soldier, full of strange oaths and bearded like the pard, jealous in honour, sudden and quick in quarrel, seeking the bubble reputation even in the cannon's mouth. And then the justice, in fair round belly with good capon lined, with eyes severe and beard of formal cut, full of wise saws and modern instances; and so he plays his part. The sixth age shifts into the lean and slippered pantaloone, with spectacles on nose and pouch on side; his youthful hose, well saved, a world too wide for his shrunk shank, and his big manly voice, turning again toward childish treble, pipes and whistles in his sound. Last scene of all, that ends this strange eventful history, is second childishness and mere oblivion, sans teeth, sans eyes, sans taste, sans everything».⁸⁹⁴ Коваленским цитируется аналогичная фраза, брошенная Сквородой при встрече харьковскому губернатору Щербинину: «Свѣтъ подобен театру: чтобъ представить на театрѣ игру с успѣхом и похвалою, то берут роли по способностямъ. Дѣйствующее лицо на театрѣ не по знатности роли, но за удачность игры вообще похваляется. Я долго разсуждал о сем и по многом испытаніи себя увидѣлъ, что не могу представить на театрѣ свѣта никакого лица удачно, кромѣ низкаго, простаго, безпечнаго, уединеннаго: я сію ролью выбрал, взял и доволен».⁸⁹⁵ Учение о сердце в контексте с английским языком неоднократно озвучивается Сквородой, как, например, в притче *Благодарный Еродій*, где он иронически

⁸⁹³ Там же, с. 188.

⁸⁹⁴ Shakespeare W., *As You Like It. The Comedies and the Romances*. Penguin Books, 1981, с. 213. Весь этот мир есть сцена, мужчины, женщины обычные актеры в нем; кому-то выход, а кому уже исход, и с каждой ролью новый поворот, семь действий здесь и каждое как год. Сначала млад, ревя и плача на руках у нянь. Затем школяр, стоя, с сумой, лицом, блестящим поутру, улиткою ползя, неохотно в бурсу. А там любовник, воздыхающий как печь, балладой грустною пытается низвлечь надменности бровей любимой. А за ним вояк, полон неведомых и непонятных клятв и с леопарда бородой, ревнивый чество, в схватке быстрой и крутой, сгорая репутацией пустой как порох в пушечном горниле. А вслед за ним судья, брюшком он округлен и в чепчике с шелком, глазами строгими, подстриженной клинком бородкой, былых сказаний он богат, да и советам новым рад; он ту же роль играет, как и все. Век шестой, скользя, натягивает панталон, он в окулярах на носу, и с табакеркой на боку; штаны, что с юных лет хранил, как мир вокруг теперь уж необъятны вдруг и голос некогда мужской, звучит наивно как в детской, дрожа, свистя. Последняя из сцен, заканчивая странную историю взамен, второе детство и забвенья тень, беззубый взор, беззвучный перебор (анг.).

⁸⁹⁵ Скворода Г., *Повне зібрання творів у 2-х томах*. Київ: Наукова думка, 1973, т. 2, с. 457.

вопрошает: «Кая полза ангелскій язык без добрыя мысли? Кій плод тонкая наука без сердца благаго?»⁸⁹⁶ а в *Толкованіи из Плутарха О тишинѣ сердца* продолжает: «Ни великолѣпный дом, ни царственной род, ни высочайшій чин, ни тысячи злата и сребра, ни ученіе, ни ангельскій язык, но только едина дружественная и милосердая совѣсть».⁸⁹⁷ Он уверен, что «...тѣлышко наше становится тяжелѣе, если приморить оное трудом, но душа чем больше мыслит, тем быстропарнѣе дѣлается. Впрочем, что надлежит до тѣх стариков, которых комедіальный театр мѣсто дураков представляет, то он обличает тѣх, кои легковѣрныи, безпонятныи и нерадивыи».⁸⁹⁸ Его размышление о старости символически выражается в том, что «...будьто в пищѣ, призапасится нѣчто в ученіи, таковая старость всего пріятнѣе. Из таких стариков один трудолюбуется в размѣрах математических, другой забавляется сочиненіем исторіи, третьей – в юриспруденціи, иной в краснорѣчіи и проч. Так можно ли с сими благородными забавами сравнить великолѣпныи столы, игры, амуры и проч.? Таковыи к наукам склонности в разумных и наказанных людях равно с лѣтами растут. Коль красное слово Солоново, о котором мы уже говорили: «Моя-де старость еженежно, что ни есть новое понимает»».⁸⁹⁹ Следующей у него выступает тема духовного и физического вина, будучи связанной с преклонным возрастом, получая дальнейшее развитие: «А что ж уже сказать о том, как заводится, всходит и растет виноград? Извольте знать, что насытитса сей веселости не могу. Вот для моей старости расход и услаждение! Минуя все раждаемое от земли, которая из малесенькаго, напримѣр, смоквиннаго зерна, или из винограднаго сѣмени, или прочих земных плодов и зелій самых крошечных сѣмен толь великіи пни и вѣтви производит. Не в сладкое ли удивление приводит сад виноградный, если примѣчать, что на мѣстѣ старых, в осени отрѣзанных пуцаются новыи вѣтви, с которых одни отрѣзываютса для новаго заводу, другіе как бездѣльныи, третьи оставляются для плода, иным не дают взятса за дерево, переносят обяте их до другаго, иные от пня впуцаются в ямочки и

⁸⁹⁶ Там же, с. 104.

⁸⁹⁷ Там же, с. 214.

⁸⁹⁸ Там же, с. 189.

⁸⁹⁹ Там же, с. 192.

прибываются ключкою для заведенія новых кореньев и прочая».⁹⁰⁰ Человеческая жизнь, в понимании Сковороды, это «...плодоносное дерево, от добраго сердечнаго зерна раждающеся».⁹⁰¹ Она часто представлена в его поэзии и прозе различными растительными символами, такими как «зерно пшенично»,⁹⁰² «лист розовый»,⁹⁰³ «цвѣт красный»,⁹⁰⁴ «плод духовный»,⁹⁰⁵ «яблоко»,⁹⁰⁶ «яблоня»,⁹⁰⁷ «зерно яблочное»,⁹⁰⁸ «дерево с коренем, с вѣтвями, с листьями и плодами»,⁹⁰⁹ «сѣмя будущее»,⁹¹⁰ «зерно нынѣшнее»⁹¹¹ и т.д. Ссылаясь на философский трактат Цицерона *О старости* в разговоре *Кольцо*, он пишет: «...древніи мудрецы имѣли свой язык особенный, они изображали мысли свои образами, будто словами»,⁹¹² и далее объясняет суть некоторых из них: «...зерно и сѣмя – помышленіе и мнѣніе».⁹¹³ Символика «смоквиннаго зерна»⁹¹⁴ и «винограднаго сѣмени»,⁹¹⁵ семантически восходящая к древнеславянскому *zor* и угро-финскому *szem*,⁹¹⁶ непосредственно означает «око», или «глаз». «Вить человѣческим оком есть сам Бог»⁹¹⁷ – заявляет Сковорода в диалоге *Бесѣда 1-я, нареченная Observatorium (Сіон)*, а сердце – упавшим на землю плодонесущим зерном, которое «...вѣчностію просвѣщенное, образовалось кустарником или насажденіем...».⁹¹⁸ Что касается Библии, то она – «...человѣк домовит, уготовавшій сѣмена в закромах своих. О сем-то хозяинѣ пишется: «Изыде сѣяй сѣяти». Она в молодыя наши мысли насѣвает сѣмя нынѣшняго плотскаго нашего вѣка, дабы несмысленное наше сердце способно принять могло; сіе сѣмя не пустое, но утаевает в себѣ Божию силу».⁹¹⁹ Он также раскрывает символ винограда, ягода которого «...час от часу и

⁹⁰⁰ Там же.

⁹⁰¹ Там же, с. 179.

⁹⁰² Там же, т. 1, с. 65.

⁹⁰³ Там же, с. 84.

⁹⁰⁴ Там же.

⁹⁰⁵ Там же, с. 85.

⁹⁰⁶ Там же, с. 90.

⁹⁰⁷ Там же, с. 311.

⁹⁰⁸ Там же, с. 312.

⁹⁰⁹ Там же.

⁹¹⁰ Там же, с. 371.

⁹¹¹ Там же.

⁹¹² Там же, с. 377.

⁹¹³ Там же, с. 378.

⁹¹⁴ Там же, т. 2, с. 192.

⁹¹⁵ Там же.

⁹¹⁶ Глаз (венг.).

⁹¹⁷ Там же, т. 1, с. 289.

⁹¹⁸ Там же, с. 378.

⁹¹⁹ Там же, с. 371–372.

земными соками и жаром солнечным увеличивается и первѣе прикро кисла, потом, дозрѣвши, становится сладкою, а завѣсившись листьям и умѣренную имѣет теплоту и от излишняго защищается вару. И что быть может краснѣе и полезнѣе ея? Повѣрьте, что не только полза от нея, как я прежде сказал, но самое ея рожденіе и труд около ея один веселить может». ⁹²⁰ Интересно его аллегорическое сравнение с вином в отношении Микиона и Демеи, двух братьев из комедии Теренция *Adelphi*: «...один ... весьма суров, а другой весьма ласкав. То ж должно знать, что не всякое вино от ветхости и кислѣет, так и не всякіи нравы дѣлаются в старости суровыми. Похвальна в стариках суморокливость, ⁹²¹ если она умѣренна, а суровость весьма не похвальна». ⁹²² Уподобляя жизнь театральной сцене, он считает, что всякий индивидум «...долготою житія своего должен быть доволен. А естли желает добрым своей жизни актором показаться, не нужда такому цѣлую переигрывать комедию: только бы тое лицо, в котором на театр выходит, с удачностью представил. Так же слово в слово и щастіе наше не в том лежит, чтоб до самого шабаша жизнь пережить. Самая краткая жизнь довольна для честности. А если пройтить доведется в познѣйшіи лѣта, скорбѣть не должно, так как разумный землемѣр не тужит, что послѣ весенной пріятности послѣдовало лѣто и осень. Молодость похожа на весну. Она обѣщает будущія плоды, а остальное время для собиранія их. Плод же для старости есть, как уже я сказал, вѣчная в совѣсти запись прежняго честнаго житія нашего». ⁹²³ Смерть, в его представлении, может быть свечой «...догорѣлой, которая сама собою угасает», ⁹²⁴ или яблоками, которые «...силою отрывают, если не дозрѣлы, а дозрелыи сами опадают...», ⁹²⁵ или берегом, отверзающим «...сладкое свое нѣдро для ... по долговременном мореплаваніи успокоенія». ⁹²⁶ Он вновь думает о театре, сравнивая старость с последним действием в комедии: «Она не должна продолженіем наскучить зрителям, а паче когда уже насмотрѣлись. Вот что я хотѣл с вами поговорить о старости. Дай Бог вам дождать ея, дабы, самым дѣлом дознав, могли похвалить то,

⁹²⁰ Там же, т. 2, с. 193.

⁹²¹ Печаль, горе, грусть (срав. венг. *szomorúság*).

⁹²² Там же, с. 196.

⁹²³ Там же, с. 197.

⁹²⁴ Там же.

⁹²⁵ Там же.

⁹²⁶ Там же, с. 198.

что на словах моих слышите».⁹²⁷ Влияние Цицерона действительно ощущается в беседах, диалогах, разглаголах, симфониях и трактатах Сковороды, среди которых особенно выделяются *Наркісс. Разглагол о том: узнай себе, Кольцо. Дружескій разговор о душевном мирѣ* и *Книжечка, называемая Silenus Alcibiadis, сирѣчь Икона Алківіадская [Израилскій змій]*. Басней *Пчела и Шершень* им делается очень важное заключение в отношении сути данного произведения: «Старик Катон чем мудр и щаслив? Не изобиліем, ни чином, – тѣм, что послѣдует натурѣ, как видно в Цицероновой книжечкѣ «О старости». Сія одна есть премилосердная мати и премудрая путеводителница. Сія преблагая домостроителница несытому дарует много, а мало дает довольному малым».⁹²⁸ Этот перевод помогает лучше понять Сковороду как духовного и физического человека, отвечая на целый ряд личных вопросов, касающихся его неформального общения с близкими ему людьми «...при маленьких покалчиках или под тѣнью прохладною в лѣтѣ, или на солнцѣ, или зимою в теплой горницѣ».⁹²⁹ Он преднамеренно выбирает *De Senectute* для оригинального интерпретирования за счет элементов персонального и автобиографического характера, что свойственно большинству его сочинений.

Книжечка Плутархова О спокойствіи души посвящена Донцу-Захаржевскому и датируется 13 апреля 1790 года. Сковорода переводит дружественное послание Плутарха *De Tranquillitate Animi* из сборника *Moralia*,⁹³⁰ стремясь истолковать «...не наружную словозвонкость, но самую силу и эссенцію, будто гроздіе в точилѣ...»⁹³¹ выдавить. Он исключает из первоначального текста языческих богов Дия, Венеру и Меркурия, символически вливая «...в новія мѣхи и вино новое...».⁹³² Обращением к этому сюжету объясняется тот факт, что Плутарх всю жизнь был связан с родным греческим городом Херонее, куда не раз возвращался после учебы у философа Аммония в Афинах, путешествий по Малой Азии, Греции, Италии и посещения Рима, где удостаивался чести императоров Траяна и Адриана. Несмотря на преданность Римской империи, будучи консуляром и прокуратором

⁹²⁷ Там же, с. 201.

⁹²⁸ Там же, т. 1, с. 127.

⁹²⁹ Там же, т. 2, с. 191–192.

⁹³⁰ Моралии (лат.).

⁹³¹ Там же, с. 202.

⁹³² Там же.

провинции Ахайи,⁹³³ он, тем не менее, всегда считал себя греком и с достоинством носил титул почетного гражданина Афин и жреца Дельфийского святилища. Он был настоящим патриотом своего отечества, энциклопедически образованным мыслителем, писателем и ученым, вошедшим в историю как автор *Нравственных сочинений* и *Сравнительных жизнеописаний*. Его философское мировоззрение такое же многоплановое и отличается эклектизмом, полемикой со стоиками, эпикурейцами и платониками, интересом к космологически-математическому трактованию пифагорейцев, восточной мистике, народной религии и суевериям. Как литератору, ему были присущи диалоги, беседы, диатрибы, декламации, письма, увещания, наставления, рассуждения, комментарии и биографии. Республиканские симпатии, идеалы свободы личности и моральные принципы обеспечили ему заслуженное место в европейской и мировой культуре, провозгласив трибуном революционного радикализма. Кроме Сковороды, его труды переводились Глебовым и Дестунисом.⁹³⁴ Ссылки на Плутарха и описываемые образы древних встречаются и в остальной поэзии и прозе Сковороды. Так, например, в трактатах *Разговор, называемый алфавит, или букварь мира*: «Пишет Плутарх, что на Аполлоновом Делфийском храмѣ было написано: «Узнай себе»»;⁹³⁵ *Книжечка, называемая Silenus Alcibiadis, сирѣчь Икона Алківіадская [Израилскій змій]*: «И не напрасно Плутарх хуже безбожія ставит суевѣріе. Для меня-де лучше, когда люди скажут, что Плутарха на свѣтѣ не было, нежели что он был нагл, непостоянен, немилосерд и протч.»;⁹³⁶ *Брань архистратига Михаила со Сатаною о сем: легко быть благим*: «Не знаю, что то разумѣет Плутарх чрез свою Надежду (нарицаемую у его) Піндарскую. Он ее творит доилицею старцам»⁹³⁷ и стихотворении *Фабула*: «А как дюжина годов миновала, домой Улікса⁹³⁸ судьбина припхала».⁹³⁹ До сих пор ведутся споры по поводу месторождения Сковороды, хотя можно предположить, что он родился в Харсиках, бывшем предместье Чернух Лубенского полка, фонетически созвучным

⁹³³ Римское название Греции.

⁹³⁴ Лосев А., *Античная литература*. Москва: Просвещение, 1986, с. 233–239.

⁹³⁵ Сковорода Г., *Повне зібрання творів у 2-х томах*. Київ: Наукова думка, 1973, т. 1, с. 413.

⁹³⁶ Там же, т. 2, с. 9.

⁹³⁷ Там же, с. 59.

⁹³⁸ Улисс, или Одиссей, герой троянской войны, сын Лаэрта, супруг Пенелопы и отец Телемаха.

⁹³⁹ Там же, т. 1, с. 93.

с Херонее Плутарха, как и он, предпочитавшего мирную и спокойную жизнь вдали от политических баталий и страстей: *O delicati blanda ruris otia! Curis et ambitu procul!*⁹⁴⁰ *Толкование из Плутарха О тишине сердца* содержит ряд редких эпизодов личного характера, указывающих на Фальковского, служившего псаломщиком в Императорской комиссии венгерских вин в Токае: «Любезный мой Ириней, горазд внемли! Не ревность ли и самолюбие гнѣздятся в сердцѣ нашем, на чужія грѣхи бѣснованіем завѣшенныи. Ибо из самолюбія раждается горячесть в дѣлах, из горячести нравность и вспылчивость, ярящаяся на самую малую неисправность. Будьто чрез нея дурное случилось или нѣчто доброе не досталось. Добросердый же человек все равнодушно приѣмлет, без огорченія и кротчайше со всѣми обходится».⁹⁴¹ На его возвращение в Малороссию в 1783 году: «Чему ж и ты не подражаешь мудрым? Лишен ты, напримѣр, гражданскія ли должности? Чего же тужишь? Теперь станешь жить, сам для себе труждаясь. Лишился ли ты милости у вельможи? Так освободишься опасных коммисій».⁹⁴² Также, на придворного комиссара Вишневого: «Безбожник Феодор говаровал: «Я-де правою рукою подаю моим совѣты, а слышатели берут оныя лѣвою»».⁹⁴³ Как видно из названия перевода, его главная тема – это «...волнующееся сердце»⁹⁴⁴ старого друга, для которого Сковорода сочиняет несколько сентенций. Здесь вновь фигурирует символ зерна, образно посаженного в христианскую душу, презирающую мирское тщеславие. Ни «...богатство, или слава человеческая, или скипетр...»⁹⁴⁵ неспособны «...подать сердцу безстрастіе и великодушіе, аще не будет в нем дух премудрости и дух крѣпости, равно утверждающій сердце во всяком состояніи, дабы и гордость житейская не соблазнила и нищета человека не привела во отчаяніе».⁹⁴⁶ С помощью универсальных антитез автор стремится доказать правоту своих мыслей, так мирное сердце, или тихое море, противопоставляется обуреваниям и сердечным волнениям, а праздность скуке и тоске. «Воистину бо и многодѣліе и празность есть суета, но красота сердца есть страна и град

⁹⁴⁰ Там же, с. 483. О селянскій милій, любій мой покою, Всяких печалей лишениій! (лат.).

⁹⁴¹ Там же, т. 2, с. 207–208.

⁹⁴² Там же, с. 206–207.

⁹⁴³ Там же, с. 206.

⁹⁴⁴ Там же, с. 203.

⁹⁴⁵ Там же.

⁹⁴⁶ Там же.

спокойствія; скверная же душа есть море мученій»⁹⁴⁷ – полагает он. Ни «...богат, хоть высок, хоть низок и нищ»,⁹⁴⁸ не в силе избежать беспокойства, как и непривыкшие к мореплаванию. Источником вечных страданий и огорчений является «...растлѣнное сердце».⁹⁴⁹ Сковорода иронизирует Александра Македонского, удивленного бесчисленным множеством миров: ««Как же не плакать, братцы? В сію минуту слышу от философа, что в мырѣ не един мыр есть, но и числа им нѣт. Ах! А мы доселѣ и един мыр не вовся покорили»».⁹⁵⁰ Как и прежде, истинным примером для подражания для него остаются древний Кратез, живущий в плену Диоген и любящий премудрость Сократ. Отголоском диалога *Разговор, называемый алфавит, или букварь мира* звучит фраза, касающаяся девятого рисунка: «Гордый же Фаетон в небесных странах рыдает, для чего не дают ему засѣсть на царской отца его колесницѣ?».⁹⁵¹ Жизнь – это игра, полная удач или неудач, а поэтому следует научиться, подобно пчелам, собирающим мед, «...все горкое обращать во сладость, дабы мы во всѣх неудачах могли похвалится так, как мальчик тот: «Ба, слава-де Богу. Не пропал мой замах. Я бросил камень на собаку, а попал в мою мачеху»».⁹⁵² Он призывает радоваться тому, «...что мы живы, что здоровы, что солнце нас освѣщает, что мирное, а не военное время, что не слышно нигдѣ бунтов, что земледѣлы спокойно пашут, что купечеству путь земный и морскій открыты, что, наконец, волю имѣем говорить, молчать, дѣла дѣлать, покоиться...».⁹⁵³ В своих сравнениях он опять предается Диогену, для которого «всякій день – праздник»,⁹⁵⁴ Зенону, ищущему душевное спасение в кораблекрушении, и Фабрицию, предпочитающему нищету. Подводя итог, он заявляет: «Ни великолѣпный дом, ни царственной род, ни высочайшій чин, ни тысячи золота и сребра, ни ученіе, ни ангельскій язык, но только едина дружественная и милосердая совѣсть».⁹⁵⁵

⁹⁴⁷ Там же, с. 205.

⁹⁴⁸ Там же.

⁹⁴⁹ Там же.

⁹⁵⁰ Там же.

⁹⁵¹ Там же, с. 206.

⁹⁵² Там же.

⁹⁵³ Там же, с. 208.

⁹⁵⁴ Там же, с. 215.

⁹⁵⁵ Там же, с. 214.

*P[ubl]ii Terentii Comoedia, Quae Vocatur Adelphi*⁹⁵⁶ – это перевод *Argumentum. Aliud, M.Ant.Mureti*,⁹⁵⁷ излагающий фабулу шестой комедии Теренция, на которую указывается в трактате Цицерона *О старости*: «Напримѣр, в комедіи Терентіевой один брат весьма суров, а другой весьма ласкав».⁹⁵⁸ Несмотря на полное отсутствие посвящения и иной информации, имеются все основания утверждать, что она была переведена с мыслью о братьях Сошальских, с которыми Сковорода дружил на протяжении долгих лет. Коваленский так вспоминает о них: «В Изюмском округѣ, Харьковской губерніи имѣли жительство дворяне Сошальскіе, которых брат меньшей⁹⁵⁹ просил тут же Сковороду пожить у него, предлагая ему спокойное пребываніе в деревнѣ его, гдѣ все по вкусу и охотѣ своей он мог найти, как и самага хозяина, ищущаго любви его. Сковорода поѣхал с ним в деревню его Гусинку, полюбил мѣсто и хозяев и поселился не в далеком расстояніи от деревни, в пасѣкѣ их. Тишина, безмятежіе, свобода возбудили в нем всѣ чувствія тѣх драгоценных удовольствій, которыя опытом извѣстны одним мудрым и цѣломудрым».⁹⁶⁰ Гесс де Кальве и Вернет тоже ссылаются на этот факт в биографии Сковороды: «В зрелые лета более всего жил он в Купянском уезде в большом лесу, что принадлежал А.Ю.Со[шальскому]» и «Больше всех удивлялись ему высокопочтенные Я.М.Донец-Захаржевский и О.Ю.Сошальский».⁹⁶¹ В личной переписке Сковородой нередко упоминается Алексей, как, например, в посланиях Правицкому: «Сіе пишу через Алексія Юріевича. Он при мнѣ жаловался, ех тусса elephantem faciens,⁹⁶² что не мог у вас (у друга!) выпросить бездѣлки – нѣсколько розовых кустов. Сіе он с великою трагедією повѣствовал. Почто вы столь скупы и презорчивы? Даже в мимоѣздѣ не обѣщался к Вам заѣхать. Посѣтите его и мир сотворите».⁹⁶³ Также, в письме Остапу в Маначиновку в 1781 году: «Нынѣшня поѣздка Алексѣева привела мнѣ на сердце сіи Павловскіе слова: корень всѣм злым есть сребролюбіе, отсюда выросли тяжбы, войны, отравы, убійства, воровскіе

⁹⁵⁶ Комедия Публия Теренция, которая называется *Братья* (лат.).

⁹⁵⁷ Фабула. Суть, Маркуса Антониуса Муретуса (лат.).

⁹⁵⁸ Там же, с. 196.

⁹⁵⁹ Алексей Юрьевич Сошальский.

⁹⁶⁰ Там же, с. 461.

⁹⁶¹ Кальве Г., Вернет И., Сковорода, украинский философ. Украинский вестник, 1817, ч. 6, апрель, с. 106–119.

⁹⁶² Делая из мухи слона (лат.).

⁹⁶³ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 2, с. 376–378.

монеты, затѣи, вражды, неудачи, печали, отчаянія, страстныя пѣанства, саморучныя убійства... Простѣе сказать: Алексѣе! Старайся не о корванѣ, но о спокойствіи сердца. Убій душу, отрѣж прихоти твои корванскія. Что ж то за волчцы, которые обрѣзать, и что то за душа, которую убить нужно и пренужно».⁹⁶⁴ Сюжет *Братьев* заимствован из одноименной новоаттической комедии Менандра *Adelphoe*,⁹⁶⁵ древнегреческого комедиографа, строящего действие на антитетических образах Микиона и Демея, один из которых живет в городе, занимаясь торговлей, а другой в деревне, владея землей. Сын Демеи Эсхин, ассоциируемый со словом *atschos*,⁹⁶⁶ взят на воспитание Микионом, а его брат Ктесифон, созвучный с *ktêsis*,⁹⁶⁷ остается с отцом и помогает ему богатеть.⁹⁶⁸ *Adelphi* включает две стихотворные периохы⁹⁶⁹ римского грамматика Аполлинария⁹⁷⁰ и французского поэта Мюре, при этом Сковорода переводит вторую, сохраняя ее художественное содержание, форму и стиль:

Mitio, & Demea, duo dissimillimo fratres ingenio fuere: ille urbanam vitam secutus est, hic rusticam: ille cœlebs vixit, hic uxorem duxit: ille ingenio lenissimo, hic asperrimo: ille mitis etiam in alienos, hic sævus etiam in suos: ille etiam in ira placidus, hic etiam citra iram ferox.⁹⁷¹

Два братья, Миціон і Демеа, разной волься натуры были: Миціон в городѣ живал, Демеа, на селѣ; тот холост, а сей женат; тот нравов весьма тихих – сей жесток; той и до чужих был мягок – сей жесток и до своих, тот и в самом гнѣвѣ был кроток, сей и без гнѣва свирѣп.⁹⁷²

Он всегда проявлял творческий интерес к новолатинскому наследию Мюре и, наряду с переводом *Фабулы или дѣйствія сила, авктора Муреты*, искусно воссоздал его священные гимны *In Natali Domini* и *Ad Petrum Gerardium*. В их жизни много общего, кроме этого, имеется определенное совпадение в судьбах Коваленского и Монтень, знаменитого эссеиста и ученика Мюре,

⁹⁶⁴ Там же, с. 402–403.

⁹⁶⁵ Братья (греч.).

⁹⁶⁶ Позор (греч.).

⁹⁶⁷ Приобретение (греч.).

⁹⁶⁸ Теренций, Комедии. Москва: Искусство, 1988, с. 476.

⁹⁶⁹ Краткое изложение (греч.).

⁹⁷⁰ *Adelphi*. Argumentum, C.Sulpicio Apollinari Auctore.

⁹⁷¹ *Publii Terentii Carthaginiensis Afri, Comoediae Sex Cum Notis Thom. Farnabii*. Typographia Remodini, 1747, с. 213.

⁹⁷² Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 2, с. 430.

провозгласившего своего учителя «лучшим стилистом его века». Мюре также известен драмой *Юлий Цезарь* и комментариями к *Амурам* Ронсарда, возглавлявшего литературную плеяду в Париже.⁹⁷³ Что касается Теренция, то обращение Сковороды к его произведениям непосредственно связано с его философскими взглядами, воплощенными в афоризме: *Homo sum et nihil humanum a me alienum puto*,⁹⁷⁴ произнесенным одним из персонажей комедии *Самоистязатель*. Выбор *Братьев* вполне обоснован, что видно из вышеупомянутого письма Сошальскому: ««О горе им, яко в путь Каинов поидоша». И не дивно, яко не убив злых, убили невинную душу, по пословицѣ: *Daemon in daemona non suadet, lupus lupinam non est*».⁹⁷⁵ В стилистическом отношении, следует процитировать высказывание Юлия Цезаря, записанное биографом Теренция:

Полу-Менандр, ты считаешься также великим поэтом,
И справедливо: ты любишь беседовать чистою речью.

Если б возможно лишь было прибавить комической силы

К мягким созданьям твоим, чтобы мог ты в почете сравняться

С греками и чтоб в этом не ниже их также считаться!

Этого только и нет у тебя, и мне больно, Теренций!⁹⁷⁶

Языковую изящность этого драматурга-эллинофила, свободную от просторечий и архаизмов, подчеркивал еще Цицерон, что явно привлекало в нем Сковороду:

Также и ты, о Теренций, который отборною речью,

Переводя на латинский язык, выражаешь Менандра,

И среди общей тиши предлагаешь народу,

Все выражая изящно, везде говоря сладкогласно!⁹⁷⁷

Согласно биографии Светония, прокомментированной грамматиком Донатом, Теренций происходил из рода африканских рабов и воспитывался в доме римского сенатора Лукана, давшего ему образование и свободу. Он высоко оценил драматический талант приемного сына и назвал его своим именем – Публий

⁹⁷³ Dejob С., Marc Antoine Muret: Un professeur français en Italie. 1881, rpt., 1970.

⁹⁷⁴ Я – человек и ничто человеческое мне нечуждо (лат.).

⁹⁷⁵ Демон против демона не свидетельствует, а волк волчьего мяса не ест (лат.).

⁹⁷⁶ Лосев А., Античная литература. Москва: Просвещение, 1986, с. 285.

⁹⁷⁷ Там же.

Теренций Афр Карфагенский.⁹⁷⁸ Сковорода стремится текстуально точно передать периоду Мюре, но по неизвестной причине не заканчивает ее. В тематическом плане, у него преобладает традиционная антитеза двух натур, или миров, видимого и невидимого, внутреннего и внешнего, духовного и физического, а поэтому главная суть этого сочинения, в его понимании, кроется в самопознании индивидуума, независимо от социального окружения. Как в случае антиномии, Эсхин – это положительный герой с «отрицательным» именем, а Ктесифон отрицательный с «положительным». В ходе пьесы, дочь Состраты Памфила похищается Эхином для Ктесифона, который этим провоцирует на себя чужой позор. Аналогично этому, в трактате Цицерона *О старости*, Микион и Демея уподобляются многолетнему вину с указанием на то, что «...не всякіи нравы дѣлаются в старости суровыми».⁹⁷⁹ В лексике Сковороды фигурирует архаический русский глагол *луштиковати*,⁹⁸⁰ имеющий одинаковую основу с венгерским *lustálkodni*.⁹⁸¹ «Как толко усмотрѣл, что он с любезною сидит и луштикует, то столко уже разѣярился, как бы был вброшен в огонь».⁹⁸² Ссылка на шестидесятишестилетний возраст Микиона⁹⁸³ делает возможным установление времени написания перевода – 1778 год. В европейской литературе к творчеству Теренция обращались Монтень, Мольер, Лессинг, Дидро и другие, а в российской Третьяковский и Островский. Первое издание его комедий появилось в России в 1934 году под редакцией Артюшкова,⁹⁸⁴ чье изложение *Adelphi. Argumentum, C. Sulpicio Apollinari Auctore*⁹⁸⁵ приводится ниже для сравнения:

Duos cum haberet Demea adolescentulos,
 Dat Mitioni fratri adoptandum Æschinum,
 Sed Ctesiphonem retinet, hunc citharistriæ
 Lepore captum, sub duro ac tristi patre
 Frater celebrat Æschinus; famam rei

⁹⁷⁸ Там же, с. 281.

⁹⁷⁹ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 2, с. 196.

⁹⁸⁰ Вождельть (устар.).

⁹⁸¹ Бездельничать (венг.).

⁹⁸² Там же, с. 431.

⁹⁸³ Теренций, Комедии. Москва: Искусство, 1988, с. 443.

⁹⁸⁴ Там же, с. 454.

⁹⁸⁵ Братья. Содержание автора Гая Сульпиция Аполлиария (лат.).

Amorisque in se transferebat: denique
Fidicinam lenoni eripuit, vitiaverat
Idem Æschinus civem Atticam pauperculam;
Fidemque dederat, hanc sibi uxorem fore.
Demea jurgare, & graviter ferre, mox tamen,
Ut veritas patefacta est, ducit Æschinus
Vitiatam, potitur Ctesipho citharistriam,
Exorato suo patre duro Demea.⁹⁸⁶

Имел Демея сыновей двух: отдал он
Эсхина Микиону, брату, в сыновья,
Оставил Ктесифона. Тот в арфисточку
Влюбился, и от старого отца скрывал
Его любовь Эсхин; весь слух про ту любовь
Переносил он на себя, в конце концов
У сводника арфистку отнял. Бедную
Гражданку обесчестил он же, слово дав
На ней жениться. Тяжко переносит все
И сердится Демея. В скором времени
Открылась правда; женится Эсхин на ней,
А Ктесифон владеет той арфисткою.⁹⁸⁷

В заключение, в *Excerpta Philologica*⁹⁸⁸ Сковородой подчеркивается семантическая сложность передачи значений ряда латинских слов у таких классиков, как Теренций: Si singula verba latina iisdem germanicis exprimeres, ineptus fueris. Aliter enim latinus, aliter germanus de una eademque re loquitur. Ex[empli] gr[atia] apud Terent[ium] aut «equos alere», aut canes ad venandum. Hic si equos alere convertere velis «Pferde nähren», redderes quidem significationem verbi «alere», sed a germanica

⁹⁸⁶ Publii Terentii Carthaginiensis Afri, Comoediae Sex Cum Notis Thom. Farnabii. Typographia Remodini, 1747, с. 212.

⁹⁸⁷ Теренций, Комедии. Москва: Искусство, 1988, с. 379.

⁹⁸⁸ Филологические выписки (лат.).

loquendi ratione et consuetudine propria recederes; germani dicunt non «ein Pferd nähren», sed «ein Pferd halten». Itaque cum ex latino interpretamur aliquid, semper ad usum et proprietatem linguae respiciendum est, non latina vocabula tantum et verba, quod notent aut significant, considerata (Buchnerus, partis 2, epist[ola] 28).⁹⁸⁹

*Horatii L[iber]II, Oda X*⁹⁹⁰ – это интерпретация десятой оды второй книги Горация, посвященной Лицинию Мурену, которой трактуется идея «золотой середины», проповедуемой ее автором, умеренным поэтом-стойком эпохи Октавиана Августа:

Auream quisquis mediocritatem

Diligit, tutus caret obsoleti

Sordibus tecti, caret invidenda

Sobrius aula.⁹⁹¹

Кто умѣренность святу наблюдать

Умѣет, в домѣ его не видати

Вещей изящных, одежд златотканых,

Палат избранных.⁹⁹²

Принцип природосообразности древнегреческого пиита полностью совпадает с философским мировоззрением Сквороды, выступающим последователем материалистического сенсуализма, что видно на следующем примере:

Sæpius ventis agitur ingens

Pinus; et celsæ graviore casu

Decidunt turres; feriuntque summos

Fulmina montes.⁹⁹³

Всегда частѣе дерева высоки,

Двигаясь, шумлять от вѣтров жестоких,

⁹⁸⁹ Скворода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 2, с. 422. Если отдельные слова латинские теми же германскими выразишь, получится бессмыслица. Иначе ведь латынец, как германец одно и то же повторяет. Например, у Теренция или «лошадей кормить», или собак для охоты. Если здесь лошадей кормить перевести желаешь «Pferde nähren», то передашь притом значение глагола «alere», однако от германского правильного выражения и обычного смысла отступишь; германцы говорят не «ein Pferd nähren», а «ein Pferd halten». И как с латыни переводим нечто важное, использование и своеобразие языка постоянно принимаем во внимание, не только латинское название и слово, но и то, что касается значения, рассматриваем (Бухнер, часть 2, пис[ьмо] 28) (лат.).

⁹⁹⁰ Книга II Горация, ода X (лат.).

⁹⁹¹ Quinti Horatii Flacci Opera. Vol.II. Londini Æneis Tabulis Incidit Iohannes Pine, 1733, с. 88.

⁹⁹² Скворода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 2, с. 436.

⁹⁹³ Quinti Horatii Flacci Opera. Vol.II. Londini Æneis Tabulis Incidit Iohannes Pine, 1733, с. 88.

Гром бьет на верх гор; храм чѣм вгору выше,
Падает нижше.⁹⁹⁴

Подобную метафору содержит *Пѣснь 18-я* из *Сада божественных пѣсней*, где вместо сосны в противопоставление вербам фигурирует явор:

Стоит явор над горою,
Все кивает головою.
Буйны вѣтры повѣвають,
Руки явору ламают.
А вербочки шумят низко,
Волокут мене до сна.
Тут течет поточок близко;
Видно воду аж до дна.⁹⁹⁵

Антитеза беды и счастья, лежащая в основе данного сюжета, выражает философию стоицизма, широко представленную в поэзии Сковороды:

Кто мѣру хранит, в щастіи не гордится,
Небезнадежен в бѣдѣ, как случится,
Зная, что щастіе от Бога едина,
И всяка премѣна.⁹⁹⁶

Внутреннее успокоение и душевное умиротворение глубоко импонируют обоим философам, о чем свидетельствует *Пѣснь 21-я*:

Сядем себѣ, брате мой, сядем для бесѣды.
Сладок твой глагол живой, чистит мне всѣ бѣды.
О щастіе, мой свѣт ясный!
О щастіе, мой цвѣт красный!
Ты – мати и дом, днесь ты вижу, днесь ты слышу.⁹⁹⁷

Это посвящение заканчивается пафосным призывом к повиновению:

Великодушен в время несчастливо
Будь, и всѣ бѣди сноси терпѣливо,

⁹⁹⁴ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 2, с. 436.

⁹⁹⁵ Там же, т. 1, с. 76.

⁹⁹⁶ Там же, т. 2, с. 436.

⁹⁹⁷ Там же, т. 1, с. 79.

Щастієм тебѣ, ах, не возносія,

Но болш смирися!⁹⁹⁸

Oda Horatiana (Libri II, XVI) «De Animi Tranquillitate»,⁹⁹⁹ адресованная Гросфу,¹⁰⁰⁰

по признанию Сковороды, была переведена экспромтом и отправлена Коваленскому в 1762 году: *Hanc prope ex tempore, certe præcipitanter verti, hoc unice spectans, ut quam possem perspicue spiritum autoris expromerem, non phaleris verborum ornarem.*¹⁰⁰¹ Символ бушующего моря, подразумевающий человеческую жизнь,

получает здесь дальнейшее развитие:

Купец покоя < в страхѣ > сладка Бога просит,

Когда по морю его вихор бросит,

Как луну облак и звѣзды преясны

Скрил преужасній.¹⁰⁰²

Аналогичный мотив повторяется в *Пѣсне 29-й*:

Чолнок мой бури вихр шатает,

Се в бездну, се выспрь вергает!

Ах, нѣсть мнѣ днесь мира

И нѣсть мнѣ навклира.

Се мя море пожирает!¹⁰⁰³

Христианский символ оленя, встречающийся у Горация, также чередуется в *Пѣсне 8-й* и *Басне 20-й* :

Печаль глупа и на корабли восходит

И проникает на далны походы,

Еленей легких она всѣх бистрѣе,

Вѣтров скорее.¹⁰⁰⁴

Так африканскій страждет елень скорый;

Он птиц бистрѣе пить спешит на горы,

⁹⁹⁸ Там же, т. 2, с. 436.

⁹⁹⁹ Ода Горация (книга вторая, XVI) «О душевном спокойствии» (лат.).

¹⁰⁰⁰ Quinti Horatii Flacci Opera. Vol.II. Londini Æneis Tabulis Incidit Iohannes Pine, 1733, с. 100.

¹⁰⁰¹ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 2, с. 258. Это почти экспромтом, конечно, наспех переведено, единственно надеясь, дабы по возможности ясно дух автора изложить, а не прикрасы словесного орнамента (лат.).

¹⁰⁰² Там же, с. 257.

¹⁰⁰³ Там же, т. 1, с. 88.

¹⁰⁰⁴ Там же, т. 2, с. 258.

А жажда жжет внутрь, насыщена гадом

И всяким ядом.¹⁰⁰⁵

Последняя строфа – это образное признание Сковороды, его жизненный лейтмотив, напоминающий *Пѣснь 24-ю*, самостоятельный переспев этой оды 1765 года:

А мнѣ судьбина дала грунт убогой

И от муз чистих греческих немного

Духа напитись и пренебрегати

Мір сей проклятій.¹⁰⁰⁶

Вас Бог одарил грунтами, но вдруг может то пропасть,

А мой жребій с голяками, но Бог мудрости дал часть.¹⁰⁰⁷

Под малороссийскими *голяками* следует понимать мыслителей Древней Греции, таких как Диоген, которого «...изгнали ... из его отчизны, а он тѣм попал во філософію»,¹⁰⁰⁸ потому что в разрез с идеологическим мифом о народности Сковороды, он никогда не отождествлял себя с общей массой крестьян.

Хоть сначала грѣх пріятен – это возможная интерпретация сочинения *De Poenitentia*¹⁰⁰⁹ Тертуллиана,¹⁰¹⁰ выдающегося раннехристианского богослова. В зарождающейся теологии он первым выразил концепцию Троицы и положил начало патристике и церковной латыни. Его биограф, блаженный Иероним, в жизнеописаниях *De Viris Illustribus*¹⁰¹¹ вспоминал, что святой Киприан, читая труды этого мыслителя, часто произносил: *Da magistrum: Tertullianum videlicet significans.*¹⁰¹² Гонимый Римской церковью, он обращался к учению Монтана и написал *К мученикам, К язычникам, Апологетик, О свидетельстве души, О зрелищах, О прескрипции еретиков, О крещении, О терпении, О покаянии, О женском убранстве, К жене, Против Гермогена, К Маркиону, О плаще, Против Валентинианов, О молитве, О душе* и т.д. Его знаменитая максима: *Credo quia*

¹⁰⁰⁵ Там же, т. 1, с. 65.

¹⁰⁰⁶ Там же, т. 2, с. 258.

¹⁰⁰⁷ Там же, т. 1, с. 82.

¹⁰⁰⁸ Там же, т. 2, с. 206.

¹⁰⁰⁹ О покаянии (лат.).

¹⁰¹⁰ *Quinti Septimi Florentis Tertulliani Opera. Venetiis, 1744.*

¹⁰¹¹ О знаменитых мужах (лат.).

¹⁰¹² Дайте мне учителя, имея в виду Тертуллиана (лат.).

absurdum est¹⁰¹³ является парафразой из полемики *De Carne Christi*.¹⁰¹⁴ Тертуллиан отделяет философию от ее познавательной и объяснительной сверхзадачи, оставляя за ней дескриптивную, компаративную и классифицирующую функции, но при этом исключает аллегорическую экзегезу латентного смысла Библии. Вопреки настоянию логики в пользу иррационального, он предлагает непосредственное восприятие, поскольку бессилие постижения подтверждает его несовершенство и неприменимость. Откровение абсурдно и устремляет к высшей тайне, трансцендентная достоверность которой возрастает по мере освобождения от иллюзорных схем.¹⁰¹⁵ Для поэтической передачи основного смысла *О покаянии* Сковородой используется множество противопоставлений и антитез, таких как сладкий грех – гадкий алой, сладчайший мед – внутренний вред, прекрасная краса – смертоносная коса, милый взор – волчий мор, неусыпаемый червь – лютей лев, лютейший зверь – святейший богослов, воин – царь, архирей – овчар и т.д. Кроме этого, отдельные строфы нередко повторяются в сборнике *Сад божественных пѣсней*, как, например, в *Пѣсне 3-й*:

Скоро бо ввалится в грѣх

Тотчас лишается утѣх

И чувствует одну печаль;¹⁰¹⁶

Я ничего не боюсь; одних грѣхов страшусь.

Убій во мнѣ всякій грѣх: се – ключ моих всѣх утѣх!¹⁰¹⁷

Также, в *Пѣсне 14-й*:

Ты пучина всѣх есть жруща,

И глотаеш, как кит тощ,

Ты адска челюсть ядуща,

Зѣваеш бо день и ночь.¹⁰¹⁸

Се пучина всѣх есть жруща!

Се есть челюсть, всѣх ядуща!

¹⁰¹³ Верую, ибо абсурдно (лат.).

¹⁰¹⁴ О плоти Христа (лат.).

¹⁰¹⁵ Казаков М., Патристика (3 курсе). Лекция 7–8. Ранняя апологетика (II–первая пол. III в.): Запад. Тертуллиан. СГУ.

¹⁰¹⁶ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 2, с. 434.

¹⁰¹⁷ Там же, т. 1, с. 62.

¹⁰¹⁸ Там же, т. 2, с. 434.

О Израиль! Кита звѣря –
Се тебѣ толк, мѣтъ и мѣра,
Плоть не насыщает.¹⁰¹⁹

В двенадцатой главе этого трактата фигурируют олень и ласточка, параллельно представленные Сковородой в диалогах *Разговор, называемый алфавит, или букварь мира* и *Кольцо. Дружескій разговор о душевном мирѣ*. Вот как они описываются Тертуллианом: «Что медлишь приступать к тому, что, как ты знаешь, может принести тебе исцеление? Даже немые и неразумные животные вовремя познают определенные им, по божественному велению, целебные средства. Олень, раненный стрелою, знает, что ему нужно лечиться ясенцем (dictamno), чтобы устранить из раны железо и неизбежные отложения. Ласточка, если она ослепила (своих) птенцов, умеет опять возвратить им зрение <ласточкиным корнем> (de sua chelidonia). И грешник, зная данное Богом для его восстановления публичное покаяние, минует ли его, когда оно восстановило Вавилонского царя на царство (Дан 4.1)?». ¹⁰²⁰ Аналогично у Сковороды: «*Ермолай*. Взгляните сюда. О бѣдненькой олень! С вонзенною в тѣло стрѣлою страждет возлѣ холма, пол стрѣлы в язвѣ, пропал он. Кто пособит? *Яков*. Не бойся! Развѣ не видиш, что траву кушает? Она ему выгонит вон стрѣлу. Сія трава у древних еллинов звалась диктаѣнос.¹⁰²¹ *Ермолай*. И так стрѣлец ничево над ним не успѣл? Хотѣл бы я знать, кто его учит цѣлбы сей? *Яков*. Развѣ не видиш, что сей тебѣ говорит олень? Природа превосходит науку. Вот кто его учит! Самый лучший учитель». ¹⁰²²

De Jejunio ¹⁰²³ – это интерпретация трактата Тертуллиана *De Jejuniiis*, ¹⁰²⁴ латинский текст которой датируется 15 февраля 1765 года:

O res deo jejunium gratissima!
Quid non prestas amantibus,
Quod amplectentibus te tu non comparas.
Certe tibi ni arduum!

¹⁰¹⁹ Там же, т. 1, с. 73.

¹⁰²⁰ Библиотека Отцов и Учителей Церкви Западных. Киев: Киевская Духовная Академия, 1915, т. 31, с. 83.

¹⁰²¹ Ясенец (греч.).

¹⁰²² Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 1, с. 449.

¹⁰²³ О посте (лат.).

¹⁰²⁴ О постах (лат.).

Charissimus per te factus Moyses deo
Et in Sina vidit deum.
Per te Helias e curru raptus igneo
Sursum equisque flammeis.
Tui certe ni amans fuisset Daniel
Leonum victor esset haud,
Videre posset unque nec mysteria
Occulta ni per te dei.
Per te est amicus sponsi factus intimus
Johannes raajor omnibus.
Quicumque charus factus est summo deo
Per te certe, o jejunium!
O summae rerum conditor pater deus!
Da nobis hoc jejunium,
Sequi da tuos servos concede esseque
Jejunatores quoque nos,
Ut sit per hoc caro da nostra mortua,
Ut tecum possit vivere.¹⁰²⁵

В отличие от греческих отцов, Тертуллиан был антагонистически настроен к античной философской традиции и с иронией задавал вопрос: «Что может быть общего у Иерусалима с Афинами?». Средневековые теологи критически воспринимали его отступничество от веры, и только Киприан с Иеронимом поистине высоко оценили этого *vir ardens*.¹⁰²⁶ Как один из самых значительных авторов своего времени и ключевых фигур в становлении западного христианства, он лишь в девятнадцатом веке стал полностью заново открыт, чем объясняется отсутствие всякой информации у Коваленского и других ранних исследователей Сковороды в отношении цитируемых выше *Хоть сначала грѣх приятен* и *О посте*.

¹⁰²⁵ Там же, т. 2, с. 437. О пост – речь наиболее любимая Бога! Чего не воздашь любя, Почему не оценишь несравненное, Ведь трудного нет для тебя! Наимилейшим Богу стал Моисей тобою, И на Синае увидел Его. Тобою похищен Илья из колесницы в огнях, Возвысившись на пылающих лошадях. Тобою ведь не возлюбился б Даниил, Львов бы победой не сразил, Не смог никогда б увидеть тайн, Сокрытых Богом тобою. Близким наисердечным другом не стал бы Иоанн. Ведь кто есть мил всем Богу тобою, о пост! О всех речей творец отец Бог! Дай нам пост, Дай следовать рабов твоих, трапезу покинув, Поститься каждому из нас, Будто плоть нашу дай умертвить, Чтобы с тобой могла она жить (лат.).

¹⁰²⁶ Пламенный муж (лат.).

10. Сковорода и последующая литературно-философская мысль

Над виноградными холмами

Плывут золотые облака...

(Тютчев)

Влияние Сковороды как основателя русской и украинской христианской философии на последующую литературно-философскую мысль настолько велико, что изложить его в рамках одной отдельной главы представляется довольно трудной задачей для любого исследователя этого уникального таланта мировой литературы восемнадцатого века. К данной теме обращалось большое количество литераторов и философов, среди которых особенно фигурируют имена Снегирева, Срезневского, Соловьева, Толстого, Багалея, Стеллецкого, Верховца, Эрн и Чижевского. Вот что о нем пишет профессор Багалея в знаменитом юбилейном издании Историко-филологического общества Харьковского университета: «При жизни своей Г.С.Сковорода не печатал своих сочинений. Это объясняется главным образом условиями его домашней обстановки и свойствами характера. Нельзя сказать, чтобы он сам не желал распространения своих трудов в обществах; наоборот, у него существовала постоянная потребность обращаться с живым словом поучения и наставления к окружающим, и он – сам большой книголюбец – не мог не понимать огромного значения типографского станка в деле распространения знаний и идей. Но ему бездомному страннику и бедняку, не имевшему никогда денег, просто по материальным условиям своей жизни, невозможно было воспользоваться услугами книгопечатания. Некоторые составленные им руководства для школ (учебник поэзии и этики) могли бы, конечно, напечатать на свой счет те учебные заведения, где он был преподавателем – Переяславский и Харьковский коллегии; но и в этих школьных пособиях он выступил таким новатором для своего времени, что из-за них должен был навсегда отказаться от учительского звания. То же самое нужно сказать и относительно всех остальных его сочинений: они были точными и верными выразителями его мыслей, а его мысли шли почти постоянно вразрез с господствовавшими и установившимися в его время понятиями;

приспособляться же къ условіямъ окружающей среды онъ не могъ, по свойству своего характера, да и не захотѣлъ бы такую цѣною пріобрѣтать себѣ литературную славу и извѣстность, тѣмъ болѣе что и безъ того эта послѣдняя была очень велика, можно даже сказать, огромна».¹⁰²⁷

Принципиальной чертой, неразрывно связующей Сковороду с его духовными последователями, по мнению Эрнэ, развившего учение о логосе, является странничество, которое в той или иной художественной форме находит выражение у целого ряда талантливых писателей и поэтов, таких как Печерин, Добролюбов, Толстой, Гоголь, Соловьев, Достоевский, Тютчев и многие другие: «Страннический посох, столь серьезно взятый Сковородой и уже им не выпускаемый на продолжении 28 лет, до самой смерти, есть подлинный символ всей русской мысли, ознаменовывающий самую благородную и самую глубокую ее черту. У нас есть странники в полном внешнем смысле этого слова... Сковорода первый снимается с насиженных мест новоевропейской истории, первый устремляется в будущее, первый исходит из Египта материальной механической цивилизации и отдается поискам Нового, Вечного, Непреходящего».¹⁰²⁸ Подобно ему, Печерин, поэт, религиозный мыслитель, профессор Московского университета, монах католического ордена редемптористов в Ирландии и один из первых диссидентов, лишенных российского гражданства, становится прообразом Печорина, протагониста психологического романа Лермонтова *Герой нашего времени*. Добролюбов, педагог, литературный критик и публицист с богатым европейским опытом, открыто обличает государственную систему воспитания рабской покорности, беспрекословного повиновения, подавления свободы личности и слепого угодничества, как убивающую «внутреннего человека». Толстой, романист, «...73-летний старик, к удивлению всего культурного мира, уже отвыкшего от таких явлений, неожиданно уходит из дома и замышляет также пропасть в родимых и смиренных пространствах».¹⁰²⁹ Гоголь, сатирик и фольклорист, в бесконечных поисках истинного вдохновения и душевного забвения срочно покидает «Петербург, снега, подлецов, департамент» и

¹⁰²⁷ Багалея Д., Сочинения Григорія Саввича Сковороды. Юбилейное издание (1794–1894 годъ). Харьковъ, 1894, с. 7.

¹⁰²⁸ Эрнэ В., Григорій Саввич Сковорода. Жизнь и учение. Москва, 1912, с. 114.

¹⁰²⁹ Там же.

отправляется в солнечный Рим, сходный с милой ему Малороссией.¹⁰³⁰ Соловьев, философ, богослов и поэт, родственник Сковороды по материнской линии, провозглашает христианскую идею Софии как всемирной души, представляющей вечную женственность в Боге и его замысле о мире. Достоевский, писатель-реалист, приговоренный к смертной казни, замененной долгими годами картоги и солдатской службы, в толковании духовной красоты выступает единомышленником Канта, как и Сковорода, твердившем о «нравственном законе внутри нас», и что «прекрасное – это символ морального добра». И, наконец, Тютчев, певец природы и предтеча русских символистов, словно всеми цветами радуги, органически соединяет поэзию девятнадцатого века с последним барокко Сковороды, «самым интересным славянским предромантиком», по заключению Чижевского.¹⁰³¹

В отличие от западной философской мысли, столетиями ставящей во главу угла «внешнее», Сковорода искусно возвращает к жизни приоритет «внутреннего», строя учение о сердце на древних символах и эмблемах, заимствованных из *Symbola et Emblemata Selecta*. Его самобытный славянский интериоризм одерживает окончательную победу над экстериоризмом рационалистического Запада, при этом прокладывая путь символизму, главному принципу нового восточного мировоззрения, с энтузиазмом подхваченного Тютчевым в его стихотворениях, которого Некрасов заслуженно относит к «первостепенным поэтическим талантам»,¹⁰³² а Фет считает одним из «величайших лириков, существовавших на земле».¹⁰³³ Толстой не скрывает своего восхищения и откровенно признается: «Без него нельзя жить!».¹⁰³⁴ Тургенев абсолютно убежден в его литературном бессмертии, «...как бы завещанного нам приветом и одобрением Пушкина»,¹⁰³⁵ а Добролюбов искренне восхищается знойной страстностью, суровой энергией и глубокой думой этого замечательного поэта.¹⁰³⁶ Достоевский также обращается к его лирике, но «...не только как к любимым цитатам, а как к

¹⁰³⁰ Золотоусский И., Гоголь. Москва: Молодая гвардия, 1979, с. 222–223.

¹⁰³¹ Чижевский Д., Философия Г.С.Сковороды. Варшава, 1934, с. 208.

¹⁰³² Тютчев Ф., Жизнь природы там слышна. Москва: Планета, 1979, с. 188.

¹⁰³³ Там же, с. 189.

¹⁰³⁴ Там же.

¹⁰³⁵ Там же, с. 20.

¹⁰³⁶ Там же, с. 188–189.

неким мистическим формулам, как к уже воплощенному слову и слову священному».¹⁰³⁷ «Прекрасными» находит его произведения Чернышевский и настойчиво просит прислать их в Алексеевский рavelин, куда он был отправлен за резкую критику политического строя.¹⁰³⁸

Следуя Сковороде, Тютчев стремится осмыслить человеческое бытие через жизнь вселенной. Природосообразность его поэзии содержит много общего с натурофилософией античной и классической литературы, мировоззренческими взглядами Любомудров: Одоевского, Веневитинова, Киреевского и других. Благодаря Раичу (Амфитеатрову), учителю словестности, поэту и переводчику, впоследствии преподававшему Лермонтову, Тютчев с раннего возраста приобщается к лучшим образцам европейской культуры и переводит Горация, Вергилия, Цицерона, интерпретирует Балашши, первого венгерского лирика эпохи позднего Ренессанса. Именно в его интерпретации, в начале 1820-х годов, появляется знаменитая ода *Borivóknak való. In laudem verni temporis*,¹⁰³⁹ юмористически озаглавленная им как *Противникам вина*, которой он показал классический пример *licentia poetica*¹⁰⁴⁰ – эталон абсолютной поэтической свободы для каждого настоящего, независимого творца:

Ply jó időt érvén Isten kegyelméből,
Dicsérjük szent nevét fejenként jó szívből,
Igyunk, lakjunk egymással vígan, szeretetből!¹⁰⁴¹

Так станемте ж запоем
Из набожности пить,
Чтоб в Божье вместе с Ноем
Святылище вступить.¹⁰⁴²

Эпиграфом к этому переспеву послужило изречение: «Яко и вино веселит сердце человека», ранее встречающееся в диалоге Сковороды *Кольцо. Дружеский разговор о душевном мирѣ*. Дружеское посвящение *Весна* Тютчева того же периода

¹⁰³⁷ Эрн В., Григорий Саввич Сковорода. Жизнь и учение. Москва, 1912, с. 115.

¹⁰³⁸ Чернышевский Н., Полное собрание сочинений. Москва, 1953, т. 16, с. 28.

¹⁰³⁹ Любителям вина. Похвала весенней поре (венг., лат.).

¹⁰⁴⁰ Поэтическая вольность (лат.).

¹⁰⁴¹ Balassi B., Válogatott versei. Budapest: Balassi Kiadó, 1999, с. 21.

¹⁰⁴² Тютчев Ф., Стихотворения. Письма. Москва: Правда, 1986, с. 160.

одинаково перекликается с *Похвалой весенней поре* Балашши, как еще одно скрытое ему подражание:

Так, разливайся, жизни сладость,

Певцы!.. за вами по следам!..

Так по́рхай наша, други, младость

По светлым счастья цветам!..¹⁰⁴³

Венгерские мотивы нередко звучат в натурофилософской поэзии Тютчева, как, например, в сочинении *Над виноградными холмами...*, что объясняется службой в Государственной коллегии иностранных дел сверхштатным чиновником при дипломатической миссии в Баварии в течение более двадцати лет¹⁰⁴⁴ и вероятным посещением мест, непосредственно связанных с пребыванием Сквороды в Австрии и Венгрии в 1745–1750 годах. В статье *Об одном стихотворении Тютчева* Чижевский обращает внимание на явное расхождение образов стихотворного текста и реального пейзажа баварского Ротенбурга, на который ссылается Тютчева (Дернберг), супруга поэта, в аннотации к сохранившемуся автографу.¹⁰⁴⁵ Данная полемика находит дальнейшее развитие в научной работе славистки Галльского университета Виндиш, ученицы и коллеги Чижевского, указывающей на конкретную общность с поэтическим миром Пушкина и иллюстрирующей стилистические параллели в его *Монастырь на Казбеке*.¹⁰⁴⁶ Рассуждая о литературных связях, следует отметить особую актуальность биографических фактов для правильного понимания и оценки содержания художественных произведений.

Первые строки в *Над виноградными холмами...* включают довольно необычную для русского литератора метафору вина, скорее понятную слуху живущим в Токайском историческом винном регионе, что оправдывает тщетные попытки предыдущих исследователей в лице Аксакова, Чулкова, Чижевского и других критиков:

Над виноградными холмами

¹⁰⁴³ Там же, с. 155.

¹⁰⁴⁴ Тютчев Ф., Стихотворения. Письма. Москва: Правда, 1986, с. 8–9.

¹⁰⁴⁵ Tschyzevskij D., Zu einem Gedicht Tjutschews. Zeitschrift für slavische Philologie, 1937, Nr. 14, с. 325–331.

¹⁰⁴⁶ Windisch S., Zu Tjutschews «Rotenberg». Zeitschrift für slavische Philologie, 1939, Nr. 16, с. 121–122.

Плывут золотые облака.

Внизу зелеными волнами

Шумит померкшая река.¹⁰⁴⁷

Под «золотыми облаками» в полной мере подразумевается сухоградное вино Асу,¹⁰⁴⁸ о котором Сковорода в *Fabula de Tantalo*¹⁰⁴⁹ делает следующее замечание:

Тут вина разны, тут нектар солодкій,

Услаждающий божественны глоткы,

Тут амвросія, вишних садов снѣды,

Против ней – пустошь панскіи обѣды.¹⁰⁵⁰

Аналогичное сравнение «золотые языки пламени» образно фигурирует в *Uti levelek*¹⁰⁵¹ Петефи, венгерского поэта девятнадцатого века: «...laknak, e hegyekben az öröm istenei, innen küldik szét a világba apostolaikat a palackba zárt aranyszínű lángokat».¹⁰⁵²

Характерно, что «нектар солодкій» подается не менее красочно, чем в строке: «Tokaj szőlővesszein nektárt csepegtettél...»¹⁰⁵³ из национального гимна Венгрии,

сложенного Кельчеи.¹⁰⁵⁴ В переводе четверостишия *Саконтала* из Гете Тютчев тоже указывает на «нектар всемогущий»,¹⁰⁵⁵ греющий душу человека. В отношении точного места написания *Над виноградными холмами...* можно с уверенностью предположить северные и южные склоны Токая вдоль рек Бодрог и Тиса, где проходил старинный торговый путь, по которому велось транспортное сообщение на Вену, Мюнхен и Рим.

Тема вина бесспорно играет важную роль в творчестве Тютчева и постоянно присутствует в его произведениях. Пристальный взгляд поэта неизменно привлекает сочная кисть винограда, сверкающая как «кровь сквозь зелени густой»,¹⁰⁵⁶ млеющая и горящая в его жилах как некий «божественный

¹⁰⁴⁷ Тютчев Ф., Стихотворения. Письма. Москва: Правда, 1986, с. 59.

¹⁰⁴⁸ Сорт десертного вина золотистого цвета, не поддающегося окислению, для приготовления которого виноградные гроздья оставляются на лозе для постепенного превращения в изюм (от лат. passum).

¹⁰⁴⁹ Сказание о Тантале (лат.).

¹⁰⁵⁰ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 1, с. 92.

¹⁰⁵¹ Путевые записки (венг.).

¹⁰⁵² Petőfi S., Munkái. Budapest: Franklin-Társulat, 1906, т. 4, с. 241. ...в горах этих обитают веселья божества, рассылающие отсюда по миру своих стеклянных апостолов, пылающих внутри золотыми языками пламени (венг.).

¹⁰⁵³ С токайской лозы собирал ты нектар... (венг.).

¹⁰⁵⁴ Kölcsey F., Válogatott művei. Budapest: Szépirodalmi Könyvkiadó, 1975, с. 68.

¹⁰⁵⁵ Тютчев Ф., Стихотворения. Письма. Москва: Правда, 1986, с. 171.

¹⁰⁵⁶ Там же, с. 37.

напиток».¹⁰⁵⁷ Для него, как некогда для Сковороды, «...на солнце зреет золотистый виноград...»,¹⁰⁵⁸ дарящий «здравное вино»,¹⁰⁵⁹ «гроздий сок»,¹⁰⁶⁰ «святой источник слез»,¹⁰⁶¹ «кубок, кипящий душистого меда»,¹⁰⁶² «восторга дикий камень»¹⁰⁶³ и «бога Вакха дар волшебный».¹⁰⁶⁴ Его растущий талант вдохновляет прекрасная муза, любовь которой, как выдержанное вино, становится все нежнее:

И как с годами крепнет, пламенея,
Сок благородный виноградных лоз, –
И в кубок ваш все жарче и светлее
Так вдохновение лилось.¹⁰⁶⁵

Что касается венгерских реалий, то они у него представляются тихо шумящим в тени Дунаем и гордо стоящим на высокой гранитной скале полуразрушенным Вышеградским замком:¹⁰⁶⁶

И на холму, там, где белея,
Руина замка вдаль глядит,
Стояла ты, младая фея,
На мшистый опершись гранит...¹⁰⁶⁷

Осторожно ступая по сковородиновским стезям, на которых его малороссийский предшественник и виночерпий в молодости признавался в своих сыновьих чувствах к «любезной ... Унгарии»,¹⁰⁶⁸ Тютчев столь же настольгически размышляет о далекой Венгрии:

Я помню время золотое,
Я помню сердцу милый край.
День вечерел; мы были двое;
Внизу, в тени шумел Дунай.¹⁰⁶⁹

¹⁰⁵⁷ Там же, с. 55.

¹⁰⁵⁸ Там же, с. 82.

¹⁰⁵⁹ Там же, с. 120.

¹⁰⁶⁰ Там же, с. 163.

¹⁰⁶¹ Там же, с. 166.

¹⁰⁶² Там же, с. 169.

¹⁰⁶³ Там же, с. 175.

¹⁰⁶⁴ Там же, с. 212.

¹⁰⁶⁵ Там же, с. 119.

¹⁰⁶⁶ Там же, с. 203.

¹⁰⁶⁷ Там же, с. 61.

¹⁰⁶⁸ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 1, с. 279.

¹⁰⁶⁹ Тютчев Ф., Стихотворения. Письма. Москва: Правда, 1986, с. 61.

Вместе с близкими ему по духу современниками и соратниками по перу, Погодиным, Аксаковым, Гоголем и Жуковским,¹⁰⁷⁰ он весьма критически воспринимает политические события 1848–1849 годов в Центральной и Западной Европе, где «...беснуются языки, ... и с каждой весной, как в стае диких птиц перед грозой, тревожной шум, разноголосней крики»,¹⁰⁷¹ и клеймит позором австрийского эрцгерцога Франца-Иосифа, «...с их предательским лобзаньем»¹⁰⁷² прибывшего на похороны императора Николая I в марте 1855 года.

В дружественном обращении *К Ганке*, посвященном этому чешскому ученому и писателю, Тютчев с пафосом провозглашает большую надежду на скорейшее объединение всех славянских культур и народов, видя в этом общее политическое будущее и единственное спасение от неминуемого обезьязичения:

Горы, степи и поморья
День чудесный осиял,
От Невы до Черногорья,
От Карпатов за Урал.
Рассветает над Варшавой,
Киев очи отворил,
И с Москвой золотоголовой
Вышеград заговорил!¹⁰⁷³

Великая идея духовного странничества, символически трактуемая в его стихотворении *Странник*, вновь подтверждает тезис Эрна в публикации *Нечто о Логосе, русской философии и научности* о том, «что русские мыслители, разделенные эпохами и незнанием друг друга, перекликаются между собой»:¹⁰⁷⁴

Угоден Зевсу бедный странник,
Над ним святой его покров!..
Домашних очагов изгнанник,
Он гостем стал благих богов!..¹⁰⁷⁵

¹⁰⁷⁰ Барсуков Н., Жизнь и труды М.П.Погодина. Русский архив, кн. 9, с. 172–284.

¹⁰⁷¹ Тютчев Ф., Стихотворения. Письма. Москва: Правда, 1986, с. 206.

¹⁰⁷² Там же, с. 216.

¹⁰⁷³ Там же, с. 203.

¹⁰⁷⁴ Эрн В., Григорий Саввич Сковорода. Жизнь и учение. Москва, 1912, с. 113.

¹⁰⁷⁵ Тютчев Ф., Стихотворения. Письма. Москва: Правда, 1986, с. 43.

Можно закономерно предложить, что Тютчев сочиняет его с сокровенной мыслью о вечном скитальце Сковороде, внутреннему лику которого обязательно были присущи неизбежное возвращение к родной природе, поиск самого себя, собственной сути и сродной цели в жизни, как некий исход и спасение его грешной души. «Взяв посох, Сковорода странствует не только по Украине и Малороссии. Его страждущий дух странствует по всей Вселенной, по всей совокупности бытия, в поисках непоколебимого Камня, истинной Петры, умопостигаемого покоя – «сладчайшего муста Вечности». В лице Сковороды русская мысль делает какой-то значительный поворот, принимает некоторое основополагающее решение, берет направление, которого более уже не покидает»¹⁰⁷⁶ – заявляет ученик Соловьева в труде *Григорий Саввич Сковорода. Жизнь и учение*.

Французский гуманизм Паскаля и Руссо, которым восхищался Тютчев, накладывает неизгладимый отпечаток на его христианские взгляды и дальнейшую поэзию. Так, например, фраза, с энтузиазмом звучащая в сочинении Паскаля *Pensées*:¹⁰⁷⁷ «человек всего лишь тростник, слабейшее из творений природы, но он – тростник мыслящий», поэтическим эхом отдается в стихотворении Тютчева *Est in arudineis modulatio muslea ripis*:¹⁰⁷⁸

Откуда, как разлад возник?

И отчего же в общем хоре

Душа не то поет, что море,

И ропщет мыслящий тростник?¹⁰⁷⁹

Сковорода, как вспоминает Коваленский, аналогично сравнивает индивидуума с пшеничным колосом, произращенным невидимой силой Бога: «Посмотри на челобѣк и узнай его! Кому подобен истинный челобѣк, Господь сый во плоти? Подобен доброму и полному колосу пшеничному. Разсуди же: не стебель с вѣтвями есть колос, не солома его, не плева, но наружная кожица, одѣвающая зерно, и не тѣло зерна, но колос есть самая сила, образующая стебель, солому, тѣло

¹⁰⁷⁶ Эрн В., Григорий Саввич Сковорода. Жизнь и учение. Москва, 1912, с. 114.

¹⁰⁷⁷ Мысли (фран.).

¹⁰⁷⁸ Есть музыкальная стройность в прибрежных тростниках (лат.).

¹⁰⁷⁹ Тютчев Ф., Стихотворения. Письма. Москва: Правда, 1986, с. 127.

зерна и проч., в которой силѢ все оное заключается невидимо».¹⁰⁸⁰

Натурофилософское заключение Руссо из педагогического трактата *Эмиль или О воспитании*: «Одна только книга открыта всем очам, это книга природы... Она говорит всем людям и языком, понятным для всех умов»,¹⁰⁸¹ так полюбившееся Тютчеву, находит непосредственное продолжение в его следующих строках:

Не то, что мните вы природа:

Не слепок, не бездушный лик –

В ней есть душа, в ней есть свобода,

В ней есть любовь, в ней есть язык...¹⁰⁸²

Пародируя рассуждение Сковороды в сочинении *Диалог. Имя ему – Потоп зміин* о том, что Библия – «...сфинкс, мучащая не рѣшивших гаданія»,¹⁰⁸³ «лев-дѣва»¹⁰⁸⁴ у Тютчева олицетворяет вечную природу, как лишенную неразгаданных тайн:

Природа – сфинкс. И тем она верней

Своим искусом губит человека,

Что может статья, никакой от века

Загадки нет и не было у ней.¹⁰⁸⁵

Ее абсолютное верховенство и преимущество над человеческим разумом подчеркивается поэтом-символистом на протяжении всего творчества:

Природа знать не знает о былом,

Ей чужды наши призрачные годы,

И перед ней мы смутно сознаем

Себя самих – лишь грезю природы.¹⁰⁸⁶

В диалоге *Разговор, называемый алфавит, или букварь мира* Сковорода, используя эзотерические символы и эмблемы Ветштейна, природосообразно объясняет превосходство животного мира: «*Ермолай*. Взгляните сюда. О бѣдненькой олень! С вонзенною в тѣло стрѣлюю страждет возлѣ холма, пол стрѣлы в язвѣ, пропал он.

¹⁰⁸⁰ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 2, с. 453.

¹⁰⁸¹ Руссо Ж., Педагогические сочинения. Москва, 1981, т. 1, с. 369.

¹⁰⁸² Тютчев Ф., Стихотворения. Письма. Москва: Правда, 1986, с. 66.

¹⁰⁸³ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 2, с. 135.

¹⁰⁸⁴ Там же, с. 152.

¹⁰⁸⁵ Тютчев Ф., Стихотворения. Письма. Москва: Правда, 1986, с. 137.

¹⁰⁸⁶ Там же, с. 140.

Кто пособит? *Яков*. Не бойся! Развѣ не видиш, что траву кушает? Она ему выгонит вон стрѣлу. Сія трава у древних еллинов звалась *δίκταμνος*.¹⁰⁸⁷ *Ермолай*. И так стрѣлец ничево над ним не успѣл? Хотѣл бы я знать, кто его учит цѣлбы сей? *Яков*. Развѣ не видиш, что сей тебѣ говорит олень? Природа превосходит науку. Вот кто его учит! Самый лучший учитель».¹⁰⁸⁸

Символ фонтана, как олицетворение непрерывного вселенского движения, построенный на синтезе антитез и противопоставлений качественного и количественного характера, параллельно представлен у Сковороды и Тютчева: «Бог богатому подобен фонтану, наполняющему различные сосуды по их вмѣстности. Над фонтаном надпись сія: «Неравное всѣм равенство». Льются из разных трубок разные токи в разные сосуды, вокруг фонтана стоящіе. Меншій сосуд менѣе имѣет, но в том равен есть большему, что равно есть полный».¹⁰⁸⁹ Однако Тютчев идет дальше и искусно развивает его, стремясь постичь символический смысл, чтобы тем самым раскрыть внутренний секрет:

О смертной мысли водомет,

О водомет неистошимый!

Какой закон непостижимый

Тебя стремится, тебя мятет?¹⁰⁹⁰

Продолжая эту тему, он пишет *Итальянская villa*, в которой вместо привычного бунтующего фонтана, не желающего оставаться пленником земли и упорно рвущегося к небу, как полагает Шульце, студентка Чижевского, в *Tjutcevs Kurzlyrik. Traditionszusammenhänge und Interpretationen*,¹⁰⁹¹ неожиданно появляется абсолютно другой – лепечущий в углу, журчащий и даже замолкающий:

Вдруг все смутилось: судорожный трепет

По ветвям кипарисным пробежал, –

Фонтан замолк – и некий чудный лепет,

Как бы сквозь сон, невнятно прошептал.¹⁰⁹²

¹⁰⁸⁷ Ясенец (греч.).

¹⁰⁸⁸ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 1, с. 449.

¹⁰⁸⁹ Там же, с. 435.

¹⁰⁹⁰ Тютчев Ф., Стихотворения. Письма. Москва: Правда, 1986, с. 65.

¹⁰⁹¹ Короткие лирические стихотворения Тютчева. Связи с литературной традицией и интерпретации (нем.).

¹⁰⁹² Там же, с. 71.

Как своеобразный итог его предыдущей жизни, полной житейских тревог и надежд, которая еще недавно бурно была ключем, Тютчев в глубоком разочаровании прощается с прошлым и пристально всматривается в будущее:

Что это, друг? Иль злая жизнь недаром,
Та жизнь, – увы! – что в нас тогда текла.

Та злая жизнь, с ее мятежным жаром,
Через порог заветный перешла?¹⁰⁹³

Спустя годы, он с ностальгией возвращается к этому образу, навевающему мысли о былом и наивно соблазняющему его мимолетный взор тенистой прохладой, которая скрывается за оградой летнего сада:

Лазурный грот, как из тумана,
Напрасно взор его манит,
И пыль росистая фонтана
Главы его не освежит.¹⁰⁹⁴

Будучи неизбежно влюбленным, он координально изменяет данный символ, наполняя его тайной страстью, воплощающей в нем неожиданное пробуждение новых чувств:

Здесь фонтан неутомимый
День и ночь поет в углу
И кропит росой незримой
Очарованную мглу.¹⁰⁹⁵

Ощущение душевного одиночества и всплески любви, социальная неудовлетворенность и славянофильские взгляды на ход истории в Европе не раз обращали на себя внимание истинных почитателей Тютчева, в частности, Толстого: «Я его люблю и считаю одним из тех несчастных людей, которые неизмеримо выше толпы, среди которой живут, и потому всегда одиноки».¹⁰⁹⁶ Как скрывающееся в недрах русской земли естественное богатство, остающееся неиспользованным и неизвестным, указывает на его поэтический талант Соловьев,

¹⁰⁹³ Там же.

¹⁰⁹⁴ Там же, с. 88.

¹⁰⁹⁵ Там же, с. 89.

¹⁰⁹⁶ Толстой Л., Полное собрание сочинений. Москва, 1953, т. 62, с. 9.

цитируя замечательное послание Фэта в статье *Поэзия Ф.И.Тютчева*:

Вот наш патент на благородство,
Его вручает нам поэт:
Здесь духа мощного господство,
Здесь утонченной жизни цвет.
В сыртах не встретишь Геликона,
На льдинах лавр не расцветет,
У чукчей нет Анакреона,
К зырянам Тютчев не придет.
Но Муза, правду соблюдая,
Глядит: а на весах у ней
Вот эта книжка небольшая –
Томов премногих тяжелей.¹⁰⁹⁷

Несмотря на тематическую обобщенность, лира Тютчева «...никогда не является читателю нагою и отвлеченною, но всегда сливается с образом, взятым из мира души или природы, проникается им, и сама его проникает нераздельно и неразрывно»¹⁰⁹⁸ – замечает Тургенев. По средством яркого контраста эпитетов и уникального изобилия метафор, поэт проводит удивительные аналогии между внешним и внутренним, видимым и невидимым, вечным и тленным, небесным и земным, светлым и темным, жизнью и смертью, ночью и днем, явью и сном, чуждым и родным. В его песнях-стихотворениях слышится громохание летних бурь, дыхание полуденного зноя, тишина наплывающих сумерок, шуршание зыбких камышей – безграничная вселенная с ее «сердечными пещерами Сквороды» и «небесными сферами Коперника», отдающаяся нескончаемым эхом гениальной рифмы ее искусного творца.

Исследуя художественные произведения Толстого позднего периода, нельзя не отметить его христианский идеализм и сложившиеся взгляды на духовное и физическое начало в личности. Именно в материальной зависимости индивидуума видит он главную причину нравственной порочности и социальной отсталости

¹⁰⁹⁷ Соловьев В., *Поэзия Ф.И.Тютчева*.

¹⁰⁹⁸ Тургенев И., *Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах. Сочинения*. Москва, 1980, т. 4, с. 526–527.

современного ему общества, в чем, в первую очередь, проявляется сильное влияние Сковороды. Личное признание таланта и интеллекта его чернушского предшественника весьма откровенно звучит в одной из бесед с критиком Измайловым: «Многое из его мировоззрения мне так удивительно близко. Я недавно только что еще раз перечитал его. Мне хочется о нем написать. И я это сделаю. Его биография, может быть, еще лучше его писаний. Но как хороши и писания».¹⁰⁹⁹ Очерком *Г.С.Сковорода* он открыто заявляет о своей приверженности философским идеям малороссийского мыслителя, поэта и писателя, и прозаически интерпретирует его *Пѣснь 1-ю из Сада божественных пѣсней*: «Блажен тот, кто с колыбели посвятил себя Христу, взял иго благое и бремя легкое и привык к нему. Свята такая жизнь. Ни нищета, ни несчастья не будут тяжелы ему; ни огонь, ни меч не разлучат его со Христом. Христос, жизнь моя, умерший за меня! Я должен был посвятить тебе всю жизнь мою – я посвящаю тебе остаток дней моих. Уничтожь черствость моего сердца, зажги в нем твой огонь, чтобы во мне умерли страсти и злые желанья и чтобы я жил для тебя, свет мой!».¹¹⁰⁰ Им параллельно дается самостоятельная трактовка *Всякому городу нрав и права*: «Все люди заботятся только о плотском благе. Купцы обманывают покупателей, чтобы нажить побольше денег; помещики покупают новые имения и разводят лошадей заграничных пород; чиновники льстят своим начальникам, чтобы получить повышение; адвокаты истолковывают законы в своих выгодах; стихотворцы из-за наград пишут льстивые стихотворения вельможам; у студентов болят головы от усиленных умственных занятий. Один озабочен тем, чтобы построить себе дом по новому способу; другой занят охотой, третий каждый день сзывает к себе гостей, четвертый страдает от любви. А у меня одна только дума, одно только не выходит у меня из головы, как бы мне разумно прожить жизнь и разумно умереть. Страшная смерть с занесенной косою! ты не щадишь никого, – ни царя, ни мужика, ты всех уничтожаешь, как огонь солому. Все боятся тебя, кроме тех, чья совесть чиста, как стекло».¹¹⁰¹ Оригинально осмысливается тема бездны, раскрываемая в *Пѣсне 11-й*: «Как нельзя горстью песка засыпать бездонный океан, как нельзя широко

¹⁰⁹⁹ Русское слово, 03.11.1910, № 253, с. 2.

¹¹⁰⁰ Толстой Л., Г.С.Сковорода.

¹¹⁰¹ Там же.

разлившееся пламя потушить одной каплей воды, как нельзя орлу летать в маленьком ящике, так не может дух человеческий удовлетвориться материальными благами. Дух человеческий – это бездна, беспредельная, как небо или море. Неразумные люди долго ли еще вы будете упорствовать в своем заблуждении? Почему вы не думаете о том, кого называют Богом? Почему вы не стараетесь постигнуть его? В искании Бога человек найдет полное удовлетворение стремлениям своего духа».¹¹⁰² Рисуется словесный портрет «слобожанского Сократа», цитируемый из *Жизнь Григорія Сковороды* Коваленского: «Он всегда был весел, добр, подвижен, всем доволен, ко всем ласков, скромн, всем готов услужить, из всего выводил для себя поучение, посещал больных, утешал печальных, делился последним с неимущими».¹¹⁰³ При этом он косвенно ссылается на Вернета, субъективно критикующего принципиального харьковского просветителя: «Кроткий, мягкий и спокойный в своем обращении с людьми, Григорий Саввич, однако, бывал иногда вспыльчив и горяч, когда защищал какую-нибудь дорогую для него истину. Люди, не понимавшие того благородного источника, из которого проистекало это раздражение, сердились на него, были им недовольны. Сам он тоже, конечно, понимал, что никогда, ни при каких обстоятельствах не должно нарушать мир между людьми».¹¹⁰⁴ Толстому была хорошо знакома личная переписка Сковороды и, как доказательство, он приводит отрывок из письма Правицкому, отправленного в октябре 1785 года: «Возлюбленный во Христе брат Иаков! Да будет с тобою тот мир, который выше разума. Прости меня, если я тебя в чем оскорбил, когда гостил у вас. Ты знаешь, что я вспыльчив, но знаешь вместе с тем, что я считаю кротость главным достоинством человека. Если я когда и разгорячусь или надоем, то делаю это не по злобе, но потому, что считаю грехом согласиться с ложью и бороться против истины. Но забудем наши взаимные обиды и помиримся».¹¹⁰⁵ Визуально представив характерные стороны человеческого бытия обоих художников слова, можно мгновенно найти объяснение глубоким симпатиям его аскетического

¹¹⁰² Там же.

¹¹⁰³ Там же.

¹¹⁰⁴ Там же.

¹¹⁰⁵ Там же.

однодумца: «Жить Сквороде везде было легко, потому что он довольствовался очень малым. Спал он на жесткой постели где попало, вставал до зари и любил ходить один по полям, лугам и лесам, обдумывал свои мысли. Одежду носил самую дешевую, старую и простую, ел один раз в день и питался только кореньями, молоком и хлебом. Не ел ни мяса, ни рыбы».¹¹⁰⁶

Толстой символически пробуждается от «непробудного сна» Сквороды и открывает новую страницу своей писательской книги жизни. Ему становятся сроднее вопросы веры, морали и социальных взаимоотношений. Его начинают больше волновать проблемы счастья, смерти, Бога, любви и вечности. Как указывает Эрн на принцип целостности, лежащий в основе учения Сквороды о сердце: «Великий протест Толстого против «научничества» есть прямое продолжение мыслей Сквороды».¹¹⁰⁷ Он в буквальном смысле отрекается от созданных им литературных шедевров и называет эпопею *Война и мир* «многословной дребеденью» и «пустяками». «Первые, прежние мои романы были бессознательное творчество. С «Анной Карениной» ... я расчленил, разделял, анализировал теперь я знаю, что что, и могу все смешать опять и работать в этом смешанном»¹¹⁰⁸ – записано в его дневнике в январе 1891 года. Он предпочитает им новые «религиозные» сочинения, такие как трактат *Царство Божие внутри вас...*, повесть *Божеское и человеческое*, роман *Воскресение* и другие, по стилю напоминающие экзегетические труды его духовного наставника, первым бросившим вызов официальной церкви. По примеру Сквороды, он творит яркие картины весеннего обновления природы, противопоставляя их грязным городским мостовым: «Солнце грело, трава, оживая, росла и зеленела везде, где только не соскребли ее, не только на газонах бульваров, но и между плитами камней, и березы, тополи, черемуха распускала свои клейкие и пахучие листья, липы надували лопавшиеся почки; галки, воробьи и голуби по-весеннему радостно готовили уже гнезда, и мухи жужжали у стен, пригретые солнцем. Веселы были и растения, и птицы, и насекомые, и дети. Но люди – большие, взрослые люди – не переставали обманывать и мучать себя и друг друга. Люди считали, что свяшенно и

¹¹⁰⁶ Там же.

¹¹⁰⁷ Эрн В., Григорий Саввич Скворода. Жизнь и учение. Москва, 1912, с. 116.

¹¹⁰⁸ Толстой Л., Полное собрание сочинений. Москва, 1953, т. 52, с. 6.

важно не это весеннее утро, не эта красота мира Божия, данная для блага всех существ, – красота, располагающая к миру, согласию и любви, а священно и важно то, что они сами выдумали, чтобы властвовать друг над другом».¹¹⁰⁹

Моральные императивы Толстого, выступающие фундаментом толстовства, его реформаторского восприятия религии, содержат тезис о несопротивлении, заимствованный из Евангелия от Матвея: «Будь добрым и не противодействуй злу насилием».¹¹¹⁰ Они несут в себе общие черты с европейским протестантизмом, отдельные элементы которого подобным образом встречаются у Сковороды, как, например, «Кирка¹¹¹¹ значит двор Божій...»,¹¹¹² или у Тютчева: «Я лютеран люблю богослуженье...».¹¹¹³ После встречи с Толстым в Париже в 1857 году, Тургенев напишет: «...странный он человек, я таких не встречал и не совсем понимаю. Смесь поэта, кальвиниста, фанатика, барича – что-то напоминающее Руссо, но честнее Руссо...».¹¹¹⁴ Аналогичное мнение высказывается Перцельне Козмой в публикации *Tolsztoj és szabadelvű egyházak*:¹¹¹⁵ «Несмотря на отчаянную борьбу против церкви, мысли Толстого настолько схожи с современным протестантизмом, особенно с либеральными взглядами унитарской церкви, в чем поистине может убедиться лишь тот, кто ставит целью изучение как его, так и унитарской литературы».¹¹¹⁶ Кроме этого, он активно интересуется Темеркенем, венгерским писателем-назарянином, журналистом, этнографом, археологом, музеологом и библиотекарем, автором *Nazarénusok*,¹¹¹⁷ *A fegyvertelenek*,¹¹¹⁸ *Baptisták és nazarénusok*,¹¹¹⁹ *Borfejtésnél*¹¹²⁰ и т.д., на что в сборнике *Századok öröksége*¹¹²¹ обращает внимание украинский историк Штернберг.¹¹²² В январе 1911 года

¹¹⁰⁹ Толстой Л., Собрание сочинений. Воскресение. Москва: Художественная литература, 1975, т. 11, с. 7–8.

¹¹¹⁰ Толстой Л., Закон насилия и закон любви.

¹¹¹¹ Протестантская церковь (от нем. kirche).

¹¹¹² Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 1, с. 271.

¹¹¹³ Тютчев Ф., Стихотворения. Письма. Москва: Правда, 1986, с. 52.

¹¹¹⁴ Тургенев И., Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах. Сочинения. Москва, 1980, т. 3, с. 52.

¹¹¹⁵ Толстой и либеральные церкви (венг.).

¹¹¹⁶ Perczelné Kozma F., Tolsztoj és szabadelvű egyházak. Budapest: Pátria, 1905, с. 1.

¹¹¹⁷ Назаряне (венг.).

¹¹¹⁸ Безоружные (венг.).

¹¹¹⁹ Баптисты и назаряне (венг.).

¹¹²⁰ Переливая вино (венг.).

¹¹²¹ Наследие столетий (венг.).

¹¹²² Váradi-Sternberg J., Századok öröksége. Tolsztoj, a magyar nazarénusok és Tömörkény István. Tanulmányok az orosz-magyar és ukrán-magyar kapcsolatokról. Gondolat Kiadó–Kárpáti Kiadó. Budapest–Uzsgorod, 1981, с. 334.

сегедская газета *Délmagyarország*¹¹²³ в статье *A Tolsztoj levelezése az Arad megyei nazarénusokkal*¹¹²⁴ сообщала, что Толстой «впервые услышал о венграх в девяностых годах от венгерских назарян» из деревни Отлака,¹¹²⁵ пославших ему письмо как «апостола новой веры», ищущему «лучшего и справедливого жизненного пути».¹¹²⁶ Начиная с 1887 года, он вплотную подходит к вопросам назарянства, напоминая ему сектантские течения в России, в частности, отказом принятия военной присяги и оружия. Во время поездки по Австро-Венгрии в 1894 году, он знакомится с Маковицким, отлично владевшим венгерским языком и впоследствии ставшим его «лекарем души» и секретарем, который по его просьбе подготовил исследование *A nazarénusok Magyarországon*,¹¹²⁷ напечатанное в пражском журнале *Našu doba*.¹¹²⁸ Следует также добавить имя другого словацкого врача, Шкарвана, из непосредственного окружения писателя, ранее нежелавшего служить в австрийской армии. Никакой информации о переписке Толстого с Темеркеньем, возглавлявшим назарянское движение, не сохранилось, но она могла вестись через его домашних врачей. В 1895 году философ Шмитт в письме Толстому из Будапешта подробно описывает деятельность назарян, объясняя их основные взгляды, хотя сам их почему-то не разделял. В своем ответе, он высказывает личные соображения по этому поводу: «Они в душе сильные люди, которые веру свою дословно претворяют в жизнь. Любой из них значит больше в царстве Божьем, чем многие сотни или тысячи других людей, которые только говорят, но не делают... Будущее христианства осуществляют они, а не паразиты, эти простые люди и труженники».¹¹²⁹ В семидесятилетний юбилей Толстого, Шмитт символически сравнивает его с пророком Даниилом, который «остался невредим в львиной пещере и раскаленной печи, и ... издали в вышине увидел явление Сына, принявшего облик человека. Словно исполнив приговор, он морально похоронил старый мертвый мир, старую ночь и, как посланник,

¹¹²³ Южная Венгрия (венг.).

¹¹²⁴ Переписка Толстого с назарянами Арадской области (венг.).

¹¹²⁵ Современное название Otllaka (румынское Grăniceri).

¹¹²⁶ Там же, с. 335.

¹¹²⁷ Назаряне в Венгрии (венг.).

¹¹²⁸ Наши дни (чеш.).

¹¹²⁹ Migray J., Egy magyar filozófus hatása Tolsztoj Leóra. Független Magyarország, 20.05.1909.

предшествует восходу солнца, воскресению духа нового мира».¹¹³⁰

Духовная связь Сковороды и Толстого, по свидетельству Эрна, наиболее логически ощущается в их синодальном отдалении: «Бессознательное отталкивание Сковороды от Церкви, стоящее в противоречии с высшим разумом его же собственного мировоззрения, повторяется в невысказанной трагедии жизни Толстого. Этот великий гений внутренне надламывается от того же самого, что удерживало Сковороду от высшего просветления и не давало ему окончательно вспыхнуть и загореться вселенским светом».¹¹³¹ В феврале 1901 года в *Церковных ведомостях* было опубликовано официальное определение Святейшего Синода этому трагическому эпизоду в биографии яснополянского последователя Сковороды: «...Известный миру писатель, русский по рождению, православный по крещению и воспитанию своему, граф Толстой, в прельщении гордого ума своего, дерзко восстал на Господа и на Христа Его и на святое Его достояние, явно пред всеми отрекся от вскормившей и воспитавшей его Матери, Церкви православной, и посвятил свою литературную деятельность и данный ему от Бога талант на распространение в народе учений, противных Христу и Церкви, и на истребление в умах и сердцах людей веры отеческой, веры православной, которая утвердила вселенную, которою жили и спасались наши предки и которою доселе держалась и крепка была Русь святая. В своих сочинениях и письмах, в множестве рассеиваемых им и его учениками по всему свету, в особенности же в пределах дорогого Отечества нашего, он проповедует, с ревностью фанатика, ниспровержение всех догматов православной Церкви и самой сущности веры христианской; отвергает личного живаго Бога, во Святой Троице славимого, Создателя и Промыслителя вселенной, отрицает Господа Иисуса Христа – Богочеловека, Искупителя и Спасителя мира, пострадавшего нас ради человек и нашего ради спасения и воскресшего из мертвых, отрицает бессеменное зачатие по человечеству Христа Господа и девство до рождества и по рождестве Пречистой Богородицы Приснодевы Марии, не признает загробной жизни и мздовоздаяния, отвергает все таинства Церкви и благодатное в них действие Святого Духа и,

¹¹³⁰ Schmitt J., Tolsztoj Leó. Költő és proféta. Magvető Könyvkiadó. Budapest, 1978, с. 75.

¹¹³¹ Эрн В., Григорий Саввич Сковорода. Жизнь и учение. Москва, 1912, с. 116.

ругаясь над самыми священными предметами веры православного народа, не содрогнулся подвергнуть глумлению величайшее из таинств, святую Евхаристию. Все сие проповедует граф Толстой непрерывно, словом и писанием, к соблазну и ужасу всего православного мира, и тем неприкровоенно, но явно пред всеми, сознательно и намеренно отторг себя сам от всякого общения с Церковью православною. Бывшие же к его вразумлению попытки не увенчались успехом. Посему Церковь не считает его своим членом и не может считать, доколе он не раскается и не восстановит своего общения с нею. ...Посему, свидетельствуя об отпадении его от Церкви, вместе и молимся, да подаст ему Господь покаяние в разум истины (2 Тим. 2:25). Молимтися, милосердый Господи, не хотяй смерти грешных, услыши и помилуй и обрати его ко святой Твоей Церкви. Аминь».¹¹³²

Несмотря на фактическое подобие и определенное совпадение биографических деталей и реалий, неожиданный отъезд Толстого из фамильного имения в Ясной Поляне радикальным образом отличается от предсказуемого ухода Сковороды из абсурдного мира поповского мракобесия, царившего в богословских коллегиумах Переяслава и Харькова. Если первый покидает, будучи обеспеченным, в тайном предчувствии собственной смерти, то второй совершает это в абсолютном сознании и полном расцвете физических сил с заветной мыслью о социальной свободе и вечном поиске философской истины, но не имеющим каких-либо средств для дальнейшего существования. Оставляя материальные блага семьи, один из них, хотя и лишенный жизненной энергии, подхватывает страннический посох и пытается повторить нравственный подвиг своего предшественника, но вынужден прервать этот нелегкий путь и вернуться, чтобы снова навеки уйти. Другой добровольно возвращается в семейный круг близких ему людей и, по сути, принимает смерть осознанно и без всякого чувства человеческого страха, одновременно оставаясь невостребованным и одиноким, но никем непокоренным или пойманным в сети. Как полагает Эрн: «Величие этого шага столь огромно, что Сковорода в своей скромности смело может быть

¹¹³² Определение Святейшего Синода от 20–22.02.1901 года, с посланием верным чадам православныя грекороссийския церкви о графе Льве Толстом. Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем Правительствующем Синоде, 24.02.1901, № 8, с. 45–47 (общая годовая пагинация).

сопоставлен с двумя другими героическими типами философов, известных истории философии, – с Джордано Бруно и с Сократом. Величие характера Бруно проявляется в темнице и на костре. Беспокойная и кочевая жизнь его не представляет ничего особенного до тех пор, пока предательством коварного ученика своего он не попадает в руки венецианских инквизиторов. Его дух после нескольких колебаний в сторону слабости и растерянности загорается жертвенным пламенем в заключении. И только чтение смертного приговора придает окончательный закал его воле, и он произносит слова, которые стоят всей его философии: «Вы произносите приговор с большим страхом, чем я его слушаю»... Сковорода достаточно велик уже тем, что в некоторых отношениях он был жизненно подобен Сократу; и современники Сковороды, и те, кто слышали о нем по рассказам отцов, были поражены и изумлены живым явлением сократического духа в Сковороде...».¹¹³³

Аналогичный интерес к венгерской культуре и истории проявлял и Чернышевский, публицист, литератор, редактор журнала *Современник*, за политические убеждения объявленный «государственным преступником» и посаженный на 688 дней в одиночную камеру Алексеевского рavelина. Его профессором в Санкт-Петербургском университете был Срезневский, известный филолог-славист, палеограф, этнограф и автор работ *Отрывки из записок о старце Григории Сковороде*,¹¹³⁴ *Выписки из писем Г.С.Сковороды*¹¹³⁵ и повести *Майор, Майор*,¹¹³⁶ посетивший Северную Венгрию в 1839–1842 годах. Под его научным руководством, Чернышевским была написана известная *Ипатьевская летопись*, но, при всем уважении к своему учителю, он не поддерживал его критические взгляды на венгерские революционные события 1848–1849 годов и открыто выступал на стороне реформатора Кошута, одного из организаторов, называя его народным трибуном. Он регулярно обращался к этой теме, несмотря на строгий запрет и цензуру, и осуждал военное вмешательство Николая I. По его мнению, мартовская революция коренным образом изменила социально-экономические отношения в

¹¹³³ Эрн В., Григорий Саввич Сковорода. Жизнь и учение. Москва, 1912, с. 51.

¹¹³⁴ Срезневский И., Отрывки из записок о старце Григории Сковороде. Утренняя звезда. Харьков, 1834, кн. 1.

¹¹³⁵ Срезневский И., Сочинения. Харьков, 1861.

¹¹³⁶ Там же.

стране и положила конец крепостному праву. Спустя десять лет, он заметит, что народ никогда не забудет эту славную победу над австрийцами, невзирая на тяжкое кровопролитие, последовавшее за ее поражением.¹¹³⁷ Его социологический роман *Что делать?*, параллельно озаглавленный *Из жизни новых людей*, построен на образах разночинцев, прогрессивно настроенной части российской интеллигенции, несущей высокие моральные идеалы и всецело преданной науке и общественному образованию. Пафосное восклицание Чернышевского о будущем России, «Оно светло, оно прекрасно. Любите его, стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его, переносите его в настоящее, сколько можете перенести», явно созвучно с символическим обращением Сковороды к Коваленскому в трактате *Диалог. Имя ему – Потоп зміин*: «Что есть прекрасна радуга? Не радость ли есть радуга? Не сонце ли зрит свой образ во зеркалѣ вод облачных? Не сонце ли зрит на сонце, на второе свое сонце? На образ образуемый, на радость и на мир твердый? Не туда ли зрит сей вождь наш, не туда ли волхвы ведет? Останься ж, сонце и луна! Прощай, огненная бездно! [Прости, западное сонце!] Мы сотворим свѣт лучшій. Созиждем день веселѣйшій. Да будет свѣт – и се бысть свѣт. Да станет сонце и луна! Да станет и утвердится! Да свѣтит во вѣки вѣков! И се ста сонце и луна! Новая луна и сонце. От Бога божественное».¹¹³⁸

Сопоставляя Сковороду, Эрн еще указывает на Соловьева, чей гностицизм выступает как дальнейшее продолжение не только высших, но и низших моментов мышления, и чья «...близорукость в понимании сущности зла расцветает теократическим искушением...».¹¹³⁹ По линии матери, Поликсены Владимировны, он происходил из старинной украинско-польской семьи Романовых, а его двоюродным прадедом являлся Сковорода. Он стоял у истоков духовного возрождения русской интеллигенции и оказал большое влияние на христианскую философию Бердяева, Булгакова, братьев Трубецких, Флоренского, Франка, а также на литературное творчество поэтов-символистов Белого, Блока и других. Профессор Марцинковский, филолог, писатель и публицист, считает, что его

¹¹³⁷ Csernisevszkij a magyarokról. Budapest, 1951, с. 83–85.

¹¹³⁸ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 2, с. 135.

¹¹³⁹ Эрн В., Григорий Саввич Сковорода. Жизнь и учение. Москва, 1912, с. 116.

религиозное мировоззрение может быть вполне охарактеризовано как пансофия, всемудрость Коменского, несущая в себе «...следы той великой мысли, которая все объемлет, осмысливает и объединяет космос...».¹¹⁴⁰ Соловьевым решается три важных вопроса: что есть добро, что есть красота и что есть истина, выражаемых в душе каждого как воля, чувство и разум. В труде *Оправдание добра* им объясняется антропология человека, его натура, и устанавливаются нормы морального поведения. Верить в Бога – это нравственная обязанность, пренебрежение которой лишает человеческого достоинства, заключает он в сочинении *Духовные основы жизни*. Он приписывает Богу сверхличность и учит, что все есть Творец, тем самым проводя границы между добром и злом, и провозглашая необходимость смирения, обуславливающую внутреннее совершенствование. Как основу нравственности, он выделяет сочувствие равным, из которого вытекает вера в Бога, сотворившего человека по своему образу и подобию. Следующим у него представлено должное отношение к тому, что ниже – телу, физиологическим инстинктам и материальным потребностям. Благоговение, сострадание и самообладание – это основные черты нормальной, духовно здоровой личности, ее трех нераздельных добродетелей, постоянно дополняющих друг друга. В докторской диссертации *Критика отвлеченных начал* он осуждает поклонение модным течениям, подрывающим приоритет библейского откровения о Боге. Практический путь, ведущий к выражению благочестия, лежит через неустанную молитву. Любовь к ближнему проявляется в милостыне и милосердии. Господство духа над плотью укрепляется тремя постами: ума – в воздержании от мудрствования, воли – противопоставленной самолюбию и чувств – обуздающих эмоции. Процесс внутреннего преобразования зиждется на отвращении к злу, освобождении от греха и принятием Христа, творящим новую личность. В отличие от Канта, провозглашающего гетерономность, чужезаконность нравственности, он доказывает, что мораль автономна, самозаконна и основывается на гармонии возвышенных желаний и свободы долга, совпадающих с велениями Бога. Согласно его этики, само благо нисходит от неба, осеняет и преображает как свободное

¹¹⁴⁰ Марцинковский В., Соловьев и Евангелие, с. 13.

волеизъявление, гармонически соединяющее радость и блаженство в действии. Он считает, что истинная нравственность религиозна, а истинная религия нравственна. По его полному убеждению, христианство предстает активным богодеянием, претворяющим материю в дух, а физическую жизнь в духовную, и убеждает индивидуума жить в Боге, приобщаясь к нему и облагораживаясь через него.¹¹⁴¹

В статье *Рыцарь-монах* Блок настаивает на внимательном прочтении поэмы *Три свидания* для правильного восприятия Соловьева: «Этот образ дан самой жизнью, он – не аллегория, ни в каком смысле; пусть будет он предметом научного исследования, самое существо его неразложимо; он излучает невещественный золотой свет».¹¹⁴² Действительно, как благородный рыцарь святой Софии, как «честный воин Христов»,¹¹⁴³ во всеоружии природной мудрости он резко критикует Канта, отрицающего возможность познания метафизического, а вместе с ним и Конта, за исключением социальной физики, не признающего ни логики, ни психологии. Он блестяще опровергает обоих, доказывая, что трансцендентное постижимо. Ему, как и его далекому предку, писавшему: «...и весьма немногих мати родила, напримѣр, к філософіи, к ангелскому житію»,¹¹⁴⁴ абсолютно чуждо мещанское стремление к материальному и не менее «тесно летать в клетке» материализма, ограничивающей философский размах его орлиных крыльев. Подобно Сквороде, Достоевский в романе *Бесы* тоже размышляет «...о женственной сущности мира, о таинственном отношении ... к Деве, превосходящей разум премудрых».¹¹⁴⁵ Устами героини Марии Тимофеевны им произносится символический вопрос: «Богородица что́ есть, как мнишь?». «Великая мать, отвечаю, упование рода человеческого». – «Так, говорит, Богородица – великая мать сыра земля есть, и великая в том для человека заключается радость. И всякая тоска земная и всякая слеза земная – радость нам есть; а как напоишь слезами своими под собой землю на пол-аршина в глубину, то тотчас же о всем и возрадуешься. И никакой, никакой, говорит горести твоей больше не будет, такого,

¹¹⁴¹ Там же, с. 13–22.

¹¹⁴² Блок А., Собрание сочинений в 6-ти томах. Москва: Правда, 1971, т. 5, с. 351.

¹¹⁴³ Там же, с. 349.

¹¹⁴⁴ Скворода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 1, с. 114.

¹¹⁴⁵ Эрн В., Григорий Саввич Скворода. Жизнь и учение. Москва, 1912, с. 116.

говорит, есть пророчество».¹¹⁴⁶ В его представлении, главная цель искусства есть божественное провидение, выраженное в совершенной красоте, высшей силе, способной перевернуть все земное, о чем он с пафосом восклицает: «Господа, ...мир спасет красота!».¹¹⁴⁷ Под влиянием Сковороды: «...полза со красотой, красота же с ползою нераздѣльна ... благодвоеобразна, и мати и дѣва, и дѣвствует и раждает едину дочь»,¹¹⁴⁸ и непосредственно автора *Идиота*: «Красоту трудно судить... Красота – загадка»,¹¹⁴⁹ Соловьев проникается мыслью о «нетленной порфире», ощущаемой как «сиянье Божества», и раскрывающей суть вселенской христианской веры. Следуя примеру философов вечной женственности, он эмпирически трактует грядущее торжество Христа в «целом человеке», познающем себя и истину. Как отмечает Эрн: «...учение Сковороды о сердце как центре и целостном начале душевной жизни повторяется Юркевичем и становится у него основой первой в России глубокой критики Канта, повлиявшей на Соловьева, а через Соловьева отразившейся и на Л.М.Лопатине. И тут опять мы видим органический рост и плодотворное развитие тех самых идей, первые ростки которых находим у Сковороды».¹¹⁵⁰

В поэзии Соловьева вечноженское осмысливается как явление космического характера, представленное новым религиозным мировоззрением, что в значительной мере импонировало молодому Блоку, его последователю и ученику, видевшему свои переживания и чувства к Менделеевой воплощением некоего божественного начала. В книге *Стихи о Прекрасной Даме* он наделяет ее идеальными чертами и атрибутами божественности, как, например, бессмертием, безграничностью, всемогуществом, премудростью, превращая свою музу в ипостась Божества, а окружающий мир в одну из сфер, лежащих «под ее ногами»,¹¹⁵¹ напоминая Пречистую Деву из *Мелодии* Сковороды:

Я и мир – снега, ручьи,
Солнце, песни, звезды, птицы,

¹¹⁴⁶ Достоевский Ф., Полное собрание сочинений в 30-ти томах. Ленинград: Наука, 1974, т. 10, с. 116.

¹¹⁴⁷ Там же, т. 8, с. 317.

¹¹⁴⁸ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 2, с. 98.

¹¹⁴⁹ Достоевский Ф., Полное собрание сочинений в 30-ти томах. Ленинград: Наука, 1974, т. 8, с. 66.

¹¹⁵⁰ Эрн В., Григорий Саввич Сковорода. Жизнь и учение. Москва, 1912, с. 116.

¹¹⁵¹ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 1, с. 90.

Смутных мыслей вереницы –
Все подвластны, все – Твои!¹¹⁵²

Этим определяется символическая направленность лирики поэта, в которой доминируют образы, воспринимаемые внутренним оком и постоянно переходящие из конкретно-чувственных в абстрактно-таинственные. Библия, Платон, Фет и Брюсов – таков широкий спектр духовного влияния, прослеживаемый в его стихотворениях раннего периода, причем библейские и церковные мотивы звучат гимном страстной любви:

О, Святая, как ласковы свечи,
Как отрадны Твои черты!
Мне не слышны ни вздохи, ни речи,
Но я верю: Милая – Ты.¹¹⁵³

Несмотря на абсолютную гармонию и романтическое ликование, в его душе вскоре наступает горькое разочарование, выражаемое в следующем цикле, озаглавленном *Распутья*:

Я печальными еду полями,
Повторяю печальный напев.
Невозможные сны за плечами
Исчезают, душой овладев.¹¹⁵⁴

Здесь уже ощущается определенная душевная тревога, включающая апокалиптические настроения, как предчувствие неизбежного конца и ожидание катастрофы:

Снова нахмурилось небо, и будет ненастье.
Сердцу влюбленному негде укрыться от боли.
Так и счастливому страшно, что кончится счастье.
Так и свободный боится неволи.¹¹⁵⁵

Косвенной ссылкой на Сковороду и его странническую манеру звучит четверостишие, написанное 25 марта 1903 года, содержащее целый ряд

¹¹⁵² Блок А., Собрание сочинений в 6-ти томах. Москва: Правда, 1971, т. 1, с. 144–145.

¹¹⁵³ Там же, с. 169.

¹¹⁵⁴ Там же, с. 174.

¹¹⁵⁵ Там же, с. 189.

традиционных символов: дубовый посох, грубые одежды, дорога, солнце, потайная дверь, месяц, звезды и т.д., явно ассоциируемых с жизненными скитаниями малороссийского философа в Слобожанщине:

Я вырезал посох из дуба

Под ласковый шепот вьюги.

Одежды бедны и грубы,

О, как недостойны подруги!¹¹⁵⁶

То же самое может быть отнесено к посвящению А.М.Добролюбову с типичными элементами странничества Сковороды, его осознанной безбытности и социальной призрачности, аскетического пафоса, истолкованными в категориях платонизирующего символизма, ранее подхваченного Толстым, Соловьевым и Достоевским. Метафизика поэтического странствования Блока аналогично делится на внешнее и внутреннее посредством реальности временного пространства и познания собственной истины. В его стихотворении обе плоскости символизируются подростком, странствующим с посохом в руках и образно играющим «в жмурки с Вечностью»,¹¹⁵⁷ а также завившимися стеблями полевых цветов, стремящимися подняться к небу. Яркие антитезы «дерзок и тонок», «слабый и хилый» и «детски-высок» помогают еще динамичнее продемонстрировать весь процесс морального становления будущей личности:

Стебель вселенского дела

Гладит и кличет: «Молись!»

Вкруг исхудалого тела

Стебли цветов завились...¹¹⁵⁸

Символ человека-скитальца, челнока в бушующем море жизни, переключается с *ПБсней 14-й* и получает самостоятельную трактовку в одном из стихотворений июля 1903 года. Безмолвная пристань, как сковородиновская *кефа*,¹¹⁵⁹ видимая лишь сердцем, совсем близка, невзирая на огромные волны «в седых кудрях»,¹¹⁶⁰

¹¹⁵⁶ Там же, с. 191.

¹¹⁵⁷ Там же, с. 193.

¹¹⁵⁸ Там же.

¹¹⁵⁹ Скала (евр.).

¹¹⁶⁰ Там же, с. 198.

бьющиеся «страшно и тяжело в морской песок»,¹¹⁶¹ и только какой-то незнакомый голос указывает на единственно правильный путь к спасению:

И слышу, слышу, будто кричу:

«Поставьте в море на камне свечу!

Когда пристанет челнок жены,

Мы будем вместе с ней спасены!»¹¹⁶²

Зажженная свеча, подразумевающая неугасимую веру в Христа, вместе с философским камнем мудрости, регулярно фигурирует в символике его поэзии:

Ему непомерность мою вручу,

Когда отыду на вечный сон.

Ей в мире оставлю мою свечу,

Оставлю мой камень, мой здешний звон.¹¹⁶³

Вербная суббота, красочно воспевающая совершенство человеческой души в гармоническом союзе с пасхальной природой, не менее созвучна с *ПЪсней 16-й*:

Прозрачная тучка. Жемчужный узор.

Там было свиданье. Там был разговор...

И к утру лишь бледной рукой отперлась,

И розовой зорькой душа занялась.¹¹⁶⁴

Σοφία,¹¹⁶⁵ отдающаяся дальним эхом *Разговора, называемый алфавит, или букварь мира*, гармонично повторяет древнюю мудрость о том, что «истина безначальна»,¹¹⁶⁶ а, следовательно, не имеет конца:

В Дельфийском храме новый бог

Под камнем Пифии священной

Возвысил голос, – и не мог

Развеять пламень сокровенный.¹¹⁶⁷

Принцип целостности, развиваемый Блоком, созидающим свой литературный храм

¹¹⁶¹ Там же, с. 199.

¹¹⁶² Там же.

¹¹⁶³ Там же.

¹¹⁶⁴ Там же, с. 202.

¹¹⁶⁵ Мудрость (греч.).

¹¹⁶⁶ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 1, с. 413.

¹¹⁶⁷ Блок А., Собрание сочинений в 6-ти томах. Москва: Правда, 1971, т. 1, с. 352.

на *петре*¹¹⁶⁸ Сковороды, полон множества разнообразных форм и проблем, всегда решаемых им по-новому, но при этом оставаясь преданным основным духовным идеалам, что видно на примере *Поэмы философской*:

Здесь на земле единокельны
И дух и плоть путем одним
Бегут, в стремленьи нераздельны,
И Бог – одно начало им.¹¹⁶⁹

Белый справедливо замечает, что для того, чтобы понять Блока, необходимо уяснить связь сборника *Стихов о Прекрасной Даме* с поэмой *Двенадцать*, в которой символическая трактовка Христа – это логическое продолжение его взглядов в революционных условиях:

...Так идут державным шагом –
Позади голодный пес,
Впереди – с кровавым флагом,
И за вьюгой невидим,
И от пули неведим,
Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз –
Впереди – Иисус Христос.¹¹⁷⁰

Под символом «двенадцати» подразумеваются апостолы, маршем идущие за их вождем, но не видящие его сердцем, а поэтому их «свобода ... без креста»¹¹⁷¹ обречена на провал, как лишенная твердой христианской веры. Скрытый смысл этого произведения может быть постигнут с помощью монолога Сковороды *Убуждшися видѣша славу его*, гласящим: «Слушай, христіанине, с твоим языческим сердцем! Долго ль тебѣ лежать на земли? Будеш ли ты когда-нибудь человеком? Не будеш – для чего? Для того, что на плотскую занавѣсу засмотрѣлся, а на лице истиннаго Божіею человѣка смотрѣть никак твоему оку

¹¹⁶⁸ Каменная гора (греч.).

¹¹⁶⁹ Там же, с. 357.

¹¹⁷⁰ Там же, т. 3, с. 243.

¹¹⁷¹ Там же, с. 235.

нетерпеливно. Не преобразишься ты из земного в небесного потопь, поколь не увидишь Христа, потопь, поколь не узнаешь, что есть истинный человек. А что ж есть истинный человек? Не продереш глаз потопь, поколь плоть и кровь твое сердце держать будет. Но долго ль будет держатся? Поколь не признаешься, что твоя плоть и кровь ничто. Твое собственное сюди завело тебе мнѣние: от славы своей низрыновенны быша, лишены славы Божія... Научились мы братью нашу судить по плоти: так и на Христа смотрим, одни толко пѹстоши на нем примѣчая, не на самого его, не на славу его смотря. Правда, что Павел говорит: «Преобразит тѣло смиренія нашего, во еже быти ему сообразну тѣлу плоти его»».¹¹⁷² *Двенадцать* выступает антитезой *Стихам о Прекрасной Даме*, противопоставлением всего уродливого и языческого всему прекрасному и божественному. Это искренная исповедь, полная правды и сарказма, абсолютно неотделимая от *Скифов* и «России-Сфинкса» с высоко поднятой головой, равноапостольно возвышающегося в одном ряду с загадочными «льводѣвами» Сковороды, Тютчева и Достоевского:

Россия – Сфинкс. Ликуя и скорбя,

И обливаясь черной кровью,

Она глядит, глядит, глядит в тебя,

И с ненавистью, и с любовью!..¹¹⁷³

В отличие от его предшественников, $\zeta\phi\acute{\upsilon}\gamma\zeta$ ¹¹⁷⁴ Блока – это «безмолвная сказка пустынь»,¹¹⁷⁵ «тайный намек»,¹¹⁷⁶ воплощение всемирной любви «на забытом, живом языке»,¹¹⁷⁷ гневно осуждающий ужасы войны и призывающий враждебные расы здравомыслящих галлов, сумрачных германов и свирепых гуннов опомниться, вставить «старый меч в ножны»¹¹⁷⁸ и придти на «братский пир труда и мира».¹¹⁷⁹ Как пишет Сковорода в экзегетическом трактате *Диалог. Имя ему – Потоп зміин*: «Вот тебѣ сфынкс! А ты дрѣмаеш и играеш! Неслышиш ли Соломона: «Любяй бѣду достоин ея». Разумѣши ли, яко нынѣ стрѣтает и ожидает

¹¹⁷² Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 1, с. 137.

¹¹⁷³ Блок А., Собрание сочинений в 6-ти томах. Москва: Правда, 1971, т. 3, с. 245.

¹¹⁷⁴ Сфинкс (греч.).

¹¹⁷⁵ Там же, т. 1, с. 260.

¹¹⁷⁶ Там же.

¹¹⁷⁷ Там же.

¹¹⁷⁸ Там же, т. 3, с. 245.

¹¹⁷⁹ Там же, с. 246.

тебе – или преблаженна побѣда, или совершенная бѣда? Аще рѣшиш гаданіе ся, аще достанеш острогорній оный град, град Давір, град премудрости и грамоты ея премудрыя, град оный апокалипсный, град драгоцѣннокаменный, единый, возлюбленный Давіду град оный – «Кто воведет мя во град утвержен?» – Се мир тебѣ и милость во вся дни живота твоего! И дѣва и жена твоя се, яко лоза виноградная, в боках телѣснаго дому твоего родит тебѣ сыны сіонскія и дщери іерусалимскія, не от крове, но от Бога раждаемыя, яко же пишется: «Блажен, иже имать сродники своя в Сіонѣ и племя свое во Іерусалимѣ»».¹¹⁸⁰

Символ «Святой Руси», воспевающий вечноженственное и олицетворяющий отечество, занимает одно из самых центральных мест в поэзии и прозе вышеназванных художников русской словесности. Если у Сковороды это «мати моя, Малороссія, і тетка моя Украина...»,¹¹⁸¹ то у Блока – супруга: «О, Русь моя! Жена моя!»,¹¹⁸² горько оплакивающая смерть мужа, героически павшего в кровавой битве с татарской ордой на Куликовском поле.¹¹⁸³

Я – не первый воин, не последний,

Долго будет родина больна.

Помяни ж за раннею обедней

Мила друга, светлая жена!¹¹⁸⁴

Это «Дева-Революции», символизирующая грядущие перемены, за которой осторожно ступает поэт, как сквородиновский Наркисс, «...влюбившійся смертно в самага себе...»:¹¹⁸⁵

О, Дева, иду за тобой –

И страшно ль идти за тобой

Влюбленному в душу свою,

Влюбленному в тело свое?¹¹⁸⁶

Это «нищая страна» с ее вековой расхлябанностью, серостью, песенностью, первой любовью, разбойной красотой, обманом, туманом, заботой, болью, слезой, шумной

¹¹⁸⁰ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 2, с. 152.

¹¹⁸¹ Там же, с. 356.

¹¹⁸² Блок А., Собрание сочинений в 6-ти томах. Москва: Правда, 1971, т. 3, с. 158.

¹¹⁸³ Там же, с. 159.

¹¹⁸⁴ Там же.

¹¹⁸⁵ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 1, с. 154.

¹¹⁸⁶ Блок А., Собрание сочинений в 6-ти томах. Москва: Правда, 1971, т. 2, с. 264.

рекой, лесами, полями, узорными платками, дорогами, мгновенными взорами, острожной тоской и глухой песней ящика, звучащей надеждой на лучшее будущее:

Россия, нищая Россия,

Мне избы серые твои,

Твои мне песни ветровые –

Как слезы первые любви!¹¹⁸⁷

Это «затерянная тайна» величаво бескрайной и «неведомой Руси», в которой одинокий монах печально поет посреди покрытых инеем елей и виднеющихся вдаль под синими облаками деревень на фоне белеющего снега:

Один иду по бездорожью.

Белеют мертвые снега...

Я темный инок – песня Божья

В душе уныла и долга.¹¹⁸⁸

Это сошедшая с небес богиня, неизмеримая и сокрытая от умов, окруженная серафимами, приносящими «священный сон избранникам миров»:¹¹⁸⁹

И мнилась мне Российская Венера,

Тяжелою туникой повита,

Бесстрастна в чистоте, нерадостна без меры,

В чертах лица – спокойная мечта.¹¹⁹⁰

В письме Станиславскому в 1908 году, поэт открыто пишет, что он «сознательно и бесповоротно» посвятил этой теме всю жизнь, сохранив литературную форму и художественное содержание своего поэтического слога, свободного от «публицистического разгильдяйства» и пренебрежения «математической точности, строжайшей шлифовки драгоценного камня...».¹¹⁹¹ В его вечноженской лирике подразумевается нетленное, вселенски непреходящее, независимое от времени и пространства, духовно целостное, видимое и познаваемое сердцем через внутреннюю суть человеческого существования, выражающее поистине сокровенные мысли Блока-творца – «золотые россыпи» его беспокойной души.

¹¹⁸⁷ Там же, т. 3, с. 162.

¹¹⁸⁸ Там же, с. 320.

¹¹⁸⁹ Там же, т. 1, с. 92.

¹¹⁹⁰ Там же.

¹¹⁹¹ Там же, с. 25–26.

Продолжая рассуждать о месте «знакомых ликов»¹¹⁹² Соловьева, всегда терзаемого «несоответствием между всей своей литературно-философской деятельностью и своим сокровенным желанием ходить перед людьми»,¹¹⁹³ как пишет о нем его последователь Белый (Бугаев), можно с уверенностью заявить, что Блок выступает именно тем звеном, которое логически соединяет этих литераторов на историческом рубеже двух различных политических эпох. Приобщение Белого к восточной и западной философии происходит в доме Михаила Сергеевича Соловьева, младшего брата поэта-философа, не менее увлеченного антропософией их далекого предка Сковороды. Его сын и близкий друг Белого, Сергей Михайлович Соловьев, с внучатой любовью воспевал имена своих великих предков, включая Коваленского, по линии матери Ольги Михайловны, внучки харьковского ученика странствующего слобожанина:

Блуждающий мудрец Сковорода,
Святой чудак, веселый сын Украины,
Он полон был каких-то чудных сил,
Воистину горел в нем пламень Божий.
И для него последней кельей был
Чертог великолепного вельможи.
Текла привольно жизнь Сковороды:
Как птица, он не собирал, не сеял,
Мой предок сам писал его труды
И Божьего посланника лелеял.
С детьми играя, умер он. А там
Во след за ним возстал пророк вселенский
Ты ангела принял, как Авраам
В своем дому, мой предок Коваленский.¹¹⁹⁴

Свое становление символистом, аналогичное юному Федору Лаврецкому, главному герою романа Тургенева *Дворянское гнездо*,¹¹⁹⁵ Белый объясняет довольно

¹¹⁹² Там же, т. 5, с. 507.

¹¹⁹³ Там же.

¹¹⁹⁴ Соловьев С., Цветник царевны. Третья книга стихов. Москва, 1913, с. 125–126.

¹¹⁹⁵ Тургенев И., Сочинения в 2-х томах. Москва: Художественная литература, 1980, т. 1, с. 160.

оригинальным образом: «Четырех лет я играл в символы; но в игры эти не мог посвятить я ни взрослых, ни детей; те и другие меня бы не поняли... На мне росли мины и маски; святочная личина открылась в переживаниях мне, пятилетнему; я надел ее; и стал личностью...».¹¹⁹⁶ Его искреннее признание гармонически созвучно с аллегорическим повествованием *Маленький принц* французского писателя Сент-Экзюпери, такого же непонятого его старшему окружению: «Les grandes personnes ne comprennent jamais rien toutes seules, et c'est fatigant, pour les enfants, de toujours et toujours leur donner des explications...».¹¹⁹⁷ Как закономерный результат духовного влияния семейства Соловьевых, симфоническое экспериментирование Белого, построенное на ритмизации прозы, использовании символических лейтмотивов и сюжетном фрагментировании, явно напоминает экзегетические разглаголы, беседы, диалоги и разговоры Сковороды, в частности, *Симфонію, сирѣчь согласіе Священных слов* и *Симфонію, нареченная Книга Асхань о познаніи самого себе*. В нем его привлекало то, что представлялось противоположным философской мысли Запада: религиозный мистицизм, антиурбанизм, пантеизм, природосообразность, моральное самосовершенствование и приоритет невидимого над видимым. Он постоянно интересовался личностью мыслителя, духовностью его жизненного пути, сознательным уходом и старчиковским странствованием по Слободжанщине на протяжении долгих лет. Его литературные искания во многом обусловлены сильным желанием выразить противоречие между распадом мира на эмпирическом и единством на субстанциональном уровнях. Дух двойственности пронизывает каждую из его прозаических симфоний: I – *Северную*, 1900 года, II – *Драматическую*, 1902 года, III – *Возврат*, 1905 года и IV – *Кубок метелей*, 1908 года. Данные произведения строятся по законам музыкальной формы, но при этом они лишены традиционного сюжета, который заменяется скрещиванием и чередованием тем, лейтмотивов, рефренов, контрапунктовой техники и фразовой ритмики. Наиболее выразительной считается первая, также известная как *Героическая*, возникшая из импровизации на

¹¹⁹⁶ Белый А., Почему я стал символистом и почему я не переставал им быть во всех фазах моего идейного и художественного развития. *Ann Arbor*, 1982, с. 10.

¹¹⁹⁷ Saint Exupéry A., *Le Petit Prince*. Harcourt, Brace & World, Inc., New York, 1971, с. 4. Взрослые никогда ничего сами не понимают, и это всегда утомительно, для детей, постоянно давать им свои объяснения (фран.).

музыку Грига. Эти стилистические находки составили основу для его поздних сочинений и серьезно повлияли на «орнаментальную прозу» конца 1910–1920 годов в лице Пильняка, Иванова и других.

Последующее логическое обращение Белого к Сквороде и написание первой редакции символистского романа *Петербург* в 1914–1915 годах, не в последнюю очередь, объясняется его пребыванием за границей и посещением Италии, Туниса, Египета и Палестины. Это сатирическое изображение российской государственности, содержащее множественные ссылки реминисцентного характера на Пушкина, Гоголя и Мережковского, с трактованием легенд и пророчеств о мифическом городе на Неве. Его персонажи наделены определенными авторскими функциями для абстрактного воссоздания друг друга. Так, например, порожденный в представлении основного действующего лица, сенатора Аполлона Аполлоновича Аблеухова, Дудкин творит Липпанченко, Медного Всадника, Шишнарфне... В фабуле этого сочинения отчетливо фигурирует тема дьявольского нашествия неукротимых сил хаоса на Россию, непосредственно резонирующая с *Бесами* Достоевского в соотнесении с революционными событиями 1905 года. Северная Столица поделена на плоскости, символизирующие центр и периферию, при этом первый возвышается над всем остальным, как воплощение некоего державного регламента и общественного сверхпорядка. Отождествление этих двух измерений объединяет скрытую идею так называемого плоскостного бытия, представляющего начало и конец, иными словами, Восток и Запад, на границе которых располагается архитектурное детище Петра, возведенное по империяльному эталону Италии, Франции, Англии и т.д. Внимательному читателю видятся восточные и западные реалии, лишенные будущего и обреченные на скорую смерть, лежащие у исторических истоков Российской империи, размежевывая ее на языческое и христианское, устарелое и современное, консервативное и демократическое. Социальная логика Белого заключается в коренной ломке этих плоскостей и проникновении в самую суть бытия, соединяющую человеческое сознание с бушующей вокруг него жизненной стихией. Им геометрально разграничиваются оппозиционность глубины и окраин,

неожиданность прозрения и игра мозга, плавный ход истории и воображаемая бесконечность космоса. Астральный верх преобладает над inferнальным низом, взаимно дополняющих друг друга, косвенно озвучивая мотив сквородиновской бездны. Этот мифологический образ символизирует экстремальность судьбы индивидуума, включая переход из одного пространства в другое и переживание Судного дня, пророчество которого свершается на страницах пятой главы, носящей соответствующее название *Суд*, как сюжетно-фабульная кульминация всей книги. Под круговым движением, заимствованным у Сковороды, подразумевается возвращение в детство, сопровождаемое курлыканьем журавлей, символически кружащих над беспокойной душой Николая Аполлоновича, сына протагониста, его неизбежное бегство в поля, луга и леса. Это одновременный переход от Канта, своеобразное расставание с рационалистической, обреченной на полный крах и резкое низвержение иррационалистической культуры Рима, и приобщение к патриархальному миру логоса Руси. В финальных строках, посвященных судьбе своего авторского героя, Белый обращается к жизненно-философским постулатам слобожанского пустычника: «В 1913 году Николай Аполлонович продолжал еще днями расхаживать по полю, по лугам, по лесам, наблюдая с угрюмою ленью за полевыми работами; ходил в картузе; и носил он поддевку верблюжьего цвета; поскрипывал сапогами; золотая, лопатообразная борода изменяла его; а шапка волос выделялась серебряной прядью; та прядь появилась внезапно; глаза у него разболелись в Египте, и синие стал носить он очки. Голос его погрубел, а лицо покрылось загаром; быстрота движений пропала; он жил одиноко; никого-то не звал, ни у кого не бывал; видели его в церкви; в последнее время читал он философа Сковороду...».¹¹⁹⁸

Утверждение Лаврова о том, что знакомство Белого с творчеством Сковороды ограничивалось статьями Эрнста Русский *Сократ* и Григорий Саввич *Сковорода. Жизнь и учение*, скорее неверно, поскольку детальное описание деревенской природы, регулярно встречаемое в *Петербурге* абсолютно однозначно указывает на органическую связь с поэзией *Сада божественных пѣсней* и

¹¹⁹⁸ Белый А., Сочинения в 2-х томах. Москва: Художественная литература, 1990, т. 2, с. 291–292.

переводами новолатинских псалмов из сборника *Hymni Sacri* Мюре, как, например, *Ad Petrum Gerardium*:

О селянській милій, любій мой покою,
Всяких печалей лишениї!
О источников шум журчащих водою,
О лѣс темній прохлажденній,
О шумящы кудры волосов древесних,
О на луках зелень красна,
О самота мати ради дум небесних,
О сумна тихость ужасна.¹¹⁹⁹

Славянофильские идеи Эрн действительно совпадают с суждениями Белого, окончательно сформировавшимися после его путешествия по «сковородиновским местам», о необходимости особого, неевропейского пути: «Возвращаюсь в десять раз более русским; пятимесячное отношение с европейцами, этими ходячими палачами жизни, обозлило меня очень: мы, слава Богу, русские – не Европа»¹²⁰⁰ – писал он в письме Кожебаткину из Палестины. В анализе взглядов Сковороды Эрн акцентирует ряд конкретных моментов, безусловно нашедших глубокую симпатию у Белого: сравнение предсмертного ухода старца Толстого с жизненными скитаниями его предшественника и подчеркивание символичности их мирозерцания, восходящего к Библии. Белый не считался славянофилом, хотя переживал сильный прилив критических чувств по отношению к Западу и страстное влечение к «русской почве» и «русскому духу». Его, несомненно, интересовала личностная духовность и идейность в биографии Сковороды, выраженных через сознательное отдаление от городской антикультуры, определенное сближение с простым народом и умение по-философски строить человеческую жизнь согласно нерушимым этическим нормам, неукоснительно предъявляемым самому себе.

Очередным звеном в длинной цепи литературных связей между Сковородой и последующими поколениями, необходимо выделить автора демонологического

¹¹⁹⁹ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 1, с. 96.

¹²⁰⁰ ЦГАЛИ, ф. S3, оп. 3, ед. хр. 11 (12 апреля 1911 г.).

романа *Мастера и Маргарита* Булгакова, крестным отцом которого являлся профессор Киевской духовной академии Петров, занимавшийся вопросами истории литературы и написавший *Первый малороссийский период жизни и научно-философского развития Григория Саввича Сковороды* (1902), *К биографии украинского философа Григория Саввича Сковороды* (1903) и *Український філософ Г.С.Сковорода* (1918). Спустя годы, Галинская в исследовании *Загадки известных книг* (1986) показала, что гипотетическим прототипом главного героя выступил Сковорода, никогда не публиковавший своих трудов и пытавшийся симулировать сумашедствие в молодости, а эстетическая программа сюжета была почерпнута из предисловия Соловьева к повести-сказке Гофмана *Золотой горшок*. В момент отчаяния, Мастером сжигаются собственные рукописи, т.е. первая редакция сочинения, тем самым повторяя легендарный поступок Сковороды, уничтожившего автограф трактата *Симфонія, нареченная книга Асхань о познаніи самого себе* в 1767 году, о чем он признавался в письме Коваленскому в 1790 году: «Я ее, ожелчившись, спалил в Острожскѣ».¹²⁰¹ В 1930 году, Булгаков, прямо Сталину, сообщил о неожиданно принятом им решении: «И лично я, своими руками, бросил в печку черновик романа о дьяволе...».¹²⁰² Что касается имени протагониста, то так в древности величали учителей церковной грамоты и богословов, кем, как известно, был и Сковорода, читавший катехизис в прибавочных классах Харьковского коллегіума. Среди других черт может быть еще выделено его совершенное знание многих иностранных языков: английского, французского, немецкого, латыни, греческого и итальянского, что также было присуще Сковороде, владевшего, кроме этого, еврейским, польским и венгерским. Местом действия становится бывший Румянцевский музей в Москве, где с 1875 года хранится письменное наследие Сковороды, приобретенное у внучки Коваленского. Имя героини, происходящее от греческого *μαργαρίτης*¹²⁰³ и латинского *margārīta*,¹²⁰⁴ аналогично фигурирует в контексте философских рассуждений о женском начале в притче Сковороды *Благодарный Еродий*,

¹²⁰¹ Сковорода Г., *Повне зібрання творів у 2-х томах*. Київ: Наукова думка, 1973, т. 1, с. 505.

¹²⁰² Лакшин В., *Булгакиада*. Киев, 1991, с. 59.

¹²⁰³ Жемчуг (греч.).

¹²⁰⁴ Жемчужина (лат.).

одновременно символизируя теологему Софии Соловьева – образ вечной женственности: «Что бо есть в челоѡкѡ глава, аще не сердце? Корень древу, солнце мыру, царь народу, сердце же челоѡку есть корень, солнце, царь и глава. Мати же что ли есть болящаго сего отрока, аще не перломатерь, плоть тѡла нашего, соблюдающая во утробѡ своей бысер оный: «Сыне, храни сердце твое!» «Сыне, даждь мнѡ сердце твое!» «Сердце чисто созижди во мнѡ, Боже!». О блажен, сохранившій цѡло цѡну сего маргарита! О благодарности, дщерь господа Саваофа, здравіе жизнь и воскресеніе сердцу!». ¹²⁰⁵ Теория трех миров Сковороды постоянно прослеживается у Булгакова, вводящего ее уже в первом эпизоде. Земной мир представляется председателем МАССОЛИТа Михаилом Александровичем Берлиозом и поэтом Иваном Николаевичем Поныревым, творящим под псевдонимом Бездомный, усевшимися на скамейке под липами на Патриарших прудах. Прозрачный гражданин престранного вида, посланный из некоего космического пространства, внезапно становится видимым. Он действует под именем переводчика Коровьева-Фагота, а в конце являет свой «вечный» образ темно-фиолетового рыцаря с мрачным и никогда не улыбающимся лицом. Подобно сквородиновскому, булгаковский микрокосмос неразрывно связан с макрокосмосом посредством символического мира Библии, при этом на всем протяжении фабулы открыто ведется речь о Христе-Иешуа. Коваленский, параллельно со своим учителем, занимает должное место любимого ученика Мастера в лице Бездомного, благодаря которому он находит сродное призвание в мирской жизни. ¹²⁰⁶

Сковорода, как действующий персонаж, встречается и ранее, в частности, в романе Нарезного *Российский Жилбаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова* в 1814 году; в повестях Срезневского *Майор, майор!* в 1836 году и Шевченко *Близнецы* в 1855 году. Вслед за ними, *Заячий ремиз. Наблюдения, опыты и приключения Оноприя Перегуда из Перегудов*, не опубликованное по цензурным причинам произведение Лескова 1894 года, традиционно строится на двух натурах, соотнесенных между собой знаками и

¹²⁰⁵ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 2, с. 113.

¹²⁰⁶ Галинская И., Загадки известных книг. Москва: Наука, 1986, с. 73–83.

символами, и начинается эпитафией-цитатой, не вполне точно взятой из *Диалога или разглагола о древнем мире* Сковороды: «Встань, если хочешь, на ровном месте и вели поставь вокруг себя сотню зеркал. В то время увидишь, что един твой телесный болван владеет сотнею видов, а как только зеркала отнять, все копии сокрываются. Однако же телесный наш болван и сам есть едина токмо тень истинного человека. Сия тварь, будто обезьяна, образует лицевидным деянием невидимую и присносущную силу и божество того человека, коего все наши болваны суть аки бы зеркаловидные тени».¹²⁰⁷ В подражание художественному и лексическому стилю далекого предшественника, фигура архиерея Евграфа Семеновича Овечкина получает оригинальное авторское сравнение: «...огромных дарований и пристрашной учености до того, что даже с Сковородою во мнениях сходился и на все замечания о тех або иных улучшениях по его части говорил: «Верти не верти, а треба пролагать путь посреде высыпанных курганов буйного неверия и подлых болоть рабострасного суеверия», а сие, если помните, изречения оногo вечнопамятногo Григория Варсовы Сковороды. И видел он это так світло, сміялся тем, которые в чужие края ездят да вновь с тем же умом возвращаются, и «очами бочут, а устами гогочут, и красуются як обізьяны, а изменяются як луна, а беспокоятся як сатана. Кто слеп дома, тот и в гостях ничего не увидит». А он и дома у себя в монастырьке сидел, да все понимал и знал: и Платона, и Цицерона, и Тацита, и Плавта, и Синеку, и Теренция, и иных многих...».¹²⁰⁸ Что касается Оноприя Перегуда, то он, как и впоследствии Мастер, «... захотел лучше всех отличиться на большее и «погиб, аки обр́а¹²⁰⁹», – окончательно скрывшись затем в здании сумашедшего дома...».¹²¹⁰ Лесков так объяснил *Заячий ремиз* редактору *Русской мысли* Гольцеву: «В повести есть «деликатная материя», но все, что щекотливо, очень тщательно маскировано и умышленно запутано. Колорит малороссийский и сумашедший. В общем, это легче «Зимнего дня», который не дает отдыха и покоя».¹²¹¹ Вне всякого сомнения, почему ни одно из известных изданий долгое время не соглашалось на его публикацию, и только в 1917 году, в

¹²⁰⁷ Лесков Н., Собрание сочинений в 6-и томах. Москва, 1973, т. 6, с. 362.

¹²⁰⁸ Там же, с. 387–388.

¹²⁰⁹ Авары – кочевой народ, соседствовавший с древними славянскими племенами (тюрк.).

¹²¹⁰ Там же, с. 400.

¹²¹¹ Там же, с. 472.

журнале *Нива* ему впервые удалось предстать на суд широкого российского читателя.

Обращение Булгакова к литературному опыту девятнадцатого века проходило непосредственно через философскую призму фундаментальных монографий Петрова и Эрна, посвященных «русскому Сократу», «степному Ломоносову», «своему Пифагору» и т.д. Кроме этого, он пользовался монументальным трудом Багалея *Сочиненія Григорія Саввича Сковороды*, на страницах которого заслуженно упоминается Каразин, основатель Харьковского университета: «Въ Ивановкѣ, говоритъ В.Н.Каразинъ, и его (Сковороды) могила. Она украсится достойнымъ памятникомъ, какъ обѣщалъ мнѣ Козьма Никитичъ (Кузинъ)... тогда, можетъ быть, напишу я біографію нашего мудреца, недостаточно въ разныхъ журналахъ помѣщенную, и то отрывками съ 1810 года, ибо съ сего года только начали догадываться, что мы подѣ чубомъ и въ украинской свиткѣ имѣли своего Пифагора, Оригена, Лейбница, подобно какъ Москва за 150 лѣтъ въ Посошковѣ своего Филанджіери, а Харьковъ нынѣ имѣетъ своего Іоанна Златоуста...».¹²¹² Там же цитируется историк Костомаров, сделавший объективное замечание по поводу псевдокритического характера статьей Крестовского в *Русском слове* в 1861 году: «Въ нашей текущей литературѣ, случается, что писатель, особенно рецензентъ какой-нибудь выходящей книги, произноситъ рѣшительнымъ тономъ знатока сужденія и даже осужденія надѣ предметами, которыхъ не изучалъ, надѣ которыми прежде не думалъ, которыхъ вовсе не знаетъ. ...мало можно указать такихъ народныхъ лицъ, какимъ былъ Сковорода и которыхъ бы такъ помнилъ и уважалъ народъ. На всемъ пространствѣ отъ Острогожска (Ворон. губ.) до Кіева, во многихъ домахъ висятъ его портреты; всякій грамотный малороссіянинъ знаетъ о немъ; имя его извѣстно очень многимъ изъ неграмотнаго народа; его странническая жизнь — предметъ рассказовъ и анекдотовъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ потомки, отъ отцовъ и дѣдовъ, знаютъ о мѣстахъ которыя онъ посѣщалъ, гдѣ любилъ пребывать, и указываютъ на нихъ съ почтеніемъ; доброе расположеніе Сковороды къ нѣкоторымъ изъ его

¹²¹² Багалея Д., *Сочиненія Григорія Саввича Сковороды*. Юбилейное изданіе (1794–1894 годъ). Харьковъ, 1894, с. 43.

современниковъ составляетъ семейную гордость внуковъ; странствующіе пѣвцы усвоили его пѣсни; на храмовомъ праздникѣ, на торжищѣ не рѣдко можно встрѣтить толпу народа, окружающую группу этихъ рапсодовъ и со слезами умиленія слушающихъ: Всякому городу свой нравъ и права. До какой степени пѣсни Сковороды сделались народными во всей южнорусской странѣ, можно судить по тому, что нѣкоторыя вошли въ собраніе галицкихъ пѣсенъ Вацлава зъ Олеска и Жеготы Паули, безъ признанія самихъ собирателей, что эти пѣсни сочинены Сковородою». ¹²¹³

Как индивидуальное развитие сквородиновской антитезы жизни и смерти на личном биографическом опыте, может быть назван символистский роман *Доктор Живаго* Пастернака, сопровождаемый духовной поэзией главного героя, Юрия Андреевича Живаго, олицетворяющей «гефсиманский сад» христианской души самого автора, основными чертами которой выступают жертвенность и щедрость. Образ героини Лары, Ларисы Федоровны Антиповой (Гишар), символизирующий вечную женственность, ассоциируется с революционной Россией, бунтующей страной, беспокойно мечущейся в поисках собственной судьбы: «И эта даль – Россия, его несравненная, за морями на шумевшая, знаменитая родительница, мученица, упрямец, сумасбродка, шалая, боготворимая, с вечно величественными и гибельными выходками, которых никогда нельзя предвидеть!.. Вот это-то и есть Лара». ¹²¹⁴ На фоне широкого исторического полотна российской действительности, от казачьих нагаек осени 1905 года и до середины послевоенных 1950-х годов, сквозь биографию поэта-врача затрагиваются таинства человеческого бытия, проблемы политической истории и вопросы русского христианства, в равной мере ранее осмысливаемые Достоевским, Толстым, Соловьевым, Белым, Блоком, Булгаковым и другими. По мнению биографа Быкова, исследовавшего творчество Пастернака, сюжетом для книги послужил жизненный путь писателя, но не реальный, а воображаемый, каким бы он его хотел видеть. ¹²¹⁵ Начало работы символически совпало с завершением перевода трагедии Шекспира *Гамлет*, вот

¹²¹³ Там же, с. 50.

¹²¹⁴ Пастернак Б., Избранные произведения. Москва: Панорама, 1991, с. 491.

¹²¹⁵ Быков Д., Борис Пастернак. Москва: Молодая гвардия, 2007, с. 722–736.

почему риторическое: «To be, or not to be – that is the question...»¹²¹⁶ так громко звучит на протяжении всего произведения как открытый призыв к социальному неповиновению и невосприятию окружающей несправедливости, основанной на организованной лжи. В одноименном четверостишии, которым начитается *Часть семнадцатая, Стихотворения Юрия Живаго*, встречаются следующие строки:

Но продуман распорядок действий,

И неотвратим конец пути.

Я один, все тонет в фарисействе.

Жизнь прожить – не поле перейти.¹²¹⁷

Эта строфа явным образом перекликается с известным заявлением Сковороды, сделанным игумену Гervasию Якубовскому в Белгороде в 1760 году: «Развѣ вы хотите, чтобы и я умножил число фарисеев? Тѣже жирно, пейте сладко, одѣвайтесь мягко и монашествуйте! А Сковорода полагает монашество в жизни нестяжательной, малодовольствѣ, воздержности, в лишеніи всего ненужнаго, дабы приобрѣсть всенужнѣйшее, в отверженіи всѣх прихотей, дабы сохранить себя самага в цѣлости, во обузданіи самолюбія, дабы удобнѣе выполнить заповѣдь любви к ближнему, в исканіи славы Божіей, а не славы человѣческой».¹²¹⁸

Заключительная поэтическая глава, тематически напоминающая *Сад божественных пѣсней*, состоит из двадцати пяти взаимосвязанных эпизодов, одним из которых является *Рождественская звезда*. Это оригинальная пастернаковская интерпретация муретовского псалма *In Natali Domini*, или сквородиновской колядки *In Natalem Iesu*, в которой одинаково присутствуют младенец в вертепе, сонные пастухи, Вифлеем, звездочеты, груженные дарами верблюды, горящие свечи, степной ветер, незримые ангелы, водопойная колода, лежающиеся ослы, волхвы, Пресвятая Дева Мария, дубовые яслы, отверстие в скале, лунный свет, темный хлев и т.д., что в тот период было совершенно несовместимо с официальной идеологией. Роман открывается сценой похорон Марии Николаевны Живаго, матери Юрия, который по-гамлетовски стоит на ее могиле и растерянным взглядом созерцает лежащие рядом пустыри и

¹²¹⁶ Shakespeare W., Hamlet. The Tragedies. Penguin Books, 1981, с. 138. Быть, или не быть – вот, в чем вопрос... (анг.).

¹²¹⁷ Пастернак Б., Избранные произведения. Москва: Панорама, 1991, с. 614.

¹²¹⁸ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 2, с. 113.

возвышающиеся монастырские купола, будто пытаюсь найти логическое объяснение своему большому детскому горю. Обнявший его человек в черной одежде и говорящий с ним о Христе – это его родной дядя, Николай Николаевич Веденяпин, расстриженный священник, «...прошедший толстовство и революцию и шедший все время дальше»,¹²¹⁹ который в определенной степени духовно близок к Сковороде. Он работает в издательстве одной из прогрессивных газет, и хотя ни одна из его книг еще не написана и вряд ли будет когда-нибудь опубликована, но его мысли уже сформированы. Его племяннику с ним хорошо, потому что он, как и его мать, похожи и лишены «...предубеждения против чего бы то ни было непривычного».¹²²⁰ Ему чужды любые философские кружки и литературные объединения. «Всякая стадность – прибежище неодаренности, все равно верность ли это Соловьеву, или Канту, или Марксу. Истину ищут только одиночки и порывают со всеми, кто любит ее недостаточно. Есть ли что-нибудь на свете, что заслуживало бы верности? Таких вещей очень мало. Я думаю, надо быть верным бессмертию, этому другому имени жизни, немного усиленному. Надо сохранять верность бессмертию, надо быть верным Христу»¹²²¹ – считает он. Его, как до него Сковороду и Толстого, тоже предавали анафеме, на что он хладнокровно реагировал и продолжал громогласно утверждать, «...что можно быть атеистом, можно не знать, есть ли Бог и для чего он, и в то же время знать, что человек живет не в природе, а в истории, и что в нынешнем понимании она основана Христом, что Евангелие есть ее обоснование. А что такое история? Это установление вековых работ по последовательной разгадке смерти и ее будущему преодолению. Для этого открывают математическую бесконечность и электромагнитные волны, для этого пишут симфонии. Двигаться в этом направлении нельзя без некоторого подъема. Для этих открытий требуется духовное оборудование. Данные для него содержатся в Евангелии».¹²²²

Параллельно с юным Живаго вырисовывается Михаил Гордон, сын поверенного из Оренбурга, которым неожиданно задается давно мучающий его

¹²¹⁹ Пастернак Б., Избранные произведения. Москва: Панорама, 1991, с. 123.

¹²²⁰ Там же.

¹²²¹ Там же, с. 125.

¹²²² Там же, с. 125–126.

вопрос, абсолютно недопустимый по установленным свыше идеологическим канонам: «Что значит быть евреем? Для чего это существует? Чем вознаграждается или оправдывается этот безоружный вызов, ничего не приносящий...?». ¹²²³ При этом он не получает должного ответа, а только отцовский упрек в нелепости его изначального подхода и невозможности такого рассуждения, что в конечном итоге вызывает у него полное презрение «...к взрослым, заварившим кашу, которой они не в силах расхлебать». ¹²²⁴ Пастернак, аналогично Соловьеву, видит единственный путь к разрешению этой проблемы через Евангелие – «...любовь к ближнему, этот высший вид живой энергии, переполняющей сердце человека и требующей выхода и расточения, и затем это главные составные части современного человека, без которых он невыносим, а именно идея свободной личности и идея жизни как жертвы». ¹²²⁵ Он по-сковородиновски учит видеть сердцем и провозглашает равенство эллинов и иудеев перед Богом, в царстве которого «...нет народов, а есть личности». ¹²²⁶ Для него, как и для его малороссийского «предромантика», важны не евангельские нравственные изречения и догматические правила, а простые бытовые притчи, которыми молвит Христос, «...поясняя истину светом повседневности». ¹²²⁷ Он также задумывается над видимым и невидимым, внутренним и внешним, вечным и тленным, будучи уверенным в том, что «...человека столетиями поднимала над животным и уносила ввысь не палка, а музыка: неотразимость безоружной истины, притягательность ее примера». ¹²²⁸ Как тайное предупреждение своим персонажам, у него вдруг возникает библейский образ жены Лотовой, одинаково трактуемый Сковородой в *Книжечке о чтении Священнаго Писания*: «Небось сами знаете, чем кончилось. Чем?.. В соляной столб обратился... Это Лот. Лотова жена...». ¹²²⁹ Отдельные венгерские реалии, такие как Галиция, Карпатские горы, Дунайская долина, пограничные города Лиско ¹²³⁰ и Мезо-Лаборч, ¹²³¹ унаследованные от его литературных предшественников, включая

¹²²³ Там же, с. 129.

¹²²⁴ Там же.

¹²²⁵ Там же, с. 126.

¹²²⁶ Там же, с. 234.

¹²²⁷ Там же, с. 156.

¹²²⁸ Там же.

¹²²⁹ Там же, с. 253.

¹²³⁰ Польское название Lisko (современное Lesko).

¹²³¹ Венгерское название Mezölaborc (словацкое Medzilaborce).

Тютчева, не менее характерны роману *Доктор Живаго* и аутентично гармонируют соответствующим российским. С большой симпатией описываются австро-венгерские военнопленные, служащие в партизанском отряде у Ливерия Аверкиевича Микулицына: врач Керени Лайош и фельдшер Ангеляр.

Веденяпин, в уподобление сквородиновскому двойнику Даниилу Мейнгарду, швейцарскому пастору, сочинившему труды по философии, религии и морали,¹²³² жил в Лозанне и «...развивал свою давнишнюю мысль об истории как второй вселенной, воздвигаемой человечеством в ответ на явление смерти с помощью явлений времени и памяти»,¹²³³ тем самым по-новому воспринимая христианство и искусство. Описание Мейнгарда, фигурирующее в очерке Коваленского *Жизнь Григория Сковороды*, может быть вполне к нему отнесено, что видно из данной цитаты: «Между многими умными и учеными людьми, каковых в Лозани нашол он, находилса там нѣкто Даніил Мейнгард, человек отмѣннаго разума природнаго, имѣвшій дар слова, ученость рѣдкую, обширныя познанія, благонравіе философское».¹²³⁴ Пастернак был знаком с этим произведением и мог строить сюжетные взаимоотношения между Юрием и его близким родственником на прототипах Михаила и его харьковского наставника. Идея духовного странничества, заложенная Сковородой, ярко вырисовывается в жизненных судьбах каждого из живаговских героев и постоянно дает о себе знать, как, например: «Лара шла вдоль полотна по тропинке, протоптанной странниками и богомольцами, и сворачивала на луговую стежку, ведущую к лесу. Тут она останавливалась и, зажмурив глаза, втягивала в себя путанно-пахучий воздух окрестной шири. Он был роднее отца и матери, лучше возлюбленного и умнее книги. На одно мгновение смысл существования опять открывался Ларе. Она тут, – постигала она, – для того, чтобы разобраться в сумашедшей прелести земли и все назвать по имени, а если это будет ей не по силам, то из любви к жизни родить преемников, которые это сделают вместо нее».¹²³⁵ Несмотря на фактическое свидетельство Ивинской, последней «музы» писателя-диссидента, о

¹²³² Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 1, с. 513–514.

¹²³³ Пастернак Б., Избранные произведения. Москва: Панорама, 1991, с. 178–179.

¹²³⁴ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 2, с. 464.

¹²³⁵ Пастернак Б., Избранные произведения. Москва: Панорама, 1991, с. 188.

происхождении фамилии протагониста, выходца, по словам автора, «...не то из купеческой, не то из полуинтеллигентской среды...»,¹²³⁶ который «...всю жизнь старался относиться к людям с любовью...»,¹²³⁷ наряду с другими вымышленными именами действующих лиц и географическими названиями населенных пунктов, *Живаго* представляется скрытым акронимом, означающим «живущий Господом» и построенным по семантической аналогии с греческим *έρόδιος*¹²³⁸ из притчи Сквороды *Благодарный Еродий*. Юрий ни на что не претендует и ничем не отличается от остальных на социальном фоне, будучи в полной степени исторически лишним и классово чуждым, но тем не менее морально востребованным и эмоционально необходимым. Как творчески одаренный индивидуум, он стремится к выбору сродного дела, а его христианская постать, в силу некоторых обстоятельств, служит нравственным критерием и общественной меркой при критической оценке бурных политических событий начала двадцатого века. Его символистская поэзия становится спасительной гаванью, прочным фундаментом, утверждающим единственную надежду и веру в долгожданное просветление и освобождение, предвестие которого составляет суть здорового существования в условиях тяжелого переходного времени.

Он склонен сочувствовать идеалам революции, восхищаться людьми решительных действий, а среди них Антиповым, но при этом ясно видя и то, к чему это неизменно приводит. «Принадлежность к типу есть конец человека, его осуждение. Если его не подо что подвести, если он не показателен, половина требующегося от него на лицо. Он свободен от себя, крупица бессмертия достигнута им»¹²³⁹ – полагает он, косвенно объясняя «антитипичность» своего отрицательного героя. Грубость, насилие и расстрелы Стрельникова, в его представлении, ничего положительного, кроме притеснения и беззакония, не порождают: «Чем он располагает к себе? Это обреченный. Я думаю, он плохо кончит. Он искупит зло, которое он принес. Самоуправцы революции ужасны не как злодеи, а как механизмы без управления, как сошедшие с рельсов машины.

¹²³⁶ Ивинская О., *Годы с Борисом Пастернаком: В плену времени*. Париж: Fayard, 1978, с. 437.

¹²³⁷ Пастернак Б., *Избранные произведения*. Москва: Панорама, 1991, с. 270.

¹²³⁸ Любящий Господа (греч.).

¹²³⁹ Там же, с. 401.

Стрельников такой же сумашедший, как и они, но он помешался не на книжке, а на пережитом и выстраданном. Я не знаю его тайны, но уверен, что она у него есть. Его союз с большевиками случаен. Пока он им нужен, его терпят, им по пути. Но по первом миновении надобности его отшвырнут без сожаления прочь и растопчут, как многих военных специалистов до него».¹²⁴⁰ Привычный ход общественного развития радикально нарушается, уступая место финансовому хаосу и экономической разрухе с бессмысленно повторяющимися коммунистическими лозунгами и абсурдными военными приказами. Он понимает, что власть идеологической верхушки уничтожает все разумное и верное, оборачиваясь неизбежной трагедией для тех, кто ее исповедует и пытается реализовать. Сама идея переделывания жизни кажется дикой и несовместимой с человеческим мышлением, поскольку она не является экспериментальным материалом, а лишь действующим началом, намного превосходящим практические возможности всякой мыслящей личности. Результат действий такого характера лишь в меру внимания и подчинения природе соответствует каким-либо благим целям и намерениям. Революционный фанатизм, как форма общественного поведения, чреват тяжкими последствиями и губителен. По аналогичному мнению Сковороды, ложные представления, порожденные религиозными заблуждениями, нередко приводили цивилизации к пагубным последствиям на различных ступенях всемирной истории: «Из суевѣрій родились вздоры, споры, секты, вражды междусобныя и странныя, ручныя и словесныя войны, младенческіе страхи и протч. Нѣтъ желчнѣе и жестоковѣйнѣе суевѣрія и нѣтъ дерзновеннѣе, как бѣшенность, разженная слѣпым, но ревностным глупаго повѣрія жаром тогда, когда сія ехидна, предпочитаая нелѣпыя и нестаточныя враки над милость и любовь и онѣмѣв чувством чловѣколюбія, гонит своего брата, дыша убійством, и симь мнится службу приносить Богу».¹²⁴¹

Главная философская мысль, лежащая в основе произведения, заключается в том, «...что общение между смертными бессмертно и что жизнь символична,

¹²⁴⁰ Там же, с. 401–402.

¹²⁴¹ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 2, с. 7.

потому что она значительна».¹²⁴² Вечный диалог, составляющий историческое сознание между простыми смертными, и есть духовная жизнь, а ее символичность – это возможность выражения всего значительного, содержательного и осмысленного языковыми знаками и художественными образами. Как и у Сковороды, книга Пастернака – это живое существо, содержащее картины и сцены, бережно перенесенные из далекого прошлого. Это действительный мир, служащий примером для творца, в котором воплощение атмосферы бытия в слове является одной из самых древних и насущных задач человеческого разума, повторяющих вечную истину о том, что не хлебом единым жив человек. Именно под влиянием сквородиновских экзегетических трактатов, до и после 1917 года, этот постулат приобретает особо актуальный интерес в русской и советской диссидентской литературе, вот почему Живаго так восторженно цитирует строки о волшебном лете из Тютчева, приветствует «застенчивую незабоченность»¹²⁴³ Пушкина и Чехова, задумывается над отношением к смерти и поиске смысла у Гоголя, Толстого и Достоевского, над ритмами «говорящей России»¹²⁴⁴ у Некрасова, над описанием птичьих посвистов у Тургенева и т.д. Для него Блок – это «...явление Рождества во всех областях русской жизни, в северном городском быту и в новейшей литературе, под звездным небом современной улицы и вокруг зажженной елки в гостиной нынешнего века».¹²⁴⁵ «Един человек из двоих составлен»¹²⁴⁶ – как пишет Сковорода в диалоге *Разговор, называемый алфавит, или букварь мира*, воплощается у Пастернака в сводных братьях Живаго, Юрии и Евграфе, невидимо вторгающихся в серую монотонность социалистических будней «добрым гением, избавителем, разрешающим все затруднения»,¹²⁴⁷ «тайной неведомой»¹²⁴⁸ силой, мистическим лицом, являющимся «на помощь без зова»¹²⁴⁹ и играющим роль «благодетельной и скрытой пружины».¹²⁵⁰

¹²⁴² Пастернак Б., Избранные произведения. Москва: Панорама, 1991, с. 156.

¹²⁴³ Там же, с. 390.

¹²⁴⁴ Там же, с. 389.

¹²⁴⁵ Там же, с. 193.

¹²⁴⁶ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 1, с. 456.

¹²⁴⁷ Пастернак Б., Избранные произведения. Москва: Панорама, 1991, с. 392.

¹²⁴⁸ Там же, с. 393.

¹²⁴⁹ Там же.

¹²⁵⁰ Там же.

В рассуждениях Серафимы Севериновны Тунцевой, одной из четырех сестер «северянок», о мироздании звучит та же дуалистическая фраза: «Я сказала бы, что человек состоит из двух частей. Из Бога и работы. Развитие человеческого духа распадается на огромной продолжительности отдельные работы. Они осуществлялись поколениями и следовали одна за другою. Такою работою был Египет, такою работою была Греция, такою работою было библейское богопознание пророков. Такая, последняя по времени, ничем другим пока не сменная, всем современным вдохновением совершаемая работа – христианство».¹²⁵¹ Аверкий Степанович Микулицын, отдавший молодость освободительному движению и революции, образно наделяется характерными сквородиновскими и толстовскими чертами, и провозглашается типом «вечного студента, учительствующего мечтателя».¹²⁵² Его сын Ливерий, или товарищ Лесных, предводитель «Лесных братьев», идет по стопам своего отца и фактически продолжает его революционные начинания. Он насильно удерживает Юрия в партизанском плену, несмотря на то, что тот полностью разделяет его духоборческие взгляды «...об отношении воина народной армии к товарищам, к слабым, к беззащитным, к женщине, к идее чистоты и чести...».¹²⁵³ Ему, как и Стрельникову, хорошо знакома, хотя еще нигде неопубликованная живаговская духовная поэзия, на манер сочинений Сквороды неофициально распространяемая самиздатским путем среди инакомыслящей интеллигенции.

Смерть главного героя символически припадает на конец 1920-х годов, когда наступает радикальный перелом в политической и экономической жизни России, который не мог не коснуться его персональной судьбы. После острых мировоззренческих споров с Гордоном и Дудоровым, призывающих его «...пробудиться от сна и лени, воспрянуть, разобраться без неоправданного высокомерия, ...без той непозволительной надменности, в окружающем, поступить на службу, заняться практикой»,¹²⁵⁴ Живаго неожиданно исчезает, по-толстовски оставляя молодую жену с малыми детьми на их материальное попечение. По

¹²⁵¹ Там же, с. 510.

¹²⁵² Там же, с. 377.

¹²⁵³ Там же, с. 440.

¹²⁵⁴ Там же, с. 580.

аналогии с приятельским диалогом в конце романа, Сковорода, во время посещения Печерской Лавры в Киеве в августе 1764 года, встречался с постригшимися в монахи друзьями, родственниками и знакомыми, призывающих его в один голос прекратить постоянные странствования: «Полно бродить по свѣту! Пора пристать к гавани, нам извѣстны твои таланты, Святая Лавра прійметъ ты, аки мати свое чадо, ты будешъ столбъ церькви и украшеніе обители. – Ах, преподобные! – возразил он с горячностію, – я столботворенія умножать собою не хочу, довольно и вас, столбов во храмъ Божіемъ».¹²⁵⁵

Темой новых статей и стихотворений Юрия постепенно становится родной город Москва, вытесняя старые доминирующие сцены деревенской природы. «Пастушеской простоте неоткуда взяться в этих условиях. Ее ложная безыскусственность – литературная подделка, неестественное манерничание, явление книжного порядка, занесенное не из деревни, а с библиотечных полок академических книгохранилищ. Живой, живо сложившийся и естественно отвечающий духу нынешнего дня язык – язык урбанизма»¹²⁵⁶ – заявляет он. Шумная городская улица, ассоциирующаяся с человеческой душой, чем-то напоминает начавшуюся музыкальную увертюру в сочетании «...с полным темноты и тайны, еще спущенным, но уже заалевшимся огнями рампы театральным занавесом».¹²⁵⁷ Последние строки *Гефсиманского сада* неизбежно возвращают читателя к Сковороде и его *Божественным пѣсням*, стилистически созвучным со *Стихотворениями Юрия Живаго*, логически заключающим это эпохальное произведение:

Ты видишь, ход веков подобен притче
И может загореться на ходу.
Во имя страшного ее величья
Я в добровольных муках в гроб сойду.
Я в гроб сойду и в третий день восстану,
И, как сплавляют по реке плоты,
Ко мне на суд, как баржи каравана,

¹²⁵⁵ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 2, с. 456.

¹²⁵⁶ Пастернак Б., Избранные произведения. Москва: Панорама, 1991, с. 585.

¹²⁵⁷ Там же.

Столетия поплывут из темноты.¹²⁵⁸

Пастернак сродно адаптирует духовное наследие Сковороды на тернистой литературной почве двадцатого века, разрываемого революциями и войнами, тюрьмами и ГУЛАгами, и передает эстафету последующим творцам, как, например, писатель-диссидент Солженицын. В ноябре 1962 года Шаламов так анализирует его первый рассказ *Один день Ивана Денисовича*, авторское название которого *Щ-854*: «Повесть – как стихи, – в ней все совершенно, все целесообразно. Каждая строка, каждая сцена, каждая характеристика настолько лаконична, умна, тонка и глубока, что я думаю, что *Новый мир* с самого начала своего существования ничего столь цельного, столь сильного не печатал. И столь нужного – ибо без честного решения этих самых вопросов ни литература, ни общественная жизнь не могут идти вперед – все, что идет с недомолвками, в обход, в обман – приносило, приносит и принесет только вред. Есть еще одно огромное достоинство – это глубоко и очень тонко показанная крестьянская психология Шухова. Столь тонкая высокохудожественная работа мне еще не встречалась, признаться, давно».¹²⁵⁹ Ермилов, в свою очередь, отзывается о нем, как напоминающем «...толстовскую художественную силу в изображении народного характера...»,¹²⁶⁰ где автор органически соединяется с описываемым героем и все происходящее видится его живыми глазами. Несмотря на случайные публикации в период «хрущевской оттепели», вплоть до конца перестроечных 1980-х годов, это произведение всегда оставалось запрещенным, будучи иногда доступным в нелегальном самиздате.

Задумываясь над символической ролью искусства в условиях тоталитарного строя в статье *Нобелевская лекция*, Солженицыным высказывается важная философская мысль: «Так, может быть, это старое триединство Истины, Добра и Красоты – не просто парадная обветшалая формула, как казалось нам в пору нашей самонадеянной материалистической юности? Если вершины этих трех деревьев сходятся, как утверждали исследователи, но слишком прямые поросли Истины и Добра задавлены, срублены, не пропускаются, – то, может быть, причудливые, непредсказуемые, неожиданные поросли Красоты пробьются и взвоятся *в то же*

¹²⁵⁸ Там же, с. 643.

¹²⁵⁹ Шаламов В., Новая книга: Воспоминания; Записные книжки; Переписка; Следственные дела. Москва, 2004, с. 641.

¹²⁶⁰ Ермилов В., Во имя правды, во имя жизни. Правда, 23.11.1962.

самое место, и так выполняют работу за всех трех?». ¹²⁶¹ Он полностью осознает пророчество Достоевского о спасении мира вечным и возвышенным, и продолжая словами Соловьева, отдает дань памяти жертв сталинских репрессий и массового физического уничтожения миллионов ни в чем не повинных людей:

Но и в цепях должны свершить мы сами

Тот круг, что боги очертили нам. ¹²⁶²

В трактовании прекрасного и нетленного он явно возвращается к Сковороде, в понимании которого «...полза со красотой, красота же с ползою нераздѣльна ... благодвоеобразна, и мати и дѣва, и дѣвствует и раждает едину дщерь», ¹²⁶³ а вместе с ним к Канту, твердившему о нравственном законе внутри индивидуума и красоте, как символе морального добра.

Его протагонист – это образ обычного человека, настоящего альтруиста, живущего добротой, человеколюбием, кротостью, совершенным отсутствием эгоизма, способностью сострадать людским горестям и мукам, чья внутренняя красота выражается в целой массе подлинных качеств и достоинств истинного христианина, такого как Сковорода или Толстой, подвергающего сомнению библейские догмы православной церкви, фактически отошедшей от Евангелия, и стоящего в стороне от сомнительных религиозных сект. «Я ж не против Бога, понимаешь. В Бога я охотно верю. Только вот не верю я в рай и в ад» ¹²⁶⁴ – чистосердечно признается Иван Денисович баптисту Алешке, осужденному за сектанство на двадцать пять лет. Причиной его десятилетнего заключения становятся ложные обвинения в измене Родине и выполнении задания немецкой агентуры, которые он, после жестоких избиений и бесконечных допросов в военной контрразведке, как жизненный крест, принимает с одной простой целью: «...не подпишешь – бушлат деревянный, подпишешь – хоть поживешь еще малость». ¹²⁶⁵ Или как замечает Сковорода в диалоге *Разговор, называемый алфавит, или букварь мира*: «Только бы не потерять сердца». ¹²⁶⁶ Размышляя о

¹²⁶¹ Солженицын А., Рассказы. Москва: Современник, 1989, с. 288.

¹²⁶² Там же, с. 289.

¹²⁶³ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 2, с. 98.

¹²⁶⁴ Солженицын А., Рассказы. Москва: Современник, 1989, с. 106.

¹²⁶⁵ Там же, с. 107.

¹²⁶⁶ Сковорода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 1, с. 452.

далекой свободе, он ищет себя не извне, а изнутри, хотя в действительности не знает, желает он ее или нет, и единственное, чего бы «...хотелось ему у Бога попросить, чтобы – домой».¹²⁶⁷ Его странническая жизнь протекает как один каторжный день, от раннего подъема и до позднего отбоя, «...ничем не омраченный, почти счастливый»,¹²⁶⁸ которых в его судебном сроке «...три тысячи шестьсот пятьдесят три»,¹²⁶⁹ не считая високосных. Произнося его устами крылатую фразу: «...нация ничего не означает...»,¹²⁷⁰ Солженицын ярко характеризует различные этнические группы, в том числе украинцев-бендеровцев, молящихся за столом и обращающихся на «вы» или по отчеству; русских, забывших «...какой рукой креститься»;¹²⁷¹ литовцев и эстонцев, среди которых «...плохих людей ему попадалось»;¹²⁷² латышей, по секрету торгующих табаком-самосадам; венгров-мадьяр, не любящих румын и молдован; москвичей, быстро говорящих между собой на непонятном языке, где «...так редко русские слова попадают...»,¹²⁷³ и т.д. В описании молодого фельдшера Вдовушкина, бывшего студента второго курса литературного факультета, аккуратно копирующего «...новое длинное стихотворение, которое вчера отделал...»¹²⁷⁴ для врача Степана Григорыча, своего творческого наставника, почти мгновенно угадываются персональные черты доктора Живаго. Чем-то сродный с семидесятидвухлетним Сквородой, политзаключенный Ю-81, высокий худощавый старик, отсидевший «...по лагерям да по тюрьмам ... несчетно, сколько Советская власть стоит...»,¹²⁷⁵ отличается благородным телосложением и утонченностью манер: «Изо всех пригорбленных лагерных спин его спина отменна была прямизною, и за столом казалось, будто он еще сверх скамейки под себя что подложил. На голове его голой стричь давно было нечего – волоса все вылезли от хорошей жизни. Глаза старика не юрили вслед всему, что делалось в столовой, а поверх Шухова невидяще уперлись в свое. Он мерно ел пустую баланду ложкой деревянной, надщербленной,

¹²⁶⁷ Солженицын А., Рассказы. Москва: Современник, 1989, с. 42.

¹²⁶⁸ Там же, с. 109.

¹²⁶⁹ Там же.

¹²⁷⁰ Там же, с. 31.

¹²⁷¹ Там же, с. 10.

¹²⁷² Там же, с. 31.

¹²⁷³ Там же, с. 85.

¹²⁷⁴ Там же, с. 15.

¹²⁷⁵ Там же, с. 92.

но не уходил головой в миску, как все, а высоко носил ложки ко рту. Зубов у него не было ни сверху, ни снизу ни одного: окостеневшие десны жевали хлеб за зубы. Лицо его все вымотано было, но не до слабости фитиля-инвалида, а до камня тесаного, темного. И по рукам, большим, в трещинах и черноте, видать было, что не много выпадало ему за все годы отсиживаться...». ¹²⁷⁶

Солженицын полагает, что «...гнуснейшая политическая идея – оправдание единоличной тирании», ¹²⁷⁷ а «...пресечение информации есть путь энтропии, всеобщего разрушения». ¹²⁷⁸ Он символически сравнивает живущих «...внутри оглушенной зоны...» ¹²⁷⁹ с пришельцами с Марса, которые «...толком ничего не знают об остальной Земле, и готовы пойти топтать ее в святой уверенности, что «освобождают»». ¹²⁸⁰ Аналогично, в очерке *Литература и тоталитаризм*, английский эссеист Оруэлл, оказавший на него большое влияние, резко критикует эпоху диктаторских порядков и открыто заявляет: «Тоталитаризм посягнул на свободу мысли так, как никогда прежде не могли и вообразить. Важно отдавать себе отчет в том, что его контроль над мыслью преследует цели не только запретительные, но и конструктивные. Не просто возбраняется выражать – даже допускать – определенные мысли, но диктуется, что именно надлежит думать; создается идеология, которая должна быть принята личностью, норовят управлять ее эмоциями и навязывать ей образ поведения. Она изолируется, насколько возможно, от внешнего мира, чтобы замкнуть ее в искусственной среде, лишив возможности сопоставлений. Тоталитарное государство обязательно старается контролировать мысли и чувства своих подданных по меньшей мере столь же действенно, как контролирует их поступки». ¹²⁸¹ Уинстон Смит, главный персонаж его научно-фантастического романа *1984*, претерпевает ломку собственного «я» и вынужден подчиниться государственной машине Океании, одной из трех сверхдержав, воюющих за передел сфер влияния: «Он остановил свой взгляд на огромном лице. Сорок лет ушло у него на то, чтобы понять, какая улыбка прячется

¹²⁷⁶ Там же, с. 92–93.

¹²⁷⁷ Там же, с. 52.

¹²⁷⁸ Там же, с. 297.

¹²⁷⁹ Там же.

¹²⁸⁰ Там же.

¹²⁸¹ Оруэлл Дж., «1984» и эссе разных лет. Москва: Прогресс, 1989, с. 245.

в черных усах. О жестокая, ненужная размолвка! О упрямый, своенравный беглец, оторвавшийся от любящей груди! Две сдобренные джином слезы прокатились по крыльям носа. Но все хорошо, теперь все хорошо, борьба закончилась. Он одержал над собой победу. Он любил Старшего Брата».¹²⁸² В диаметрально противоположность ему, Иван Денисович – это сквородиновский «благодарный Еродий», по-пастернаковски живущий Господом, которого никакая система неспособна сломить или изменить, и который по праву может провозгласить: «Мир ловил меня, но не поймал»,¹²⁸³ при этом добавив по-толстовски: «Будь добрым и не противодействуй злу насилем».¹²⁸⁴ Повесть Солженицына заканчивается на высокой оптимистической ноте: «Засыпал Шухов вполне удовлетворенный. На дню у него выдалось сегодня много удач: в карцер не посадили, на Соцгородок бригаду не выгнали, в обед он закосил кашу, бригадир хорошо закрыл процентовку, стену Шухов клал весело, с ножевкой на шмоне не попался, подработал вечером у Цезаря и табачку купил. И не заболел, перемогся».¹²⁸⁵

О духовном родстве Солженицына со Сквородой ярко свидетельствует и его второй рассказ *Матренин двор*, ранее озаглавленный *Не стоит село без праведника*, символизирующий вечную женственность. Его нарратор направляется из североазиатских политлагерей «...в среднюю полосу – без жары, с лиственным рокотом леса»,¹²⁸⁶ тщетно странствуя в поисках традиционного патриархального покоя, поэтично воспетого Сквородой. Странничество, как художественная черта, органически связующая этих двух литераторов, неотъемлемо присутствует на протяжении всего произведения, взывая к памяти имена Печерина, Добролюбова, Толстого, Гоголя, Достоевского, Соловьева и других странников мысли. По словам Эрн: «Эта специфически русская тревога в своих высших явлениях ощущает с силою исторический ход времени, эпох, сознает страннический, переходный и преходящий характер всей земли, всего мира и начинает чувствовать Апокалипсис, как живую книгу Истории, которая перелистывается на наших глазах».¹²⁸⁷ На

¹²⁸² Там же, с. 199.

¹²⁸³ Скворода Г., Повне зібрання творів у 2-х томах. Київ: Наукова думка, 1973, т. 2, с. 473.

¹²⁸⁴ Толстой Л., Закон насилия и закон любви.

¹²⁸⁵ Солженицын А., Рассказы. Москва: Современник, 1989, с. 109.

¹²⁸⁶ Там же, с. 112.

¹²⁸⁷ Эрн В., Григорий Саввич Скворода. Жизнь и учение. Москва, 1912, с. 114.

конкретном примере Солженицына – это прямое непротивление злу насилием бывшего узника совести Игнатъича, школьного учителя математики. Его героиня Матрена Васильевна Григорьева – это классическое олицетворение женщины-крестьянки, таинственная судьба которой поражает внутренней красотой, скрывающейся от внешнего взора равнодушных близких и односельчан, но поистине завораживающей и ошеломляющей избранных, таких как ее постоялец, стремящийся «...затесаться, затеряться в самой нутряной России – если такая где-то была, жила».¹²⁸⁸ Недождавшись жениха Фаддея из венгерского плена, она выходит замуж за его младшего брата Ефима, рождает шестерых детей, хороня одного за другим, и четверть века честно трудится в колхозе, наравне с деревенскими мужиками, «...не за деньги – за палочки».¹²⁸⁹ Невзирая на то, что ее христианская вера больше напоминает языческую и строится на предрассудках и суевериях, она, тем не менее, «...дело всякое начинала «с Богом!»»,¹²⁹⁰ причитая тоже самое, когда ее «культурный» квартирант отправлялся по утрам в школу. Всю нелегкую жизнь, трагически оборвавшуюся по вине ее скупой родни, она остается абсолютно непонятой, брошенной и чужой, смешной и глупой, бесплатно батрачащей на остальных, не скопившей никакого добра, будучи настоящей праведницей, превосходящей разум премудрых, тем самым праведником, «...без которого, по пословице, не стоит село. Ни город. Ни вся земля наша».¹²⁹¹ Даже после чудовищной смерти, изувечившей ее прекрасное женское тело, лицо Матрены остается «...целехонькое, спокойное, больше живое, чем мертвое»,¹²⁹² как и ее безгрешная душа. Чуковская, прочитав еще неопубликованную рукопись, записала следующее в своем дневнике в 1962 году: «...Мне она полюбилась более первой. Та ошеломляет смелостью, потрясает материалом, – ну, конечно, и литературным мастерством; а «Матрена»... тут уже виден великий художник, человечный, возвращающий нам родной язык, любящий Россию, как Блоком сказано, смертельно оскорбленной любовью».¹²⁹³

¹²⁸⁸ Солженицын А., Рассказы. Москва: Современник, 1989, с. 112.

¹²⁸⁹ Там же, с. 116.

¹²⁹⁰ Там же, с. 126.

¹²⁹¹ Там же, с. 146.

¹²⁹² Там же, с. 140.

¹²⁹³ Чуковская Л., Записки об Анне Ахматовой. Москва: Время, 2007, т. 2, с. 560.

По сюжетной аналогии с сатирической притчей Оруэлла *Скотный двор*, Солженицыным искусно вводятся символические образы животных, безмолвно разделяющие серые монотонные будни его героев. В отличие от последней заповеди кабана-диктатора Наполеона: «All animals are equal, but some animals are more equal than others»,¹²⁹⁴ в быстром шуршании мышей и непрерывном шорохе тараканов в Матрениной избе есть только правда и «...ничего злого, ...лжи»,¹²⁹⁵ а у нее самой «...меньше грехов, чем у ее колченогой кошки».¹²⁹⁶ Его символизм исторически восходит к эзоповской прозе сборника *Басни Харьковскія* Сковороды и строится на ярких басенных прототипах. Ему одинаково присущи не только принцип целостности, в котором эмпирические стороны индивидуума неразрывно связаны с метафизическими, но и принцип сродности, в полной степени применяемый им к себе и своим человеческим персонажам. Как более ста лет тому назад метко подчеркнул Эрн: «Сопоставления можно было бы умножить. Но для всякого беспристрастного читателя уже должна стать ясной вся значительность жизненного дела и мысли Сковороды. Сковорода стоит у самого порога русской мысли. Он первый творчески начинает то, что потом гениально растет, множится и цветет. Блеск и величие последующего ни мало не должно заслонять его скромную, но героическую фигуру и отнимать у него хоть частицу славы и признания, которые ему подобают. Сковорода имеет специфическую прелесть примитива, чары соединения гениальности с наивной и целомудренной скованностью культурных форм, и эта прелесть, как неповторимая, навсегда останется за ним».¹²⁹⁷ Его литературно-философское творчество, красочно переданное строкой Кельчеи: «С токайской лозы собирал ты нектар...»,¹²⁹⁸ выдающегося автора венгерского государственного гимна, великой страны, которая навеки осталась для него «...любезной моей...»,¹²⁹⁹ а он для нее – «...твоей земли и сын...»,¹³⁰⁰ и далее играет основополагающую роль в органическом сближении литератур Венгрии, России и Украины как на художественном, так и тематическом уровнях.

¹²⁹⁴ Orwell G., *Animal Farm*. Penguin Books, 1989, с. 90. Все животные равны, но некоторые животные равнее других (анг.).

¹²⁹⁵ Солженицын А., *Рассказы*. Москва: Современник, 1989, с. 117.

¹²⁹⁶ Там же, с. 126.

¹²⁹⁷ Эрн В., Григорий Саввич Сковорода. Жизнь и учение. Москва, 1912, с. 116–117.

¹²⁹⁸ Kőlcsey F., *Válogatott művei*. Budapest: Szépirodalmi Könyvkiadó, 1975, с. 68.

¹²⁹⁹ Сковорода Г., *Повне зібрання творів: У 2-х т.* Київ: Наукова думка, 1973, т.1, с. 279.

¹³⁰⁰ Там же, с. 125.

11. Глоссарий славянизмов и иностранных заимствований Сковороды

абіе – немедленно

абрис – контур

агнцова – от агнец (ягненок)

адамант – алмаз (лат.)

адоній – певец (лат.)

аер – воздух (лат.)

аз – я

алауда – жайворонок (лат.)

алч – жадность

амвросія – пища богов (лат.)

амо – куда

антипафія – антипатія (лат.)

анфракс – рубин (греч.)

аспид – ехидна (лат.)

афедрон – зад (греч.)

аще – если

баволна – хлопок (нем.)

баляс – разговор

баталія – битва (фран.)

безнавѣтно – правдиво

блато – болото

блевотина – нечисть

блядогласныя – сквернословные

блядокрасующаяся – развратная

блядословіе – сквернословие

блядословный – сквернословный

блядун – развратник

бодити – проколоть

бовѣм – потому что
бóлван – форма
боцян – аист (пол.)
братанич – племянник (пол.)
брашно – мука
брег – берег
брение – болото
буй – буйство, бесчинство
бусел – аист
буфон – жаба (лат.)
бысер – бисер (тур.)

вапна – известь
варь – жара
василиск – чудовище (лат.)
вдод – удоб
ведренный – ясный
вёдро – ясная погода (греч.)
велій – большой
вельми – очень
венгер – брюхо, живот
вепр – дикий кабан
вервь – веревка
вертоград – сад
вертоградарь – садовник
ветхозаконник – ветхозаветный
взаим – взаимно
взапуски – сразу
видко – видно (пол.)
вина – причина
виночерпец – кельнер

виск – писк
виссон – тонкая ткань (греч.)
витатися – здороваться
витыйство – красноречие
вить – ведь
влас – волос
вмѣняти – обязывать
внемлити – познать
внити – войти
внійдох – вошел
внѣгда – когда
внятіє – понимание
возмуцати – мутить
волна – шерсть
волоский – итальянский (пол.)
волчцы – бурян
вонь – запах
воспріймити – взять
воста – воскрес
востати – воскреснуть
вотще – напрасно
враз – сразу
врази – враги
вран – ворон
врата – ворота
вретище – лохмотья
всевожелѣннѣйший – желанный
вскую – почему
вспятити – вернуться
всуе – совсем
втуне – бесплатно

выжель – охотничья собака (пол.)

выну – всегда

выспрь – вверх

вышний – небесный

вѣдати – знать

вѣдь – знания

вѣжа – башня (пол.)

вѣжди – веки

вѣм – знаю

вѣсте – знаете

вѣтїйствовати – изыскивать

вѣтрогон – ветреный человек

выя – шея

вѣину – всегда

габит – монашеская одежда (лат.)

гайстер – аист (нем.)

гиблющїй – гибнущий

главизна – глава

глагол – слово

глаголити – говорить

глад – голод

глум – забава

глумина – забава

горній – небесный

горшїй – худший

гуж – петля

густиня – пуца

дабы – чтобы

дебелый – толстый

денница – утренняя заря

десница – правая рука

десный – правый

діатриба – забава (греч.)

диравой – дырявый

дмети – дуть

дмитися – дуться

днесь – сегодня

довлѣти – хватать

доилица – кормилица

дол – внизу

долой – вниз

долонѣ – по руке

дондеже – пока

достигох – достиг

драгая – дорогая

драпѣка – разбойник

дреколіе – колья

дремлюг – филин

дуна – дух

дхнет – вздохнет

дщерь – дочь

евдомонія – благовонне (греч.)

евлима – эмблема (греч.)

евхаристія – спирт (греч.)

егда – когда

единонадесять – одиннадцать

еже – оно, которое

елей – оливковое масло (пол.)

еленица – оленуха (пол.)

елень – олень (пол.)
елицы – которые
емати – брать
емляти – собирать
епанча – плащ (пол.)
еродій – боголюбный, аист (греч.)
есмь – есть

жестковыйный – толстошейный
живот – жизнь
жрати – приносить в жертву
жужель – жук (пол.)

завидети – завидовать
завора – замок
заградити – завязать
задняя – прошлое
закомплетный – лишний
закров – тайна
зане – потому что
заобыкшое – привыкшее
заплети – заплести
затула – шрам
заушати – отшлепать
здор – вздор
зельный – на травах
земстїй – земной
злато – золото
злачный – греховный
злостяжный – скупой
знаемость – знакомство (пол.)

знаменатися – отбиваться

зрак – лицо

зѣло – весьма

зѣльный – сильный

зѣницы – глаза

иде – но

идеже – но

иждените – изгоните

иже – который

избоденный – исколотый

извитіе – свод

издревле – издавна

измовенны – измыты

измѣти – избавиться

износити – родить

изрядный – значительный

имати – брать

имитрос – янтарь (греч.)

индѣ – в другом месте

ипостась – суть

искони – издавна

иста – суть

истукан – идол

истый – настоящий

исход – конец

Иштен – Бог (венг.)

іаспис – яшма (лат.)

імпет – толчок (лат.)

кадь – бочка
калуга – лужа
камо – куда
капище – храм
касія – корица (греч.)
кафолическая – всеобщая (греч.)
квалитет – качество (лат.)
кваснины – хлеб
кентр – центр (лат.)
кефа – скала (греч.)
кивот – сундук (евр.)
кій – чей
кійждо – каждый
киконіа – аист (лат.)
кирка – церковь (нем.)
кирха – церковь (нем.)
кифа – гора (евр.)
клабук – колпак
кладезь – колодец
клер – общество
ключимый – удобный
книгочій – книжник
ков – заговор
когдась – когда-то
кое – которое
коегождо – каждого
кокош – петух (венг.)
колодник – узник
конкордія – согласие (лат.)
корносость – инвалидность
косик – дрозд (пол.)

косность – черствость
коснѣти – коснеть
коти – теплая обувь
корван, карнавка – церковная утварь для пожертвований (лат.)
корифа – верх
кошница – корзина
кравіе – коровье
крастель – перепел
кров – приют
кровь гроздова – красное вино
крын, крин – полевая лилия
кумырница – молильня
купина – совокупность
купно – вместе
кураж – смелость (фран.)

лайно – нечисть (пол.)
ламлет – ломает
ланиты – щеки
ластовица – ласточка
латвый – легкий (пол.)
лев-дѣва – сфинкс
легкостяжный – щедрый
лексик – словарь
лемѣш – лемех
лесть – восхваление
лик – лицо
линкс – рысь (лат.)
линовище – кожа
лиценціат – отпущенный (лат.)
лоб – череп

лобзаніе – целование
лобзатися – целоваться
ловитва – добыча
ложесна – материнская утроба
локоть – полметра
лстящ – льстящий
луза – корзина
лузан – мешок
лугчій – лучший
луча – луч
луштиковати – вожделеть
лѣпо – хорошо
лѣпый – хороший
лѣствица – лестница
лѣторасли – побеги
льводѣва – сфинкс
лютая – злая
лютѣ, люто – злость
лядины – кусты

маргарит – жемчуг (греч.)
мерра – чистое вино (лат.)
мзда – награда, плата
мечетный – желанный
минавет – менуэт (фран.)
миро – благовонное масло
мить – скорость
млатящій – молотящий
мнити – мнить
монисто – ожерелье
монстр – чудовище (лат.)

мотыла – нечисть
мрежи – сети
мусикійскій – музыкальный
мусикія – музыка (лат.)
муст – мусс (лат.)
мытарь – сборщик налогов

набратій – изыскан
навклир – кормчий (лат.)
намѣстничество – область
наперсник – любимец
нард – ароматное растение
нарок – указ
начатки – намерения
наѣситися – наестся
негли – пусть
неже – чем
неключимый – ненужный
неплоды – бесплодная женщина
нетопыр – летучая мышь
ни – не, нет
ниже – также нет
низрыновенный – повергнутый
нудити – заставлять
нѣсть – нет
нѣчто – мало
ны – нас

обаче – однако
обиноватися – сомневаться
обиняк – обход

обонпол – с обеих сторон
образовати – изображать
обуреватися – возмущаться
обуялый – одержимый
обуяти – охватить
обѣт – обещание
обѣтованный – обещанный
обѣюродѣти – потерять рассудок
ов – тот
овчее – овече
оглагольник – лжец
огневица – лихорадка
огнетушеніе – позор
ограда – решетка
одесную – по правую сторону
одр – ложе
озрѣти – осмотреть
окрух – крошка
он – который
онѣма – которыми
опасный – осторожный
оплазивый – любопытный
опона – покрывало
оприснок – пресный хлеб
орань – утро
оселка – точильный камень
отриновенный – отвергнутый
отринути – откинуть
отсель – отсюда
отщтитися – избавиться
очерет – камыш

очеса – глаза
очесну – глазную
очитый – зрячий
ошиб – хвост
ошуюю – по левую сторону

пагуба – погибель
пажитъ – пастбище
пазногть – коготь (пол.)
пакетбот – транспортное судно (анг.)
паки – снова
палает – пылает
паракліт – святой дух (греч.)
пард – барс (лат.)
парохіальний – приходской (лат.)
паче – больше
пеларгос – аист (греч.)
пеларгствовать – благодарить
пелена – покров
пелынь – полынь
перломатерь – перламутр (лат.)
персть – пыль
перчь – парча
пещь – печь
піит – поэт
піитическій – поэтический
піктура – картина (лат.)
піяху – пил
плевный – грязный
плетеница – корзинка
пліотка – сплетня

пловко – ловко
побдети – бдить
подвигнуться – подвинуться
подлый – низкого происхождения
подсада – приманка
поелику – поскольку
пожарти – пожертвовать
познавый – узнавший
позор(ище) – представление
полещити – отдохнуть
полній – полевой
полушка – четверть копейки
помавати – жестикулировать
понеже – поскольку
поносити – оскорблять
поноска – упряжка
поперешити – победить
порты – штаны
порфира – мантия
послѣжди – спустя
потолику – постольку
потрох – внутренность
потщатися – поспешить
похотѣнія – желания
почити – отдохнуть
пояти – взять
предтеча – пророк
предний – предыдущий
предстоятель – глава
презорчивый – гордый
презрѣти – увидеть

прелестъ – искушение
препон – украшение
пресельник – переселенец
пресличный – прекрасный (пол.)
пріємля – предпочитая
примрак – призрак
принаравливаймо – пытаемся
пріобык – привык
приосѣненный – невысокий
присно – всегда
присносущный – вечный
присный – постоянный
припутень – глупец
притвор – притворство
приточити – сослаться
приточник – проповедник
приточный – проповеднический
причастник – проповедник
прободети — проколоть
прогностики – предвидение (греч.)
прожени – прогони (повел.)
прозябати – прорасть
промысл – намерение
просфора – приношение
пругло – петля
пря – спор
пугач – филин
пукли – локоны
пустинь – монастырь
пщевати – представлять
пѣнязь – наследство

пѣшешествовати – путешествовать

разботети – поправиться

развѣ – кроме

разгласный – непохожий

раздох – отдых

рало – плуг

рамѣно, рамѣ – плечо, плечи

раченіе – старание

рачительный – старательный

ревновати – волноваться

ректи – сказать

ремены – ремни

риза – одежда священника

рики – крики

руга – льняная одежда (венг.)

руно – шерсть овцы (греч.)

рцы – скажи

рѣх – сказал

саменкою – самой

свидѣніа – откровение

свищ – пустота

седмица – неделя

сельный – полевой, сельский

сивой – седой

сий – сей

сила – мораль, суть

сираніа – чрево

сирище – желудок

сирѣчь – то есть

сице – так
скважни – пещеры
сквернавый – скверный
скимен – лев
скинія – шатер
скорбутная болѣзнь – цинга (фран.)
скорка – шкура
скуделник – гончар
скудельничество – гончарное мастерство
скудельный – глиняный
скудній – бедный
сличный – приятный (пол.)
сляченный – сгорбленный
смарагд – изумруд (греч.)
смирна – ладан
смирнинскій – пресный хлеб
смоква – шелковица (ягода)
смоковница – шелковица (дерево)
снабдевати – снабжать
снѣдати – есть
снѣды – еда
снѣсти – съестъ
солило – блюдо
соніе – сон
сонм – собрание
соньмищѣ – собрание
список – копия
спортив – испортив
срамота – позор
срапснити – распять
срѣсти – встретить

срѣтати – встречать
срящ – мор
стакти – благовонная смола (евр.)
статочный – доступный
стезя – путь
стогны – улицы
стравмы – блюда (пол.)
стрекало – острие
стропотный – лукавый
стрѣтати – встречать
студ – позор (пол.)
студенец – колодец
стѣнь – тень
стяжати – приобретать
субтильность – тонкости (лат.)
сугубый – двойной
сумнительна – сомнительна
сумнѣватися – сомневаться
сумнѣние – сомнение
суморкливость – печаль
супостат – враг
сѣдалище – стул
сѣмо – сюда
сый – сущий
сыч – филин

танчить – танцевать (пол.)
тать – вор
татьба – воровство
тезоименит – тезка
текти – стремиться

тектонский – плотнический
тимпан – барабан (лат.)
типик – устав монастыря
тлѣнно – невечно
тожде – тоже
токмо – только
толк – значение
торжище – базар
точію – только
трясевица – лихорадка
тук – жир
тул – сагайдак
тулуб – туловище
тунѣ – даром
тучный – жирный
тщета – суетность

ублажити – задобрить
убо – итак
увѣдати – познать
уд – член тела
уда – желудок
удица – удилище
удка – приманка
удовляти – удовлетворять
удоль – долина
удольній – низовой
уж – цепь
ужи – сеть
ужимка – гримаса
узол – узел

укоризна – упрек
укрухи – крохи (пол.)
умбра – тень (лат.)
умѢтность – умение
умѢты – гной
урынал – писсуар (лат.)
усерязи – серьги
устнѢ – уста
усыритися – отсыреть
утроба – живот

факал – факел
фарсис – драгоценный камень (лат.)
фастати – хвастаться
феатр – театр (лат.)
фиміам – благовонное вещество для курения
флавт – флейта
флейтуза – флейта (фран.)
фрунт – фронт
фуріа – злость (лат.)

хврастие – хворост
хинский – китайский (пол.)
хинцы – китайцы (пол.)
хирагра – ломота в руках (лат.)
хлябь – бездна
храмина – дом

цап – козел
ціркуль – круг (лат.)
цѢвница – свирель

цѣльба – лечение
цылюрничный – цирюльничный

чадо – ребенок
чванец – посуда
чево – чего
червлений – багровый
черепашина – черепок
чертог – дворец
чрезчур – чересчур
чресла – поясница

шалѣти – мчаться
шафир – сапфир
шелухани – видящий только внешность
шеляг – монета
шибко – быстро
шипок – куст розы
шкарбутик – кривоногий
шляхетство – дворянство (пол.)
шляхетський – дворянский (пол.)
шматок – кусок
шпіцбубы – плут (нем.)
щуїй – левый
шуя – подлость
шьга – колючка

щиглик – щегол

эмблемат – эмблема (лат.)
эмпластр – пластр (лат.)

эссенція – эссенция (лат.)

ю – ее

юже – которую

южик – родственник

юница – юная девушка

юрта – жилище кочевников

ютка – одежда

юфта – кофта

юфть – сорт кожи

я – ему, ей

явити – выдать

ядейный – съедобный

ядро – внутренняя часть плода

ядый – принимающий пищу

ядь – еда

яже – которая

язвины – норы

язвлен – ранен

язвы – страдания

языки – язычники

языцы – народы

ямы – едим

ярем – ярмо

яскина – пещера

яспис – яшма (лат.)

яствіе – пища

ясти – есть

яти – пленить

ятра – пах

12. Библиография

1. Сковорода Г., Повне зібрання творів: У 2-х т. Київ: Наукова думка, 1973.
2. Чижевський Д., *Філософія Г.С.Сковороди*. Праці українського наукового інституту. Варшава, 1934.
3. Рачинский А., Русские комиссары в Токае в XVIII столетии. Журнал «Русский вестник», 1875.
4. Кальве Г., Вернет И. Сковорода, украинский философ. Журнал «Украинский вестник», 1817, ч. 6, апрель.
5. Tardy L., A tokaji Orosz Borvásárló Bizottság története (1733–1798). Rákóczi Múzeum Baráti Köre. Sárospatak, 1963.
6. Váradi-Sternberg J., Századok öröksége. Tanulmányok az orosz-magyar és ukrán-magyar kapcsolatokról. Hrihorij Szkovoroda Magyarországon. Gondolat Kiadó–Kárpáti Kiadó. Budapest–Uzsgorod, 1981.
7. Снегирев И., Украинский философ Григорий Саввич Сковорода. Журнал «Отечественные записки», 1823, ч. 16, № 42.
9. Эрн В., Григорий Саввич Сковорода. Жизнь и учение. Москва, 1912.
10. Сочиненія Григорія Саввича Сковороды, собранныя и редактированныя проф. Д. И. Багалъемъ. Юбилейное издание (1794–1894 годъ). Харьковъ, 1894.
11. Толстой Л., Г.С.Сковорода.
12. Махновець Л., Григорій Сковорода. Біографія. Київ: Наукова думка, 1972.
13. Бородій Н., «Білі плями» біографії Г.Сковороди (З новознайденних архівних документів), Сковорода Григорій: ідейна спадщина. Київ: Інститут філософії НАН України, 2003.
14. Верба Г., Сковородинознавство. Переяслав-Хмельницький, 2008.
15. Булда М., Мудрець Чорнухинського краю. Чорнухи, 2006.
16. Кашуба М., Георгий Конисский. Москва: Мысль, 1979.
17. Пільгук І., Григорій Сковорода. Київ: Дніпро, 1971.
18. *Symbola et Emblemata Jussu Atque Auspiciis Sacerrimae Suae Majestatis... Imperatoris Moschoviae... Petri Alexidis... Supremi Monarchae, Excusa Amstelaedami Apud Henricum Wetstenium Anno 1705.*

19. Io. Amos Comenii *Orbis Visibilis*. Иоанна Амоса Коменія *Видимый миръ*. Москва, вЪ Университетской типографіи, у Н.Новикова, 1788.
20. Marci Antonii Mureti, Presbyteri, ICTi, et Civis Romani, Orationes, epistolae & poemata, cum praefatione & insignibus augmentis M. Iacobi Thomasii. Sub calcem adiectae sunt Nuptiae Parisinae M.D. LXXII....Cura Ioannis Ehrhardi Kappii...Lipsiae, In Officina Grossiana, MDCCL.
21. Брокгауз-Ефрон, Новый Энциклопедический Словарь, т. 13.
22. Ливенцев Д., Краткий словарь чинов и званий государственной службы Московского государства и Российской империи в XV–начале XX вв.
23. Dr. Gulyás J., Sárospatak és Vidéke. A Magyar Városok Monográfiája Kiadóhivatala. Budapest, 1933.
24. Сентимреи М., Шарошпатак – Москва, 1997.
25. Szalatnai R., Comenius, akit Szegesnek hívtak, Ifjúsági Magazin. 1972. május. VIII évf. 5. szám.
26. Schultheisz E., Kereszturi Ferenc. A Magyar Tudományos Intézet.
27. A Sárospataki Református Kollégium. Tanulmányok alapításának 450. évfordulójára. Szerkesztette a Tiszáninneni Református Egyházkerület Elnöksége. Kiadja a Református Zsinati Iroda Sajtóosztálya. Budapest, 1981.
28. Pap M., A Tokaji. Gondolat. Budapest, 1985.
29. Douglas S., On the Tokay and other wines of Hungary. Philosophical Transactions, 1773.
30. Чижевский Д., Избранное в 3-х т. Т. 1: Материалы к биографии: (1894–1977). Сост., вступ. ст. В.В.Янцена; Комментар. В.В.Янцена и др. Москва: Русский путь, 2007.
31. Maggi S., Эмблемы и символы. Giornale Nuovo, 25 февраля 2006.
32. Тургенев И., Сочинения в 2-х т. Повести и романы 1856–1862. Москва: Художественная литература, 1980, т. 1.
33. Énekeskönyv magyar reformátusok használatára. A Magyarországi Református Egyház kiadása.
34. Лосев А., Сонкина Г., Тахо-Годи А., Тимофеева Н., Черемухина Н., Античная литература. Москва: Просвещение, 1986.

35. Shakespeare W., *As You Like It. The Comedies and the Romances*. Penguin Books, 1981.
36. Sidronii Hosschii e Societate Iesu, *Elegiarium Libri Sex*. Venetiis, 1715.
37. Теренций, *Комедии*. Москва: Искусство, 1988.
38. Dejob C., *Marc Antoine Muret: Un professeur français en Italie, 1881, rpt., 1970*.
39. Publii Terentii Carthaginiensis Afri, *Comoediae Sex Cum Notis Thom. Farnabii*. Typographia Remodini, 1747.
40. *Quinti Horatii Flacci Opera*. Londini Æneis Tabulis Incidit Iohannes Pine, 1733.
41. *Quinti Septimi Florentis Tertulliani Opera*. Venetiis, 1744.
42. Казаков М., *Патристика (3 курс). Лекция 7– 8. Ранняя апологетика (II–первая пол. III в.): Запад. Тертуллиан*. СГУ.
43. *Библиотека Отцов и Учителей Церкви Западных*. Киев: Киевская Духовная Академия, 1915.
44. Tertullian (Christian theologian): Assessment. *Encyclopædia Britannica Online*.
45. Тютчев Ф., *Стихотворения. Письма*. Москва: Правда, 1986.
46. Тютчев Ф., *Жизнь природы там слышна*. Москва: Планета, 1979.
47. Тургенев И., *Полное собрание сочинений и писем в 30-ти т. Сочинения*. Москва, 1980.
48. Толстой Л., *Полное собрание сочинений*. Москва, 1953.
49. Соловьев В., *Поэзия Ф.И.Тютчева*.
50. Руссо Ж., *Педагогические сочинения*. Москва, 1981.
51. Барсуков Н., *Жизнь и труды М.П.Погодина*. Русский архив.
52. Kölcsey F., *Válogatott művei*: Budapest: Szépirodalmi Könyvkiadó, 1975.
53. Petőfi S., *Munkái*. Budapest: Franklin-Társulat, 1906.
54. Чернышевский Н., *Полное собрание сочинений*. Москва, 1953.
55. Balassi B., *Válogatott versei*. Budapest: Balassi Kiadó, 1999.
56. Osztvics Á., *Költő és proféta. A magyar sajtó Tolsztojról*. Budapest: Magvető Könyvkiadó, 1978.
57. Perczelné Kozma F., *Tolsztoj és szabadelvű egyházak*. Budapest: Pátria, 1905.
58. Золотоусский И., *Гоголь*. Москва: Молодая гвардия, 1979.

59. Migray J., Egy magyar filozófus hatása Tolsztoj Leóra. Független Magyarország, 20.05.1909.
60. Schmitt J., Tolsztoj Leó. Költő és proféta. Magvető Könyvkiadó. Budapest, 1978.
61. Срезневский И., Отрывки из записок о старце Григории Сковороде. Журнал «Утренняя звезда». Харьков, 1834, кн. 1.
62. Срезневский И., Сочинения. Харьков, 1861.
63. Csernisevszkij a magyarokról. Budapest, 1951.
64. Марцинковский В., Соловьев и Евангелие.
65. Блок А., Собрание сочинений в 6-ти томах. Москва: Правда, 1971.
66. Достоевский Ф., Полное собрание сочинений в 30-ти т. Ленинград: Наука, 1974.
67. Соловьев С., Цветник царевны. Третья книга стихов. Москва, 1913.
68. Тургенев И., Сочинения в 2-х т. Москва: Художественная литература, 1980.
69. Белый А., Почему я стал символистом и почему я не переставал им быть во всех фазах моего идейного и художественного развития. Ann Arbor, 1982.
70. Saint Exupéry A., Le Petit Prince. Harcourt, Brace & World, Inc., New York, 1971.
71. Лакшин В., Булгакиада. Киев, 1991.
72. Галинская И., Загадки известных книг. Москва: Наука, 1986.
73. Лесков Н., Собрание сочинений в 6-и т. Москва, 1973.
74. Быков Д., Борис Пастернак. Москва: Молодая гвардия, 2007.
75. Shakespeare W., Hamlet. The Tragedies. Penguin Books, 1981.
76. Пастернак Б., Избранные произведения. Москва: Панорама, 1991.
77. Ивинская О., Годы с Борисом Пастернаком: В плену времени. Париж: Fayard, 1978.
78. Шаламов В., Новая книга: Воспоминания; Записные книжки; Переписка; Следственные дела. Москва, 2004.
79. Ермилов В., Во имя правды, во имя жизни. Газета «Правда», 23.11.1962.
80. Солженицын А., Рассказы. Москва: Современник, 1989.
81. Оруэлл Дж., «1984» и эссе разных лет. Москва: Прогресс, 1989.
82. Orwell G., Animal Farm. Penguin Books, 1989.
83. Чуковская Л., Записки об Анне Ахматовой. Время, 2007.

13. Список условных сокращений

анг. – английское
венг. – венгерское
греч. – греческое
евр. – еврейское
итал. – итальянское
лат. – латинское
нем. – немецкое
повел. – повелительное
пол. – польское
срав. – сравнить
тур. – турецкое
тюрк. – тюркское
укр. – украинское
устар. – устаревшее
фран. – французское
чеш. – чешское
шутл. – шутливое

Absztrakt

Magyar motívumok Grigorij Szavvics Szkovoroda irodalmi és filozófiai munkásságában

A jelen kutatás célja a Grigorij Szavvics Szkovoroda (1722–1794) irodalmi és filozófiai munkásságában található magyar motívumok konkrét sorának meghatározása és értelmezése. A magyar időszak Szkovoroda életének egyik legkevésbé tanulmányozott és vizsgált periódusa, ezért külön figyelmet igényel, hogy feltárjuk művei témaválasztásának objektív okait és forrásait az orosz és ukrán irodalom alakulásának szempontjából. E témával korábban is foglalkoztak már, de azoknak a földrajzi helyeknek és történelmi körülményeknek figyelembe vétele nélkül, amelyek közvetlenül kapcsolódnak Szkovoroda 1745 és 1750 között Magyarországon, Ausztriában, Olaszországban és Lengyelországban teljesített cári szolgálatához. Az eltelt hosszú idő és a nagyszámú tudományos munka ellenére a szépirodalom e tehetséges mesterének neve készlet bennünket arra, hogy újra beszéljünk róla. Mindez indokolható azokkal az interkulturális folyamatokkal is, amelyek az egyesült Európán belül és az új politikai határok mentén mindkét oldalon zajlanak, pozitív hatást gyakorolva az Oroszország, Ukrajna és Magyarország közötti nemzetközi kapcsolatok dinamikus fejlődésére.

Szkovoroda mindössze néhány emléket hagyott hátra Magyarországról az utókor számára abból az időből, amikor fiatal kántorként és tolmácsként Tokajban, az orosz ortodox kápolnában teljesített szolgálatot. „Az én szeretett Ungáriámban ökrökkel örölnék. És vajon mi tiltja Lukácsnak, hogy ökör legyen? Ne gondold, hogy csupán a földi ökröket érinti ez a furcsa igazság: Az őrlő ökörnek ne kösd be a száját” – írja Szkovoroda a *Beszélgetés két személy között arról, milyen könnyű boldognak lenni* című munkájában. Ezzel az akkori magyar nép jogfosztott helyzetére, valamint a kisorosz nép keserű sorsára kívánt emlékeztetni, mivel mindkét nemzet társadalmi elnyomás alatt élt. „Igen, most is némely földön *Istennek* nevezik az Urat” – jegyzi meg hazatérte után 1766-ban *A keresztény erkölcsöz vezető bejárati ajtó* című értekezésében. *A Szarvastehén és a Vadkan* című állatmeséjében említést tesz „a lengyel és magyar hegyekről”, tehát a Kárpátokról. Hasonlóképpen *A Csuka és a Rák* című állatmeséjében

nosztalgiával gondol vissza „a gyorsfolyású Dunára”. A tokaji aszút a jövőendő gondolkodó már azokból az évekből is ismerte, amikor az orosz cári udvarban énekesként szolgált. A bor fogyasztásához bölcs tartózkodással viszonyult, bizonyos filozófiai mixtúrának tartotta, amely sóvárgással töltötte el a napsütéses, meleg tavasz és a barátok iránt, akiktől elválasztja a hóval borított sztyeppe. „Itt különböző borok vannak, itt édes nektár van...” – írja a költő Tokajról *Fabula de Tantalo* című költeményében. *A Szél és a Filozófus* című fabulájában a hirtelen támadó huzatra panaszkodik, mert az „...felborítja és ráadásul össze is töri az utolsó pohár bort...”. A magyar motívumok igen fontos helyet foglalnak el Szkovoroda számos művében, amelyekben pontosan használ olyan magyar jövevényszavakat, mint a „kád”, a „kakas”, a „must”, a „ruha” stb.

Bár szűkös információ áll rendelkezésünkre arról az időszakról, amikor Szkovoroda Magyarországon tartózkodott, joggal feltételezhetjük, hogy járt Sárospatakon a híres Református Kollégiumban, hiszen az iskola nagyszerű tanárainak híre Kijevig, Moszkváig és Szentpétervárig is eljutott. Ennek tudatában indulhatott el, mert kíváncsi volt az oktatási módszerekre, az iskola könyvtárára és különösen a filozófiatanításra. Feltehetően találkozott néhány általunk is ismert, akkoriban Sárospatakon tanító tanárral, olyan jeles személyiségekkel, mint például a főgondnok Báji Patay Sámuel, illetve ifj. Csécsi János, II. Szatmári Paksi Mihály, Sárkány Dávid és F. Bányai István professzorok. Szkovoroda 1775-ben megírja *Az ábécének nevezett beszélgetés, vagy a világ olvasókönyve* című kedvelt dialógusát, amely emlékeztet Comenius Ámos János *Orbis Sensualium Pictus* (A látható világ képekben) című képes szótárára. Comenius száz évvel korábban, 1650 és 1654 között ugyancsak ott tanított. A reformáció tanai erősen befolyásolták a filozófus további pályáját és eredeti gondolkodását, amelyet sokan példamutatónak tartottak. Követői között olyan nagyságokat találunk, mint Ivan Kotljarevskij és Tarasz Sevcenko ukrán költők, valamint Lev Tolsztoj és Mihail Bulgakov orosz regényírók.

Szkovoroda, amikor „Ungáriából” visszatért Kisoroszországba, olyan értékes szellemi tartalékot vitt magával, amelyből élete végéig táplálkozott. Találkozásai során „megismert tudósokat, akiknek sikerült kivívnia a rokonszenvedést, és ezzel olyan új ismeretekre tett szert, amelyekkel a hazájában nem rendelkezett és nem is rendelkezhetett” – írja Kovalenszkij. Mindemellett nagymértékben tökéletesítette latin,

görög, német és héber nyelvtudását – ami szintén hasznára vált későbbi pedagógiai munkájában –, és nem utolsósorban a magyar nyelvet is elsajátította. Végezetül Szkovoroda a legelső orosz disszidensnek is mondható, aki szellemi példát mutatott olyan „másként gondolkodó” és egymás szellemiségétől igencsak távol álló irodalmárok számára, mint Pecserin, Dosztojevszkij, Csernisevszkij, Dobroljubov, Szolovjov, Balmont, Blok, Belij, Gumiljov, Szeverjanin, Paszternak, Bulgakov, Csizevszkij, Jeszenyin, Gorkij, Szolzsenyicin stb. Egzegetikai traktátusai, olyanok, mint a *Lót felesége*, *Izrael kígyója* és *A kígyó vízözöne* – 1912-ig titokban, politikai szamizdatként terjedtek az Orosz Birodalom rögös útjain.

Akár Szkovoroda tiszteletére is mondhatta volna diadalmasan Kölcsey Ferenc, a magyar nemzeti himnusz szerzője: „Tokaj szőlővesszein nektárt csepegtettél!”.

An abstract

Hungarian motives in the literary and philosophical works of Grigory Savvich Skovoroda

The aim of the present study is to define and expound a concrete row of Hungarian motives in the literary and philosophical works of Grigory Savvich Skovoroda (1722–1794). The Hungarian period is one of the least studied and examined of Skovoroda's life, therefore it demands a special attention for the determination of the objective reasons and sources of the themes of his writings from the point of view of the formation of Russian and Ukrainian literature. This subject has been previously dealt with but without the account of the geographical places and historical conditions directly connected to Skovoroda's emperor's service in Hungary, Austria, Italy and Poland in 1745–1750. Notwithstanding the considerable stretch of time and numerous scientific papers, the name of this talented master of belles-lettres makes us discuss him again. It can be all explained by the intercultural processes flowing inside the united Europe, as well as on both sides of the new political borders, positively influencing the dynamic development of the international relations between Russia, Ukraine and Hungary.

Skovoroda left behind several references for the descendants to his time spent as a young cantor and interpreter at the Russian Orthodox chapel in Tokay. In his work, *A Conversation for Two Characters on How Easy it is to be Blessed*, he writes: "In my beloved Ungaria they grind with oxen. And what prohibits Luke to be an ox? Let no-one imagine that this strange comment refers to carnal oxen: 'Do not knot the mouth of the grinding ox.'" Here he is referring to the then disenfranchised state of the Magyars and the bitter fate of the Malorosses as both nations lived under social oppression. "Yes, even now in some land the Lord is named *Isten* (the Hungarian for God)", he notes after returning home in 1766 in his treatise, *The Entrance Door to Christian Morality*. In his animal fable, *The Cow and the Boar*, he mentions "the Polish and Hungarian hills", that is the Carpathian Mountains. Similarly, in his fable, *The Pike and the Crayfish*, he looks back with nostalgia to "the swift flowing Danube". Tokayan aszu was already familiar to the future thinker from the years as a chorister at the Imperial Court of the Russian Tsars.

His approach to the consumption of wine was one of wise circumspection: he considered it a philosophical concoction which provides a gracious reminder of warm, sunny spring and of friends from whom he was parted by the snow covered steppe. “Here the wines are different, here the nectar is sweet...”, writes the poet in his poem, *Fabula de Tantalo*. In his fable, *The Wind and the Philosopher*, he complains about a sudden draught because “...it just even knocks over and breaks down the last glass of wine...”. Hungarian motives occupy a very important place in many of Skovoroda’s writings: in them he accurately uses such Hungarian borrowings as *kád* (vat), *kakas* (cockerel), *must* (grape-juice), *ruha* (clothing), etc.

Although we possess some scanty information on the period when Skovoroda lived in Hungary, we can definitely assume that he visited Sarospatak with its famous Calvinist College since the reputation of its distinguished teachers reached as far as Kiev, Moscow and St. Petersburg. He had possibly set out with this in mind because he was curious about the applied educational methods, the school library and, in particular, the teaching of philosophy. Presumably, he met several of those teachers still known to us who taught at Sarospatak at that time, such prominent personalities as, for example, Curator Bajji Samuel Patay, Professors Janos Csecsi Jr., Mihaly Szatmari Paksi II, David Sarkany and Istvan F. Banyai. In 1775 Skovoroda wrote his favourite dialogue, *The Conversation Called the Alphabet, or the Primer of the World*, which is reminiscent of John Amos Comenius’ pictorial dictionary, *Orbis Sensualium Pictus* (The visible world in pictures). Comenius had also taught there some 100 years earlier, between 1650 and 1654. The canons of Reformation strongly influenced the philosopher’s further life and original way of thinking which was considered exemplary by many. Among his followers, we can find such great talents as the Ukrainian poets Ivan Kotliarevsky and Taras Shevchenko, as well as the Russian novelists Leo Tolstoy and Mikhail Bulgakov.

On his departure from “Ungaria” to Malorossia, Skovoroda took back some valuable intellectual reserves which sustained him through the remainder of his life. In the course of his meetings, “...he managed to win the recognition and sympathy of scholars and so he gained new understanding and knowledge which he could never have obtained in his fatherland”, writes Kovalensky. Besides this, he perfected his linguistic skills in Latin, Greek, German and Hebrew which also served his later teaching career

and, last but not least, he got a command of the Hungarian language as well. Eventually, he grew into the very first Russian dissident, setting a spiritual example to follow to such “differently minded” though standing far away from each other’s views literati as Pecherin, Dostoievsky, Tchernishevsky, Dobroliubov, Soloviov, Balmont, Blok, Bely, Gumiliov, Severianin, Pasternak, Bulgakov, Tchizhevsky, Yesenin, Gorky, Solzhenitsyn, etc. His exegetical treatises, *The Wife of Lot*, *The Serpent of Israel* and *The Flood of the Serpent*, had to secretly circulate underground as political samizdat on the thorny paths of the Russian Empire until 1912.

In Skovoroda’s honour, Ferenc Kölcsey, the author of the Hungarian National Anthem, would have solemnly exclaimed: “You dripped the nectar from the vines of Tokay!”.

A szerzőnek a témával kapcsolatos publikációi

1. *В любезной моей Унгарии...* Вестник. Российский культурный центр. Венгерская ассоциация преподавателей русского языка и литературы. Будапештский университет им. Лоранда Этвеша. Современный русский язык: функционирование и проблемы преподавания. № 24. Будапешт, 2010, 146–152.
2. *Григорій Митрофанович Верба: біобібліографічний нарис* (11 персональных статей о Сковороде на русском, венгерском и английском языках). Переяслав-Хмельницький ДПУ ім. Григорія Сковороди. Переяслав-Хмельницький, 2010, 180–236.
3. *Венгерское наследие литературно-философского творчества Григория Саввича Сковороды (1722–1794)*. Вестник. Российский культурный центр. Венгерская ассоциация преподавателей русского языка и литературы. Будапештский университет им. Лоранда Этвеша. Современный русский язык: функционирование и проблемы преподавания. № 25. Будапешт, 2011, 151–155.
4. *Comenius első keleti követője: Grigorij Szkovoroda*. Zempléni Múzsá folyóirat XI. évfolyam 1. Szám. Tavasz. Sárospatak, 2011, 38–41.
5. *Comenius keleti hatása*. Bibliotheca Comeniana XV. Comenius és a Múzsák. Sárospatak, 2011, 77–84.
6. *Grigorij Szkovoroda és Comenius Ámos János pedagógiai és irodalmi kapcsolatai*. Bibliotheca Comeniana XVI. Comenius és Európa. Sárospatak, 2012, 81–90.
7. *Fjodr Sztjepánovics Visnyevszkij orosz tábornok, a Magyar Borok Császári Bizottságának első parancsnoka és utódai Tokajban*. Széphalom 22. A Kazinczy Ferenc Társaság évkönyve. Sátoraljaújhely, 2012, 379–382.
8. *Тема вина в литературно-философском наследии Г.С.Сковороды*. Вестник. Российский культурный центр. Венгерская ассоциация преподавателей русского языка и литературы. Будапештский университет им. Лоранда

- Этвеша. Современный русский язык: функционирование и проблемы преподавания. № 26. Будапешт, 2012, 175–182.
9. *В любезной моей Унгарии...* University of Toronto. Academic Electronic Journal in Slavic Studies (TSQ 45):
<http://www.utoronto.ca/tsq/27/vozdvizhensky27.shtml>
10. *Сковороды как первый отечественный последователь педагогического учения Яноса Амоса Коменского.* University of Toronto. Academic Electronic Journal in Slavic Studies (TSQ 45):
<http://www.utoronto.ca/tsq/29/vozdvizhensky29.shtml>
11. *Густав (Густав Адольф) Густавович Гесс де Кальве – первый венгерский биограф Г.С.Сковороды (1784-1838).* University of Toronto. Academic Electronic Journal in Slavic Studies (TSQ 45):
<http://www.utoronto.ca/tsq/31/vozdvizhensky31.shtml>
12. *Токайские вина в России.* Журнал «Энотека», № 86. Москва, 2012, 54–57.
13. *Венгерское наследие литературно-философского творчества Григория Саввича Сковороды (1722–1794).* Материалы V Международной научно-практической конференции, 2010. Филиал РГГУ в г. Домодедово Московской области. Москва: Интеграция, 2012, 15–21.
14. *Венгерский период в биографии Григория Саввича Сковороды.* Материалы VI Международной научно-практической конференции, 2011. Филиал РГГУ в г. Домодедово Московской области. Москва: Интеграция, 2012, 41–64.
15. *К 290-летию Григория Саввича Сковороды.* Информационный бюллетень Черкаської торгово-промислової палати. Черкаси, 2012, 30.
16. *Grigorij Szkovoroda és Comenius Ámos János filozófiai és pedagógiai kapcsolatai.* Bibliotheca Comeniana XVII. Comenius és a Jövő. Sárospatak, 2013, 55–62.